ТРИ ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

Восемнадцать чтеній, составленныхъ преимущественно по Гизелеру и Гагенбаху, съ выдержками изъ первоисточниковъ и съ библіографическими примѣчаніями.

Трудъ

Филиппа Терновскаго,

преподавателя церковной исторіи въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра

и Сергѣя Терновскаго,

преподавателя церковной исторіи въ Казанской духовной академіи.

КІЕВЪ.

въ Университетской типографіи.

1878.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1877 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Въ университетской типографіи.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

211730

ТРИ ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧТЕНІЙ, СОСТАВЛЕННЫХЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО ГИЗЕЛЕРУ И ГАГЕНБАХУ.

Задача настоящаго изданія—дать студентамъ опорный пунктъ для самостоятельныхъ занятій церковною исторіею. Съ этою цѣлію представляется: а) сжатый очеркъ церковной исторіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, составленный преимущественно по Гизелеру и Гагенбаху; б) въ самомъ текстѣ чтеній рядъ выдержекъ изъ греческихъ и латинскихъ первоисточниковъ въ подлинникѣ; в) въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ библіографическій сводъ того, что даетъ русская литература относительно первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.

Въ основу очерка положены Гизелеръ (Lehrbuch der Kirchengeschichte von Dr. Ioh. Karl Ludwig Gieseler ord. Prof. in Göttingen. Bonn. 1844) и Гагенбахъ (Kirchengeschichte in Vorlesungen von Dr. K. R. Hagenbach ord. Prof. in Basel. Leipzig 1860),—первый своею сжатостію, серьезностію и ученою основательностію подобный Шлоссеру, —второй—своею кроткою и свѣтлою объективностію напоминающій нашего Карамзина. Эти качества, въ соединеніи съ свободою отъ предзанятыхъ и крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній, даютъ нашимъ авторамъ высокое не только научное, но и образовательное значеніе.

Приводимыя въ текстѣ выдержки важнѣйшихъ для церковной исторіи мѣстъ изъ латинскихъ и греческихъ первоисточниковъ (Іосифа Флавія, Евсевія, Плинія, Климента александрійскаго, Тертуллиана, актовъ мученическихъ и т. д.) придавая нашему труду характеръ христоматіи,—конечно—не затруднятъ студентовъ, воспитавшихся на классической филологіи, и въ тоже время поставятъ ихъ въ такое непосредственное общеніе съ писателями древности, котораго не замѣнитъ никакой пересказъ.

Что касается до подстрочныхъ библіографическихъ примѣчаній, то они могутъ имѣть значеніе для того, кто пожелалъ бы расширить свои свѣденія по тому или другому отдѣлу церковной исторіи, не выходя на первый разъ изъ предѣловъ русской литературы. Русская церковно-историческая литература не богата, но и не въ такой степени бѣдна, чтобы въ ней ничего нельзя было найти. Только предъубѣжденіе относительно ея незначительности и разбросанность ея произведеній по мѣлочамъ во множествѣ книгъ и періодическихъ изданій—заставляли нерѣдко даже дѣятелей духовной науки обращаться прямо къ иностранной литературѣ и съ большимъ трудомъ обрабатывать, сочинять и пускать въ печать то, что и безъ того давно уже существовало въ русской печати. Обстоятельная, и притомъ имѣющая дѣло не съ одними заглавіями, но и съ самими книгами, библіографія могла бы дать ключъ къ русской церковно-исторической литературѣ, пригодный какъ для спеціалистовъ, такъ и для случайныхъ любителей церковной исторіи. Въ этихъ соображеніяхъ мы и будемъ, параллельно содержанію *чтеній*, дѣлать кое-какія доступныя намъ библіографическія указанія, не ручаясь за ихъ полноту, но разсуждая, что лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего.

Вышеизложенною постановкою дѣла наше изданіе отличается отъ другихъ, существующихъ въ русской литературѣ, сочиненій, имѣющихъ предметомъ туже эпоху, безспорно важнѣйшую въ исторіи человѣчества: т. е. первые три вѣка нашей эры. Ни доставленіе легкаго и назидательнаго чтенія, какъ у Муравьева (Первые четыре вѣка христіанства 3-е изданіе Спб. 1866), ни опроверженіе историческихъ притязаній папства, какъ у о. Владиміра Гэтте (Исторія церкви по подлиннымъ и достовѣрнымъ памятникамъ. Переводъ съ французскаго I—II Спб. 1873); ни простая погодная запись какъ у о. Арсенія (Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя Спб. 1869) не требуются задачею нашего труда. Ближе всѣхъ по своей постановкѣ нашъ трудъ подходитъ къ неоконченному труду проф. И. В. Чельцова (Исторія христіанской церкви. Спб. 1862—первая часть перваго періода), но отличается отъ него присутствіемъ библіографіи и выдержекъ изъ первоисточниковъ.

Т.

1877. марта 30.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Историческая почва для христіанства: міръ языческій [1]).

Весь древній міръ въ религіозномъ отношеніи распадается на двѣ неравныя половины: язычество и іудейство. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшія формы язычества, обратимъ вниманіе на еллино-римскій міръ, среди котораго должно было дѣйствовать христіанство. И прежде всего нѣсколько словъ

О религіозно-нравственномъ значеніи политеизма.

Политеизмъ по своей природѣ неблагопріятенъ для нравственности. Если божество раздробляется на многія части, то отдѣльные боги могутъ быть только существами ограниченными и человѣкоподобными. Каждая нація отражала въ своихъ богахъ свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Понятно, что божество, поставленное такъ низко, не могло вести человѣка къ высшему совершенству. Язычникъ стоялъ къ своимъ богамъ чисто во внѣшнемъ отношеніи: вся его религія состояла только во внѣшнемъ культѣ, не дававшемъ мѣста ни богословскому созерцанію, ни нравоученію. Если человѣкоподобные боги требуютъ себѣ почета, ласки и угодливости, также какъ и люди; то для служенія богамъ не нужно никакого нравственнаго совершенства: нужна только

---

[1]) Въ русской литературѣ имѣются слѣдующія извѣстныя намъ сочиненія по исторіи язычества въ его древнѣйшихъ формахъ: а) Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Архим. (послѣ епископа) Хрисанѳа. Томъ I. Спб. 1873. Религіи востока: Китая, Индіи, Буддизмъ, религія Зороастрова. Томъ II. 1875. Религіи Египта, народовъ передней Азіи,

нѣкоторая сноровка. Боги не внушаютъ къ себѣ благоговѣнія и любви, а только страхъ: все служеніе имъ—нѣчто въ родѣ мѣновой торговли, при чемъ человѣкъ предлагаетъ богамъ дары и угожденія, а отъ нихъ ожидаетъ милости, защиты и еще большихъ даровъ. Бывало и такъ, что безнравственный миѳъ освящалъ иные пороки примѣромъ боговъ: служеніе инымъ божествамъ соединялось съ безнравственными дѣяніями. Такъ—культъ Аѳродиты въ Кипрѣ, Коринѳѣ и другихъ мѣстахъ требовалъ любодѣянія; такъ приносились человѣческія жертвы, кое-гдѣ ежегодно ради застрахованія себя отъ бѣдъ, - и повсемѣстно въ виду грозящихъ опасностей для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ. Христіанскій писатель Лактанцій (divin. instit. I c. 21) говоритъ: Latialis Jupiter jam nunc (около 306 г. нашей эры) sanguine colitur humano

Предполагалось, что религія дастъ мотивы для гражданскихъ доблестей. Такъ Цицеронъ (de legibus II, c. 7) писалъ: utiles autem esse opiniones has quis neget, cum intelligat, quam multa firmentur jurejurando; quantae salutis sint foederum religiones, quam multos divini supplicii metus a scelere revocarit; quamque sancta sit societas civium

---

Греціи и Рима. б) Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго и новаго міра Спб. 1870. 6 том. (анонимная компиляція) в) *О. М. Новицкаго* Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій; четыре части. Кіевъ 1860. г) *А. С. Хомякова* Записки о всемірной исторіи изд подъ редакціею А. О Гильфердинга часть 1-я М. 1871. Часть 2-я. М. 1873 д) В Д. Кудрявцева. О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго. *Прав. къ твор. св. о.* 1857. (см. также его диссертацію. религіи, ея сущность и происхожденіе въ *Пр Обозр.* 1870), е) В С Соловьева. Мѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ *Пр. Об.* 1875. ж) о. Гр Малеванскаго О происхожденіи и первоначальной формѣ политеизма. *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1876 №№ 9 и 11, 1877 № 1. з) Тейлора. Первобытная культура. Изслѣдованіе развитія миѳологіи, философіи, религіи, искуства и обычаевъ. и) О. Іакинѳа. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе 1840. См также разборъ этого труда въ VI томѣ соч. Сенковскаго Спб. 1859. і) Труды членовъ дух. миссіи въ Пекинѣ Разборъ *Соврем.* 1853. к) Васильева. Буддизмъ, его догматы, исторія и литература; три части Спб. 1869. л) А. Ѳ. Гусева. Нравственный идеалъ буддизма въ отношеніи его къ христіанству. Спб. 1874. м) Вѣрованія индусовъ *От. Зап.* 1845 № 11. н) Погребальные обряды древнихъ египтянъ·

inter ipsos, diis immortalibus interpositis, tum judicibus, tum testibus. Но герои Греціи и Рима своими доблестными дѣяніями обязаны не внушеніямъ народной религіи, а своему личному нравственному благородству.

Вообще политеизмъ исключалъ сознаніе общечеловѣческаго достоинства и общечеловѣческихъ правъ: религія поддерживала узкое національное пристрастіе и презрѣніе всего иноземнаго; ибо каждый народъ въ своихъ богахъ видѣлъ только представителей своей національности.

Отсюда—крайнее принижение человѣческаго достоинства въ рабахъ. Какъ скоро чувство національнаго самомнѣнія было придавлено чужеземнымъ игомъ, народъ терялъ всякое благородное самосознаніе и погружался въ рабскую подлость. Такъ какъ гражданскія доблести у классическихъ народовъ ц[illegible]лись всего болѣе; то не высоко было положение женщины по причинѣ ея политической неправоспособности.

Религія и нравственность Грековъ[1]).

Греческіе боги были идеальные греки, думающіе и живущіе по гречески. Своимъ примѣромъ они руководили къ доблестямъ, сроднымъ

Герца. *От Зап* 1858 № 6 о) Е. Хрисанова. Египетскій метемпсихозисъ *Пр. Об.* 1875 № 1. п) И. Милославскаго Древнее христіанское ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства Казань 1873. р) Хвольсона. Характеристика семитическихъ народовъ. *Р. Вѣстн.* 1872. Кромѣ того есть данныя для исторіи религіи въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія напр. въ курсахъ исторіи Вебера, Шлоссера, Фр. Лепормана, (руководство по исторіи востока изд. при Кіев. Ун Изв подъ ред Драгоманова), Тумасова (при *Труд. Кіевск. Дух. Ак.* и отдѣльно), въ философскомъ словарѣ С. С. Гогоцкаго и т. д. Можно упомянуть также о произведеніяхъ русской старинной литературы по исторіи язычества. Таковы: α) Іоанникія Голятовскаго. Боги поганскіе. Черниговъ. 1686. β) Аполлодора Аѳинейскаго. Баснословіе или библіотека о богахъ. Москва. 1787. γ) Историческій опытъ о священномъ огнѣ и о вестальскихъ дѣвицахъ. Спб. 1780. δ) Храмъ Древности, содерж[illegible] египетскихъ, греческихъ и римскихъ боговъ имена, родословіе, празднества и обряды. Спб. 1771. ε) Храмъ всеобщаго баснословія и пр. Москва. 1785. ζ) Чулкова. Краткій миѳологическій лексиконъ. η) О древнихъ мистеріяхъ. Москва. 1785 и т. д

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій Хрисанова, Хомякова и пр. намъ

греческому духу и потребнымъ для общественнаго благоденствія: по боги на столько были несвободны отъ греческихъ національныхъ пороковъ, что миѳологія, по отзыву самихъ греческихъ мудрецовъ, Платона (de republ. II) и Аристотеля (Politik VII, 8), могла дѣйствовать на нравственность разрушительно. Послѣ порабощенія Греціи, когда патріотизмъ и гражданскія доблести уже не находили себѣ приложенія, Греція дошла до крайней степени упадка; падшій народъ не могъ стать выше своей политической судьбы. До какой степени даже въ цвѣтущую эпоху Греціи образованіе и красота цѣнились выше нравственности, видно изъ того всеобщаго уваженія, какимъ окружены были въ Греціи изящныя гетеры, тогда какъ вообще женщины не пользовались особеннымъ вниманіемъ: насколько искусство не стѣснялось дѣлать своимъ предметомъ даже противуестественные пороки, объ этомъ свидѣтельствуетъ столь распространенная въ Греціи и воспѣтая однимъ поэтомъ педерастія[1]). Мистеріи не давали въ замѣнъ народныхъ вѣрованій никакой лучшей есотерической религіи: ихъ сокровенные миѳы, тайные обряды, особыя очищенія и даже исключительныя нравственныя требованія—имѣли единственную цѣль: привлечь къ посвященнымъ особое благоволеніе боговъ.

Религія и нравственность римлянъ до Августа[2]).

Религія римлянъ имѣла болѣе строгій и нравственный характеръ, чѣмъ греческая. Древніе римляне отличались не только гражданскими,

---

извѣстны еще слѣдующія произведенія въ русской литературѣ относительно религіи грековъ: а) Воеводскаго. Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ. Спб. 1874 б) Леонтьева О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи. 1850. в) Фюстель-Куланжа. Гражданская община древняго міра. Изслѣдованіе о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ Е. Корша Москва 1867. г). Чистовича. Древнегреческій міръ и христіанство по отношенію къ вопросу о безсмертіи и нравственной жизни человѣка. Спб. 1871 г. д) Ордынскаго. Греческія женщины. *От. Зап.* 1850. е) Вагнера. Эллада. Спб. 1865. Т. I и II.

[1]) См. соч. Ѳ. Г. Мищенко. Отношеніе трагедій Софокла къ современной поэту дѣйствительной жизни въ Аѳинахъ. Кіевъ. 1874 стр. 32—6.

[2]) Кромѣ уже цитованныхъ сочиненій Хрисанѳа и Фюстель-Куланжа см. Моммсена. Римская исторія. Переводъ съ нѣмецкаго Шестакова. М.

но и семейными добродѣтелями и столь рѣдкимъ въ язычествѣ цѣломудріемъ. Пока греческое искусство было неизвѣстно въ Римѣ, не знали и греческаго миоа съ его развращающимъ вліяніемъ. Но послѣ разрушенія Карѳагена и Коринѳа римскій народный характеръ вообще и римская религія въ частности потерпѣли большую перемѣну. Стеченіе богатствъ въ Римѣ, знакомство съ азіатскою роскошью, воспитаніе у греческихъ педагоговъ привело римлянъ къ распущенности; греческіе миоы проникли въ Римъ вмѣстѣ съ греческимъ искусствомъ, были воспѣты поэтами и совершенно развратили строгій древлеримскій характеръ. Quid aliud est, говоритъ Сенека, vitia nostra incendere, quam auctores illis inscribere deos et dare morbo, exemplo divinitatis, excusatam licentiam? (de brevitate vitae c. 16 ср. de vita beata c. 26).

Отношеніе философіи къ народнымъ вѣрованіямъ [1]).

Какъ скоро въ Греціи стала развиваться философія, то бо́льшею частію философскихъ школъ было признано единобожіе и для нравственности дана была болѣе твердая и религіозная основа. Но если благодаря вліянію философіи въ тѣсномъ кружкѣ посвященныхъ процвѣла высокая религіозность, то съ другой стороны благодаря тому же вліянію въ болѣе широкомъ кругу людей полуобразованныхъ развилось грубое невѣріе. Хотя *Платонъ и Аристотель* щадили народную религію и приспособлялись къ ней, но ихъ богословіе давало такую мѣрку, подъ которую вовсе не подходила бо́льшая часть народныхъ вѣрованій. *Стоическій пантеизмъ* пытался спасти миѳологію, представляя боговъ основными силами природы и объясняя миоы аллегорически; но стоическое высокомѣріе подрывало всякую религіозность. Jupiter quo antecedit virum bonum? diutius bonus est. Sapiens nihilo se minoris aestimat, quod virtutes ejus spatio breviore clauduntur... Sapiens tam aequo animo omnia apud alios videt, contemnit que quam Jupiter: et

---

1871 и 1858. Вагнера. Римъ. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ. Т. 1 и II. Спб. 1865. Модестова. Римская письменность въ періодъ царей. Казань. 1868. Егоже первый томъ лекцій по исторіи римской литературы изд. 2. Спб. 1876.

[1]) См. прежде цитованныя соч. Новицкаго и Чистовича, а также *Линницкаго*. Ученіе Платона о божествѣ. Кіевъ 1876.

hoc se magis suspicit, quod Jupiter uti illis non potest, sapiens non vult. (Seneca epist. 73). *Епикурейская философія,* разорвавшая всякую связь между богами и міромъ и представившая міръ созданіемъ случая, уничтожила,—если не въ сознаніи самаго Епикура, то въ сознаніи его позднѣйшихъ послѣдователей,—всякую нравственность и религіозность. Немного благопріятнѣе для религіи былъ и скепсисъ *академіи.*

Со временъ *Ливія Андроника* (около 240 г. до Христа) греческая литература сдѣлалась извѣстна въ Римѣ,—а вмѣстѣ съ ней проникло сюда и невѣрующее сомнѣніе. Оно выступаетъ уже у Эннія (239—168 до Христа) о которомъ Цицеронъ говоритъ: Euhemerum noster et interpretatus et secutus est praeter caeteros Ennius. Ab Euhemero autem mortes et sepulturae demonstrantur deorum (de Nat. Deor. I, 42) и которому приписываетъ (de Divin. II, c. 50) слѣдующій стихъ:

> Ego deum genus esse semper dixi et dicam caelitum:
> Sed eos non curare opinor, quid agat humanum genus.

Со времени аѳинскаго посольства (Карнеада, Діогена, Критолая за 155 лѣтъ до Христа), академія, стоицизмъ и эпикуреизмъ открыли себѣ широкую дорогу въ Римъ, и увядавшая философія не только подрывала народныя вѣрованія, но отнимала у многихъ и всякую религіозную вѣру. Такъ Катонъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ мысли Цезаря о смерти: bene et composite C. Caesar de vita et morte disseruit: falsa, credo, existimans, quae de inferis memorantur: diverso itinere malos a bonis loca tetra, inculta, foeda atque formidolosa habere (Sallus. in Catilina c. 52). Такъ Цицеронъ свидѣтельствуетъ eos, qui philosophiae dent operam, non arbitrari deos esse (de invent. I, 29). Хотя невѣріе распространялось все болѣе и болѣе, впрочемъ невѣрующіе политики и философы были согласны въ томъ, что нужно всѣми мѣрами поддерживать отеческую религію, какъ опору государства и всѣхъ житейскихъ отношеній. Цицеронъ (de divin II, 33) говоритъ: non sumus ii nos augures, qui avium reliquorumque signorum observatione futura dicamus.—Erravit enim multis in rebus antiquitas, quas vel usu jam, vel doctrina, vel vetustate immutatas videmus. Retinetur autem et ad opinionem vulgi, et ad magnas utilitates reipublicae mos, religio, disciplina, jus augurum, collegii auctoritas. Никакая философія не могла для народной массы замѣнить тѣхъ религіозныхъ мотивовъ, которыя даны были въ отеческой религіи, какъ объ этомъ характерно вы-

ражается Страбонъ (geograph. I, c. 2): *Οὐ γάρ ὄχλον τε γυναικῶν καὶ παντὸς χυδαίου πλήθους ἐλαγαγέιν λόγῳ δυνατὸν φιλοσόφῳ καὶ προσκαλέσασθαι προς ἐυσεβέιαν, καὶ οσιότητα καὶ πίστιν, ἀλλὰ δεῖ καὶ διὰ δεισιδαιμονιάς. τοῦτο δ'οὐκ ἄνευ μυθοποιΐας καὶ τερατείας.* Но относительно чужезсмныхъ культовъ было убѣжденіе, что они подрываютъ національное чувство и пролагаютъ путь чуждымъ нравамъ и закопамъ. Такъ Меценатъ, по словамъ Діона Кассія (lib. LII), давалъ Августу такой совѣтъ: *τὸ μὲν θεῖον πάντη πάντως αὐτος τε σέβου καιὰ τὰ πάτρια καὶ τοῦς ἄλλους τιμᾶν ἀναγκαζε. τοὺς δε δὴ ξενίζοντιάς τι περὶ αὐτὸ και μίσει καὶ κόλαζε, μὴ μόνων τῶν θεῶν ἑνέκα, ὧν καταφρονήσας υδ ἄλλου ἄν τινὸς προτιμήσειεν, ἀλλ' ὁτι καινὰ τινὰ δαιμονία οι οιουιοι ἀνιεισφέροντες, πολλοὺς ἀναπείθουσιν ἀλλοτριονομεῖν κάκ τούτου καὶ συνωμοσίαι καὶ συσιάσεις ἑταιρεῖαί τε γίγνονται, ἅπερ ἥκιστα μοναρχία συμφέρει. μητ' οὖν ἀιθέω τινί, μητὲ γόητι συγχωρήσης εἶναι.*

Въ тѣхъ же соображеніяхъ еще *Сцевола* (около 100 г. до Христа) старался возсоздать религію, отрѣшивъ ее отъ вредныхъ примѣсей философіи и мѳа, (Augustin. de civit. Dei, IV, 27), а *М. Теренцій Варронъ*, сохраняя тоже разграниченіе, пытался заимствовать для религіи новыя основы изъ стоическаго ученія, заявляя, по словамъ Августина (ibid. VI, 2), se timere, ne (dii) pereant, non incursu hostili, sed civium negligentia.

Поворотъ въ религіозномъ настроеніи Рима при императорахъ [1]).

Въ эпоху императоровъ все ниже и ниже падали въ народномъ сознаніи отеческіе боги, которые должны были дѣлить свой почетъ иногда съ самыми недостойными людьми, ибо начиная съ Августа (Taciti Ann. I, 10) всѣ императоры, кромѣ Веспасіана, принимали божескія почести, а Домиціанъ напр. начиналъ свои эдикты такъ: Dominus

---

[1]) а) Фридлендера. Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ. Спб. 1873. I и II. б) Кожевникова В. Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Козловъ. 1872. в) Міръ римскій и міръ варварскій въ I—V вв. отъ Р. Хри-

et Deus noster hoc fieri jubet (Suet. Domit. 13). Невѣріе сдѣлалось всеобщимъ. Ювеналъ (sat. II, v. 140) говоритъ: esse aliquos manes et subterranea regna et caet... nec pueri credunt.

Въ другомъ мѣстѣ (sat. XIII. 86 sequ). Ювеналъ такъ изображаетъ образъ мыслей современныхъ невѣровъ:

Sunt, in fortunae qui casibus omnia ponant,
Et nullo credant mundum rectore moveri,
Naturâ volvente vices et lucis et anni;
Atque ideo intrepidi quaccunque altaria tangunt.

Плиній же старшій отъ своего лица выражаетъ слѣдующія убѣжденія: Irridendum vero, agere curam rerum humanarum illud quicquid est summum. Anne tam tristi ac multiplici ministerio non pollui credamus dubitemusve? (nat. hist. II, c. 5) Omnibus a suprema die eadem, quae ante primum: nec magis a morte sensus ullus aut corpori aut animae, quam ante natalem (—VII c. 50). Ослабѣвшая привязанность къ старымъ нравамъ и учрежденіямъ не давала болѣе богамъ никакой поддержки; политика и обычай обезпечивали имъ только внѣшній формальный культъ. Сенека (apud Augustin. de civit. Dei VI c. 10) говоритъ: omnem istam ignobilem Deorum turbam, quam longo aevo longa superstitio congessit, sic adorabimus, ut meminerimus, cultum ejus magis ad morem, quam ad rem pertinere.

Но духъ времени былъ таковъ, что покинутое заблужденіе смѣнялось не болѣе чистою религіозностію, а еще грубѣйшимъ суевѣріемъ. Жалкіе сибариты, превысившіе всякую мѣру въ своей распущенности, не могли не быть доступны для всякаго суевѣрія, особенно когда надъ ними ежеминутно висѣла гроза деспотизма. Прибавьте къ этому лю-

---

стова. *От. Зап.* 1852. № 4—5. Е. Беккера. Галлъ. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Спб. 1876. д) Костомарова. Кремуцій Кордъ. Спб. 1862. е) Кудрявцева. Римскія женщины по Тациту. М. 1875. ж) Майкова. Смерть Люція. з) А. Лебедева. Христіанскій міръ и еллиноримская цивилизація въ эпоху древней церкви. *Чтенія люб. дух. пр.* 1873. и) Матвѣевскаго. Состояніе языч. міра до пришествія Спасителя. *Странникъ.* 1863. і) Даретовскаго. Состояніе просвѣщенія и нравственности въ родѣ человѣческомъ предъ событіемъ Рожд. Хр. Отзывъ въ *Странникѣ* 1860. и) М. П. Драгоманова. Вопросъ объ историческомъ значеніи римской исторіи и Тацитъ. Кіевъ. 1870.

бопытство, страсть къ ужасному и таинственному, отсутствіе серьезныхъ занятій наукою, (юриспруденція и судебное краснорѣчіе были тогда единственными учебными предметами), и всего болѣе страшное нравственное разложеніе той эпохи, которое такъ рисуетъ Сенека (de ira II, 8): omnia sceleribus ac vitiis plena sunt: plus committitur, quam quod possit coercitione sanari. Certatur ingenti quodam nequitiae certamine: major quotidie peccandi cupiditas, minor verecundia est. Expulso melioris aequiorisque respectu, quocunque visum est, libido se impingit. Nec furtiva jam scelera sunt: praeter oculos eunt: adeoque in publicum missa nequitia est, et in omnium pectoribus evaluit, ut innocentia non rara, sed nulla est.

Чрезмѣрный порокъ то пытался захватить на служеніе себѣ сверхъестественныя силы (*δεισιδαίμονες γαρ οἱ μέλλοντες ἐγχειρεῖν ταῖς παράνομαις καὶ μεγάλαις πράξεσι* Diodorus Sic. bibl. hist. XX c. 43)‘ то хотѣлъ заглушить угрызенія совѣсти необычными подвигами очищенія. Еще прежде религіи востока привлекали суевѣрныхъ римлянъ своимъ таинственнымъ фантастическимъ культомъ и аскетизмомъ своихъ жрецовъ, и только законы преграждали имъ доступъ и задерживали ихъ распространеніе. Но теперь господствующій духъ времени пересилилъ всѣ законы, и чуждые культы и жрецы вторгнулись въ Римъ неудержимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились во множествѣ шарлатаны, якобы посвященные въ тайныя знанія востока, астрологи, толкователи сновъ и волхвы, (chaldaei siue genethliaci, qui de motu de que positu stellarum dicere posse, quae futura sunt, profitentur *Gellius Noct. Att.* XIV, 1; mathenatici, genus hominum potentibus infidum, sperantibus fallax, *Tacit. hist. I*, 22), которые извлекали свою пользу изъ господствующаго суевѣрія и старались укрѣплять его еще болѣе. Современное суевѣріе Плиній (hist. nat. II c. 5) изображаетъ такъ: vix prope est judicare, utrum magis conducat generi humano, quando aliis nullus est deorum respectus, aliis pudendus. Externis famulantur sacris, ac digitis Deos gestant: monstra quoque, quae colunt, damnant et excogitant cibos, imperia dira in ipsos, ne somno quidem quieto, irrogant. Non matrimomia, non liberos, non denique quidquam aliud nisi juvantibus sacris deligunt. Законы первыхъ императоровъ противъ чуждыхъ культовъ имѣли тѣмъ менѣе силы, что сами императоры раздѣляли запрещаемыя суевѣрія и только боялись злоупотребленія ими во вредъ собственной особы.

Успѣху суевѣрій содѣйствовало и то, что съ ними вступила въ

союзъ философія. Чѣмъ смѣлѣе философскій скептицизмъ возставалъ не только противъ народной религіи, но и противъ религіозныхъ истинъ вообще, тѣмъ упорнѣе новый философскій догматизмъ старался частію изъ прежнихъ системъ, частію изъ народной религіи набрать матеріаловъ для своей доктрины, дававшей оправданіе для всякаго суевѣрія. При Августѣ давно забытый пиоагореизмъ снова пробудился въ причудливомъ образѣ *Анаксилая*, за которымъ слѣдовалъ еще болѣе странный *Аполлоній Тіанскій*. Производя пиоагорейскую философію изъ тайноученія египетскихъ жрецовъ, а платонизмъ—изъ Пиоагорова ученія, новые философы стремились возвратиться къ своему первоисточнику—и такимъ образомъ подъ ихъ руками образовалась весьма странная и смѣшанная религіозная философія, въ которой нашла себѣ оправданіе всякая миѳологія и теургія. Съ этого времени Платонова школа отложила скепсисъ новой академіи и примкнула къ неопиоагорейцамъ, старалась также усвоить себѣ догматизмъ другихъ системъ, особенно аристотелевской; и такъ какъ образъ жизни пиоагорейцевъ немногихъ привлекалъ, то неоплатонизмъ сдѣлался господствующею философіею. *Неоплатонизмъ*, какъ философія суевѣрія, и *епикуреизмъ*, какъ философія невѣрія, раздѣлили между собою господство надъ массами. Чистыхъ *перипатетиковъ* было всегда немного, равно и *стоиками* въ то время были только избранники (Сенека, Діонъ прузскій, Епиктетъ), моралъ которыхъ болѣе возбуждала удивленіе, чѣмъ вліяла на массы. *Циники* такъ опротивѣли своимъ безстыдствомъ, что ихъ вліяніе было ничтожное.

Лучи божественнаго свѣта въ царствѣ языческой тьмы[1]).

Достойно замѣчанія, что языческій міръ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, все таки незамѣтно шелъ на встрѣчу свѣту христіанства. Изъ современныхъ появленію христіанства, благороднѣйшихъ и

---

[1]) а) Было ли и откуда происходило ожиданіе Спасителя у язычниковъ *Хр. Чт.* 1838. б) О состояніи богопочтенія въ родѣ человѣческомъ предъ временемъ распространенія христіанства *Хр. Чт* 1852, I. в) Слѣды истиннаго ученія вѣры между язычниками до пришествія Спасителя *Хр. Чт.* 1843 II. г) Приготовленіе міра къ христіанству и нравственное состояніе міра во время его появленія. *Прав. Соб.* 1861. д) *Арх. Евсевія.* О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Спасителя. *Приб. къ твор. св. о.* 1845. е)

лучшихъ язычниковъ мы должны здѣсь вспомнить собственно двухъ; Сенеку и Плутарха, изъ коихъ одинъ принадлежалъ *римскому*, *другой греческому міру*.

Сенека, знаменитый учитель Нерона, былъ современникомъ Христа Спасителя. Переписка Сенеки съ апостоломъ Павломъ,—конечно выдумка, но выдумка, сложившаяся, вѣроятно, потому, что иначе не умѣли объяснить христіанскихъ воззрѣній въ ученіи Сенеки. Сенека былъ стоикъ и при всей возвышенности своихъ убѣжденій не могъ совершенно отрѣшиться отъ той надменности, какая составляетъ основную черту стоицизма. Слишкомъ много было бы сказать, что религіозныя убѣжденія Сенеки совершенно совпадали съ христіанствомъ; но несомнѣнно то, что онъ имѣлъ предчувствіе о единомъ милостивомъ Богѣ, который воспитываетъ людей посредствомъ страданій, что онъ зналъ о блаженномъ общеніи съ Богомъ, или какъ онъ выражается, съ точки зрѣнія политеизма, *о дружествѣ боговъ съ людьми*, которое цѣнится имъ гораздо выше, чѣмъ все, что міръ называетъ счастіемъ. Нравственный характеръ Сенеки не разъ подвергался осужденію: ему ставятъ въ вину его алчность къ богатству, которая шла въ разрѣзъ съ его прекрасными рѣчами о презрѣніи міра. Но это можетъ служить только доказательствомъ, что отъ знанія о томъ, что такое добро, до выполненія добра еще далеко и что даже самая благородная философія не могла ни искупить человѣка, ни освятить его силъ помимо той внутренней перемѣны, которая въ христіанствѣ извѣстна подъ именемъ *возрожденія*. Тѣмъ не менѣе философія Сенеки свидѣтельствуетъ о томъ, что по крайней мѣрѣ по отношенію къ познанію истины время шло навстрѣчу христіанству.

Однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей древности былъ Плутархъ изъ Херонеи въ Беотіи. Онъ жилъ полустолѣтіемъ позже Сенеки и при Траянѣ долго былъ въ Римѣ. Христіанство было извѣстно тогда римлянамъ какъ презрѣнная іудейская секта, и трудно предположить, чтобы Плутархъ имѣлъ фактическія сношенія съ христіанами. Но

Тоже. *Дух. Бесѣда.* 1859 и 1866—7 г. ж) Сенека и его письма къ Луцилію. Рѣчь проф. В. И. Модестова. Кіевъ. Универс. Извѣстія. 1871. з) Лучи божественнаго свѣта въ царствѣ языч. тьмы. *Воскр. Чт.* XXVIII. и) О цѣли божественнаго промысла въ соединеніи древнихъ государствъ подъ державою Рима *Воскр. Чт.* XV.

въ содержаніи его ученія есть много пунктовъ соприкосновенія съ христіанствомъ. Суевѣрію и невѣрію своего времени противоставлялъ Плутархъ памятованіе о Богѣ, которое поддерживало его во всѣхъ перемѣнахъ счастія и дѣлало его снисходительнымъ, благороднымъ и миролюбивымъ по отношенію къ своимъ собратіямъ. Всемогущіе и всевѣдущіе боги, по его пониманію, были его друзья; онъ думалъ, что они заботятся о немъ, что онъ не можетъ скрыться отъ нихъ ни днемъ ни ночью, что они знаютъ его мысли и взаимно открываютъ ему свои мысли посредствомъ предчувствій и сновидѣній. Смерть, по мнѣнію Плутарха, есть не уничтоженіе, а переселеніе. Намъ припоминаются слова апостола Павла, (1 кор. IX 24—7) когда мы читаемъ у Плутарха: *ὁ δὲ ζῶντος ἔτι καὶ κυνδυνεύοντος ἐν τῷ βίῳ μακαριζμὸς, ὥσπερ ἀγωνιζομένου κήρυγμα καὶ στέφανος, ἔστιν ἀβέβαιος καὶ ἀκύρος* (*ολων*, XXVII). „Я почитаю смерть,—разсуждалъ Плутархъ—за самое высшее и поистинѣ совершенное благо; потому что думаю, что тогда только души начнутъ въ собственномъ смыслѣ жить и возрастать; теперь же онѣ находятся, такъ сказать, въ состояніи сна“. Слыша такія изрѣченія языческаго писателя, мы не можемъ не вспомнить словъ св. писанія, что Господь ни одному народу не оставилъ себя несвидѣтельствованнымъ (Дѣян. XIV, 17) и что Отецъ привлекаетъ къ Сыну тѣхъ, кто приходитъ къ Нему (Іоан. VI, 44, 65).

Вообще древній міръ не чуждъ былъ предчувствія о приближающемся сверхестественномъ переворотѣ во всѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ. Развѣ не ожидали, ссылаясь на Сивиллъ, поэты августова вѣка и, Виргилій, (въ 4-й эклогѣ) по крайней мѣрѣ развѣ не изображалъ онъ въ своей поэтической фантазіи—лучшихъ дней будущаго, когда окончится желѣзный вѣкъ и снова настанетъ золотой вѣкъ мира, когда природа добровольно посыплетъ свои дары въ лоно человѣка, когда телецъ будетъ пастись вмѣстѣ со львомъ и не нужно будетъ бояться яда змѣй? И если поэтъ совершенно въ другой сферѣ искалъ того счастливаго младенца, съ появленіемъ котораго все это начнется, то развѣ на ряду съ этимъ стихотвореніемъ не стоитъ повѣрье, о которомъ упоминаетъ историкъ (Tac. Hist. V, 13), будто съ востока и именно изъ Іудеи произойдетъ завоеватель міра? Pluribus persuasio incrat antiquis sacerdotum libris contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret iriens prefectique Judaea rerum potirentur. (Слич. Sueton. Vespas. c. 4. os. Flav de bello iud. VI, 5, 4).

Упомянемъ въ заключеніе о томъ, что къ первому столѣтію нашей эры римская имперія охватывала собою не только весь образованный, но весь почти извѣстный тогда міръ: внѣ ея оставались только германскія племена на сѣверѣ, да парѳы на востокѣ. Въ западной половинѣ громаднаго государства господствовали языкъ и нравы римскіе; на востокѣ со временъ Александра Македонскаго стало преобладать греческое образованіе, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе вторгалось въ самый Римъ, такъ что уже Цицеронъ могъ говорить: Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane, continentur. (Pro Archia c. 10). Само собою понятно, въ какой мѣрѣ это объединеніе многихъ націй подъ одною державою и всеобщее распространеніе греческаго языка должно было содѣйствовать успѣхамъ христіанства.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Іудейство.

Іудейская θеократія[1]).

Ἡ σωτηρία ἐκ τῶν Ἰουδαίων ἐστιν (Іоан. Iv, 22). Не изъ обширнаго и образованнаго многобожнаго язычества, но изъ маленькой монотеистической Іудеи должна была возсіять для человѣчества новая спасительная религія. Самъ по себѣ еврейскій народъ обладалъ не особенно любезными свойствами; онъ былъ также грубъ, упрямъ, жестокъ, какъ и другія хананейскія народности. Груба и неудобна была матерія, изъ которой Божественный Художникъ устроялъ, по выраженію апостола Павла (Рим. IX 21, 23) σκεῦος ἐλέους, σκεῦος εἰς τιμήν, быть можетъ для того, чтобы такимъ образомъ яснѣе былъ виденъ творческій элементъ, привносимый въ исторію. Какъ бы то ни было, но народъ еврейскій сдѣлался наиболѣе религіознымъ народомъ въ человѣчествѣ.

Если отличительною чертою язычества представляется для насъ отчужденность людей отъ Бога, и какъ бы забвеніе ихъ Богомъ, то наоборотъ—отличительная черта евреевъ это—признаніе себя избраннымъ возлюбленнымъ народомъ Божіимъ, находящимся подъ особымъ попеченіемъ Іеговы (см. напр. псалмы 80, 20, 21, 47). И этотъ Богъ народа, по глубокому убѣжденію всякаго израильтяна, есть единственный

---

1) Зайцева. Очерки быта древнихъ евреевъ. Кіевъ. 1866. Кейля. Руководство къ библейской археологіи (при *Труд. К. дух. ак.*). Значеніе древняго народа іудейскаго для народовъ христіанскихъ. *Воскр. Чт*, XXVI. Ветхозавѣтное іудейство въ его судьбахъ, какъ свидѣтельство божественности христіанства. Сергіевскаго чтеніе 3-е. *Пр. О.* 1871. Лютардта Исторія откровенія: язычество и іудейство. *Пр. О.* 1866.

БИБЛІОТЕКА СВЯЩЕННОЙ АКАДЕМІИ

Богъ, Творецъ неба и земли, и кромѣ его нѣтъ никакихъ другихъ боговъ. Если даже когда нибудь народъ отступалъ отъ этого живаго Бога и предавался идолопоклонству, то всегда признавалъ это грѣхомъ, осуждалъ себя, каялся и несъ бѣдствія, какъ наказаніе Божіе. Идея о безконечной святости Божества и о Его вѣчномъ состраданіи къ людямъ,—идея, которой мы не находимъ въ религіяхъ языческихъ,—была основною идеею еврейскаго монотеизма. Израиль есть народъ закона и вмѣстѣ народъ обѣтованія: онъ имѣетъ *Моисея* и *пророковъ*. Устройство евреевъ есть чисто теократическое. Іегова есть господинъ и князь народа, Его воля есть не только высочайшій, но и единственный законъ. Міръ внѣ этого царства Божія есть міръ лжи, ничтожества, отпаденія отъ Бога живаго. Уничтоженіе или вступленіе въ царство единаго Бога—таковъ жребій народовъ міра. Въ лицѣ Авраама—послѣдователи Бога живаго получили благословеніе; подъ скипетромъ Давида должны они соединиться. Израиль—народъ будущаго. Теократическое устройство его — прототипъ грядущаго царства Божія: вотъ основаніе особаго значенія евреевъ во всемірной исторіи.

Іудеи послѣ плѣна. Гиллелъ[1]).

Оставляя въ сторонѣ древнѣйшую исторію евреевъ, мы начнемъ временемъ плѣна вавилонскаго, который былъ для народа школою страданій. Эта школа имѣла на народъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ воспитательное и очищающее вліяніе. Съ одной стороны расширился его кругозоръ,—даже въ области религіозныхъ воззрѣній. Съ другой стороны привязанность къ отеческой вѣрѣ во время пребыванія въ чужой странѣ не только не ослабѣла, но подъ вліяніемъ бѣдствій еще болѣе укрѣпилась. По возвращеніи на родину, евреи съ священною ревностію начали заботиться о чистотѣ служенія Богу и когда при Антіохѣ Епифанѣ (176—164 г. до Р. Х.) храмъ былъ оскверненъ и народъ принуждаемъ былъ жить по-язычески, тогда явились отважные сыны Маттаѳіи, Маккавеи, и развился геройскій духъ въ народѣ, заслужившій ему уваженіе даже со стороны враговъ. Но это была вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вспышка теократическаго одушевленія.

Изъ учителей закона въ это время заслуживаетъ особеннаго упо-

1) Состояніе просвѣщенія у палестинскихъ іудеевъ въ послѣдніе три вѣка предъ Р. Х. Ананьинскаго. *Труды К. Д. А.* 1865.

минанія благородный раввинъ Гиллелъ, который родился за 110 лѣтъ до Рождества Христова и умеръ чрезъ десять лѣтъ послѣ Рождества Христова; слѣд. прожилъ 120 лѣтъ. Онъ родился въ Вавилонѣ, отъ бѣдныхъ родителей, но изъ племени Давидова. За 70 лѣтъ до Рождества Христова онъ стоялъ во главѣ іерусалимскаго синедріона. Многія изъ его мудрыхъ изреченій напоминаютъ намъ изреченія Іисуса Христа, но на основаніи сходства отдѣльныхъ мыслей мы не можемъ утверждать, какъ утверждаютъ нѣкоторые новѣйшіе писатели (напр. Ренанъ), будто ученіе Іисуса Христа стояло въ зависимости отъ ученія Гиллела. Мы знаемъ, что Гиллелъ высказывалъ такія толкованія закона (по вопросамъ объ омовеніяхъ и разводѣ), какія впослѣдствіи рѣшительно осуждалъ Іисусъ Христосъ. Противоположность снисходительному ученію Гиллела представляло собою суровое ученіе палестинца Шимман. По этимъ двумъ школамъ дѣлились тогдашніе учители закона. Похвальная преданность закону, который читался и объяснялся въ школахъ, скоро выродилась въ мелочную привязанность къ буквѣ закона и въ мертвую обрядность, которая съ особенною ревностію соблюдалась и развивалась въ весьма многочисленной корпораціи фарисеевъ.

Фарисеи, саддукеи и ессеи[1]).

Фарисеи были ревнителями іудейской народности, за которую они твердо держались даже тогда, когда доброе старое время ея прошло безвозвратно. Они соблюдали предписанія закона до мельчайшихъ частностей; но въ свою догматику приняли и такія ученія, которыя нашли себѣ мѣсто въ іудейскомъ сознаніи преимущественно со времени плѣна: напр. объ ангелахъ и о воскресеніи. Противники ихъ, саддукеи, были не менѣе строгіе ревнители закона, по крайней мѣрѣ въ теоріи; но отвергали все, что не содержалось въ буквѣ закона; а поэтому въ ихъ догматикѣ не нашло себѣ мѣста ни ученіе объ ангелахъ, ни ученіе о воскресеніи. Въ практической жизни саддукеи напротивъ оказывались болѣе доступны чуждому вліянію, болѣе старались пріобрѣсти расположеніе правительства, чѣмъ народа, и не мало въ средѣ ихъ было такихъ, кото-

---

[1]) Фарисеи. *Духовная Бесѣда.* 1859. О ессеяхъ въ отношеніи къ христіанству. *Прибавленія къ Твор. св. о* 1865. Ессеи и Терапевты. *Духъ христіанина.* 1862 — 63. Ѳаворова. Чтенія по исторіи новозавѣтной церкви. *Труды. К. Д. А.* 1861. № 1.

рые во глубинѣ души сочувствовали невѣрію. Уже іудейскій историкъ Іосифъ сравнивалъ фарисеевъ съ стоиками; позднѣйшіе раввины сравнивали саддукеевъ съ эпикурейцами,—и, насколько греческія партіи могли идти въ сравненіе съ іудейскими, эту аналогію можно считать довольно вѣрною. Несправедливо фарисеевъ и саддукеевъ называютъ сектами; они вовсе не отрѣшались отъ религіознаго общенія съ народомъ, а напротивъ пользовались въ народѣ большимъ уваженіемъ.

Скорѣе ессеевъ можно назвать сектою, хотя еще лучше сравнить ихъ съ монашескимъ братствомъ. Это было самозаключенное общество тихихъ, благочестивыхъ аскетовъ, которыхъ религіозная мысль витала въ области отвлеченныхъ умозрѣній, далеко отъ обычныхъ представленій народа. Ессеи жили большею частію на пустынномъ берегу Чермнаго моря. Во время жизни Іисуса Христа мы не видимъ, чтобы они когда нибудь вступали съ нимъ въ бесѣду на ряду съ фарисеями и саддукеями; по крайней мѣрѣ во всемъ новозавѣтномъ писаніи нѣтъ о ессеяхъ даже упоминанія. Нѣкоторые ученые пытаются доказать, что ученіе Господа и его послѣдователей стояло въ связи съ ученіемъ ессеевъ, но для этого нѣтъ достаточныхъ основаній. Тотъ образъ жизни, какой велъ Іисусъ Христосъ и какой онъ предписывалъ своимъ ученикамъ, весьма мало имѣетъ въ себѣ созерцательнаго характера, по преимуществу свойственнаго ессеямъ.

Нравственное состояніе палестинскихъ іудеевъ во время Христа[1]).

Потеря политической самостоятельности оказала весьма сильное и тяжкое вліяніе на религіозную и нравственную жизнь іудеевъ. Послѣ вавилонскаго плѣна іудеи преемственно были подданными персидскими, египетскими и сирійскими, — образовали потомъ при Маккавеяхъ (167—63 до Р Х.) самостоятельное государство до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ Маккавеевъ Гирканъ, поссорившись съ братомъ своимъ Ари-

---

[1]) Іудейскій народъ подъ владычествомъ Асмонеевъ и Иродовъ. Статья Ревиля. *Прав. Обозрѣніе* 1868. О евангельскихъ мытаряхъ. *Странникъ*. 1865. Мытарь и Фарисей. *Хр. Чт.* 1855. Іосифъ Флавій. Р. (Репловскаго). *Пр. о.* 1862. Іосифа Флавія. Древности іудейскія. Перев. Свящ. Михаила Самуйлова. Спб. 1795.

стовуломъ и призвавъ въ посредники римскаго полководца Помпея (65 г. до Р. Х.), долженъ былъ признать владычество римлянъ. По смерти Гиркана идумейскому вождю Ироду удалось войти на престолъ іерусалимскій и владычествовать въ зависимости отъ римлянъ 40 лѣтъ. Своею жестокостію и вмѣстѣ своею привязанностію къ иноземнымъ обычаямъ—(введеніемъ напр. языческихъ торжествъ и игръ) Иродъ возбудилъ къ себѣ народную ненависть, хотя и старался снискать народную любовь, дозволивъ украсить іерусалимскій храмъ, построенный Зоровавелемъ по возвращеніи изъ плѣна. Въ своемъ завѣщаніи Иродъ, несправедливо носящій прозваніе *великаго*, раздѣлилъ страну между тремя своими сыновьями — Архелаемъ, Антипою и Филиппомъ. Августъ первоначально утвердилъ это раздѣленіе, но потомъ, когда Архелай принужденъ былъ отказаться отъ престола, (въ 63 г. по Р. Х.) присоединилъ его удѣлъ, т. е. Іудею съ Самаріею и Идумеею, къ римской провинціи Сиріи и отдалъ подъ управленіе римскаго прокуратора. Первымъ изъ такихъ прокураторовъ былъ Компоній; извѣстный изъ исторіи жизни Спасителя Понтій Пилатъ (28—37 г. по Р. Хр.) былъ уже шестымъ. Иродъ Антипа, управлявшій въ теченіи 43-хъ лѣтъ Галилеею и Переею, также извѣстенъ намъ изъ евангельской исторіи съ самой невыгодной стороны. Онъ былъ убійцею Крестителя, обличавшаго его за незаконную связь съ Иродіадою, и принималъ участіе въ осужденіи Спасителя. По поводу послѣдняго дѣла Иродъ примирился съ Пилатомъ, котораго дотолѣ ненавидѣлъ. Духовныя дѣла по прежнему въ нѣкоторой мѣрѣ оставались въ рукахъ верховнаго первосвященника съ его синедріономъ. И объ этой зависимости іудеевъ отъ трехъ совмѣстно дѣйствующихъ властей:—тетрарха Ирода, прокуратора Пилата и первосвященника съ его синедріономъ — мы всего лучше можемъ судить по дѣлу объ осужденіи Іисуса Христа.

Какъ тяжелы были для народа эти политическія отношенія, видно даже изъ новозавѣтнаго писанія. Повсюду замѣчается ненависть народа къ своимъ притѣснителямъ, а вмѣстѣ съ ненавистію стремленіе къ возмущенію. Достаточно вспомнить объ Іудѣ Галилеянинѣ, о которомъ упоминается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ (V, 37) и который по словамъ Іосифа Флавія, провозглашая *μόνον ἡγέμονα καὶ δεσπότην τὸν Θεὸν* (Ant. XVIII, 1. 6), *εἰς ἀποστασιν ἐνῆγε τοὺς ἐπιχωρίους*,

κακίζων, εἰ φόρον ιε Ρωμαίοις τελεῖν ὑπομένουσι καὶ μετὰ τον Θεὸν ὀίσουτι ὑγητούς δεσπότας. (de b. iud. II, 8. 1). Какъ легко было бы Іисусу Христу воспользоваться такимъ настроеніемъ народа въ интересахъ собственной власти, если бы Онъ желалъ основать земное царство! Но Его царство было не отъ міра сего.

Особенно тяжки для народа были подати. Потерявъ свою политическую самостоятельность, іудеи стали платить дань римлянамъ. Крупные откупщики платили откупную сумму со всей Іудеи главному римскому откупщику, и въ свою очередь имѣли въ странѣ своихъ агентовъ, собиравшихъ подати. Это мытари, о которыхъ такъ часто упоминается въ евангеліи. Уже одно занятіе мытарей дѣлало ихъ ненавистными для народа и такъ какъ они по необходимости должны были вступать въ частыя сношенія съ язычниками, то народъ и не различалъ ихъ отъ язычниковъ. Подобно мытарямъ ненавистны были для народа лица, служащія при дворѣ Ирода,— такъ называемые иродіане, такіе же измѣнники народному дѣлу, какъ и саддукеи,—между тѣмъ какъ народная гордость весьма сильно была поддерживаема фарисеями. Эта національная гордость, выражавшаяся въ словахъ: *„мы дѣти Авраама“*, не опиралась ни на внутреннія доблести, ни на внѣшнюю силу. Тѣмъ не менѣе народъ вѣрилъ, что онъ—любимецъ Іеговы, и надѣялся, что Іегова избавитъ свой избранный народъ отъ ига язычниковъ и подъ державою Мессіи покоритъ имъ всю вселенную. Царство Мессіи рисовалось въ народномъ воображеніи въ чертахъ, наиболѣе льстившихъ народному самолюбію,—и только немногіе люди, какъ Симеонъ и Анна, быть можетъ нѣсколько иначе представляли себѣ истинную утѣху Израиля.

Отношеніе язычниковъ къ іудеямъ[1]).

Язычники готовы были уважать іудейство, какъ народную религію, и Іегова, Богъ Іудеи, былъ разновременно чествуемъ жертвами отъ различныхъ властителей Палестины. Такъ мы знаемъ это объ Александрѣ Македонскомъ, Птоломеѣ Евергетѣ, Селевкѣ Филопаторѣ, Августѣ и

---

[1]) Римъ и Іудея (по поводу соч. пр. Эвальда и гр. Шампаньи изд. въ 1858 г.). *Моск. Обоз.* 1859, кн. 2.

Вителліѣ;—Тертулліанъ имѣлъ основаніе обратиться къ римлянамъ съ такими словами: cujus (Iudaeae) et Deum victimis, et templum donis, et gentem foederibus aliquando, o Romanei, honorastis (Apolog. c. 23). Но такъ какъ іудеи съ своей стороны не хотѣли равномѣрно чествовать языческихъ боговъ, считали ихъ ничтожными, гнушались общеніемъ съ язычниками и ожидали себѣ во имя Іеговы владычества надъ всѣми народами: то и сами евреи подверглись общему презрѣнію и ненависти, тѣмъ болѣе, что древность привыкла измѣрять силу боговъ—состояніемъ подвластныхъ имъ народовъ. Язычники разсуждали такъ: iudaeorum sola et misera gentilitas unum Deum coluerunt, cujus adeo nulla vis nec potestas est, ut sit Romanis numinibus cum sua sibi natione captivus (Minucii Felicis Octavius. c. 10). Сосѣдніе народы, особенно египтяне, у коихъ была *παλαία καὶ ἱρόν τινα γεγενημένη πρὸς Ἰουδαίους ἀπέχθεια* (Philo in Flac.), ненавидѣли евреевъ; гордые римляне ихъ презирали. Despectissima pars servientium, teterrima gens,—вотъ какъ отзывается Тацитъ (Hist. V, 8) объ іудеяхъ и характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostile odium (ibid. 5). Изъ проникнутаго ненавистію презрѣнія къ евреямъ выродились разнаго рода нелѣпыя басни объ ихъ вѣрѣ и въ свою очередь содѣйствовали умноженію прежняго презрѣнія.

Обратимся теперь къ іудеямъ, жившимъ внѣ Палестины, въ разсѣяніи, такъ какъ здѣсь мы найдемъ нить, которая поможетъ намъ прослѣдить распространеніе евангелія въ средѣ язычниковъ.

Самаряне[1]).

Прежде всего нѣсколько словъ о самаряпахъ. Извѣстно изъ исторіи, что при отведеніи іудеевъ вавилонскій плѣнъ, нѣкоторые изъ еврейскихъ простолюдиновъ остались по прежнему въ странѣ, и впослѣдствіи смѣшались съ языческими переселенцами. Поэтому возвратившіеся изъ плѣна Іудеи считали ихъ нечистыми, недостойными принять участіе при возсозданіи храма. Вытѣсненные на плодоносную холмистую возвышенность между Іудеею и Галилеею, жители Самаріи построили въ время Александра Македонскаго собственный храмъ на горѣ Га-

---

[1]) А. Докторъ Сепп у самарянъ. *Труды К. Д. А.* 1875 г.

ризинъ, близь Сихема. Хотя этотъ храмъ около 146 года до Р. Х. послѣ двухсотлѣтняго существованія былъ разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ, тѣмъ не менѣе гора Гаризинъ оставалась для самарянъ по прежнему священною. Іосифъ Флавій (Ant. XI, 8, 6) называетъ самарянъ невѣрными и ненадежными союзниками и сродниками іудеевъ. *Εισὶν οἱ ζαμαρεῖς τοιοῦτου τὴν φυτιν, ἐν μὲν ταῖς συμφοραῖς ὄντας τοὺς Ιουδαίους ἀρνοῦνται συγγενεις ἔχειν, ὁμολογοῦντες τότε τὴν ἀληθείαν. ὅταν δε τί περὶ αὐτοὺς λαμπρὸν ιδωσιν ἐκ τυχῆς ἐξαίφνης ἐπιπηδῶσιν αὐτῶν τῇ κοινωνία, προσήκειν ἀυτοῖς λέγοντες, καὶ ἐκ[τῶν Ἰωσήπου γενεαλογούνις ἑαυτοὺς ἐγόντων Εφραΐμου καὶ Μανασσοῦ.* Изъ различныхъ свидѣтельствъ евангелія мы знаемъ о взаимномъ раздорѣ іудеевъ и самарянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ исторія бесѣды Спасителя съ самаряпкою (Іоан. IV), притча о милосердомъ самарянинѣ (Лук. X), благодарность самарянина исцѣленнаго отъ проказы (Лук. XVI) убѣждаютъ насъ, что самаряне были болѣе склонны къ принятію божественнаго ученія.

Іудеи въ разсѣяніи. Переводъ семидесяти. Филонъ. Прозелиты[1]).

Какъ во время отведенія въ плѣнъ осталось въ Палестинѣ нѣсколько іудеевъ, которые смѣшались съ чуждыми пришельцами, такъ равно послѣ полученнаго дозволенія возвращаться на родину, не всѣ іудеи воспользовались этимъ дозволеніемъ; значительная часть ихъ осталась въ чужой землѣ и потомъ сильно размножилась и распространилась. *Οὐκ ὀλίγαι μυριαδες* іудеевъ, по словамъ Флавія (Ant. XV, 3, 1) остались въ Вавилонѣ и Лидіи, первоначальномъ мѣстѣ плѣна. При Александрѣ Великомъ іудейскіе переселенцы отправились въ Египетъ и поселились во вновь основанной Александріи, гдѣ они

---

[1]) а) Д. В. Поспѣхова. О книгѣ премудрости Соломона. Кіевъ. 1873. б) Исторія еврейскаго св. текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ. Хвольсона *Хр. Чт.* 1874. в) Историческія свѣдѣнія о переводѣ XXX. *Дух. Бес.* 1560 № 34 – 5. г) Монзалевскаго. Міросозерцаніе Филона Александрійскаго. *Дух. Вѣстникъ.* 1865. д) Филона Іудеянина о субботѣ и прочихъ ветхозавѣтныхъ праздникахъ. Перев. съ еллиногреческаго іером. Гедеона. М. 1783.

образовали $^2/_3$ населенія и вели обширную и богатую торговлю. Эти александрійскіе іудеи усвоили себѣ греческое образованіе, греческій языкъ и нравы,—къ крайнему неудовольствію своихъ, державшихся старины соотчичей, и поэтому назывались эллинистами. Не желая отрѣшаться отъ религіи своихъ отцевъ и въ тоже время не желая порвать связь съ греческой образованностью, александрійскіе іудеи нашли себѣ исходъ изъ такого двухсмысленнаго положенія, утверждая, что греческая мудрость есть ничто иное, какъ заимствованіе откровенной въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ истины, и дѣло только въ томъ, что эти писанія слѣдуетъ изъяснять не въ буквальномъ, а въ таинственномъ смыслѣ. Это привело къ особенному, такъ называемому аллегорическому объясненію писаній, вслѣдствіе котораго все въ библіи стало имѣть желаемый смыслъ и явилось странное смѣшеніе откровенія съ философіею, древняго съ новымъ, іудейства съ эллинизмомъ. Александрійскіе іудеи пользовались вмѣсто еврейской библіи греческимъ переводомъ ея, который около 270 года до Рождества Христова былъ составленъ по повелѣнію Птоломея Филадельфа, нѣсколькими іудеями, (по свидѣтельству легенды 70-ю или точнѣе 72-мя), трудившимися на островѣ Фаросѣ, близъ Александріи. Этотъ переводъ обыкновенно называется *переводомъ семидесяти*. Само собою понятно, какимъ прекраснымъ пособіемъ могъ быть этотъ переводъ, когда пришлось проповѣдывать евангеліе язычникамъ, не понимавшимъ по еврейски.

Наиболѣе виднымъ представителемъ александрійскаго іудейства служитъ для насъ іудей Филонъ, александріецъ. Онъ родился почти за два десятилѣтія до Іисуса Христа, былъ братъ представителя Іудеевъ Александріи, получилъ прекрасное образованіе, въ совершенствѣ изучилъ греческую науку и литературу. Когда александрійскіе іудеи отправляли посольство къ императору Калигулѣ, Филону поручено было говорить предъ императоромъ, потому что онъ такъ хорошо зналъ греческій языкъ и такъ хорошо умѣлъ говорить, какъ весьма немногіе.

Будучи послѣдователемъ Платоновой философіи, Филонъ тѣмъ не менѣе сохранилъ преданность отечественной вѣрѣ. Главною его цѣлію было найти истинное примиреніе между эллинскою и ветхозавѣтною мудростію. Но разрѣшить эту задачу, не отказываясь отъ буквальнаго смысла писанія, было невозможно. Филонъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ святости іудейскаго откровеннаго ученія и твердо стоялъ на его почвѣ. Отъ Авраама, Моисея и пророковъ

происходитъ, по его мнѣнію, всякое знаніе о Богѣ, и потому греки содержаніе своей мудрости заимствовали оттуда. Моисей былъ и остается для Филона божественнымъ пророкомъ, котораго онъ ставитъ далеко выше всѣхъ другихъ мудрецовъ. Но конечно Моисей можетъ только выиграть, будучи облеченъ въ одежду греческой философіи. Буква писанія, благодаря аллегорическому объясненію, сдѣлалась органомъ философскихъ идей такъ, что все, что было несогласно съ греческою мудростію,—особенно всѣ мѣста, гдѣ Богъ представляется существомъ конечнымъ,—было изъяснено иносказательно. Умозрительная теологія должна была избѣгнуть представленій о Богѣ, свойственныхъ простой вѣрѣ, и мыслить отношеніе Вѣчнаго къ міру и человѣку идеальнымъ, поставивъ это идеальное отношеніе вмѣсто историческаго. Отсюда беретъ свое начало и получаетъ важное значеніе идея о Логосѣ — (Словѣ божественнаго разума) при посредствѣ котораго Богъ создалъ міръ и открывается міру. На сколько въ прямомъ отношеніи стоитъ эта идея о Логосѣ къ ученію христіанскаго богословія, въ какой мѣрѣ, частнѣе, имѣлась она въ виду при составленіи четвертаго евангелія, какъ извѣстно начинающагося ученіемъ о Логосѣ, который былъ у Бога и самъ былъ Богомъ,—это вопросъ, которымъ занимаются ученые до настоящаго времени. Сродство христіанскаго ученія съ Филоновымъ вообще не отрицается, но степень этого сродства, благодаря различію взглядовъ, опредѣляется различно. По свидѣтельству древней церковной легенды Филонъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ апостолу Павлу и это представляется довольно вѣроятнымъ, такъ какъ Филонъ былъ извѣстенъ апостольскимъ мужамъ и они относились къ нему съ уваженіемъ. Отецъ церковной исторіи Евсевій изображаетъ Филона человѣкомъ сильнымъ въ словѣ, съ обширными познаніями и съ возвышеннымъ взглядомъ на св. писаніе.

Кромѣ Александріи іудейскіе колонисты разселились въ Аравіи, въ Сиріи,—именно въ Антіохіи,—во Фригіи, Лидіи, вообще въ Малой Азіи, даже основались въ столицѣ міра Римѣ [1]). Особенная часть города, по ту сторону Тибра, была назначена для поселяющихся въ Римѣ іудеевъ. Вообще около времени явленія Христова, едвали можно

---

[1]) О статьѣ Кольберта: Іудейскія колоніи въ Римѣ. *Пр. О.* 1864. *Замѣтка.*

было во всей обширной римской имперіи найти страну, гдѣ бы не жило іудеевъ. (Strab. XIV. C. 12. Phil. legat. ad Caj.) Они пользовались у римлянъ религіозною терпимостію, а ихъ права и обязанности кратко обозначены въ указѣ Клавдія слѣдующимъ образомъ: *ἰουδαίους τοὺς ἐν παντὶ τῷ ὑφ' ἡμας κόσμῳ τὰ πατρία ἔθη ἀνεπικωλύτως φυλάσσειν καὶ μὴ τὰς τῶν ἀλλῶν ἐθνῶν δεισιδαιμονίας ἐξουδενίζειν* (Ios. Ant. XIX 5, 3, (см. также XIV. 10. 2, 8.). Всѣ эти іудеи, жившіе внѣ Палестины, *οι ἐν τῇ διασπορᾷ*, тѣмъ не менѣе обращали свои взоры къ храму іерусалимскому, какъ къ священному средоточію своего богослуженія. Они не только платили обычную подать (*διδραχμα*) на храмъ, но, насколько позволяли обстоятельства, большими или меньшими группами съ пѣніемъ псалмовъ отправлялись въ Іерусалимъ на торжественные праздники, чтобы тамъ помолиться Богу отцевъ въ общеніи съ братьями, и укрѣпленные и возбужденные чувствомъ общенія, снова возвращались, конечно не всѣ, довольные сами собою, въ свое мѣсто жительства, въ среду язычниковъ, и славили имъ величіе своего храма и святой земли. Въ свою очередь обитатели святой земли не оставались совершенно независимы отъ греческаго вліянія, какъ свидѣтельствуютъ, такъ называемые, ветхозавѣтные апокрифы (Іисуса сына Сирахова и т. д.) и сочиненія историка народа іудейскаго Іосифа Флавія. Тѣмъ не менѣе привязанность къ древнеотеческому закону жила во всей силѣ. По прежнему священники предстояли между народомъ и Іеговою, по прежнему жертвоприношенія совершались со всею обрядностію, по прежнему самымъ тщательнымъ образомъ соблюдались законы о субботѣ и постахъ, и если время Маккавеевъ не могло возвратиться, все-таки іудейскіе страдальцы за народъ позднѣйшаго времени отличались такою стойкостію, что могутъ поспорить въ этомъ отношеніи съ христіанскими мучениками.

Какъ іудейскій народъ, не смотря на всю свою замкнутость, не могъ отрѣшиться отъ многообразныхъ соприкосновеній съ міромъ языческимъ и остаться совершенно чуждымъ языческихъ воззрѣній и обычаевъ; такъ точно и на оборотъ язычество не осталось свободнымъ отъ іудейскаго вліянія. Вообще іудеи были ненавистны язычникамъ. Именно та замкнутость, въ силу которой они отрекались отъ всякаго общенія съ язычниками, — и особенности іудейской религіи, которая не могла, подобно религіямъ языческимъ, слиться съ римскою государственною религіею, возбуждали язычниковъ противъ іудеевъ. Имя іу-

дея вошло въ поговорку для означенія человѣка преданнаго суевѣрію. Но замѣчательно, что именно этимъ-то такъ называемымъ, суевѣріемъ и прельщались язычники. Весьма многіе, не удовлетворявшіеся ни языческою вѣрою, ни языческою философіею, обращались къ тайнымъ знаніямъ, какія проповѣдывались разными выходцами съ востока и особенно іудеями. Тиверій изъ-за четырехъ такихъ іудейскихъ обманщиковъ выгналъ всѣхъ іудеевъ изъ Рима Jos. Antiqu. XVIII, 3, 5. Образчикъ такихъ іудейскихъ обманщиковъ видимъ въ *Дѣяніяхъ апост.* XIX, 13—14. О нихъ говоритъ и Ювеналъ (Sat. VI, 543).

Arcanam Iudaea tremens mendicat in aurem,
Interpres legum solymarum, et magna sacerdos
Arboris, ac summi fida internuncia coeli:
Implet et illa manum, sed parcius. Aere minuto,
Qualiacunque voles Iudaei somnia vendunt.

и Плиній (natur. hist. XXX c. 2)

Est et alia magices factio a Mose, et Ianne, et Iotape judaeis pendens

и Цельсъ (Orig. c. Cels. 1) который въ видѣ обвиненія говорилъ про іудеевъ, что они *γοητείᾳ προσκεισθαι, ἧς ὁ Μουσῆς αὐτοῖς γέγονεν ἐξηγητής*. Если были въ ходу іудеи обманщики, слѣдовательно въ римскомъ обществѣ былъ запросъ на нихъ, были люди, которые желали обманываться.

Но были язычники, которые обращались къ іудейству не ради суевѣрія. Вѣра въ единаго Бога, творца неба и земли, невидимаго, неизобразимаго никакимъ подобіемъ, чисто духовнаго Бога, должна была поразить своимъ величіемъ мыслящихъ язычниковъ, жившихъ въ Палестинѣ, (мы вспомнили здѣсь о кесарійскомъ сотникѣ Корниліѣ), и нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ іудейскому монотеизму, не перейдя впрочемъ формально, чрезъ обрѣзаніе, къ вѣрѣ іудейской. Это тѣ, которые извѣстны въ новомъ завѣтѣ подъ именемъ богобоязненныхъ язычниковъ, (*φοβούμενοι, σεβόμενοι τον Θεόν*) и которые назывались *прозелитами врат*ъ, потому что они становились въ преддверіи храма и имѣли право присутствовать при богослуженіи. Гораздо менѣе было такъ называемыхъ *прозелитовъ правды*, которые перешли въ іудейство формально, чрезъ обрѣзаніе; но были и такіе прозелиты, о коихъ Тацитъ (hist. V. 5) отзывается съ порицаніемъ: (Iudaei) circumcidere genitalia instituere, ut diversitate noscantur. Transgessi in mo

rem eorum idem usurpant, nec quicquam prius imbuuntur, quam contemnere deos, exuere patriam, parentes, liberos, fratres vilia habere. (См. также Ювенала Sat. XIV, 96 и слѣд.) Мы знаемъ съ какою ревностію іудеи, въ частности фарисеи, проходили сушу и моря, чтобы пріобрѣсти хотя одного прозелита. Совсѣмъ иначе должно было исполниться пророчество о возстановленіи разрушенной скиніи Давида, о собраніи народовъ на святой горѣ Божіей.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Евангельскія сказанія о Христѣ Спасителѣ.

Міръ во время Рождества Христова. Годъ и день рожденія[1]).

Іудейскій народъ готовился быть трупомъ. Запахъ разложенія привлекъ орла, который носился надъ Іудеею, дѣлая круги все уже и уже. Насколько мы можемъ окинуть взоромъ тогдашній міръ, вездѣ почти видимъ мы водруженными знамена римскаго орла. Иродъ чеканилъ римскаго орла на монетахъ и на зло іудеямъ требовалъ, чтобы они изображеніе римскаго орла поставили подъ портикомъ храма. Римская имперія простиралась къ сѣверу до Рейна и Дуная, къ востоку до Евфрата, къ западу до атлантическаго океана, къ югу до аравійскихъ и африканскихъ пустынь. Въ теченіе семи столѣтій городъ, основанный Ромуломъ на семи холмахъ, сдѣлался могущественнѣйшею столицею міра, владыкою народовъ. Наслѣдство прежнихъ завоевателей—Кира и Александра—было почти все поглощено могучимъ Римомъ. И вмѣстѣ съ сокровищами древняго міра перешло къ Риму и все умственное наслѣдіе древности. Греческой бытъ, греческой языкъ, греческая поэзія и искусство имѣли теперь свои лучшія школы не только въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ городахъ; они имѣли теперь свой цент-

---

[1]) а) Время Рождества Христова. *Странникъ*. 1862. б) Всемірноисторическое значеніе Рождества Христоза *Дух. Бесѣда*. 1863. в) О причинахъ нескораго пришествія въ міръ Христа Спасителя. А. Іеронима. Калуга. 1861. г) Хронологія церк. исторіи. Пр. Громова. д) Отзывъ о книгѣ Кеплера о христіанскомъ лѣтосчисленія *Пр. Об.* 1863. е) О статьѣ Шавана: нѣкоторыя числа въ еванг. исторіи. *Пр. Об.* 1863. № 8.

ральный пунктъ въ самомъ Римѣ. Здѣсь всякій культъ встрѣчалъ свободный пріемъ, всякій богъ находилъ себѣ храмъ. Вся міровая торговля выходила оттуда и стремилась снова туда. Великолѣпныя военныя дороги тянулись по всей имперіи и облегчали сношенія народовъ. Торговля, мореходство, ремесла процвѣтали. Роскошь достигла до высшей степени и вызывала развитіе служившихъ для удовлетворенія ея искусствъ. Въ отношеніи образованія и литературы вѣкъ этотъ назывался *золотымъ*. Послѣ долгой кровавой междоусобной войны, которая спѣдала Римъ внутри и имѣла слѣдствіемъ уничтоженіе республики, тріумвиръ Октавіанъ, оставшись побѣдителемъ надъ своими соузорнаторами въ битвѣ при Акціумѣ (2 сентября 31 г., до Христа), сталъ главою имперіи и началъ управлять ею съ титуломъ *кесаря Августа*. Его правленіе торжественно воспѣвали поэты, которые пользовались особеннымъ благоволеніемъ, какъ его, такъ и друга его, прекрасно образованнаго Мецената. Въ имперіи господствовалъ миръ и даже на границахъ было большею частію мирно. Церковный историкъ V-го вѣка, Сульпицій Северъ упоминаетъ, что во время рожденія Іисуса Христа храмъ Януса былъ запертъ, во второй разъ въ теченіе семи столѣтій. Современные писатели ничего не говорятъ объ этомъ. Напротивъ они упоминаютъ о непрерывныхъ воинскихъ движеніяхъ большею частію на востокѣ. Тѣмъ не менѣе состояніе общественной жизни было все таки таково, что для жителей имперіи возможно было теперь, особенно сравнительно съ прежнимъ временемъ, вести *тихое* и *безмолвное житіе*, какъ желалъ этого для христіанъ ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею (1 Тим. II, 2). Теперь было самое благопріятное время для составленія общей податной переписи: она совершалась въ то время, когда въ Сиріи префектомъ былъ Квиринній. *Ἐγένετο δε ἐν ταῖς ἡμεραις ἐκείναις, ἐξῆλθε δόγμα παρὰ καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην. αὐτὴ ἡ ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς συρίας Κυρηνίου. καὶ ἐπορεύοντο παντες ἀπογράφεσθαι ἕκαστος εἰς τὴν ἰδίαν πολιν.* Евангелистъ Лука (II, 1—2) упоминаетъ, что эта перепись была первая, и ею объясняетъ путешествіе Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ, гдѣ родился Спаситель. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о соглашеніи этой хронологической даты съ другими извѣстіями, по которымъ перепись была многими годами позже, мы скажемъ нѣсколько словъ о годѣ рожденія Іисуса Христа.

Извѣстно, что лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова началось не съ самаго начала христіанства. Въ первые вѣка вели лѣтосчисленіе то отъ сотворенія міра, то отъ построенія Рима, то отъ другихъ эръ. Только въ шестомъ вѣкѣ впервые римскій аббатъ Dionysius exiguus ввелъ въ употребленіе теперешнее наше лѣтосчисленіе, причемъ рождество Іисуса Христа онъ полагалъ случившимся въ 754 г. отъ построенія Рима, а построеніе Рима полагалъ въ 4714 году отъ сотворенія міра. Позднѣйшія изслѣдованія привели къ предположенію, что Aera Dionysiana начинается по крайней мѣрѣ четырьмя годами позже дѣйствительнаго года Рождества Христова. Еще болѣе спорнымъ представляется въ наукѣ вопросъ, въ какой именно день родился І. Христосъ, такъ какъ объ этомъ ни изъ евангелій, ни изъ другихъ источниковъ не знаемъ ничего достовѣрнаго, и пріуроченіе къ 25 декабря праздника Рождества Христова сдѣлано было не ранѣе IV вѣка. Вообще единственную твердую дату для евангельской хронологіи представляетъ извѣстіе е. Луки (III, 1—2) о выступленіи на проповѣдь Іоанна предтечи. *Ἐν ἔτει δὲ πεντε καὶ δεκάτῳ τῆς ἡγεμονίας Τιβερίου Καίσαρος, ἡγεμονεύοντος Ποντίου Πιλάτου τῆς Ἰουδαίας, καὶ τετραρχοῦντος τῆς Γαλιλάιας Ἡρῴδου, Φιλίππου δὲ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ τετραρχοῦντος τῆς Ἰτουραίας καὶ Τραχωνίτιδος χώρας καὶ Λισανιοῦ τῆς Ἀβιλίνης τετραρχοῦντος, ἐπ ἀρχιερέων Ἄννα καὶ Καϊάφα* et caet.

Іоаннъ Креститель[1]).

Приблизительно за полгода до явленія міру Христа Спасителя, появился въ пустынѣ іудейской его родственникъ Іоаннъ съ проповѣдію о покаяніи. *Μετανοεῖτε, ἤγγικε γὰρ ἡ βασιλεια τῶν οὐρανῶν*— таковъ былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Нравственную перемѣну въ людяхъ, внимавшихъ его проповѣди, Іоаннъ старался запечатлѣть чувственнымъ образомъ, крестя ихъ въ водахъ Іордана; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Буксторфа, Данца, Целлера) крещеніе Іоанново было только видоизмѣненіемъ стариннаго іудейскаго обычая крестить прозелитовъ. Обличительныя рѣчи Іоанна служатъ прекраснымъ допол-

---

[1]) Ловягина Жизнь и служеніе Предтечи и Крестителя Христова Іоанна. Спб. 1860. Мандаиты или ученики Іоанна крестителя. *Труды К. Д. А.* 1864. III.

неніемъ къ характеристикѣ печальнаго нравственнаго состоянія іудеевъ въ то время. *Γεννήματα ἐχιδνων*, говорилъ Іоаннъ фарисеямъ и саддукеямъ, происходившимъ креститься отъ него... *μὴ δόξητε ἐιπεῖν ἐν ἑαυτοῖς. πατέρα ἔχομεν τὸν Αβραὰμ. λεγω γὰρ, ὑμῖν, ὅτι δύναται ὁ Θεὸς ἐκ τῶν λίθων τούτων ἐγειραι τέκνα τῶ Αβραὰμ.* Іоаннъ и палъ жертвою своей своей смѣлости въ обличеніяхъ. Въ дополненіе къ тому, что знаемъ о семъ изъ евангелія, сообщаемъ любопытный разказъ Іосифа Флавія:

Κτεινει τοῦτον (Ιωάννην) Ἡρώδης, ἀγαθὸν ἄνδρα, καὶ τοὺς Ἰουδαίους κελεύοντα, ἀρετὴν ἐπασκοῦνιας, καὶ τῇ πρὸς ἀλλήλους δικαιοσύνῃ καὶ πρὸς τὸν Θεὸν εὐσεβέια χρωμένους βαπτίζῳ συνιέναι. οὕτω γὰρ καὶ τὴν βάπτισίν ἀποδεκτὴν οὐῳ φανεῖσθαι, μὴ ἐπὶ τινῶν ἁμαρτάδων παραιτήσει χρωμένων, ἀλλ ἐφ' ἁγνείᾳ τοῦ σώματος, ἅιε δὴ καὶ τῆς ψυχῆς δυναιοσύνῃ προεκκαθαρμένης καὶ τῶν ἄλλων συστρεφωμένων, καὶ γάρ ἥρθησαν ἐπὶ πλεῖστον τῇ ἀκρόασει ιῶν λόγων, δείσας Ἡρώδης τὸ ἐπὶ τοσόνδε πιθανὸν αὐτοῦ τοῖς ἀνθρώποις μὴ ἐπὶ ἀποστασει τινὶ φέροι. παντα γὰρ ἐῴκεσαν συμβουλῇ τῇ εκείνου πράξοντες, πολὺ κρεῖττον ἡγέιται, πρὶν ιι νεώτερον ἐξ αὐτοῦ γενεσθαι, προλαβὼν ἀναιρειν, ἤ μεταβολῆς εἰς ιὰ πραγμάια ἐμπεσῶν μετανοεῖν. Καὶ ὁ μεν, ἐποψίᾳ τῇ Ἡρώδου, δέσμιος ἐις τὸν Μακαιρούντα πεμφθεὶς... ιαύτῃ κτιννυται. τοῖς δε Ἰουδαίοις δόξα ἐπὶ τιμωρίᾳ τοῦ ἐκέινου τὸν ὀλεθρον ἐπὶ ιῶ σιρατεύματι γενέσθαι, τοῦ Θεού κακῶς Ἡρώδη θέλοντος. (Antiqu. XVIII, 5, 2 idem apud Orig. contra celsum). Образъ жизни Іоанна Крестителя какъ будто указываетъ на нѣкоторую связь его съ ессеями: и тотъ же характеръ сохраняютъ его ученики, которые уже послѣ появленія Іисуса Христа держатся отдѣльно отъ учениковъ Христовыхъ (Іоанн. III, 26; Лук. V, 33; Матѳ. IX, 4; XI, 2. Дѣян. XVIII, 25, XIX, 1).

Евангелія каноническія[1]).

Жизнь Христа Спасителя извѣстна намъ по четыремъ каноническимъ евангеліямъ: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Евангелія сообща-

[1]) а) Архим. Михаила. О евангеліяхъ и евангельской исторіи. Москва.

ютъ намъ далеко не все, что творилъ и училъ Іисусъ Христосъ. *Ἔστιν δὲ καὶ ἄλλα πολλά, ὅσα ἐποίησεν ὁ Ἰησοῦς, ἅτινα ἐὰν γράφηται καθ' ἕν, οὐδὲ αὐτὸν οἶμαι τὸν κόσμον χωρῆσαι τὰ γραφόμενα βιβλία* (Io. XXI, 25), — таково послѣднее слово послѣдняго благовѣстія. Въ самомъ дѣлѣ изъ всѣхъ четырехъ евангелій выдетъ небольшая книга, содержащая почти все, что намъ извѣстно о жизни Искупителя міра. Эти краткіе матеріалы представляются—особенно въ первыхъ трехъ евангеліяхъ—безъ системы, безъ строгаго порядка. Видно, что евангелисты мало заботились о методѣ и порядкѣ въ изображеніи словъ и дѣяній Спасителя. Повидимому форма имѣющихся у насъ документовъ—самая неблагопріятная для цѣлостнаго воспріятія образа Іисуса Христа. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ такая форма наиболѣе благопріятна. Представимъ, что мы желали бы узнать самымъ точнымъ образомъ характеръ знаменитаго генія. Мы можемъ разыскивать, что было сказано о немъ, читать сочиненія о его дѣятельности; но въ тоже время, руководствуясь только этимъ, мы можемъ составить очень невѣрное понятіе о его личности. Для избѣжанія ошибки намъ лучше всего устрапить всякое посредство между нимъ и нами, стараться узнать эту личность въ его перепискѣ, въ его откровенныхъ разговорахъ, въ его поступкахъ, наиболѣе простыхъ и самостоятельныхъ,—при жизни всего лучше видѣть и слышать эту личность. Только въ такомъ случаѣ, если мы ощутили эту личность въ ея дѣятельности, мы можемъ сказать, что нѣкоторымъ образомъ познали ее. А евангелія именно доставляютъ нѣчто подобное. Читая ихъ, мы какъ будто присутствуемъ при жизни Іисуса Христа. Благодаря своей скромности и самой даже отрывочности, благодаря непосредственному воззрѣнію своихъ писателей, онѣ не производятъ на читателей никакого принудительнаго вліянія:

1870. б) Г. Герике. Введеніе въ новозавѣтныя книги свящ. писанія (въ русск. переводѣ) М. 1869. в) Тишендорфа. Когда написаны наши евангелія? *Пр. Об.* и *Труды К. Д. Ак.* 1865 и отд. оттискъ. г) Архим. (нынѣ епископа) Никодима. О евангелистахъ Матѳеѣ, Маркѣ и Лукѣ. *Душ. Чт.* 1860 и отд. оттискъ. д) ех-архим. Ѳеодора. О новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа. Спб. 1861. е) Годе. Древнѣйшія преданія о 4-хъ евангеліяхъ. *Пр. Об.* 1864 № 7. ж) Свящ. Маркова. О евангеліи отъ Матѳея. Противъ Баура. *Пр. Об.* 1873.

онѣ привлекаютъ къ себѣ единственно внутреннею силою своего содержанія.

Основаніе церкви Христомъ Спасителемъ [1]).

Безъ сомнѣнія ни одна книга въ мірѣ не была такое неисчетное количество разъ читаема, изучаема, комментируема, списываема, издаваема,—какъ небольшая книга, вмѣщающая въ себѣ четвероевангеліе. Потребность—имѣть ясное представленіе о великомъ Основателѣ христіанства вызывалась самыми разнообразными побужденіями—и вѣрующимъ чувствомъ, и ищущимъ истины разумомъ, и предъубѣжденнымъ невѣріемъ. Іисусъ Христосъ различно отражался въ сознаніи человѣчества, но всегда былъ солнцемъ духовно-нравственнаго міра, къ которому неудержимо влеклось человѣческое сознаніе.

---

1) М Филаретъ. Начертаніе церковно-библейской исторіи, также учебники М Богданова, Д. Соколова, Базарова, Рудакова, Богословскаго, Попова и др. б) Д. Державина Пособіе къ изученію евангельской исторіи. Кіевъ 1874. в) К. И. Скворцова. Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ. Кіевъ. 1876. г) Жизнь І. Христа соч. Ците. Переводъ Орды. д) Прессансе Іисусъ Христосъ и его время (въ сборникѣ Заркевича). Спб. 1869. (отзывъ *Пр. О.* 1866 № 6 *Стран.* 1870) е) Шиконна, Апологетическія чтенія о лицѣ Іисуса Христа ж) Фаррара. Жизнь Іисуса Христа. з) Лютардта. О лицѣ Іисуса Христа. *Прав Об* 1867. и) E. Renan. Vie de Jesus. Существуетъ русскій переводъ этой книги, изд. за границей. Разборъ этой книги въ соч. А. Михаила *о евангеліяхъ и евангельской исторіи.* М. 1870—въ чтеніяхъ пр. Н. А. Ѳаворова *о вѣрѣ въ Іисуса Христа. Труды К. Д. Ак.* 1865 № 4. Апологетическая и полемическая литература на западѣ противъ Ренана—Х. Орды *Труды К. Дух Ак.* 1864. III і) Schenkel. Das Charakterbilb Iesu. Отзывъ въ статьѣ архим. Августина: Богословствованіе Шенкеля. *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1869. № 9. к) Keim. Iesus von Nazara. Разборъ въ статьѣ св. Смирнова. *Пр. Об.* 1874. л) Hausrath. Geschichte neutestamentlisch. Kirche. Разборъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1873 и въ ст. св. Смирнова. *Пр. Об.* 1874. м) Иннокентія. Послѣдніе дни земной жизни Господа Іисуса Христа. Одесса. 1860. н) Яковлева. Надпись на крестѣ Господа Іисуса Христа Москва 1860. о) Іисусъ Христосъ по евангелію. Гизо. *Пр. Об.* 1865. п) Черты жизни Господа нашего Іисуса Христа. *Труды Кіев. Д. Ак.* 1866. I. р) Бесѣды о земной жизни Іисуса Христа. *Воскресное чтеніе* XXI. с) Искупленіе міра страданіями и смертію Іисуса Христа. *Дух. Бес.*

Въ началѣ церковной исторіи конечно долженъ быть поставленъ образъ Іисуса Христа, *какъ основателя церкви*. Мы очень ошиблись бы, если бы стали прилагать къ Іисусу Христу знакомый изъ исторіи общій типъ законодателя и организатора, дѣйствующаго по извѣстной программѣ, предлагающаго своимъ послѣдователямъ опредѣленный кодексъ теоретическихъ и практическихъ основоположеній и узаконяющаго такое или иное общественное устройство. Евангеліе не даетъ намъ основаній для такого представленія. Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ внѣ предѣловъ и пріемовъ какой либо школьной системы. *Ἦν διδάσκων ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς* (Мѳ. VII, 29). Онъ слѣдовалъ богослужебнымъ порядкамъ своего народа, соблюдалъ праздники іудейскіе, и, отрицая мелочной формализмъ книжниковъ и фарисеевъ относительно субботы, омовеній и т. д, въ тоже время говорилъ своимъ послѣдователямъ: *μὴ νομίσητε ὅτι ἦλθον καταλῦσαι τὸν νόμον ἢ τοὺς προφήτας· οὐκ ἦλθον καταλῦσαι, ἀλλὰ πληρῶσαι.* (Мѳ. V, 17). Единственная молитва, которой Господь научилъ своихъ учениковъ по ихъ просьбѣ, имѣла прежде всего ту ближайшую цѣль, чтобы отучить ихъ отъ механическаго способа молитвы. Впервые при концѣ своей земной жизни, наканунѣ своей крестной смерти, омывая ноги ученикамъ, Господь учредилъ общественное богослуженіе и таинство причащенія въ память своихъ страданій (Мѳ. XXII, 19). Затѣмъ при разлученіи въ своими учениками, предъ вознесеніемъ на небо, Господь учредилъ таинство крещенія во имя Отца и Сына и Св. Духа (Мѳ. XXV, 19). Евангелія сообщаютъ намъ также изреченія Спасителя, относящіяся къ учрежденію другихъ таинствъ, но не въ такой степени опредѣленныя. (Іо. XX, 21--23. Мѳ. XIX. 3—9).

Точно также мало далъ Господь точныхъ опредѣленій относительно внѣшняго устройства церкви. Достойно замѣчанія, что самое слово *церковь*, *ἐκκλησία*, по свидѣтельству евангелистовъ, было только дважды произнесено Господомъ. Однажды онъ говорилъ о церкви въ торжественной рѣчи къ своему ученику Петру: *σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ τά-*

1869. т) Ульхгорна. Дѣйствительность воскресенія Іисуса Христа *Пр.Об.* 1870. у) Значеніе воскресенія Христова въ ученіи христіанскомъ *Рук. для с. п.* 1873 ф) Объ отношеніи церкви Христовой къ Іисусу Христу какъ своему основателю. *Хр. Чт.* 1843. ц) Сольскаго. Сверхъестественный элементъ въ новозавѣтномъ откровеніи. Кіевъ. 1877. ч) Снегиревъ. Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ. Казань. 1870.

υτη τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν καὶ πύλαι ᾅδου οὐ κατισχύσουσιν αὐτῆς. (Мѳ. XVI, 18). Другой разъ Онъ употребляетъ это слово въ нѣсколько иномъ смыслѣ, говоря, что, если грѣшникъ не обратится на правый путь послѣ увѣщанія частнаго, то слѣдуетъ объявить о немъ церкви, т. е. общинѣ и ея предстоятелямъ. *Ἐαν ἁμαρτήσῃ εἰς σὲ ἀδελφός σου, ὑπάγε καὶ ἔλεγξον αὐτὸν μεταξὺ σοῦ καὶ αὐτοῦ μόνου... ἐαν δε μὴ ἀκούσῃ, παράλαβε μετα σου ἔτι ἕνα ἢ δύω, ἵνα ἐπὶ στόματος δύο μαρτύρων ἢ τριων σταθῇ πᾶν ῥῆμα. Ἐὰν δὲ παρακούσῃ αὐτῶν, εἰπε τῇ ἐκκλησίᾳ. ἐαν δὲ καὶ τῆς ἐκκλησίας παρακούσῃ, ἔστω σοι ὥσπερ ὁ ἐθνικὸς καὶ ὁ τελώνης* (Мѳ. XVII, 15—17). Гораздо чаще, и можно сказать постоянно, пользуется Господь другимъ словомъ для выраженія того, что Онъ пришелъ основать. Это *царство Божіе, царство небесное*, которое съ Нимъ выступило въ міръ, въ Немъ нашло свое истинное бытіе, свое совершенство, свое жизненное средоточіе. Къ этому царству Божію относятся большею частію притчи Спасителя. Онъ представляетъ его, какъ нѣчто такое, что не приходитъ замѣтнымъ образомъ и находится внутри человѣка, какъ нѣчто стоящее въ прямомъ противорѣчіи съ царствомъ міра сего, какъ царство свѣта, находящееся въ борьбѣ съ царствомъ тьмы и только при Его второмъ пришествіи имѣющее одержать полную побѣду. Дотолѣ оно подобно дрождямъ проникающимъ въ муку, подобно горчичному зерну, возрастающему въ дерево, въ вѣтвяхъ котораго птицы небесныя возгнѣздятся. Въ это царство призываетъ Христосъ не знатныхъ, не могущественныхъ, не мудрецовъ этого міра. Вмѣсто нихъ должны быть приведены на пиръ хромые и увѣчные съ улицъ и перекрестковъ. Первые станутъ послѣдними и послѣдніе первыми. Простое дѣтское чувство, смиренное, готовое къ покаянію, вѣрующее, склонное къ прощенію обидъ и къ благодѣянію сердце—вотъ условія для вступленія въ царство Христово. „Блаженны,—говоритъ Онъ,—миротворцы, кроткіе, милостивые, нищіе духомъ“. Прежде всего зоветъ Онъ страждущихъ и обремененныхъ, стенающихъ подъ игомъ чуждаго притѣсненія или собственнаго грѣха, — и обѣщаетъ прощеніе и успокоеніе для душъ ихъ. Онъ называетъ себя врачемъ больныхъ, пришедшимъ исцѣлить сокрушенныхъ, добрымъ пастыремъ, который ищетъ погибшую овцу и заблудившуюся направляетъ на истинный путь; и вмѣстѣ Сыномъ

Божіимъ, который возвращается въ обители Отца Своего и встрѣтитъ тамъ тѣхъ, которые борятся противъ князя міра и слугъ его.

Таково содержаніе проповѣди Спасителя о царствѣ Божіемъ! эта проповѣдь проста и вмѣстѣ величественна Среди своего общественнаго служенія Христосъ посылаетъ 12 мужей, которыхъ Онъ избралъ Себѣ въ ученики, къ погибшимъ овцамъ дома Израилева. Они должны идти и проповѣдывать, что царствіе Божіе уже приблизилось. Они должны ходить какъ бѣдняки, безъ золота и серебра и мѣди при поясахъ,— какъ вѣстники мира, какъ овцы среди волковъ; они должны быть готовы на осмѣяніе и преслѣдованіе, но надѣяться на духъ Отца Небеснаго, который чрезъ нихъ будетъ говорить. Они должны думать, что ученикъ не бываетъ выше Учителя своего; они должны говорить по полномочію Учителя своего и быть увѣрены, что кто слушаетъ ихъ, тотъ слушаетъ Самаго Господа. Возвратившись изъ своего посланничества, апостолы сказали: *Κύριε, καὶ τὰ δαιμόνια ὑποτάσσεται ἡμῖν ἐν τῷ ὀνόματι σου.* Но Господь отвѣчалъ имъ на это: *ἐν τούτῳ μὴ χαίρετε, ὅτι τὰ πνεύματα ὑμῖν ὑποτάσσεται, χαίρετε δε μᾶλλον, ὅτι τὰ ὀνόματα ὑμῶν ἐγράφη ἐν τοῖς οὐρανοῖς.* (Лук. X. 17, 20). При этомъ Господь обращаетъ вниманіе на внутреннее, вѣчное, небесное, тогда какъ ученики обращали вниманіе на дѣятельность внѣшнюю. Впервые предъ своимъ послѣднимъ разлученіемъ, Господь, переходя къ небесному прославленію, послалъ учениковъ во весь міръ, ко всѣмъ народамъ, чтобы всѣхъ привести въ послушаніе Ему, такъ какъ Ему дана всякая власть на небѣ и на землѣ.

Въ этомъ и состоитъ основаніе церкви. Дальнѣйшихъ распоряженій о формѣ церкви, о ея разчлененіи, мы не находимъ въ евангеліи. Напрасно римскіе католики указываютъ на слова, обращенныя къ ап. Петру: *ἐπὶ ταύτῃ πετρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν* и еще: *καὶ δώσω σοι τὰς κλεῖς τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν* (Мѳ. XVI, 18—19) говоря, что этимъ Господь оказалъ предпочтеніе этому ученику предъ прочими, далъ ему первенство. Что Господь при различныхъ случаяхъ ставилъ ап. Петра въ примѣръ прочимъ, этого нельзя отрицать; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, Господь осуждалъ учениковъ, когда между ними поднялся вопросъ о первенствѣ. *Ὁ δε εἶπεν αὐτοῖς. οἱ βασιλεῖς τῶν ἐθνῶν κυριεύουσιν αὐτῶν καὶ οἱ ἐξουσιάζοντες αὐτῶν εὐεργέται καλοῦνται. Ὑμεῖς οὐχ οὕτως, ἀλλ' ὁ μείζων ἐν*

ὑμῖν γενέσθω ὡς ὁ νεώτερος καὶ ἡγούμενος ὡς ὁ διακονῶν. (Лук. XXII, 25, 26). Указывая ученикамъ своимъ на весь міръ, какъ на поле ихъ дѣятельности,—въ словахъ: Ὁ μὲν θερισμὸς πολύς, οἱ δὲ ἐργάται ὀλίγοι. δεήθητε οὖν τοῦ κυρίου τοῦ θερισμοῦ, ὅπως ἐκβάλῃ τοὺς ἐργάτας εἰς τὸν θερισμὸν αὐτοῦ (Мо. IX, 37), Онъ тѣмъ не менѣе не раздѣлилъ областей этого царства между апостолами, не утвердилъ напередъ организаціи общинъ и ихъ предстоятелей, какъ все это стало слагаться въ послѣдствіи. Когда Господь приблизился ко времени и часу своего возвращенія къ небесному Отцу и много говорилъ о судьбѣ Своей церкви, то обѣщалъ ей Святаго Духа, который долженъ наставить ее на всякую истину т. е. далъ вмѣстѣ съ тѣмъ христіанству залогъ вѣчно зиждительной силы, которая безконечно выше всякихъ ограниченныхъ формъ.

Всего менѣе Основатель церкви оставилъ ей временнаго сокровища,—церковныхъ имуществъ. Αἱ ἀλώπεκες, говоритъ Онъ, φωλεοὺς ἔχουσι καὶ τὰ πετεινὰ κατασκηνώσεις, ὁ δὲ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου οὐκ ἔχει, ποὺ τὴν κεφαλὴν κλίνῃ. (Мато. VIII, 20). Онъ указалъ своимъ ученикамъ на Отца небеснаго, который одѣваетъ лилію и птицъ небесныхъ питаетъ, и училъ ихъ не собирать сокровищъ, которыя снѣдаетъ моль и тля, но прежде всего искать царствія Божія и правды его.

Тѣмъ не менѣе Господь оставилъ церкви наслѣдіе гораздо болѣе драгоцѣнное, чѣмъ гибнущее золото и серебро, предавъ Самого Себя за свое дѣло—и пострадавъ не только за свои убѣжденія, какъ Сократъ, но за весь міръ, принеся Самого Себя въ жертву за нравственную испорченность и виновность міра. Чрезъ эту добровольную крестную смерть, которая была для Іудеевъ соблазномъ, а для Эллиновъ безумiемъ, Іисусъ Христосъ сталъ основателемъ новаго завѣта. На крестѣ была основана церковь, крестомъ она побѣдила міръ. Крестъ есть хартія церкви, которую Господь написалъ Своею кровію. И послѣ того, какъ союзъ Христа съ церковію заключенъ и запечатлѣнъ крестными страданіями, Виновникъ этого союза не отдѣлимъ отъ Своего дѣла. Поэтому послѣ воскресенія Своего Онъ далъ вѣрующимъ непреложное завѣщаніе: ἐγὼ μεθ' ὑμῶν εἰμι πάσας τὰς ἡμέρας ἕως συντελείας τοῦ αἰῶνος.

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ.

Свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ и апостолахъ, находящіяся внѣ библіи.

Свидѣтельства о Христѣ Светонія, Тацита и Іосифа Флавія[1]).

Намѣреваясь собрать отрывочныя свидѣтельства о лицѣ Іисуса Христа, находящіяся у различныхъ древнихъ писателей, мы обратимся съ этою цѣлію какъ къ писателямъ языческимъ, такъ и къ писателямъ іудейскимъ. Что языческіе писатели почти ничего не упоминаютъ о земной жизни Господа, этому мы можемъ удивляться, судя только съ нашей современной точки зрѣнія, но удивленіе наше изчезаетъ, если мы станемъ на точку зрѣнія историческую. Физическій міръ представляется совершенно иначе, когда думали, что земля есть центръ міра, и иначе теперь, когда знаемъ, что земля есть подвижная, не особенно значительная планета во вселенной. Точно также было и въ мірѣ нравственномъ. Для римлянъ Римъ былъ центромъ міра. На религіозныя движенія, возникавшія въ отдаленныхъ окраинахъ имперіи, мало считали нужнымъ обращать вниманіе. Мы знаемъ, какъ напр., Пилатъ, человѣкъ ближайшимъ образомъ соприкосновенный такому движенію, сожалѣлъ объ Іисусѣ Христѣ, какъ о мечтателѣ, и своимъ вопросомъ: развѣ я іудей? далъ понять, что его слишкомъ мало безпокоятъ религіозные вопросы іудейскаго народа. Лишь только тогда, когда религіозное движеніе вошло въ соприкосновеніе съ политическою жизнію и грозило нанести вредъ римской имперіи, только тогда оно привлекло

---

[1]) Свидѣтельства о Христѣ Іосифа Флавія *Христ. Чт.* 1834 и еврейскихъ раввиновъ. Ibid 1835.

къ себѣ вниманіе римлянъ. Впервые тогда, когда христіане стали извѣстны въ имперіи, какъ опасная партія, явился вопросъ объ основателѣ этой партіи. Насколько смутны были свѣдѣнія о немъ, мы можемъ судить по замѣчанію Светонія, который въ жизнеописаніи Клавдія, говоря о возстаніи, послужившемъ причиною изгнанія іудеевъ изъ Рима, сообщаетъ, что императоръ Клавдій Iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma extulit. (Suet. vita Claud. c. 25 XX). Если Светоній подъ этимъ *Хрестомъ* разумѣлъ Іисуса Христа, что весьма вѣроятно, то очевидно, какъ мало зналъ онъ о Христѣ, признавая его виновникомъ возстанія въ Римѣ, тогда какъ Спасителя давно уже не было на землѣ. Болѣе ясно и въ чисто историческомъ духѣ говоритъ объ Іисусѣ Христѣ знаменитый историкъ Тацитъ въ одномъ мѣстѣ своей римской лѣтописи (Ann. XV, 44). Разсказывая о пожарѣ въ Римѣ при Неронѣ, Тацитъ упоминаетъ, что жестокій императоръ сложилъ вину пожара на христіанъ. Autor nominis ejus (т. е. christianorum) продолжаетъ Тацитъ, Christus, Tiberio imperitante per procuratorem Pontium Pilatum supplicio affectus erat. Вотъ и всѣ сказанія языческихъ писателей объ Іисусѣ Христѣ. Позднѣйшія свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ у римскихъ писателей, съ того времени, какъ наши евангелія были написаны и распространены, не имѣютъ уже для насъ особаго значенія.

Если мы находимъ вполнѣ естественнымъ, что римскіе писатели такъ мало говорятъ объ основателѣ іудейской секты, то намъ казалось бы слишкомъ страннымъ, еслибы извѣстный историкъ іудейскаго народа, жившій весьма близко по времени къ Іисусу Христу,—Іосифъ Флавій, ничего не упоминалъ о Немъ. Но въ сочиненіяхъ Флавія находимъ одно мѣсто объ Іисусѣ Христѣ. Говоря о притѣсненіяхъ со стороны Пилата, Флавій продолжаетъ такъ: *γίνεται δε κατα τοῦτον τον χρόνον Ἰησοῦς, σοφὸς ἀνὴρ, εἴγε ἀνδρὰ αὐτὸν λέγειν χρή. ἦν γὰρ παραδόξων ἔργων ποιητής, διδάσκαλος τῶν ἀνθρώπων τῶν σὺν ἡδονῇ τ' ἀληθῆ δεχομένων, καὶ πολλοὺς μὲν τῶν Ἰουδαίων, πολλοὺς δε καὶ ἀπὸ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν. καὶ αὐτον ἐνδείξει τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ ἡμῖν σταυρῳ ἐπιτετιμηκότος Πιλάτου, οὐκ ἐξεπαύσαντο οἱ τὸ πρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες. Ἐφάνη γὰρ αὐτοις τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτατε καὶ ἄλλα μυρία περὶ*

αὐτοῦ θαυμάσια εἰρηκότων. Εἰσέτι τε νῦν τῶν χριστιανῶν ἀπο τουδε ὠνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φύλος. (Ant. X, 33). Это свидѣтельство Іосифа Флавія объ Іисусѣ Христѣ сильно заподозривается историческою критикою, хотя и находится во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ его сочиненія. И въ самомъ дѣлѣ кажется страннымъ, что іудей, какимъ былъ Флавій, говоритъ о Господѣ такъ, какъ могъ говорить только христіанинъ. Что Флавій называетъ Христа чудотворцемъ, это еще понятно; но онъ даже недоумѣваетъ, можно ли назвать Его мужемъ, человѣкомъ; называетъ Его учителемъ истины, вѣритъ въ дѣйствительность Его воскресенія, Его вторичнаго явленія на землѣ какимъ либо образомъ, и наконецъ думаетъ, что на Немъ исполнились предсказанія пророковъ. Могъ ли іудей такъ говорить о Христѣ? не долженъ ли бы былъ онъ, до такой степени узнавъ истину, сдѣлаться христіаниномъ? Смѣлъ ли онъ, наконецъ оставаясь іудеемъ, писать такъ? Эти сомнѣнія побуждаютъ многихъ признать вышеприведенное мѣсто изъ Флавія подложнымъ; это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что общій ходъ разсказа Флавія въ этомъ мѣстѣ представляется нарушеннымъ. Другіе признаютъ только частное искаженіе текста, думаютъ, что Флавій сказалъ гораздо меньше и что только впослѣдствіи текстъ его былъ распространенъ рукою христіанина. Первоначально,—говорятъ,—текстъ вѣроятно былъ таковъ: „около этого времени явился извѣстный Іисусъ, мудрый человѣкъ и чудотворецъ и привлекъ къ себѣ многихъ іудеевъ и грековъ. И даже послѣ того какъ онъ по наговору знатнѣйшихъ нашихъ былъ распятъ Понтіемъ Пилатомъ, не отреклись отъ него тѣ, которые его прежде возлюбили.... Даже до сего дня не прерывается поколѣніе людей, которые по его имени называются христіанами“. Это мнѣніе о поддѣлкѣ, хотя не имѣетъ за себя твердыхъ доказательствъ, но довольно вѣроятно. Странно думать съ одной стороны, чтобы Іосифъ съ уваженіемъ упоминая объ Іоаннѣ Крестителѣ, совершенно умолчалъ объ Іисусѣ Христѣ, но съ другой стороны совершенно невѣроятно, что онъ говорилъ объ Іисусѣ Христѣ въ тѣхъ выраженіяхъ, какія мы встрѣчаемъ въ обычныхъ текстахъ его сочиненія.

Вотъ и все, что слѣдуетъ сказать о скудныхъ и отчасти сомнительныхъ свидѣтельствахъ объ Іисусѣ Христѣ у римскихъ и іудейскихъ историковъ.

Апокрифическія сказанія о дѣтствѣ Христа; акты Пилата и евангеліе Никодима[1])

Къ совершенно другой области принадлежатъ такъ называемые апокрифы, которые съ раннихъ временъ были составлены о жизни Іисуса Христа и въ самыхъ подробнѣйшихъ чертахъ изображаютъ Его личность. Вообще нѣтъ ни одного болѣе или менѣе важнаго въ исторіи человѣчества дѣятеля, жизнь котораго не послужила бы предметомъ для легендъ, которыя или слагались сами собою или были нарочито составляемы. Къ составленію же легендъ о Спасителѣ, кромѣ величія Его личности, было много другихъ, сторонннхъ побужденій. Чѣмъ болѣе было пробѣловъ въ историческихъ сказаніяхъ о жизни Спасителя, тѣмъ сильнѣе должно было являться стремленіе восполнить эти пробѣлы; чѣмъ чуднѣе было само по себѣ явленіе Іисуса Христа въ мірѣ, тѣмъ скорѣе оно должно было стать предметомъ фантастическихъ разсказовъ; чѣмъ глубже благочестивая мысль и фантазія занята была размышленіемъ о жизни Іисуса Христа, тѣмъ болѣе расширялось поприще для такихъ выдумокъ. Часто слышатся жалобы на то, что слишкомъ мало извѣстно намъ о юности Іисуса Христа. Только въ одномъ изъ четырехъ евангелій встрѣчаемъ мы краткій, но много говорящій собою, разсказъ о бесѣдѣ какую велъ двѣнадцатилѣтній Іисусъ въ храмѣ. Какъ прекрасенъ и простъ этотъ разсказъ! Какъ многозначительны тѣ слова, съ какими обратился Спаситель къ своимъ родителямъ, которые считали его потерявшимся, когда они нашли его въ храмѣ сидящимъ среди учителей: „развѣ вы не знаете, что я долженъ быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу моему?“ Мы слышимъ въ этихъ словахъ высшее сознаніе своего божественнаго сыновства—и все таки при этомъ вполнѣ сохраняются всѣ черты естественнаго развитія человѣческой природы. Іисусъ Христотъ ведетъ себя совершенно какъ дитя. Онъ не учитъ громко въ храмѣ, Онъ ограничивается тѣмъ,

---

[1]) а) Альбова. Объ апокрифическихъ евангеліяхъ. *Хр. Чт.* 1871. б) Скворцова. Тоже. *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1862. в) Николаса. Тоже. Отзывъ. *Прав. Об.* 1865 г. г) Н. П Дашкевича Сказаніе о св. Гралѣ. Кіевъ. 1877 г. Древніе переводы апокрифовъ въ изданіи отреченныхъ книгъ у Тихонравова и у Пыпина. Въ приложеніи къ *Прав. Об.* 1860 переводъ первоевангелія Іаковлева и 2-й части евангелія Никодима.

что вопрошаетъ учителей, которые тѣмъ не менѣе удивляются глубинѣ Его ума. И что всего важнѣе, Онъ остается послушливъ своимъ родителямъ. Онъ, соотвѣтственно законамъ человѣческаго развитія, возрастаетъ какъ по тѣлу такъ и по разумѣнію Какъ различны отъ евангельскаго сказанія о дѣтствѣ Іисуса Христа разсказы апокрифическихъ евангелій дѣтства, изъ коихъ одни извѣстны были уже въ III-мъ вѣкѣ, а остальныя составлены въ болѣе позднее время и вдобавокъ обезображены іудеями и магометанами. По словамъ этихъ апокрифовъ не только множество чудесъ совершилось надъ дитятею, но и самимъ дитятею. Нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ носятъ по крайней мѣрѣ слѣды мысли и характеръ благодѣтельности; но другія совершенно переносятъ насъ въ сказочный міръ чудовищнаго и неестественнаго. Къ разсказамъ, въ которыхъ есть хотя какой нибудь смыслъ, мы можемъ причислить напр. сказаніе о томъ, что во время бѣгства въ Египетъ пальмовое дерево приклонило вѣтви къ Маріи, чтобы своими плодами напитать ее и ея Сына, и что потомъ отъ корня этого дерева потекъ источникъ живительной воды, или напр. будто капля пота младенца обратилась въ бальзамъ. Но апокрифы объ отроческомъ возрастѣ Іисуса Христа имѣютъ болѣе сказочный характеръ Такъ напр. разсказывается, какъ Спаситель лѣпилъ изъ глины различныхъ животныхъ, которыя потомъ, по Его повелѣнію, бѣгали и летали. Его чудотворенія граничатъ съ злодѣяніями когда, напр., Онъ обращаетъ въ быковъ тѣхъ мальчиковъ, съ которыми игралъ, чтобы они почитали Его пастухомъ, или когда Онъ, исполненный мщенія, поражаетъ своихъ товарищей слѣпотою или внезапною смертію. Я сообщу только два три разсказа изъ евангелія дѣтства, которые всего лучше сами собою могутъ охарактеризовать несообразность этихъ апокрифическихъ сказаній.

Однажды Іисусъ приходитъ въ домъ красильщика и видитъ у него много разложенныхъ матерій, взятыхъ для окраски. Вдругъ хватаетъ ихъ и бросаетъ ихъ всѣ въ котелъ. Красильщикъ выходитъ изъ себя по этому случаю; но Іисусъ успокоиваетъ его: „Я хочу, говоритъ Онъ, дать всякой матеріи такой цвѣтъ, какой ты желаешь“. И вотъ когда младенецъ вытаскивалъ матеріи изъ котла, каждая изъ нихъ принимала тотъ цвѣтъ, какой для красильщика было нужно.

Однажды Марія приказала отроку Іисусу принести воды.—Но когда Онъ несъ воду, разбилось у Него наполненное водою ведро.—

Тогда мальчикъ взялъ воду въ полу своей одежды и такимъ образомъ принесъ ее къ матери, не проливъ ни капли.

Мальчикъ не разъ помогалъ отцу въ его плотничьихъ работахъ. Однажды Иродъ заказалъ Іосифу тронъ, который долженъ былъ быть болѣе прекраснымъ и художественнымъ, чѣмъ тронъ Соломона. Но Іосифъ не въ состояніи былъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ: тронъ оказался слишкомъ узокъ. Тогда мальчикъ далъ отцу мудрый совѣтъ:—именно приказалъ отцу взять тронъ за одинъ бокъ, самъ взялся за другой, и оба начали тянуть его дотолѣ, пока онъ не расширился до надлежащаго размѣра.

Когда Іисусъ началъ учиться у одного учителя азбукѣ, то не захотѣлъ переходить отъ изученія первой буквы ко второй, прежде чѣмъ не изучилъ первую основательно и всесторонне, и съумѣлъ сказать о этой первой буквѣ алфавита такъ много глубокаго и таинственнаго, что привелъ въ удивленіе своего учителя.

Какъ относительно дѣтства Спасителя, такъ и относительно послѣднихъ дней Его жизни апокрифическіе разсказы были многочисленны. По этимъ разсказамъ выходитъ, будто Пилатъ отослалъ акты судебнаго процесса надъ Іисусомъ Христомъ въ Римъ, будто Тиверій вошелъ даже въ сенатъ съ предложеніемъ причислить Іисуса Христа къ числу боговъ. Такъ называемое евангеліе Никодима разсказываетъ по этимъ мнимымъ актамъ исторію допроса надъ Іисусомъ Христомъ. Оно сообщаетъ при этомъ о такихъ событіяхъ, о которыхъ ничего не знаютъ наши евангелія. Такъ будто бы, когда Іисусъ Христосъ веденъ былъ среди двухъ солдатъ, римскія полковыя знамена сами по себѣ наклонились предъ Нимъ и носители знаменъ не могли сдержать ихъ при этомъ. Особенно яркими красками описывалось въ апокрифахъ сошествіе Спасителя въ адъ. Разсказъ объ этомъ ведется отъ лица Іосифа Аримафейскаго, который увѣдомляетъ Анну и Каіафу, что ему явились два лица, Каринъ и Левкій, которыхъ Господь вывелъ изъ преисподней, и разсказали ему самымъ подробнымъ образомъ все, что было въ аду.

Переписка съ Авгаремъ. Образъ Спасителя[1]).

Гораздо болѣе, чѣмъ эти апокрифы, которые прямо нужно отнести къ области религіозной поэзіи, заслуживаютъ вниманія другія извѣстія,

[1]) А. Филарета. Авгарь, князь едесскій, и нерукотворенный образъ.

которыя мы встрѣчаемъ у церковнаго историка Евсевія и которыя, по крайней мѣрѣ по видимому, имѣютъ форму историческихъ документовъ. Именно въ первой книгѣ своей церковной исторіи Евсевій упоминаетъ о перепискѣ, которую будто бы велъ Іисусъ Христосъ съ княземъ Едессы Авгаремъ. Евангелисты ничего не знаютъ о такой перепискѣ. Вообще они ни разу не упоминаютъ даже о томъ, что Іисусъ Христосъ умѣлъ писать, кромѣ мимоходнаго упоминанія въ евангеліи Іоанна (VIII). Именно: разсказывая о томъ, какъ привели къ Господу обличенную въ любодѣйствѣ,—евангелистъ говоритъ, что при этомъ Господь что то чертилъ.

Въ своей исторіи Евсевій сообщаетъ намъ цѣлую переписку Господа съ Авгаремъ на греческомъ языкѣ, будто бы найденную имъ въ Едессѣ въ древней сирійской рукописи.

Вотъ письмо Авгаря, къ Спасителю:

Αὔγαρος τοπάρχης Ἐδέσσης Ἰησοῦ σωτῆρι ἀγαθῷ ἀναφανέντι ἐν Ἱερουσαλὴμ χαίρειν. Ἤκουσαί μοι τὰ περί σου καὶ ἰῶνσῶν ἰαμάτων, ὡς ἄνευ φαρμάκων καὶ βοτάνων ὑπὸ σου γενομένων, ὡς γὰρ λόγῳ τυφλοὺς ἀναβλέπειν ποεῖς, χολοὺς περιπατεῖν, λεπροὺς καθαρίζεις καὶ τοὺς ἐν μακρονοσίᾳ βασανιζομένους θεραπεύεις καὶ νεκροὺς ἐγείρεις. Ἅπερ ἀκούσας, κατὰ νοῦν ἐθέμην τῶν δύο τὸ ἕτερον, ἢ ὅτι σὺ εἶ ὁ θεὸς ὁ ἀπ' οὐρανοῦ καταβὰς ἢ υἱος ὑπάρχεις τοῦ Θεοῦ, ποιῶν τάυτα. Διὰ τοῦτο νῦν γράψας, ἀξιῶ ἐλθεῖν σε πρός με καὶ τὸ συνεχόμενον πάθος θεραπεῦσαι καὶ γαρ ἤκουσα, ὅτι καταγογγύζουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ βούλονται σε κακῶσαι. πόλις δέ μοι σμικροτάτη ἐστὶν, ἥτις ἐξαρκέσει ἀμφοτέροις.

Господь отвѣчалъ Авгарю такъ:

Μακάριος εἶ πιστεύσας ἐν ἐμέ μὴ ἑωρακώς με. Περι δὲ οὗ ἔγραψας ἐλθεῖν με πρός σε δέον ἐστὶ πληρῶσαι πάντα δι' ἃ ἀπεστάλην. καὶ ἐπειδὰν ἀναληφθῶ, ἀποστελῶ σοί τινα τῶν μαθητῶν μου καὶ ἰάσεται σον τὸ πάθος καὶ ζωὴν σοι καὶ τοῖς ἐν σοι παρέξει.

Черн. е. изв. 1867. № 4. Д. Державина. Образъ Господа нашего Іисуса Христа по художественнымъ памятникамъ древней церкви. *Труды Кіев. Д. Акад.* 1866.

Евсевій разсказываетъ далѣе, что и на самомъ дѣлѣ послѣ Господа ап. Ѳаддей былъ посланъ ап. Ѳомою къ Авгарю и исцѣлилъ его.

При дальнѣйшемъ развитіи этого преданія въ VI-мъ вѣкѣ сюда присоединилось еще сказаніе, будто Іисусъ Христосъ при своемъ письмѣ къ Авгарю приложилъ свой образъ. Это дастъ намъ поводъ поговорить объ образѣ Іисуса Христа вообще. Что Іисусъ Христосъ гдѣ бы то ни было заставлялъ изображать Себя, это мы должны признать невѣроятнымъ потому, что іудеи вообще были предубѣждены противъ изображеній не только Божества, но и человѣка. Преданіе о евангелистѣ Лукѣ, какъ объ живописцѣ, также лишено твердыхъ основаній. Но даже словеснаго описанія внѣшняго вида Спасителя мы не находимъ въ евангеліяхъ. Буквально понявъ и примѣнивъ къ наружности Іисуса Христа слова пророка (Исаіи, III, 2—5) что онъ не имѣетъ вида, ниже доброты, нѣкоторые церковные учители напр. Іустинъ мученикъ Климентъ александрійскій, Тертулліанъ, Кириллъ александрійскій признавали, что Іисусъ Христосъ по внѣшнему виду былъ вообще неблагообразенъ Другіе столь же знаменитые отцы и учители церкви держались противоположнаго мнѣнія и примѣняли ко Христу стихъ псалмопѣвца: *красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (пс. 44. 3). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Іисусъ Христосъ обладалъ выразительностію физіогноміи,—этою высшею внутреннею красотою, лица человѣческаго, потому что такого рода красота есть ничто иное, какъ отраженіе въ чертахъ лица красоты душевной.

На всѣхъ изображеніяхъ Спасителя, которыя мы теперь имѣемъ, какъ на самыхъ художественныхъ, такъ и на самыхъ простыхъ, лицо Его изображается по одному опредѣленному типу. Откуда ведетъ свое начало этотъ типъ, объ этомъ говоритъ намъ исторія искусства. Она говоритъ, что первообразомъ для этого типа послужили такъ называемый образъ Авгаря и образъ Вероники,—и притомъ такъ, что образъ Авгаря представляетъ намъ Спасителя учащимъ, а образъ Вероники страдающимъ. Преданіе о Вероникѣ имѣетъ много редакцій. Самая извѣстная слѣдующая: когда Іисусъ Христосъ веденъ былъ на распятіе и упалъ подъ тяжестью Своего креста, одна сострадательная женщина поспѣшила къ Нему съ полотенцемъ и отерла потъ съ Его лица. На этомъ полотенцѣ отразилось лицо Спасителя.—Нѣкоторые далѣе самое имя Вероники производятъ отъ словъ: истинный образъ — vera εἰκών, но это болѣе остроумная догадка, чѣмъ опредѣленное объясненіе происхожденія образа.

Существуютъ также и другія преданія о внѣшнемъ видѣ Господа въ письменныхъ памятникахъ позднѣйшаго времени, которымъ однако старались придать значеніе глубокой древности. Таковъ напр. докладъ римскому сенату извѣстнаго Лентула, друга Пилатова, который во время Іисуса Христа находился въ Іерусалимѣ, какъ praeses hierosalymitanorum. (См Fabricii codex apocryphus Noui Test. Hambourgi 1703, I, 301-2).

Письмо Лентула явилось первоначально въ XII вѣкѣ; но и у болѣе раннихъ писателей мы находимъ отрывочныя свидѣтельства о внѣшнемъ видѣ Господа, которыя основываются, очень можетъ быть, на чисто историческомъ преданіи.

Разсмотрѣвъ внѣевангельскія свидѣтельства о жизни Іисуса Христа, мы приходимъ послѣ того къ заключенію, что нужно держаться тѣхъ свидѣтельствъ о лицѣ Спасителя, какія находимъ въ каноническихъ евангеліяхъ. Все остальное можетъ только показать намъ, какъ ошибочно было бы наше представленіе о христіанствѣ, если бы мы не имѣли евангелій каноническихъ.

Апостолы и преданія о нихъ [1]).

Отъ исторіи Іисуса Христа переходимъ къ исторіи его учениковъ и апостоловъ. Въ широкомъ смыслѣ учениками Спасителя называются всѣ, которые охотно слушали Его ученіе, вѣрили въ Его мессіанское достоинство и по вознесеніи Его на небо составили первую основу христіанской общины. Апостолъ Павелъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что Господь по своемъ воскресеніи однажды явился болѣе, чѣмъ пятистамъ братьямъ (1 Кор. XV, 16). Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ учениковъ Господа признается только семьдесятъ, и въ самомъ ближайшемъ общеніи съ Господомъ находились только 12, которые и называются апостолами. По свидѣтельству новаго завѣта (Мѳ. X, 1 и сл.,—Мрк. Ш, 16 и сл.,

---

[1]) а) Первые проповѣдники евангелія (изъ Моно) *Пр. О.* 1862. б) Бесѣды о св. апостолахъ *В. Чт.* XVШ. в) Сборникъ церковныхъ сказаній объ апостолахъ *Пр. О.* 1862. № 1. г) Апостолы Ренана. Отзывъ въ *Пр. О.* 1866. № 6. д) Апостолы Яковлева Спб. 1860 е) Ап Андрей Первозванный *Хр. Чт.* 1804 и 1869 гг. *В. Чт* X. ж) Ап. Петръ *В Чт.* XVШ. з) Ап. Ѳома *В. Чт.* XI и *Кіев. Еп. Вѣд.* 1876. и) Іоаннъ Богословъ *Хр Чт.* 1844. і) Іаковъ братъ Божій, первый епископъ іерусалимскій *Хр. Чт.* 1846. к) Св. Смирновъ. Апокрифическія сказанія о Божіей матери и дѣяніяхъ апостоловъ. *Пр. О.* 1873. л) Эмина. Сказаніе о преставленіи Богоматери и объ образѣ, писанномъ ап. Іоанномъ. *Пр. О.* 1874.

Дѣян. 1, 13) эти 12 были слѣдующіе: Симонъ, прозванный Кифою и его братъ Андрей, сыновья Іонины; далѣе Іаковъ и Іоаннъ, сыновья Зеведеевы Филиппъ, Варфоломей, Ѳома и Матѳей мытарь, Іаковъ младшій, сынъ Алфея, и Ѳаддей иначе Левій, (онъ же Іуда братъ Іакова), Симонъ Зилотъ и злосчастный Іуда Искаріотскій, на мѣсто котораго впослѣдствіи избранъ былъ Матѳей. О личности апостоловъ св. Писаніе сообщаетъ гораз до менѣе, чѣмъ сколько мы желали бы знать. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ евангелій, о другихъ изъ продолженія евангелія Луки, извѣстнаго подъ именемъ Дѣяній апостольскихъ, которое впрочемъ не содержитъ въ себѣ обстоятельной исторіи всѣхъ апостоловъ, объ однихъ разсказываетъ очень много, о другихъ совершенно умалчиваетъ. Для внимательнаго читателя евангелій очевидно, что изъ этихъ 12 апостоловъ только три являются особенно близкими къ Іисусу Христу, именно Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, и то послѣдній болѣе ради своего брата. Объ нихъ говорится въ евангеліи болѣе всего, тогда какъ остальные остаются на заднемъ планѣ и упоминаются только по особымъ случаямъ, какъ напр. Андрей, Филиппъ, Ѳома. О Варооломеѣ мы ничего не знаемъ, если только онъ не тождественъ съ Наѳанаиломъ, какъ думаютъ многіе. Точно также ничего мы не знаемъ о Симонѣ Кананитѣ.

Далѣе относительно исторіи апостоловъ источникомъ служатъ преданія, которыя частію дополняютъ свидѣтельства евангелія и Дѣяній Апостольскихъ, частію даютъ намъ исторію ихъ жизни отъ начала до конца. Мы не имѣемъ права пользоваться этими преданіями безъ критики и должны строго различать правдивыя или по крайней мѣрѣ правдоподобныя сказанія отъ вымысловъ, лишенныхъ всякой исторической основы. Такъ напр. древнія преданія о послѣдней судьбѣ апостола Петра и объ апостолѣ Іоаннѣ, о чемъ ничего не сообщаетъ намъ свящ. писаніе, заслуживаютъ по крайней мѣрѣ вниманія и изслѣдованія, между тѣмъ какъ въ послѣдующее время явилось нѣсколько такихъ преданій объ апостолахъ, которыя по своей недостовѣрности подобны апокрифамъ о жизни Спасителя. Такъ о всѣхъ апостолахъ вмѣстѣ сообщается, будто они общими усиліями сочинили апостольскій символъ, будто-бы каждый изъ 12 апостоловъ составилъ одинъ изъ 12 членовъ символа, будто бы они раздѣлили между собою по жребію— кому гдѣ проповѣдывать, и будто бы они всѣ оставались въ безбрач-

номъ состояніи. Обо всемъ этомъ ничего не говоритъ намъ священное писаніе.

Симонъ Петръ, сынъ Іоны, рыбакъ изъ Виѳсаиды, котораго Господь призвалъ отъ сѣтей, чтобы сдѣлать его ловцемъ человѣковъ, столько извѣстенъ намъ изъ евангельской исторіи, что едвали нужно вспоминать о важнѣйшихъ моментахъ, когда выступаетъ онъ, какъ человѣкъ быстрый, горячій, большею частію говорящій отъ лица другихъ учениковъ и смѣло высказывающій истину, когда тѣ еще находятся въ замѣшательствѣ. Его прекрасное исповѣданіе: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. XVI, 16); его неустрашимая рѣшимость слѣдовать за Господомъ всюду, его отреченіе, его раскаяніе, его шествіе на встрѣчу Господу по водамъ озера и замѣчательнѣйшія слова Господа къ нему: *Симоне Іонинъ, любиши ли мя? паси агнцы моя! паси овцы моя!* (Іоан. XXI, 15 и сл.),—все это извѣстно намъ съ раннихъ лѣтъ дѣтства. Его образъ—образъ человѣка съ прекрасною мужественною головою, въ борьбѣ съ волнами стремящагося ухватиться за руку Господа. Послѣ вознесенія Іисуса Христа, какъ воодушевленный Богомъ проповѣдникъ, выступаетъ Петръ отъ лица всѣхъ въ день Пятидесятницы (Дѣян. II, 14 и сл.). Изъ его устъ впервые слышимъ мы проповѣдь о Христѣ воскресшемъ. Мы видимъ: онъ забрасываетъ свою сѣть на собравшуюся толпу народа и около трехъ тысячъ человѣкъ привлекаетъ въ царство Мессіи. Въ Іудеѣ, въ Самаріи онъ проповѣдуетъ ученіе о воскресшемъ (Дѣян. VIII, 14 и сл.) и, наставленный божественнымъ видѣніемъ, онъ, хотя и былъ собственно апостоломъ обрѣзанія, принимаетъ въ церковь и язычниковъ и даже защищаетъ ихъ дѣло предъ апостолами (Дѣян. X). Если онъ, по свидѣтельству одного посланія ап. Павла, и колебался по временамъ въ своемъ поведеніи относительно язычниковъ (во время пребыванія въ Антіохіи, Гал. II, 11), то никогда онъ не колебался во всецѣлой преданности христіанской вѣрѣ. Ни темница, ни узы не могли удержать его отъ проповѣди евангелія о Христѣ. Его чудесное освобожденіе изъ темницы въ Іерусалимѣ было послѣднимъ событіемъ изъ всего, что сообщаетъ намъ книга Дѣяній Апостольскихъ о личной судьбѣ этого апостола (Дѣян. XII, 4 и сл.) Только однажды послѣ того онъ является на іерусалимскомъ соборѣ (Дѣян. XV, 7 и сл.), чтобы свидѣтельствовать о необходимости болѣе свободнаго отношенія къ язычникамъ. Съ этихъ поръ мы можемъ разсказывать о его судьбѣ частію по догадкамъ, частію по отрывочнымъ свидѣтельствамъ, связывая все

это вмѣстѣ, насколько возможно. Исходнымъ пунктомъ для насъ прежде всего можетъ служить первое посланіе ап. Петра, писанное изъ Вавилона. Отсюда мы можемъ заключить о томъ, что ап. Петръ былъ въ Вавилонѣ, хотя и не можемъ сказать ничего болѣе о его дѣятельности въ этой странѣ. По преданію, апостолъ проповѣдывалъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, проконсульской Азіи, Виѳиніи и главнымъ образомъ въ Римѣ. Но преданіе не довольствуется тѣмъ, что свидѣтельствуется о проповѣди апостола въ Римѣ. По преданію Петръ былъ основателемъ и первымъ епископомъ римской церкви; точно также, какъ утверждаетъ оно, будто онъ былъ епископомъ антіохійскимъ. Преданіе сообщаетъ о побѣдоносномъ спорѣ ап. Петра съ Симономъ магомъ, съ которымъ онъ имѣлъ столкновеніе еще въ Самаріи (Дѣян. VIII). Наконецъ оно сообщаетъ намъ о смерти ап. Петра въ Римѣ. Во время Неронова гоненія, ап. будто бы хотѣлъ уйти изъ Рима, но на пути встрѣтилъ Господа. Онъ спросилъ Господа: *Господи! куда идеши?* И Господь сказалъ ему на то: *въ Римъ, чтобы вторично быть распятымъ.* Петръ понялъ намекъ. Онъ возвратился въ Римъ и предалъ себя на распятіе, хотя и просилъ, чтобы его распяли внизъ головою, такъ какъ не считалъ себя достойнымъ умереть такъ, какъ умеръ его Господь и учитель. Что вѣроятнаго въ этомъ преданіи,—рѣшить трудно. Рѣшеніемъ этого вопроса до сего дня весьма внимательно занимаются историки двухъ исповѣданій—католическаго и протестантскаго [1]). Само собою понятно, что для римской церкви весьма важно утверждать, что ап. Петръ былъ первымъ епископомъ въ Римѣ, и доказать что всѣ папы суть преемники ап. Петра. Но было бы слишкомъ несправедливо утверждать, что все это преданіе выдумано въ интересахъ папской системы: оно древнѣе, чѣмъ эта система, и восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства Петръ былъ апостоломъ обрѣзанія. Его имя поэтому въ время было въ величайшемъ уваженіи у іудео-христіанскихъ общинъ; іудео-христіанскія общины, основанныя Петромъ, различались отъ церквей, основанныхъ Павломъ, хотя и не должно считать это различіе слишкомъ широкимъ, доходящимъ до противоположности, какъ дѣлаютъ это многіе ученые настоящаго времени. Гораздо менѣе, чѣмъ объ ап. Петрѣ, мы знаемъ объ его братѣ *Андреѣ*. Хотя въ еван-

[1]) См. диспутъ о пребываніи ап. Петра въ Римѣ *Пр. О.* 1872.

геліи онъ упоминается, какъ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Спасителя, но въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ не говорится о немъ ничего, и мы совершенно теряемъ его изъ виду. Мы находимъ его снова уже въ области изукрашеннаго преданія. По словамъ этого преданія, онъ проповѣдывалъ евангеліе въ Скиѳіи, въ Греціи, позднѣе въ Малой Азіи и былъ распятъ въ Патрѣ, въ Ахаіи, на крестѣ, имѣющемъ видъ буквы X, который теперь поэтому называютъ андреевскимъ крестомъ [1]).

На ряду съ двумя братьями—Петромъ и Андреемъ извѣстны намъ два сына Зеведеовыхъ — *Іаковъ* и *Іоаннъ*, которыхъ Господь назвалъ сынами грома (Марк. III, 17) и за которыхъ мать ихъ просила у Господа, чтобы Онъ посадилъ ихъ одного по правую, другаго по лѣвую сторону Себя въ царствѣ Своемъ. Но Іисусъ указалъ ей на чашу страданій, на крещеніе смертію, которое предстояло Ему, но дать мѣсто по правую и по лѣвую сторону отказалъ, говоря, что это зависитъ не отъ Него, а оттого, кому Отецъ приготовитъ это мѣсто (Матѳ. XX, 22 и сл.). На Іаковѣ старшемъ буквально исполнилось предсказаніе Спасителя, что онъ будетъ крещенъ крещеніемъ своего учителя. О немъ сообщаетъ намъ книга Дѣяній апостольскихъ (XII, 2), что онъ по приказанію Ирода Агриппы былъ обезглавленъ въ 45 или въ 44 г. по Р. Х. Тѣмъ удивительнѣе представляется разсказъ преданія, будто бы онъ былъ апостоломъ Испаніи и будто бы мощи его почиваютъ въ знаменитомъ торговомъ городѣ Испаніи Сантъ-Яго де Компостелла. Въ канонѣ и исторіи новаго завѣта самое видное мѣсто занимаетъ личность его брата *Іоанна*, возлюбленнаго ученика Господа и евангелиста. Мы хотимъ обратить вниманіе только на то, что характеристика, какую далъ этому ученику Господь, была совершенно иная, чѣмъ та, какую далъ онъ апостолу Петру. Петръ—человѣкъ дѣла, Іоаннъ — человѣкъ мысли, глубокаго внутренняго чувства. Поэтому его отношеніе къ Іисусу Христу было болѣе личнымъ, тайнымъ, лежащимъ въ глубинѣ его духа. Ему не было ближайшимъ образомъ дано порученіе основывать церковь, заботиться о ней, руководить ее; но къ нему обращены были слова: Ἰδοὺ ἡ μήτηρ σου: ему поручено

---

[1]) Разборъ преданія о посѣщеніи ап. Андреемъ Скиѳіи у пр. Макарія въ *исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра.*

было сокровище сердца. Мы были бы несправедливы, если бы думали, что Іоаннъ имѣлъ душу слабую, какъ это думаютъ нѣкоторые, ложно понимая его ученіе о любви. Все обнаруживаетъ въ немъ сильную природу — даже суровость характера, которая замѣтно съ лѣтами все болѣе и болѣе смягчалась и облагораживалась. Такимъ образомъ Іоаннъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, какъ евангелистъ, сообщилъ намъ не столько о внѣшнихъ дѣлахъ Спасителя, не столько описалъ Его рѣчи, сказанныя по извѣстнымъ представившимся случаямъ, но будучи богословомъ, какъ называетъ его церковь, болѣе открылъ намъ глубину Божества, какая сокровенна была во Христѣ. Впрочемъ мы находимъ свидѣтельство и о его внѣшней дѣятельности для распространенія христіанства въ молодые годы. Прежде всего онъ извѣстенъ намъ изъ книги Дѣяній, какъ сопутникъ ап. Петра въ его путешествіяхъ въ Іудею и Самарію (Дѣян. Ш, 1 и сл. VIII, 14 и сл.); потомъ кажется онъ долгое время жилъ въ Іерусалимѣ и можетъ быть въ Галилеѣ. Куда онъ отправился оттуда, мы ничего не знаемъ изъ книгъ новаго завѣта. По словамъ древняго преданія, онъ долго жилъ въ Малой Азіи и особенно много заботился, послѣ смерти ап. Павла, о укрѣпленіи христіанской вѣры въ Ефесѣ. Мнѣніе, что евангелистъ Іоаннъ сочинилъ Апокалипсисъ на островѣ Патмосѣ, основывается на прямомъ свидѣтельствѣ самой этой книги (Апок. 1, 9); но что онъ посланъ былъ туда въ ссылку Домиціаномъ или другимъ какимъ либо императоромъ, это—простое преданіе, точно также, какъ легендарно свѣдѣніе, что онъ прежде былъ въ Римѣ погруженъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ и вышелъ оттуда невредимымъ. Существуетъ еще преданіе, что онъ безъ вреда выпилъ кубокъ, наполненный ядомъ; поэтому часто при изображеніи ев. Іоанна рисуется кубокъ съ змѣею на немъ, который служитъ символомъ яда. По единогласному свидѣтельству древней церкви, Іоаннъ достигъ глубокой старости: онъ жилъ до конца перваго столѣтія нашей эры и умеръ вѣроятно въ Ефесѣ. О немъ составился цѣлый отдѣлъ легендъ, на которыхъ мы считаемъ нужнымъ еще нѣсколько остановиться. Такъ напр. въ одной легендѣ разсказывается, будтобы однажды ев. Іоаннъ встрѣтился въ общественной банѣ съ еретикомъ Керинѳомъ, но увидя еретика, тотчасъ же вышелъ изъ бани и не захотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ быть, опасаясь, какъ бы не обрушился потолокъ. Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ духу христіанства и общему характеру ев. Іоанна дру-

гое легендарное преданіе, будто бы онъ, будучи въ глубокой старости, заставлялъ учениковъ своихъ приносить себя въ общество вѣрныхъ и повторялъ всегда одни и тѣже слова: *дѣти, любите другъ друга.* Слова, сказанныя Господомъ объ Іоаннѣ; *„хощу, да той пребываетъ, донделе пріиду“* (Іоан. XXI, 22), ложно понятыя дали основаніе для предположенія, что онъ не умеръ. И дѣйствительно многіе думаютъ, что онъ какъ Энохъ и Илія, живой взятъ былъ на небо. По словамъ легенды, которую передаетъ Августинъ, Іоаннъ самъ приготовилъ себѣ гробъ и потомъ собираясь умирать, легъ въ него, какъ въ постель. Но распространено было убѣжденіе, что онъ не умеръ, а только уснулъ, что его дыханіе колеблетъ землю надъ его гробницей и бѣлая пыль постоянно вылетаетъ изъ глубины ея. Даже до IV в. нѣкоторые восторженные люди ожидали видимаго возвращенія этого апостола.

О *Филиппѣ* изъ Виѳсаиды, который вступилъ въ число учениковъ Спасителя одновременно съ Петромъ и Іоанномъ, мы знаемъ очень мало. Дѣянія апостольскія не разсказываютъ намъ о немъ ничего. По одному древнему и не совсѣмъ лишенному вѣроятія преданію, онъ проповѣдывалъ евангеліе во Фригіи и умеръ въ Гераполисѣ, въ глубокой старости. Нерѣдко смѣшиваютъ этого апостола съ діакономъ Филиппомъ, который обратилъ вельможу царицы еѳіопской.—*Варѳоломея* мы изъ евангелія знаемъ только по имени, если не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что этимъ именемъ называется, упоминаемый въ евангеліи Іоанна, Наѳанаилъ, „истинный израильтянинъ безъ лукавства“. Напротивъ, легендарныя сказанія сообщаютъ о немъ, будто-бы онъ былъ княжескаго происхожденія, сынъ царя Птоломея, и будто бы онъ даже тогда, когда былъ ученикомъ Спасителя, носилъ свою пурпуровую одежду. Спаситель предсказалъ ему, что онъ со временемъ долженъ будетъ разорвать пурпуровую мантію своего тѣла; и это буквально исполнилось, такъ какъ въ Арменіи, гдѣ онъ проповѣдывалъ, съ него живаго содрали кожу. Поэтому его изображаютъ съ ножемъ въ рукѣ и съ подрѣзанной кожей на запястьѣ. По другой редакціи легендарнаго сказанія Варѳоломей проповѣдывалъ евангеліе въ Индіи.—*Симонъ Кананитъ*, котораго называютъ также Зилотомъ (ревнителемъ), также намъ неизвѣстенъ. Нѣкоторые думаютъ, что это былъ тотъ самый Кананитъ, у котораго Господь совершилъ на бракѣ свое первое чудо. Позднѣйшія легенды свидѣтельствуютъ, что онъ проповѣдывалъ въ Азіи и въ Африкѣ, и въ Персіи былъ распиленъ пополамъ, благо-

даря настоянію языческихъ жрецовъ.—Что *Ѳома*, который за свое кратковременное сомнѣніе въ дѣйствительности воскресенія Христова названъ былъ невѣрнымъ, проповѣдывалъ въ Индіи,—это преданіе, которому многіе вѣрили и вѣрятъ, но которое ничего не даетъ намъ достовѣрнаго; такъ какъ называемыя послапія Ѳомы очевидно позднѣйшаго происхожденія. По болѣе древнему преданію онъ проповѣдывалъ евангеліе парѳянамъ. *Матѳей*, или иначе Левій, сынъ Алѳея, призванный Господомъ отъ мытницы (Матѳ. IX, 9 и сл.), извѣстенъ намъ по евангелію, которое носитъ его имя. Гдѣ онъ проповѣдывалъ евангеліе, съ точностью неизвѣстно. По словамъ преданія — въ Ефіопіи. Относительно *Іакова Младшаго* и *Ѳаддея* (Іуды Левія) существуетъ вопросъ,—не тѣ ли они личности, которыя въ другихъ мѣстахъ называются братьями Господа. Во всякомъ случаѣ эти два апостола не были братьями Господа по плоти, а вѣроятно были братья двоюродные; и вообще въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы должны понимать слова писанія, гдѣ упоминаются еще и братья Господа кромѣ этихъ двухъ апостоловъ. Впрочемъ этотъ вопросъ, которымъ доселѣ занимаются ученые, остается нерѣшеннымъ. Мы замѣтимъ только, что *Іаковъ*, котораго церковь называетъ братомъ Господнимъ, и который заслужилъ себѣ названіе „праведнаго“, долгое время былъ епископомъ въ Іерусалимѣ и вѣроятно ему принадлежитъ „Посланіе Іакова“, находящееся въ библіи. По словамъ Флавія, онъ былъ побитъ камнями по приказанію первосвященника Ананіи; по другимъ извѣстіямъ, которыя находимъ мы у христіанскихъ писателей, онъ, во время народнаго волненія, введенъ былъ своими врагами на кровлю храма для проповѣди народу; но когда онъ открыто исповѣдывалъ, что Іисусъ есть Спаситель міра, его низвергли, и такъ какъ онъ убился не до смерти, то его добили палками.

О *Іудѣ Ѳаддеѣ* мы уже упоминали, что онъ, по словамъ преданія, посланъ былъ въ область князя едесскаго Авгаря, чтобы исцѣлить его во имя Іисуса Христа. Мы говорили, на какихъ слабыхъ основахъ утверждается это преданіе. По словамъ позднѣйшихъ преданій онъ умеръ мученическою смертію: по однимъ—былъ распятъ, по другимъ —убитъ стрѣлою. Наконецъ о *Матѳеѣ*, который послѣ вознесенія Господа избранъ былъ по жребію на мѣсто Іуды Искаріотскаго (Дѣян. I, 26), мы также ничего не знаемъ достовѣрнаго. Только позднѣйшее преданіе свидѣтельствуетъ, будто онъ проповѣдывалъ евангеліе въ Ѳѳі-

опіи и скончался мученически; но можетъ быть оно смѣшиваетъ его съ ев. Матѳеемъ.

Если мы обратимъ взглядъ назадъ на исторію 12 апостоловъ, то мы должны будемъ удивиться, тому, какъ мало книга, носящая названіе Дѣяній апостольскихъ, сообщаетъ намъ о этихъ 12 ученикахъ Господа. О многихъ апостолахъ она умалчиваетъ, и даже исторію главныхъ апостоловъ, столповъ церкви, доводитъ только до извѣстнаго времени. Напротивъ, большая половина этой книги сообщаетъ о дѣятельности человѣка, который не былъ въ числѣ 12 апостоловъ, но который, по его собственнымъ словамъ, „болѣе потрудился, чѣмъ всѣ они“ (1 Кор. XI, 10), о человѣкѣ, который справедливо присвоилъ себѣ имя и достоинство апостола, такъ какъ проникнутъ былъ сознаніемъ, что непосредственно былъ призванъ Господомъ, и далъ самыя очевидныя доказательства этого призванія. Это былъ избранный свидѣтель Господа, апостолъ язычниковъ, Павелъ.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Первенствующая церковь и апостолъ Павелъ.

Первая христіанская пятидесятница. Общеніе имуществъ [1]).

Первый христіанскій праздникъ Пятидесятницы можно назвать днемъ рожденія церкви христіанской. Не подвергая изслѣдованію чудесное событіе, совершившееся въ этотъ день, мы остановимся только на историческомъ слѣдствіи его. Послѣ проповѣди ап. Петра крестилось три тысячи человѣкъ, и эти первенствующіе христіане постоянно пребывали въ апостольскомъ ученіи, въ общеніи, въ преломленіи хлѣба и въ молитвѣ (Дѣян. II, 42). Кромѣ того, по свидѣтельству Дѣяній, они имѣли все общее; потому что продавали свои имѣнія и раздѣляли между собою сообразно нуждѣ каждаго (ст. 45). Объ этомъ общеніи имуществъ въ первенствующей церкви много пишется въ настоящее время. Слѣдуетъ ли понимать это мѣсто Дѣяній буквально? Кажется нельзя отрицать такого пониманія, взявъ во вниманіе весь контекстъ повѣствованія. Но не слѣдуетъ забывать, что: а) было общеніе имуществъ только между немногими личностями, которые рѣшились на то добровольно, по побужденію любви; б) это общеніе имуществъ не было узаконено и обязательно. Злосчастный Ананія, желавшій удержать часть вырученныхъ за продажу имущества денегъ, былъ такъ жестоко наказанъ не за эту удержку своей собственности, а за ложь, за утайку, за притворство—за то,

---

[1]) День сошествія св. Духа. *Пр. Соб.* Общеніе имуществъ и пр. *Хр. Чт.* 1832. Очеркъ исторіи апостольской церкви (изъ Лютардта). *Пр. Об.* и *Труды К. Д. А.* 1868. Иннокентія сошествіе Св. Духа на апостоловъ. *Странникъ.* 1868. О дарахъ св. Духа въ первенствующей церкви *Дух. Вѣстн.* 1865. Голубева. Первый праздникъ пятдесятницы въ апост. вѣкѣ. *Дух. Бес.* 1859.

что желалъ казаться безкорыстнѣйшимъ, не будучи такимъ на самомъ дѣлѣ: в) такой коммунизмъ въ томъ видѣ, какъ изображаетъ намъ книга Дѣяній, продолжался только самое короткое время; мы вскорѣ замѣчаемъ, что какъ вообще въ христіанскихъ общинахъ, такъ и въ частности въ христіанской общинѣ іерусалимской, были бѣдные, которые нуждались въ попеченіи, и собственно для вспомоществованія имъ избраны были особые раздаятели милостыни семь діаконовъ (Дѣян. VI). Это приводитъ насъ къ изученію устройства христіанской общины.

Устройство первенствующей церкви [1]).

Мы должны представлять это устройство какъ можно проще. Очевидно, первые христіане, обращенные къ вѣрѣ въ Христа изъ іудеевъ, имѣли устройство по образцу синагоги. Очевидно, они не имѣли намѣренія,—принимая вѣру во Христа, оставлять совершенно религію своихъ отцевъ. Первые іудеохристіане были и оставались въ сущности іудеями и отличались отъ своихъ единовѣрцевъ только тѣмъ, что Мессію, котораго тѣ еще ожидали, признавали уже пришедшимъ; Іисусъ, изъ Назарета, котораго тѣ распяли, для нихъ дѣйствительно былъ Тѣмъ, о Комъ предвозвѣщали пророки и свидѣтельствовали чудеса и знаменія, особенно же чудо воскресенія. Они считали себя поэтому истинными израильтянами, истиннымъ народомъ Божіимъ, духовнымъ Израилемъ, который узналъ время спасенія и воспользовался имъ, — тогда какъ невѣрующіе іудеи считали ихъ отдѣлившеюся сектою и въ знакъ презрѣнія называли ихъ *назорэями* и *галилеянами*. Естественно—апостолы были первыми руководителями этой общины; вскорѣ являются старѣйшіе въ средѣ христіанъ *πρεσβύτεροι*,—которыхъ по ихъ положенію въ общинѣ можно сопоставить съ старѣйшинами въ синагогахъ. Что касается діаконовъ, то извѣстно, что они были избраны всею общиною съ цѣлію облегчить труды апостоловъ и имъ поручены были именно заботы о бѣдныхъ. *Οὐκ ἀρεστόν ἐστιν ἡμᾶς, καταλείψαντας τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ, διακονεῖν τραπέζαις. ἐπισκέψασθε οὖν ἀδελ-*

---

[1]) Св. Михайловскаго. Устройство христ. церкви въ 1-мъ вѣкѣ при апостолахъ. *Дух. Вѣстн.* 1865. Церковный судъ въ 1-мъ христ. вѣкѣ ibid. Апостолы соч. Ренана Критич. ст. Прессансе. *Дух. Вѣст.* 1866.

φοῖ ἀνδρὰς ἐξ ὑμῶν μαρτυρουμένους ἑπτα, πλήρεις πνεύματος ἁγιου καὶ σοφίας, οὕς καταστήσομεν ἐπὶ της χρείας ταυτης ἡμεῖς δὲ τῇ προσευχῇ καὶ τῇ διακονίᾳ τοῦ λόγου προσκαρτερήσομεν (Дѣян. VI, 2—3). Но при этомъ вовсе не было сказано, что діаконы, кромѣ ввѣренной имъ заботы о бѣдныхъ, не имѣютъ права принимать участія въ дальнѣйшемъ распространеніи евангелія. Напротивъ мы знаемъ, что двое изъ этихъ семи діаконовъ — Стефанъ и Филиппъ извѣстны болѣе по своей весьма значительной дѣятельности, какъ проповѣдники евангелія. Изъ этихъ семи діаконовъ видимъ мы и перваго мученика за исповѣданіе истины, во время гоненія на юную христіанскую общину.

Первыя гоненія. Начало обращенія язычниковъ[1]).

О этомъ гоненіи мы теперь и будемъ говорить. Оно началось главнымъ образомъ не со стороны фарисеевъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а со стороны саддукеевъ. Для этого были особенныя причины. Саддукеи отвергали воскресеніе и поэтому съ ненавистью отнеслись къ христіанамъ, исповѣдывавшимъ ученіе о Воскресшемъ. Уже въ то время, какъ Петръ и Іоаннъ, исцѣливъ хромого при дверяхъ храма, стали открыто и ясно проповѣдывать ученіе о Христѣ, они были схвачены и отпущены съ приказаніемъ ничего болѣе не говорить объ имени Іисусовомъ (Дѣян. IV, 18). Но когда они отказались выполнить это приказаніе, говоря, что слѣдуетъ болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, то саддукеи опять первые прибѣгли къ безполезнымъ мѣрамъ насилія, тогда какъ представитель фарисеевъ—Гамаліилъ высказалъ очень вѣрное и снисходительное замѣчаніе: ἐὰν ᾖ ἐξ ἀνθρώπων ἡ βουλὴ ἢ τὸ ἔργον τοῦτο, καταλυθήσεται, εἰ δὲ ἐκ Θεοῦ ἐστιν, οὐ δύνασθε καταλῦσαι, μὴ ποτε καὶ θεομάχοι εὑρεθῆτε. (Дѣян. V, 38, 9). Между тѣмъ выступила теперь на борьбу съ христіанами партія элли-

---

[1]) Первый допросъ апостоламъ въ іудейскомъ синедріонѣ. *Хр. Чт.* 1832. Убіеніе св. Стефана первомученика. *Хр. Чт.* 1834. Обращеніе Корнилія сотника. *Хр. Чт.* 1835. Idem. *Воск. Чт. II, XII.* Чельцова. Распространеніе христіанства св. апостолами. Св. первомученикъ Стефанъ. *Хр. Чт.* 1852. Idem. *Хр. Чт.* 1862. *Воскр. Чт.* II.

нистовъ, которые составляли въ Іерусалимѣ особую школу и въ библіи называются „либертинцами, киренаиками и александрійцами“. Они возбудили ненависть къ Стефану, о которомъ говорится въ библіи, что онъ совершалъ чудеса и великія знаменія въ средѣ народа,—возбудили потому, что при спорахъ съ нимъ эти любители споровъ не могли устоять предъ тою мудростію и тѣмъ воодушевленіемъ, съ какимъ говорилъ онъ. Рѣчь св. Стефана, отличающаяся глубокою силою, извѣстна, а равно и исторія его кончины (Дѣян. VII). Церковь очень рано начала чтить память своего первомученика.

Уже въ это время обнаружилось, что кровь мучениковъ есть сѣмя церкви. Вскорѣ послѣ смерти Стефана началось жестокое гоненіе на церковь іерусалимскую, и вѣрующіе разсѣялись по Галилеѣ и Самаріи. И это самое разсѣяніе послужило къ распространенію христіанства (Дѣян. VIII). Въ Самаріи мы видимъ діакона Филиппа дѣятельно распространяющимъ христіанство; по его слѣдамъ шли апостолы Петръ и Іоаннъ, которые докончили его дѣло, возложивъ руки на вѣрующихъ и низвели на нихъ Духа Святаго. Далѣе, Филиппъ обратилъ на пути изъ Іерусалима въ Газу нѣкоего эвнуха царицы ефіопской. Онъ встрѣтилъ его въ то время, когда тотъ, сидя въ своей колесницѣ, углубился въ чтеніе пророчества Исаіи, и доказавъ ему, что І. Христосъ есть Мессія, крестилъ его. По сказанію позднѣйшихъ легендъ, этотъ новообращенный вельможа проповѣдывалъ на о. Цейлонѣ и умеръ тамъ мученическою смертію. О Филиппѣ же книга Дѣяній сообщаетъ намъ, что ангелъ Господень восхитилъ его и онъ болѣе не видѣлся съ вельможею. Съ этихъ поръ онъ проповѣдывалъ евангеліе въ приморскихъ городахъ Палестины, въ Азотѣ и его окрестностяхъ, и дошедъ до Кесаріи, основалъ здѣсь свое постоянное мѣстопребываніе (Дѣян. VIII, 40). Точно также и ап. Петръ посѣтилъ этотъ городъ (Дѣян. IX). Когда ап. Петръ остановился въ Іоппіи у Симона кожевника, онъ былъ вразумленъ посредствомъ божественнаго видѣнія, что средостѣніе между іудеями и не іудеями пало, и проникнутый убѣжденіемъ, что Богъ не взираетъ на лица, но что во всякомъ народѣ боящійся Бога и творяй правду угоденъ Ему есть, Петръ въ Кесаріи принялъ въ общеніе съ церковію римскаго сотника Корнилія, который дотолѣ былъ прозелитомъ вратъ, и крестилъ его. Духъ Господень снизшелъ на Корнилія и его семейство и Его дѣйствіе было такоеже, какъ и въ день Пятидесятницы (Дѣян. X).

Вскорѣ послѣ того, при Иродѣ Агриппѣ, началось новое преслѣдованіе на іудейскія общины, во время котораго Іаковъ старшій былъ умерщвленъ мечемъ, и ап. Петръ спасенъ былъ благодаря чуду (Дѣян. XII). Немного спустя Иродъ жестоко раскаялся въ своемъ насиліи. Ангелъ Господень, — говорится въ Дѣяніяхъ, — поразилъ его, ибо онъ не воздалъ славы Богу. Во время общественныхъ гладіаторскихъ игръ, которыя онъ учредилъ въ Кесаріи, когда ему воздавали почести какъ Богу, напала на него ужасная болѣзнь, которая внезапно поразила его смертію. И вѣроятно съ этого времени Іерусалимъ снова сталъ главнымъ мѣстопребываніемъ апостоловъ и Іаковъ праведный, какъ братъ Господа и какъ носящій достоинство апостола, выступилъ во главѣ іерусалимской общины.

Апостолъ Павелъ[1]).

Съ этихъ поръ мы можемъ обратить вниманіе на человѣка, который распространилъ христіанство далеко за границы Палестины, ввелъ его, можно сказать, во весь міръ, положилъ начало христіанской миссіи въ средѣ язычниковъ. Читая исторію побіенія камнями Стефана, мы встрѣчаемъ тамъ упоминаніе о юношѣ Савлѣ, къ ногамъ котораго убійцы слагали свои одежды. Дѣянія замѣчаютъ объ этомъ юношѣ, что онъ радовался смерти Стефана. Этотъ юноша былъ, насколько знаемъ мы его прежнюю исторію, родомъ изъ Тарса, главнаго города Киликіи, и пользовался правомъ римскаго гражданства. Онъ получилъ образованіе въ Іерусалимѣ, у Гамаліила, и принадлежалъ къ

---

[1]) а) Преосв. Иннокентія Жизнь св. а. Павла. *Хр. Чт.* 1826 и отдѣльно. б) Голубева Характеръ св. а. Павла *Хр. Чт.* 1864. в) Прощаніе а. Павла съ ефесскими пресвитерами. *Воскр. Чт.* XVIII, *Рук. д с п.* 1869. г) Бл. Іеронима. О св. а. Петрѣ и Павлѣ. *Воскр. Чт.* XX д) Отзывъ французскихъ журналовъ о книгѣ Ренана: А. Павелъ. *Пр. Об.* 1869. е) Х. М. Орды. Очеркъ жизни а. Павла, какъ введеніе въ его посланія *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1864. ж) Блаж. Іеронимъ и бл. Августинъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (Излагается разногласіе Іеронима и Августина по вопросу о столкновеніи а. Петра и Павла въ Антіохіи). *Труды Кіевск Дух. Ак.* 1868. idem. *Чт. Общ. д. пр.* 1875. з) Полисадова Св. а Павелъ (отзывъ въ *Странникѣ* 1863). з) А. Павелъ, какъ свидѣтель истинности еванг. исторіи. *Чтенія въ общ. дух. пр.* 1873. и) Жизнь а. Павла, имъ самимъ изображенная.

сектѣ фарисеевъ. Гуманныя начала, какія высказывалъ Гамаліилъ въ синедріонѣ, не были усвоены его ученикомъ. Напротивъ Савлъ дышалъ жестокостями и убійствомъ противъ учениковъ Господа и, принявъ живое участіе въ гоненіи на христіанъ въ Іерусалимѣ, допрашивалъ въ темницахъ мужей и женъ; онъ выпросилъ потомъ у первосвященника письмо въ Дамаскъ къ тамошнимъ представителямъ синагоги, чтобы они дали ему широкое полномочіе преслѣдовать тамошнихъ христіанъ. На пути туда случилось извѣстное всѣмъ чудесное событіе, которое произвело полную перемѣну въ мысляхъ Савла (Дѣян. IX, 1 и сл.). Въ Дамаскѣ тамошнимъ ученикомъ Спасителя, Ананіею, Савлъ былъ исцѣленъ отъ слѣпоты, которая поразила его во время видѣнія. Ананія возложилъ на него руки, крестилъ его, и съ этого времени, ко всеобщему удивленію, Павелъ исповѣдывалъ Христа Сыномъ Божіимъ. По собственнымъ словамъ ап. Павла въ посланіи къ Галатамъ (I, 17), оставивъ Дамаскъ, онъ долго пробылъ въ Аравіи. Книга Дѣяній апостольскихъ не упоминаетъ объ этомъ времени, но безъ сомнѣнія Павелъ воспользовался имъ, чтобы переработать въ себѣ глубокое впечатлѣніе дамасскаго произшествія и приготовиться къ дѣлу, которому скоро онъ долженъ былъ посвятить себя. Онъ возвратился потомъ снова въ Дамаскъ и только бѣгствомъ спасся отъ преслѣдовавшихъ его іудеевъ. Онъ явился въ Іерусалимъ, гдѣ ап. Варнава представилъ его Петру и Іакову. Изъ Тарса, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько времени, онъ пошелъ вмѣстѣ съ Варнавою въ Антіохію, главный городъ Сиріи. Здѣсь христіанство уже было распространено (Дѣян. XI). И мы можемъ назвать этотъ городъ,—подобно тому какъ Іерусалимъ называется матерью церквей изъ іудеевъ,—матерью церквей изъ язычниковъ. Въ то время какъ христіане іерусалимскіе все еще назывались іудеями, въ Антіохіи они впервые начали называться *христіанами*. Вѣроятно это имя дали имъ язычники, а сами себя они называли просто *братьями* или *вѣрными*. Этотъ же городъ—Антіохія съ этихъ поръ сдѣлался исходнымъ пунктомъ, откуда начиналъ ап. Павелъ проповѣдническія пу-

---

Дух. Бес. 1862. і) Линденберга. О книгѣ Дѣяній апостольскихъ. *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1866. к) Тюбингенская школа. *Труды Кіев. Дух. Ак.* 1863. л) Комарова. Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ. Опытъ разбора отрицавоззрѣній Баура на апост. исторію. *Пр. Об.* 1872.

тешествія. Еслибы мы стали слѣдовать за апостоломъ въ его проповѣдническихъ путешествіяхъ шагъ за шагомъ, это повело бы насъ слишкомъ далеко; и потому мы ограничимся только общимъ обзоромъ.

Первое путешествіе въ сопровожденіи Варнавы и отчасти Іоанна Марка было въ Кипръ, Памфилію, Писидію и Ликаонію Во время этого путешествія, а не съ самаго времени обращенія въ христіанство, какъ обыкновенно думаютъ, перемѣнилъ апостолъ свое прежнее имя Савла на римское имя Павла (ср. Дѣян. XIII, 9). Въ памфилійскомъ городѣ Пергіи Іоаннъ Маркъ отдѣлился отъ своихъ сопутниковъ и возвратился снова въ Іерусалимъ. Но Павелъ и Варнава проповѣдывали далѣе въ городахъ—Антіохіи писидійской, въ Иконіи, Листрѣ, Дервіи. Въ Антіохіи іудеи возбудили противъ нихъ возмущеніе; точно тоже случилось и въ Иконіи. Въ Листрѣ, гдѣ они исцѣлили хромого, народъ принялъ ихъ за боговъ, Варнаву за Юпитера, Павла за Меркурія. Но это обоготвореніе, которое апостолы разумно отъ себя отклонили, скоро обратилось въ преслѣдованіе. Павелъ былъ побитъ камнями и выброшенъ за городъ, какъ мертвый. Изъ Дервіи они начали обратный путь и, возвратившись въ сирійскую Антіохію, собрали общину и возвѣстили, какъ много Богъ совершилъ чрезъ нихъ, какъ Онъ отверзъ двери вѣры язычникамъ. Этимъ и закончимъ исторію перваго миссіонерскаго путешествія (Дѣян. XIII—XIV). Вскорѣ послѣ прибытія Варнавы и Павла возникли раздоры въ антіохійской общинѣ. Виновниками этихъ раздоровъ были іудео-христіане, пришедшіе изъ Іерусалима и утверждавшіе, что христіане изъ язычниковъ, если желаютъ имѣть участіе въ благахъ, даруемыхъ христіанствомъ, должны первоначально чрезъ обрѣзаніе стать іудеями. По этому поводу Павелъ и Варнава были посланы въ Іерусалимъ къ апостоламъ и старѣйшинамъ, чтобы рѣшить эту распрю. Это собраніе апостоловъ называется апостольскимъ соборомъ, но при этомъ не слѣдуетъ представлять себѣ тѣхъ формальностей, съ которыми связаны были соборы позднѣйшаго времени. Это было скорѣе дружеское совѣщаніе, на которомъ дѣйствительно было рѣшено разногласіе и притомъ въ пользу мнѣнія христіанъ изъ язычниковъ. *Ἔδοξε τῷ ἁγίῳ πνεύματι καὶ ἡμῖν, μηδὲν πλέον ἐπιτίθεσθαι ὑμῖν, βάρος πλὴν τῶν ἐπάναγκες τούτων ἀπέχεσθαι εἰδωλοθύτων, αἵματος καὶ πνικτοῦ, καὶ πορνείας. ἐξ ὧν διατηροῦντες ἑαυτοὺς εὖ πράξετε.* (Дѣян. XV, 28, 29). Это постановленіе чрезъ

Павла и Варнаву и еще двухъ присоединенныхъ къ нимъ пословъ изъ Іерусалима, было сообщено въ Антіохію и принято тамъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

Послѣ этого случая распри, ап. Павелъ и Варнава предприняли *второе путешествіе* съ проповѣдію къ язычникамъ; но уже при самомъ началѣ путешествія разошлись другъ съ другомъ, такъ какъ Варнава настаивалъ на томъ, чтобы взять съ собою Іоанна Марка, а Павелъ не хотѣлъ его брать. Поэтому Варнава и Маркъ отправились въ Кипръ, а Павелъ избралъ себѣ въ спутники Силу, который сопровождалъ его изъ Іерусалима въ Антіохію. Они сначала посѣтили церкви Малой Азіи и въ Листрѣ взяли съ собою еще Тимоѳея, уроженца изъ Ликаоніи, происходившаго отъ отца грека и матери іудеянки, которая еще въ юности познакомила его съ священными писаніями ветхаго завѣта. Вѣроятно вскорѣ послѣ того къ нимъ присоединился еще Лука, писатель евангелія и Дѣяній апостольскихъ. Они прошли Фригію, Галатію и по внушенію божественнаго видѣнія, бывшаго во снѣ, перешли въ Европу—изъ Троады въ Македонію. Тамъ Павелъ, испытавъ многоразличныя препятствія, основалъ общины въ Филиппахъ, въ Ѳессалоникѣ, въ Береѣ. Въ Филиппахъ онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ синагогою іудеевъ, которая была на рѣкѣ Стримонъ, предъ городомъ, и обратилъ въ христіанство торговавшую пурпурными тканями женщину Лидію, у которой остановился. Исцѣленіе одной рабыни, которая была одержима духомъ прорицанія и приносила чрезъ это значительный доходъ своему владѣльцу, возбудило общее неудовольствіе на Павла, вслѣдствіе чего онъ и Сила были высѣчены и брошены въ темницу. Но это пребываніе въ темницѣ послужило поводомъ для обращенія въ христіанство стража темницы, который, будучи испуганъ землетрясеніемъ, снялъ оковы съ заключенныхъ и предложилъ имъ вопросъ: *κυρίοι, τί με δεῖ ποιεῖν, ἵνα σωθῶ;* на что и получилъ отвѣтъ *πίστευσον ἐπὶ τὸν κύριον Ἰησοῦν, καὶ σωθήσῃ σὺ καὶ ὁ οἶκός σου.* Точно также возмутились іудеи противъ апостола въ Ѳессаликѣ, гдѣ онъ помѣстился въ домѣ нѣкоего Іасона, и также началъ проповѣдывать въ синагогѣ. Наиболѣе горячіе преслѣдователи апостоловъ проникли даже въ Берею, куда отправились апостолы, и гдѣ встрѣтили дружескій пріемъ. Изъ Береи Павелъ, оставивъ Силу и Тимоѳея, отправился въ Аѳины. Тамъ видимъ мы его въ центрѣ древней греческой мудрости, ходящимъ среди

идольскихъ храмовъ и статуй въ грустными чувствами. Тамъ не простой народъ прежде всего, а люди образованные, стоики и эпикурейцы, готовы были насмѣшливо говорить: *τί ἂν θέλει ὁ σπερμολόγος οὗτος λέγειν*; Мы слышимъ, какъ въ Ареопагѣ ап возвѣщаетъ жаднымъ къ новизнамъ аоинянамъ новое для нихъ ученіе о спасеніи чрезъ Христа. Онъ сталъ грекомъ для грековъ, для того, чтобы пріобрѣсть всѣхъ. По поводу олтаря неизвѣстному Богу, который онъ замѣтилъ въ числѣ олтарей города, ап. мудро начинаетъ ученіе о Богѣ, Которому всѣ они повинуются, Который создалъ міръ и все, что есть въ мірѣ, Котораго всѣ они ищутъ, какъ будто они могли Его ощутить и познать, и Который недалеко отъ каждаго изъ насъ. Онъ ссылается при этомъ не на пророческія книги ветхаго завѣта, какъ это дѣлалъ онъ въ школахъ іудейскихъ, но на собственныхъ греческихъ прорицателей и стихотворцевъ, говорившихъ: *ἐν αὐτῷ γαρ ζῶμεν καὶ κινούμεθα καὶ ἐσμέν* и еще: *τοῦ γαρ καὶ γενος ἐσμέν*. Но когда ап. началъ говорить о будущемъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ, то древнее недовѣріе и насмѣхательство грековъ по отношенію къ іудеямъ снова возбудилось. Впрочемъ нѣкоторые—говорится въ Дѣяніяхъ—присоединились къ нему и увѣровали; между ними былъ и Діонисій Ареопагитскій и женщина, именемъ Дамарь, и другіе съ ними (XVII, 34).—Объ этомъ Діонисіѣ Ареопагитскомъ священное писаніе болѣе намъ ничего не говоритъ. По словамъ Евсевія онъ былъ первымъ епископомъ аѳинской христіанской общины. Уже и это извѣстіе отзывается легендарнымъ характеромъ. Но еще болѣе личность Діонисія дѣлается легендарною въ томъ разсказѣ, по которому признаютъ его просвѣтителемъ Галліи, патрономъ Парижа и приписываютъ ему сочиненія мистическаго содержанія, которыя были сочинены гораздо позже [1]).—Изъ Аѳинъ Павелъ отправился въ Коринѳъ, изъ столицы древней греческой мудрости въ столицу богатства, роскоши и распущенности. Тамъ онъ нашелъ нѣкоего Акиллу, іудея изъ Понта, который вмѣстѣ съ своею женою Прискиллою былъ изгнанъ изъ Рима во время гоненія на іудеевъ при Клавдіѣ. Апостолъ въ

---

[1]) Скворцева. Объ авторѣ сочиненій, приписываемыхъ Діонисію Ареопагату. Кіевъ. 1871. Замѣтка о книгѣ Скворцева *Хр. Чт.* 1871. Св. Смирнова. Русская литература о сочиненіяхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита *Пр. О.* 1872. Св. Діонисій Ареопагитъ. *Хр. Чт.* 1825 и 1848.

нихъ встрѣтилъ товарищей по ремеслу, (ибо они оба занимались дѣланіемъ ковровъ шерстяныхъ), и у нихъ остановился. Даже здѣсь Павелъ обратился прежде всего въ синагогу, старѣйшина которой, Криспъ, былъ обращенъ имъ въ христіанство. Но остальные іудеи признали его проповѣдь о Христѣ богохульствомъ. Потому онъ перешелъ въ домъ христіанина изъ язычниковъ—Юста. Годъ и 6 мѣсяцевъ (по сказанію Дѣяній) пробылъ Павелъ въ Коринѳѣ. Но довольно вѣроятно, что онъ оттуда предпринималъ короткія путешествія въ окрестныя страны,—путешествія, о которыхъ книга Дѣяній не упоминаетъ. При намѣстникѣ Ахаіи Галліонѣ іудеи подали просьбу противъ Павла; но намѣстникъ, какъ мірской правитель, упорно отказался мѣшаться въ религіозные споры, (новый примѣръ индифферентнаго отношенія язычниковъ), и такимъ образомъ іудеи ничего не достигли. Позднѣе Павелъ добровольно разстался съ своими коринѳянами и отправился въ Ефесъ, городъ, извѣстный своимъ служеніемъ Артемидѣ и своею міровою торговлею. Онъ здѣсь на этотъ разъ не останавливался; но желая побывать въ Іерусалимѣ на праздникѣ Пасхи, ускорилъ свое путешествіе и чрезъ Кесарію и Іерусалимъ возвратился въ Антіохію (Дѣян XVIII, 22). Это второе, упоминаемое въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, путешествіе апостола Павла, есть самое важнѣйшее, какъ по объему его апостольской дѣятельности, такъ и по основанію новыхъ общинъ.

Третье путешествіе, о которомъ упоминаетъ книга Дѣяній (XVIII, 23, XXI, 15) совершалось главнымъ образомъ съ цѣлію посѣтить основанныя общины, причемъ апостолъ прошелъ Галатію и Фригію и укрѣпилъ учениковъ. Посѣтилъ ли онъ во Фригіи колосскую церковь, —нельзя утверждать съ опредѣленностію, такъ какъ вообще описаніе путешествія апостола въ *Дѣяніяхъ апостольскихъ* имѣетъ много пропусковъ, которые мы можемъ восполнять только частію по догадкамъ, частію по различнымъ намёкамъ, заключающимся въ посланіяхъ апостола. По сказанію *Дѣяній* апостолъ послѣ пребыванія въ Галатіи отправился въ Ефесъ, гдѣ между прочимъ проповѣдывалъ христіанство іудей Аполлосъ, человѣкъ краснорѣчивый и сильный въ писаніи. Но кажется Аполлосъ никого не крестилъ, а ограничивался только обученіемъ христіанской вѣрѣ, которое онъ велъ неразумно. Это мы видимъ изъ того, что когда апостолъ Павелъ пришелъ въ Ефесъ, (въ то время, какъ Аполлосъ былъ уже въ Коринѳѣ), онъ нашелъ тамъ многихъ христіанъ, но на вопросъ его: „получили ли они св. Духа?“ они от-

вѣчали, что никогда не слыхали, есть ли св. Духъ. Очевидно изъ этого, что они приняли только крещеніе Іоанново. Теперь они получили христіанское крещеніе и чрезъ возложеніе рукъ св. Духа и дары св. Духа —даръ языковъ и даръ пророчества.

Сначала апостолъ Павелъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ проповѣдывалъ въ ефесской синагогѣ; но потомъ, встрѣтивъ ожесточеніе со стороны іудеевъ, обратился къ школѣ нѣкоего Тиранна, гдѣ пробылъ еще два года. О благотворныхъ слѣдствіяхъ его проповѣди мы можемъ судить по послѣдствіямъ: тѣ, которые занимались въ Ефесѣ искусствомъ волхвованія, должны были кончить свой промыселъ, и даже магическія книги, въ которыхъ содержались заклинанія, были торжественно сожжены. *Οὕτω κατὰ κράτος ὁ λόγος τοῦ κυρίου ηὔξανε καὶ ἴσχυεν*, говоритъ св. Лука (Дѣян. XX, 20). Вскорѣ послѣ того апостолъ предпринялъ изъ Ефеса новое путешествіе, объ объемѣ котораго мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. *Ἔθετο ὁ Παῦλος ἐν τῷ πνεύματι διελθὼν τὴν Μακεδονίαν καὶ Ἀχαΐαν πορεύεσθαι εἰς Ἰερουσαλὴμ εἰπών, ὅτι μετὰ γενέσθαι με ἐκεῖ δεῖ με καὶ Ῥώμην ἰδεῖν.* Впрочемъ онъ сперва послалъ Тимоѳея и Ераста въ Македонію, а самъ на короткое время остался въ Малой Азіи. Между тѣмъ поднялось въ Ефесѣ волненіе. Извѣстно, что Ефесъ былъ главнымъ мѣстомъ служенія Артемидѣ(Діанѣ). Великолѣпный храмъ этой богини, сожженный Геростратомъ въ ту ночь, когда родился Александръ Македонскій, (въ 155 году до Рожд. Христова), чтобы составить себѣ печальную извѣстность, былъ возстановленъ союзомъ іонійскихъ городовъ въ еще лучшемъ видѣ, чѣмъ прежде, и принадлежалъ къ чудесамъ древняго міра. Золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера имѣли большой барышъ, приготовляя модели статуи Діаны, охотно раскупавшіяся почитателями богини и употреблявшіяся при путешествіяхъ, какъ амулетъ. Самая же статуя богини почиталась спадшею съ неба и съ древнѣйшихъ временъ признавались неизмѣннымъ истиннымъ образомъ Діаны. Естественно теперь, что съ упадкомъ вѣры въ древнее божество и его чудотворную силу уменьшился и заработокъ серебренниковъ. Отсюда возстаніе, во главѣ котораго стоялъ нѣкто Димитрій, и безсмысленный крикъ народа: *μεγάλη ἡ Ἄρτεμις Ἐφεσίων*. Во время этого возстанія мы не находимъ Павла въ Ефесѣ. Ученики не позволили ему выступить противъ возстанія, въ которое уже были схвачены и обесчещены нѣкоторые изъ

его сопутниковъ. Возстаніе было успокоено, благодаря мудрой распорядительности ефесскаго правителя Но Павелъ самъ простился съ общиною и снова отправился въ Македонію и Грецію, гдѣ пробылъ онъ три мѣсяца.

Переправившись изъ Филиппъ въ Троаду и минувъ Ассъ, Мителену, Хіосъ и Самосъ, апостолъ прибылъ въ Милетъ. Туда призвалъ онъ пресвитеровъ ефесскихъ и простился съ ними въ трогательныхъ выраженіяхъ; помолился вмѣстѣ съ ними и отправился напутствуемый слезами и сожалѣніями (Дѣян. XX, 17—38). Безъ дальнѣйшихъ промедленій путешествовалъ онъ въ Палестину. Въ Кесаріи апостолъ остановился у благовѣстника и діакона Филиппа—и одинъ іудейскій пророкъ Агавъ вошелъ къ нему и знаками объявлялъ ему, что онъ въ Іерусалимѣ будетъ схваченъ и преданъ въ руки язычниковъ (Дѣян. XXI, 10, 11). Напрасно пытались сопутники апостола отклонить его отъ путешествія въ Іерусалимъ.—Вѣрный ученикъ Господа говорилъ, что готовъ не только предать себя узамъ, но даже и умереть за имя своего Господа. Въ Іерусалимѣ онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны христіанскихъ братій. Но вскорѣ ненависть іудеевъ обратилась на него. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что ввелъ язычниковъ въ храмъ и такимъ образомъ осквернилъ его. Онъ даже былъ схваченъ въ храмѣ и въ сопровожденіи волнующагося народа приведенъ въ римскій лагерь — на городскую гауптвахту. Уже начальникъ приказалъ сковать его, какъ Павелъ предъявилъ свое право римскаго гражданства, и потому оставленъ былъ нескованнымъ и отосланъ на допросъ къ первосвященнику. Здѣсь фарисеи и садукеи разошлись во мнѣніяхъ по поводу ученія о воскресеніи. Но нѣсколько человѣкъ іудеевъ дали обѣтъ ни ѣсть, ни пить дотолѣ, пока имъ не удастся умертвить Павла. Когда римскій правитель получилъ извѣстіе о такомъ заговорѣ, онъ отправилъ апостола подъ сильнымъ прикрытіемъ въ Кесарію,—къ проконсулу Феликсу. Къ Феликсу апостола много разъ приводили на допросъ. Прошло два года и ничего не было рѣшено. Наконецъ при преемникѣ Феликса, Понтіѣ Фестѣ, апостолъ аппелировалъ къ суду римскаго императора, какъ верховнаго судьи въ имперіи. Послѣ этого, еще разъ давъ прекрасное показаніе предъ Иродомъ Агриппою II-мъ и его сестрою Вереникою, прибывшими въ гости къ Фесту, и почти доведя Агриппу до принятія христіанства, апостолъ отправленъ былъ въ Римъ. Его сопутники, къ которымъ присоединился еще Аристархъ изъ Маке-

донiи, отправились также вмѣстѣ съ нимъ туда. Онъ пользовался весьма снисходительнымъ обращенiемъ со стороны начальника корабля. Во время плаванiя поднялась буря, которая забросила корабль на островъ Мальту. И путешествiе въ Римъ было окончено на александрiйскомъ кораблѣ. Уже въ Путеоли встрѣтили Павелъ и его товарищи христiанскихъ братiй, у которыхъ пробыли семь дней. Нѣкоторые изъ римскихъ христiанъ вышли имъ на встрѣчу къ форуму Аппiя и тремъ тавернамъ. Въ Римѣ самъ Павелъ былъ порученъ римскому сотнику; но подъ надзоромъ солдата онъ могъ свободно ходить въ городѣ и даже имѣть сношенiя съ своими единоземцами и единовѣрцами. Уже на третiй день послѣ своего прибытiя созвалъ онъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ iудеевъ, чтобы объяснить имъ свои отношенiя къ iудейству. Одни повѣрили ему, другiе — нѣтъ. Два года пробылъ апостолъ подъ стражею, живя на собственный счетъ; проповѣдывалъ царствiе Божiе и со всею радостiю невозбранно училъ объ Iисусѣ Христѣ (Дѣян. XXVIII, 31).

Этими словами заключаетъ книга Дѣянiй апостольскихъ свой разсказъ объ ап. Павлѣ. Напрасно ищемъ мы въ библiи дальнѣйшихъ извѣстiй о послѣдующей судьбѣ великаго апостола. Окончились ли его римскiя узы мученическою смертiю, или, — какъ многiе думали уже въ древности, — онъ былъ освобожденъ и еще нѣсколько времени проповѣдывалъ въ различныхъ странахъ, доходя даже до Испанiи, а потомъ снова взятъ былъ подъ судъ, который окончился смертнымъ приговоромъ? Это вопросы не рѣшенные. Смотря по тому, принимаютъ ли однократное или двукратное заключенiе апостола въ Римѣ, смерть его относятъ или къ 64 г., когда началось великое гоненiе на христiанъ при Неронѣ, или къ 66 году,—во всякомъ случаѣ ко времени правленiя Нерона.

Замѣчательно, что жизнь Павла гораздо менѣе обставлена легендами, чѣмъ жизнь апостоловъ Петра, Iоанна и Андрея или даже чѣмъ жизнь самаго Спасителя. Можетъ быть было для этого менѣе побужденiй, такъ какъ библiя даетъ намъ болѣе ясное и подробное представленiе о дѣятельности Павла, чѣмъ о дѣятельности другихъ апостоловъ. Объ одной легендѣ упомянуто выше, именно будтобы апостолъ Павелъ состоялъ въ перепискѣ съ Сенекою, учителемъ Нерона. Но существующiя доселѣ латинскiя письма, которыя служатъ свидѣтельствомъ этой переписки, таковы, что вымышленность ихъ сразу очевидна.

Скажемъ еще нѣсколько заключительныхъ словъ о своеобразномъ характерѣ ап. Павла и о его значеніи въ исторіи образованія христіанство. Онъ былъ ученикъ Гамаліила, и хотя занимался ремесломъ, но всетаки былъ ученый своего времени, и тѣмъ рѣзко отличается отъ другихъ апостоловъ, которые избраны были Господомъ во время Его земной жизни. Не слѣдуетъ впрочемъ имѣть слишкомъ широкое представленіе объ учености ап. Павла. Напрасно говорятъ, будто онъ былъ классически образованъ, и знакомъ съ греческою и римскою литературою. Заключаютъ такъ изъ того, что онъ кое гдѣ приводитъ выдержки изъ греческихъ поэтовъ. Но эти выдержки могли быть извѣстны ап. Павлу и въ томъ случаѣ, если онъ не занимался изученіемъ классиковъ. Его греческій стиль не свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ съ классиками. Его ученость не шла дальше знакомства съ фарисейско-іудейскою ученою литературою. Такого рода ученость не подлежитъ сомнѣнію, и способъ толкованія ветхаго завѣта, какой мы у него замѣчаемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ такому образованію. Онъ свободно приводитъ выдержки изъ ветхаго завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ искусствомъ развивать свою мысль путемъ діалектики. Въ этомъ отношеніи онъ естественный человѣкъ—іудей Савлъ, съ его ревностію о законѣ. Апостоломъ же Христовымъ Павломъ, сдѣлался онъ не по собственнымъ дарованіямъ, воспитанію и ученію, но по благодати Божіей, въ немощи дѣйствующей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ (Кор. XV, 10).

Это приводитъ насъ къ мысли о его обращеніи и слѣдствіяхъ онаго. Обращеніе апостола представляется намъ внезапнымъ. Савлъ несомнѣнно дышалъ ненавистію противъ христіанъ, но вдругъ пораженный сверхъестественнымъ свѣтомъ палъ на землю, повелѣлъ вести себя въ Дамаскъ и тамъ чрезъ нѣсколько дней сдѣлался орудіемъ Господа. Но какъ бы ни казалось внезапнымъ это превращеніе Савла, несомнѣнно, что оно по немногу подготовлялось въ его душѣ, хотя бы безсознательно для него самого. Кто не знаетъ того психологическаго явленія, что часто мы—предметъ своей сильнѣйшей ненависти въ глубинѣ души начинаемъ по немногу любить не смотря на то, что сами себя стараемся намѣренно удерживать отъ такой любви? Можетъ быть во глубинѣ души Савла не разъ звучалъ голосъ, громко раздавшійся съ неба: *Σαουλ, Σαουλ! τί με διώκεις*; Несомнѣнно, что когда Савлъ хранилъ одежды побивавшихъ Стефана камнями, неустрашимость мученика произвела на него глубокое впечатлѣніе. Можетъ быть именно

это возникшее въ глубинѣ души чувство любви къ христіанству еще болѣе разжигало его напускную ярость. Но это расположеніе духа Савлова осталось не скрытымъ отъ Того, Кто именно это мгновеніе избралъ, чтобы привести его къ вѣрѣ.

Туже постепенность должно предположить и въ дальнѣйшемъ проникновеніи Савла христіанствомъ. Уже первые дни въ Дамаскѣ, когда онъ лишенъ былъ зрѣнія, были несомнѣнно для него дни глубокаго самоиспытанія, дни, проведенные имъ въ молитвѣ, въ тихомъ раздумьѣ, въ размышленіи о себѣ и о Богѣ. Припомнимъ еще о долговременномъ пребываніи его затѣмъ въ Аравіи; это было прекрасное время для внутренняго самоукрѣпленія и подготовки Савла къ его священному и великому призванію.

Въ связи съ вопросомъ объ обращеніи Павла стоитъ вопросъ о его призваніи къ апостольскому служенію. При различныхъ случаяхъ апостолъ Павелъ повторялъ, что онъ избранъ не отъ людей, что онъ даже получилъ наставленіе не отъ другихъ апостоловъ, но непосредственно самимъ Богомъ призванъ къ апостольству. Онъ говоритъ объ этомъ съ такою увѣренностію, что намъ остается только повѣрить его словамъ, хотя мы и не можемъ знать, какъ это произошло. Тѣмъ не менѣе ученіе и проповѣди этого человѣка производятъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы все, что онъ говорилъ, было не плодомъ самостоятельныхъ размышленій, еще менѣе передачею чужихъ словъ, но непосредственнымъ созерцаніемъ истины, какъ она сообщена ему Господомъ и Духомъ святымъ.

Каковъ же это проповѣдь апостола? Она проникнута глубокимъ убѣжденіемъ; всякое слово апостола свидѣтельствуетъ, что онъ говоритъ то, что лично испыталъ и пережилъ. Повсюду апостолъ выставляетъ себя такимъ человѣкомъ, въ которомъ благодать Божія, ниспосланная благодаря заслугамъ Спасителя, непосредственно дѣйствовала, обнаруживая свою силу въ его немощи. Если душа ап. Іоанна была какъ бы чистымъ зеркаломъ, отражающимъ блескъ Свѣта, пришедшаго въ міръ, чтобы просвѣтить людей,—то у Павла мы видимъ борьбу противоположностей, разнорѣчіе мыслей, и проявленіе той силы евангелія, которая очищаетъ отъ грѣха, искупаетъ отъ проклятія и ведетъ человѣка къ истинной свободѣ чадъ Божіихъ. Оправданіе грѣшника предъ Богомъ чрезъ живую вѣру въ Сына Божія и принесенную Имъ за насъ

жертву,—вотъ основа ученія ап. Павла и отличительная черта его проповѣди.

Часто ставятъ вопросъ: христіанское ученіе, проповѣдуемое ап. Павломъ, не отличается ли отъ ученія, которое проповѣдывалъ Спаситель и его ближайшіе апостолы?

По мнѣнію однихъ ученыхъ, Павелъ превратилъ простое ученіе Іисуса Христа въ нѣчто въ родѣ раввинскаго богословія и ввелъ въ христіанство опредѣленные догматы, которые также относятся къ простымъ, практическимъ изреченіямъ Спасителя, какъ вообще богословіе къ религіи. Что эти ученые поставляютъ въ упрекъ Павлу, то другіе напротивъ почитаютъ его заслугою, говоря, что Павелъ первый простое ученіе сына тектонова и галилейскихъ рыбаковъ изложилъ языкомъ спекулятивной мысли, и придалъ ему всемірно-историческое значеніе. Если спросимъ объ этомъ самого Павла, то получимъ въ отвѣтъ, что онъ ничего не желалъ больше знать, кромѣ Іисуса Христа и притомъ распятаго (1 Коринѳ. II, 2), что онъ не желалъ полагать другаго основанія, паче лежащаго (1 Коринѳ. Ш, 11) и признавалъ подлежащимъ анаѳемѣ даже ангела небеснаго, если бы онъ принесъ иное благовѣстіе о Христѣ, кромѣ того, которое уже возвѣщено (Гал. 1, 8). Павелъ также возсталъ бы противъ ложной славы, будто онъ принесъ иное благовѣстіе о Христѣ, какъ и противъ упрека, будто онъ исказилъ евангеліе, внеся свои собственные догматическіе взгляды.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что Павелъ распространялъ евангеліе, не какъ отвнѣ данное ученіе, но переработывалъ оное въ себѣ, переживалъ и осуществлялъ въ своей жизни, и обращалъ въ свое духовное стяжаніе. Самая возвышенная сторона христіанства состоитъ въ томъ, что оно не есть самозаключенная система, не есть сборникъ догматовъ и нравственныхъ предписаній, которыя можно передать другимъ, какъ нѣчто готовое, не представляющее труда для усвоенія, но есть начало вѣчно живущее и развивающееся, и въ каждомъ человѣкѣ переживающее свою новую исторію. Могъ ли человѣкъ, подобный ап. Павлу, быть простымъ механическимъ носителемъ христіанства? Великое значеніе Павла, какъ апостола язычниковъ, состояло не только въ томъ, что онъ пространственно расширилъ христіанскую церковь, проповѣдуя въ странахъ языческихъ, но и въ томъ, что онъ сдѣлалъ христіанство болѣе доступнымъ для язычниковъ, давъ особую, для язычниковъ болѣе удобопріемлемую, форму своему благовѣстію.

Если говорятъ, что ап Павелъ первый освободилъ христіанство отъ іудейской замкнутости и самъ лично передѣлалъ его во всемірную религію, то говорятъ слишкомъ много. Въ такомъ случаѣ ученикъ былъ бы выше своего учителя. Но если говорятъ, что Павелъ рѣшительнѣе и энергичнѣе, чѣмъ другіе апостолы, раскрылъ и разъяснилъ всемірное значеніе христіанства, и такимъ образомъ выполнилъ намѣреніе Своего Божественнаго Учителя въ указанномъ Имъ Самимъ направленіи, какъ никто другой, то это мнѣніе вполнѣ оправдывается исторією жизни и ученія ап. Павла. Такимъ образомъ ап. Павелъ, стоя на одномъ основаніи спасенія съ другими апостолами, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою особенную миссію, свой особенный кругъ идей, и потому также свой особенный языкъ, свой особенный способъ представленія, свою философію и богословіе. Но все, что онъ ни имѣлъ, онъ не считалъ своимъ, но почиталъ какъ данное ему, какъ порученное, какъ дѣло благодати Поэтому онъ смѣло могъ говорить о своихъ общинахъ и своихъ трудахъ, вполнѣ сознавая, что это не можетъ навлечь на него укора въ самохвальствѣ.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣкъ апостоловъ по ихъ писаніямъ и разрушеніе Іерусалима.

Состояніе церковныхъ общинъ по посланіямъ ап. Павла[1]).

Говоря о миссіонерскомъ путешествіи ап. Павла, мы не говорили подробно объ общинахъ, основанныхъ имъ, и о его личныхъ отношеніяхъ къ этимъ общинамъ. Источникомъ, которымъ мы для этой цѣли исключительно должны руководиться, послужитъ не книга Дѣяній Апостольскихъ, а посланія ап. Павла къ основаннымъ имъ общинамъ или къ своимъ ученикамъ, предстоятелямъ этихъ общинъ. Если не считать посланія къ евреямъ, которое не отмѣчено именемъ ап. Павла, то всѣхъ посланій ап. Павла въ библіи мы имѣемъ 13-ть. Эти 13-ть посланій помѣщены въ библіи не въ хронологическомъ порядкѣ и потому прежде всего необходимо установить ихъ хронологическую послѣдовательность чтобы имѣть возможность понимать ихъ, какъ слѣдуетъ. Насколько мы можемъ судить теперь объ этомъ, посланія явились въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего два посланія къ солунянамъ, написанныя апостоломъ во время перваго пребыванія въ Коринѳѣ; потомъ изъ Ефеса посланіе къ галатамъ и первое посланіе къ коринѳянамъ, затѣмъ

[1]) *Ѳеофана Прокоповича.* Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ М. 1784. *Иринея Клементьевскаго.* Толкованіе на посланіе къ римлянамъ. М. 1787. О книгѣ Гильгенфельда: „Посланія ап. Павла и критич. изслѣдованія о нихъ“ *Пр. Об.* 1867 № 12. *Пр. О.* 1867, № 3. А. Ѳеодора. О посланіи ап. Павла къ филиппійцамъ *Прив. къ Твор. св. о.* 1854. Краткое обозрѣніе пастырскихъ посланій ап. Павла *Рук. д. с. п.* 1868. Основаніе ефесской церкви. *Чтенія люб. дух пр* 1873.—Коринѳская община въ I в. христіанства. *Пр. О.* 1867. № 3. *Голубева.* О посланіяхъ ап. Павла къ коринѳянамъ. Рец. въ *Странникѣ* 1861 *С. К. Смирнова* О посланіи къ ефесеямъ.—Былъ-ли Іоаннъ Богословъ въ Ефесѣ? *Пр. Соб.* 1872. Руководство къ истолковательному чтенію новаго завѣта. Выпускъ 2 и 3 изд. редакціею *Воскр. Чтеніе.* Кіевъ, 1872. О пастырскихъ посланіяхъ (съ франц.) Кіевъ 1873—4.

изъ Македоніи второе посланіе къ коринѳянамъ, и наконецъ во время послѣдующаго пребыванія въ Коринѳѣ посланіе къ христіанамъ римскимъ. Остальныя послания, за исключеніемъ перваго послания къ Тимоѳею и посланія къ Титу, всѣ написаны во время узъ. Таковы посланія: къ ефесеямъ, къ филипписіямъ, къ колоссаямъ, къ Филимону и второе посланіе къ Тимоѳею. Послано ли первое посланіе къ Тимоѳею во время первыхъ узъ, а второе во время вторыхъ, этотъ вопросъ мы признаемъ не подлежащимъ нашему изслѣдованію. Для насъ важно главнымъ образомъ составить представленіе о состояніи основанныхъ апостоломъ Павломъ общинъ и объ отношеніи къ нимъ апостола. Мы найдемъ при этомъ, что состояніе общинъ, при всемъ единствѣ исповѣданія, было весьма различно, такъ что даже самый тонъ посланій благодаря такому различію общинъ различенъ.

Изъ обоихъ посланій къ солунянамъ мы видимъ, что здѣсь многіе были встревожены мыслію о близкомъ второмъ пришествіи Господа и апостолъ былъ вынужденъ дать по этому вопросу необходимыя наставленія, чтобы предохранить общину какъ отъ суемудрія и праздности, такъ и отъ отчаянія.

Изъ посланія къ галатамъ мы видимъ, что іудейскимъ лжеучителямъ удалось тамъ подчинить эту юную и не окрѣпшую общину подъ ярмо іудейскаго обрядоваго закона и апостолъ всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы снова возвратить галатовъ къ истинной свободѣ во Христѣ. При этомъ ап. Павелъ не пощадилъ даже ап. Петра, который изъ страха предъ людьми скрылъ свои лучшія убѣжденія, и это служитъ доказательствомъ свободы и независимости ап. Павла отъ прочихъ апостоловъ; а также и того, что апостолы, даже послѣ воспринятія св. Духа въ день пятидесятницы, не стали внѣ всякаго колебанія и разномыслія.

Но изъ всѣхъ общинъ, къ которымъ писалъ ап. Павелъ, ни объ одной мы не можемъ составить такого яснаго и раздѣльнаго понятія, какъ объ общинѣ коринѳской. Мы видимъ изъ посланій къ коринѳянамъ, какъ эта община въ самыя первыя времена своего существованія уже раздѣлялись на партіи; причемъ одни примкнули къ ученію ап. Павла, другіе къ ученію Кифы (т. е. Петра), третьи къ ученію Аполлоса, а четвертая партія, не слѣдуя ни одному изъ этихъ учителей, называла себя Христовою. Мы видимъ изъ посланія, какъ сильно вооружается апостолъ противъ этого духа партій, указывая на то, что

Христосъ не раздѣленъ и что никто изъ христіанъ не крещается во имя Павла или Аполлоса. Скромно говоритъ апостолъ о своемъ трудѣ и вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства—объ отношеніи своемъ къ другимъ учителямъ. Мы узнаемъ далѣе, что нравственное состояніе коринѳской общины ни въ какомъ случаѣ не было образцовымъ, какъ обыкновенно думаютъ о состояніи христіанскихъ общинъ въ первые вѣка. Мы узнаемъ о проступкѣ, *ἥτις οὐδὲ ἐν τοῖς ἔθνεσιν ὀνομάζεται*, о соблазнительныхъ тяжбахъ, о высокомѣрномъ отчужденіи богатыхъ при общихъ вечеряхъ любви, о недостойномъ принятіи св. причастія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнаемъ о богослужебныхъ порядкахъ общины, о молитвословіи и пророчествѣ: мы узнаемъ о замѣчательныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ св. Духа, о дарѣ говорить на неизвѣстномъ языкѣ,—дарѣ, предполагающемъ такое восхищеніе духа, о которомъ мы не можемъ даже составить себѣ понятія,—и о дарѣ пророчествовать, который кажется состоялъ въ умѣньи общепонятно объяснять священное писаніе,—что дѣлается въ церкви и въ наше время. Всюду въ посланіяхъ къ коринѳянамъ мы видимъ, какъ апостолъ старается быть руководителемъ и устроителемъ общины. Мы замѣчаемъ уже начало церковной дисциплины и начало общенія церквей посредствомъ путешествій, посланій, взаимныхъ вспомоществованій. Даже о личной судьбѣ апостола, объ опасностяхъ, какимъ подвергался апостолъ за благовѣстіе, мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія во второмъ посланіи къ коринѳянамъ, которыя могутъ служить дополненіемъ къ разсказу Дѣяній Апостольскихъ. Мы узнаемъ изъ этого посланія, между прочимъ, что апостолъ боролся со звѣрьми, что на морѣ испыталъ крушеніе корабля и т. д. Какъ въ церкви солунской, такъ и въ общинѣ коринѳской были споры, сомнѣнія и предположенія о концѣ міра и въ особенности о воскресеніи мертвыхъ. Поэтому въ своемъ посланіи къ коринѳской церкви ап. Павелъ въ самыхъ опредѣленныхъ чертахъ излагаетъ ученіе о воскресеніи, какъ откровеніе, а не какъ свое личное мнѣніе.

Но самое внутреннее средоточіе Павлова богословія составляетъ ученіе объ оправданіи, которое онъ развиваетъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ Это посланіе, какъ уже замѣчено, было написано апостоломъ изъ Коринѳа еще прежде, чѣмъ онъ лично познакомился съ римскою церковію. Говоря объ основаніи римской церкви, мы не можемъ

привести никакихъ именъ и цыфръ. По словамъ преданія въ Римѣ проповѣдывалъ ап. Петръ. Мы не считаемъ этого преданія несомнѣннымъ, и потому не можемъ апостола Петра назвать основателемъ римской церкви Но мы знаемъ, что со времени Помпея много іудеевъ жило въ Римѣ; знаемъ также, что на первомъ христіанскомъ праздникѣ пятидесятницы были іуден и іудейскіе прозелиты изъ Рима и конечно, возвратившись домой, не забыли того великаго событія, которое на нихъ произвело сильное впечатлѣніе. Мы упоминали о волненіи іудеевъ при Клавдіѣ и объ изгнаніи ихъ изъ Рима. Акилла и Прискилла принадлежали къ числу этихъ изгнанниковъ, но скоро возвратились въ Римъ, и притомъ уже христіанами. Первую христіанскую общину въ Римѣ мы не можемъ считать особенно значительною; богатыхъ и знатныхъ не было въ ней; но въ глазахъ апостола она была значительна на столько, что онъ счелъ необходимымъ написать къ ней такое богатое по содержанію посланіе. Она кажется состояла изъ христіанъ іудеевъ и христіанъ язычниковъ; и ап. Павелъ очевидно имѣетъ въ виду и тѣхъ и другихъ, говоря, что ни іуден, ни язычники не имѣютъ права получить благодать Божію за свои заслуги, *συνέκλεισε γὰρ ὁ Θεὸς τοὺς πάντας εἰς ἀπείθειαν, ἵνα τοὺς πάντας ἐλεήσῃ* (XI, 32) и затѣмъ сравнивая язычниковъ съ дикимъ масличнымъ деревомъ, къ которому привита была плодовитая вѣтвь отъ іудейства (XI, 17—24). Это сравненіе очень наглядно объясняетъ намъ исторію церкви и мы всегда должны помнить его, если желаемъ правильно судить объ отношеніи іудейства къ язычеству и обоихъ ихъ къ христіанству.

Теперь скажемъ объ общинахъ, къ которымъ писалъ ап. Павелъ, находясь въ узахъ. Изъ нихъ всего любопытнѣе для насъ община колосская во Фригіи. Здѣсь развились особаго рода лжеученія. Фригійцы издавна были расположены къ религіознымъ странностямъ и распущенности. Въ языческія времена служеніе матери боговъ Цибеллѣ доведено было тамъ до крайняго безчинія. Точно также и теперь на мѣсто простаго христіанскаго ученія явилось подъ именемъ *философіи* весьма много различныхъ безплодныхъ умозрѣній о природѣ ангеловъ и тому подобныхъ предметахъ, а вмѣстѣ и самопроизвольно придуманныя правила относительно пищи и питья: *Μὴ ἅψῃ, μηδὲ γεύσῃ, μηδὲ θίγῃς* (Кол. II, 21) или относительно праздниковъ новомѣсячій и

субботъ. Поэтому апостолъ предостерегаетъ: *μηδεὶς ὑμᾶς καταβραβευέτω θέλων ἐν ταπεινοφροσύνῃ καὶ θρησκείᾳ, ἃ μὴ ἑώρακεν ἐμβατεύων, εἰκῇ φυσιούμενος ὑπὸ τοῦ νοὸς τῆς σαρκὸς αὐτοῦ* (II, 18), и указываетъ на Христа, какъ на главу церкви, *ἐν ᾧ εἰσιν πάντες οἱ θησαυροὶ τῆς σοφίας καὶ τῆς γνώσεως ἀπόκρυφοι* (II, 3). Въ той же колосской общинѣ жилъ Филимонъ, къ которому также есть небольшое посланіе апостола, свидѣтельствующее о сердечномъ расположеніи апостола къ этому человѣку, который былъ, по преданію, епископомъ въ Колоссахъ Вскорѣ послѣ полученія посланія ап. Павла городъ Колоссы постигла печальная участь: въ пятый годъ правленія Нерона (въ 62 г.) онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ.

Изъ всѣхъ этихъ различныхъ общинъ, какъ кажется, ни одна не была такъ любима апостоломъ, какъ община въ Филиппахъ въ Македоніи. Онъ называетъ ее (впрочемъ точно также какъ и общину солунскую 1 сол. II, 19) *χαρὰ καὶ στέφανός μου.* (Фил. IV, 1), съ благодарностію вспоминаетъ о томъ, что получилъ отъ нея дары любви (IV, 15) и свидѣтельствуетъ съ похвалою о всегдашнемъ послушаніи филиппійцевъ (II, 12). Но кажется и здѣсь ложные учители имѣли доступъ и апостолъ счелъ нужнымъ предостеречь отъ нихъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. *Βλέπετε τοὺς κύνας, βλέπετε τοὺς κακοὺς ἐργάτας, βλέπετε τὴν κατατομήν.* (III, 2).

Напротивъ всего менѣе личныхъ связей апостола выступаетъ на видъ въ посланіи къ ефесеямъ, которое по своему содержанію во многомъ сходно съ посланіемъ къ колоссаямъ. Это обстоятельство объясняютъ различно. Одни посланіе къ ефесеямъ признаютъ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ малоазіятскимъ общинамъ; другіе признаютъ его тождественнымъ съ посланіемъ къ лаодикійцамъ, о которомъ упоминается въ посланіи къ колоссаямъ (IV, 16); третьи говорятъ, что оно было только приписано апостолу Павлу и составляетъ простую передѣлку посланія къ колоссаямъ, передѣлку, сдѣланную однимъ изъ учениковъ апостола. Какъ-бы то ни было, но мы знаемъ, что апостолъ Павелъ стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ ефесской общинѣ, что онъ жилъ въ Ефесѣ два года и потомъ при своемъ путешествіи въ Іерусалимъ пропался съ ефесскими пресвитерами въ Милетѣ. При своемъ отбытіи Павелъ оставилъ въ Ефесѣ своего ученика Тимоѳея, къ

которому писалъ два пастырскія посланія. Въ Ефесъ также апостолъ посылалъ Тихика (Еф. VI, 21). Такимъ образомъ благодаря дѣятельности апостола Павла, а также счастливому положенію города, Ефесъ сталъ средоточіемъ христіанской церкви въ Малой Азіи, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти ап. Павла, престарѣлый апостолъ Іоаннъ проводилъ здѣсь послѣдніе годы.

Изъ посланія къ Титу мы можемъ судить о состояніи церкви на островѣ Критѣ (теперь Кандія). Хотя Дѣянія Апостольскія, упоминаютъ только о мимоходномъ пребываніи апостола въ общинѣ критской (Дѣян. XXVII, 7), а о Титѣ вовсе не упоминаютъ, но очень можно предполагать, что апостолъ еще въ раннее время своей дѣятельности изъ Кориноа или Ефеса посѣтилъ Критъ и основалъ тамъ общину; а можетъ быть былъ въ Критѣ послѣ своихъ первыхъ узъ въ Римѣ, если только жизнь апостола не закончилась его первыми узами. Изъ посланія къ Титу мы видимъ, что онъ, по порученію апостола, устроялъ общину критскую, поставляя по городамъ пресвитеровъ (I, 5) и что въ Критѣ не обошлось безъ борьбы съ различнаго рода противниками, которые пытались поставить на мѣсто истины басни и постановленія человѣческія,—такъ что апостолъ нашелъ умѣстнымъ вспомнить изрѣченіе одного греческаго поэта, который сказалъ: *Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται, κακὰ θηρία, γαστέρες ἀργαί* (I, 12).

Всѣ ли посланія ап. Павла имѣемъ мы въ настоящее время? На основаніи собственныхъ посланій ап. Павла мы должны отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; потому что въ посланіи къ колоссаямъ апостолъ ссылается на посланіе къ лаодикійцамъ, котораго нѣтъ въ библіи, хотя и предполагаютъ, что оно было тождественно съ посланіемъ къ ефессямъ. Вполнѣ вѣроятно, что и къ коринѳянамъ апостолъ писалъ еще одно, не дошедшее до насъ, посланіе, въ періодъ болѣе ранній. Посланія ап. Павла даютъ намъ если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрный образъ состоянія общинъ въ періодъ апостольскій.

Посланіе къ евреямъ[1]).

Кромѣ посланій ап. Павла въ библейскомъ канонѣ сохраняются

[1]) Иринея Клементьевскаго. Толкованіе на посланіе къ евреямъ М. 1787. С. Протопопова. Состояніе іудео-христіанскихъ общинъ по изображенію ихъ въ посланіи а. Іакова и въ посланіи къ евреямъ. *Странникъ*. 1873.

писанія апостольскаго періода, изъ коихъ мы можемъ заимствовать еще нѣкоторыя черты для дополненія очерка первенствующей церкви. Таково прежде всего посланіе къ евреямъ. Объ авторѣ его въ древности мнѣнія были не одинаковы: одни приписывали его ап. Павлу, другіе признавали составителемъ его какого нибудь изъ учениковъ и помощниковъ апостола: Луку, Варнаву или Аполлоса. Во всякомъ случаѣ оно написано къ іудео-христіанамъ іерусалимскимъ и въ то время, когда апостолы частію уже умерли, частію оставили Іерусалимъ (Евр. II, 3). Въ посланіи доказывается, что іудейское религіозное устройство, имѣвшее свой средоточный пунктъ въ храмѣ іерусалимскомъ, теперь потеряло свое значеніе, и что это религіозное устройство служило только прообразомъ и сѣнью того, что исполнено было во Христѣ. Посланіе очевидно писано было въ то время, когда община подвергалась тяжелымъ испытаніямъ и преслѣдованіямъ, потому что авторъ посланія старается внушить ей мужество и вѣру, научая взирать на Того, Кто самъ былъ искушенъ во всяческихъ, на начальника и совершителя вѣры Христа (Евр. XII, 2)

Соборныя посланія[1]).

О такомъ же бѣдственномъ состояніи церкви свидѣтельствуютъ посланія, извѣстныя подъ именемъ *соборныхъ*. Таковы: первое посланіе Петра, писанное къ христіанамъ Понта, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи, и Іакова къ сущимъ въ разсѣяніи. Въ этихъ посланіяхъ, а равно во второмъ посланіи Петра и въ посланіи Іуды высказывается также много жалобъ частію на злоупотребленія въ самыхъ общинахъ, частію на лжеучителей, обманщиковъ и обольстителей всякаго рода. Что касается внутреннихъ безпорядковъ, то изъ посланія Іакова мы узнаемъ, что богатые и знатные начали уже теперь въ собраніяхъ возвышаться надъ бѣдными братьями, и съ своихъ почетныхъ сѣдалищъ смотрѣли на нихъ свысока (II, 2), были люди, которые обольщали народъ блестящею, но пустою и ложною проповѣдью: отсюда предостереженіе, что не всякій долженъ стремиться къ проповѣдничеству и что должно обуздывать языкъ (III,

---

[1]) Бѣдствія христ. общества по изображенію соборнаго посланія ап. Іакова. *Хр. Чт.* 1859. — Соборныя посланія. Первый вып. *Руководства къ чтенію Н. З.* изд. ред. *В. Чтеніе.*

1—10). Изъ догматической части посланія мы узнаемъ, что ученіе Павла объ оправданіи вѣрою было самымъ грубымъ образомъ перетолковано и писатель посланія снова нашелъ нужнымъ въ противовѣсъ этимъ перетолкованіямъ указать на высокое значеніе добрыхъ дѣлъ, безъ которыхъ вѣра мертва (II, 14—26).

Семь церквей апокалипсическихъ[1]).

Наконецъ въ послѣдней книгѣ библіи, въ откровеніи Іоанна, мы имѣемъ еще семь весьма замѣчательныхъ посланій къ семи малоазійскимъ церквамъ Здѣсь въ самыхъ краткихъ, но характерныхъ чертахъ изображаются эти общины и ясно показывается что было въ нихъ хорошаго или худаго. Эти общины—ефесская, смирнская, пергамская, ѳіатирская, сардійская, филадельфійская и лаодикійская. Община ефесская восхваляется за трудолюбіе и терпѣніе, но осуждается за то, что что въ ней упалъ прежній духъ любви. Она должна размыслить о томъ, чего лишилась и покаяться (II, 1—7). Община смирнская также восхваляется за терпѣніе, оказанное во время испытанія, и ободряется быть вѣрною даже до смерти, чтобы получить вѣнецъ живота (8—11). Подобная же похвала воздается общинѣ пергамской, но эта община предостерегается противъ вліянія лжеучителей (II—18). Такого же содержанія посланія къ общинамъ ѳіатирской, сардійской (III, 1—6) и филадельфійской (III, 7—13). Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждается община лаодикійская за свою лѣпость и безпечность. *Οἶδά σου τὰ ἔργα, ὅτι οὐτε ψυχρὸς εἶ ὄυιε ζεσιός. ὄφελον ψυχρὸς εἴης ἢ ζεστός. οὕιως ὅτι χλιαρὸς εἶ, καὶ οὔιε ψυχρὸς ουιε ζεσιὸς, μέλλω σε ἐμέσαι ἐκ τοῦ σιόμαιός μου... Ἰδοὺ ἕστηκα ἐπὶ τὴν θύραν καὶ κρούω ἐὰν τις ἀκόυσῃ τῆς φωνῆς μου καὶ ἀνόιξῃ τὴν θύραν, εἰσελεύσομαι προς αὐτὸν, καὶ δειπνήσω μετ' αὐτοῦ καὶ αὐτός μετ' ἐμοῦ. ὁ νικῶν δώσω αὐτῷ καθίσαι μετ' ἐμοῦ ἐν τῷ θρόνῳ μου, ὡς κἀγὼ ἐνίκησα καὶ ἐκάθισα μετὰ τοῦ παιρὸς μοῦ ἐν τῷ θρόνῳ αὐτοῦ.* (III, 15—22).

---

[1]) *К. Лучицкаго.* О семи малоазійскихъ церквахъ въ ихъ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи. *Хр. Чт.* 1843. *Ѳ. Смирнова.* Апокалипсисъ, какъ литургическій памятникъ апостольской эпохи. *Труды Кіевск. Дух. Ак.* 1874.

Этими торжественными словами, съ которыми обращается тайновидецъ къ общинѣ отъ лица св. Духа, мы заключаемъ наше обозрѣніе свидѣтельствъ новозавѣтныхъ писаній о состояніи первыхъ христіанскихъ общинъ.

Предѣлы распространенія христіанства въ первые три вѣка[1]).

Исторія путешествій ап. Павла представляетъ собою единственный связный разсказъ о распространеніи христіанства въ вѣкъ апостольскій. Все остальное принадлежитъ къ области туманныхъ преданій или отрывочныхъ намековъ. Намъ извѣстны преданія о томъ, что каждый изъ двѣнадцати апостоловъ имѣлъ свою особую область для миссіонерской дѣятельности, что каждая страна въ мірѣ огласилась евангельскою проповѣдью изъ устъ по крайней мѣрѣ кого либо изъ учениковъ апостольскихъ. Конечно трудно вѣрить этимъ преданіямъ, которыя такъ тщательно поддерживались притязаніями той или другой мѣстной церкви или епископской каѳедры на глубокую древность. Нельзя вполнѣ вѣрить даже свидѣтельствамъ древнѣйшихъ церковныхъ писателей напр. Иринея и Тертулліана, изъ коихъ, первый напр. говоритъ, что христіанство во 2-мъ вѣкѣ достигло уже повсемѣстнаго распространенія; очевидно, они несвободны отъ риторическаго преувеличенія и усвояютъ христіанство народамъ, о которыхъ сами имѣли очень слабое представленіе.

Обращаемся къ пересмотру сказаній о распространеніи христіанства. Есть преданіе, что Лука, одинъ изъ первыхъ спутниковъ Павла и Варнавы, проповѣдывалъ христіанство въ *Александріи*. Даже помимо преданія легко понять, что въ этотъ знаменитый египетскій городъ

---

[1]) Исторія христ. церкви въ Испаніи. Замѣтка *Пр. О.* 1876 г. № 4.— *Арсенія.* Судьбы христіанства въ южной Аравіи до магометанства *Пр. О.* 1868. *Его же.* Христіанство въ сѣверной или петрейской Аравіи *Пр. О.* 1870. *Нила.* Патріархатъ александрійскій (въ прилож. къ *Пр. О.* 1875). Христіанство и христ. миссіи въ Персіи. *Пр. Соб.* 1872. Христіанство въ Абиссиніи *Стран.* 1867. Пр. Порфирія. Idem. *Труды К. Д. Акад.* 1866. *Бѣлороссова.* Замѣтки по исторіи церкви въ Англіи отъ введенія христіанства до XIX в. рец. *Стран.* 1869.

гдѣ жило много іудеевъ, съ самыхъ раннихъ поръ должно было проникнуть извѣстіе о христіанствѣ. Даже извѣстный Аполлосъ, сотрудникъ Павла, былъ іудей, получившій образованіе въ Александріи. Христіанство въ Александріи должно было скоро пріобрѣсти особенный характеръ благодаря господству тамъ эллинскаго образованія и склонности къ философскимъ умозрѣніямъ. Въ послѣдствіи мы находимъ тамъ цвѣтущую христіанскую школу, въ которой получили образованіе свѣтила церкви. Даже далѣе, въ *верхнемъ Египтѣ*, христіанство распространилось во II вѣкѣ. Учитель александрійской школы Пантенъ проповѣдывалъ ученіе о спасеніи на востокъ даже до *Индіи*. При этомъ не должно забывать, что слово *Индія* весьма неопредѣленно употребляется древними писателями.

Въ *Ефіопію* проповѣдь о Христѣ можетъ быть была принесена тѣмъ вельможею, котораго обратилъ Филиппъ. Мы не знаемъ проповѣдывалъ ли христіанство ап. Павелъ во время своего пребыванія въ *Аравіи*. Кажется онъ воспользовался этимъ временемъ только для подготовки себя къ апостольскому служенію. Но несомнѣнно, что христіанство проникло въ Аравію весьма рано изъ Сиріи, и въ третьемъ вѣкѣ мы находимъ въ Аравіи церкви, управляемыя епископами, какова была напр. церковь бострійская.

Въ *Месопотаміи* въ половинѣ 2-го вѣка былъ князь, исповѣдывавшій христіанство Авгарь-Бир-Ману, потомокъ того Авгаря, съ которымъ будтобы Спаситель имѣлъ переписку. Во II-мъ вѣкѣ христіанство процвѣтало въ Едессѣ и отсюда могло распространиться далѣе въ Арменію и Персію. Въ Персіи христіанство легко смѣшалось съ персидскою религіею и изъ этого смѣшенія впослѣдствіи возникло манихейство.

Весьма рано также изъ Рима евангельское благовѣстіе должно было проникнуть въ *проконсульскую Африку*. Во второмъ столѣтіи мы находимъ эту сѣвероафриканскую церковь, центромъ которой былъ Карѳагенъ, весьма обширною и важною. Изъ нея вышли знаменитые учители церкви, какъ напр. Тертулліанъ и Кипріанъ. Христіанство было распространено и далѣе въ Киринеѣ и Триполисѣ по сѣвероафриканскому прибрежью.

Изъ Малой Азіи христіанство было пересаждено въ *Галлію*. Если даже оставить безъ вниманія легенды, изъ коихъ по одной апостоломъ Галліи былъ Діонисій Ареопагтъ, а по другой ученикъ апостола Пе-

тра Крескентъ, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что во второмъ вѣкѣ на берегахъ Роны въ Ліонѣ и Віеннѣ была цвѣтущая христіанская община.

Извѣстіе о проповѣди въ *Испаніи* ап. Іакова старшаго, мы признаемъ недостовѣрнымъ. Напротивъ гораздо серьезнѣе вопросъ: былъ ли въ Испаніи ап. Павелъ? Что онъ предполагалъ тамъ быть, это видно изъ его посланій (Рим. XVI, 24—28); но успѣлъ ли онъ выполнить свое намѣреніе, это другой вопросъ. Объ этомъ мы имѣемъ только намекъ въ посланіи римскаго епископа Климента къ церкви коринѳской, гдѣ сказано о Павлѣ, что онъ съ проповѣдію евангелія достигъ до предѣловъ запада. Этими предѣлами запада въ древніе времена признавалась Испанія и такъ называемые „столпы Геркулеса“. Если признать, что апостолъ Павелъ былъ два раза въ узахъ; то является новый періодъ жизни Павла, къ которому можно отнести путешествіе его въ Испанію.

Англійская высокая церковь утверждаетъ даже, что подъ именемъ запада въ посланіи Климента разумѣется Англія (Британія), чтобы такимъ образомъ доказать свое апостольское происхожденіе. Какъ рано на самомъ дѣлѣ проникло христіанство въ Британію—трудно опредѣлить. По всей вѣроятности христіанство перенесено было туда съ прибрежій Малой Азіи.

Что касается до распространенія христіанства въ *Германіи*, то исторія въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій ничего объ этомъ не знаетъ.

Вся древняя церковь дѣлилась на двѣ половины: восточную и западную Къ первой мы причисляемъ: Сирію и Палестину, Малую Азію, Македонію, Египетъ и всѣ церковныя общины, которыя были дальше на востокъ; къ западной церкви причисляемъ Италію, Сѣверную Африку, Галлію и наконецъ Испанію и Британію, если только были тамъ христіанскія общины. Основными средоточіями христіанской церкви мы признаемъ Іерусалимъ, Антіохію, Ефесъ, Александрію, Римъ, Карѳагенъ.

Всѣ эти города и страны входили въ составъ римской имперіи. Посему внѣшняя судьба христіанской церкви стояла въ связи съ судьбою римскаго правительства, императоровъ и ихъ намѣстниковъ.

Гоненіе на христіанъ при Неронѣ[1]).

Сначала правительство очень мало обращало вниманія на христіанство. Я напомню только о томъ, какъ Галліенъ, правитель Коринѳа, отказался принять жалобу іудеевъ на ап. Павла и его сотрудниковъ, объявивъ, что эта жалоба не подлежитъ его вѣдѣнію. На христіанъ смотрѣли, какъ на іудейскую секту, а потому къ нимъ относились съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ къ іудеямъ. Но это презрѣніе могло обратиться въ ненависть, тѣмъ болѣе открытую, что она вырождалась изъ презрѣнія. Первый примѣръ обнаруженія такой ненависти мы имѣемъ во время правленія Нерона. Даже онъ въ первые годы своего правленія не преслѣдовалъ христіанъ, такъ какъ и вообще только въ позднѣйшіе годы правленія обнаружилъ во всей отвратительной наготѣ свою дикую, соединенную съ чувственною распущенностію, жестокость. Убивъ своего двоюроднаго брата Британика и его мать Агриппину, вскорѣ за тѣмъ казнивъ своихъ учителей Бурра и Сенеку, въ 64-мъ году Неронъ пришелъ къ сумасбродной мысли сжечь большую часть Рима. По словамъ однихъ онъ сдѣлалъ это для того, чтобы насладиться величественнымъ зрѣлищемъ, такъ какъ этотъ пожаръ напоминалъ его грубой фантазіи пожаръ Трои, при чемъ онъ декламировалъ стихи изъ Иліады. По мнѣнію другихъ Неронъ сжегъ Римъ для того, чтобы на пепелищѣ воздвигнуть новыя постройки, именно великолѣпный императорскій дворецъ. Шесть дней и семь ночей продолжался этотъ губительный пожаръ, во время котораго погибли изящнѣйшіе памятники искусства. Не удовлетворенный такимъ злодѣяніемъ, Неронъ взвелъ вину пожара на христіанъ, на эту суевѣрную и вредную секту, какъ называли ихъ современные писатели. Christiani—genus hominum superstitionis novae ac maleficae. *Sueton. in Nerone c. 16.* Ихъ подвергали самымъ изысканнымъ мукамъ. Однихъ распинали на крестахъ; другихъ, обернувъ въ кожу дикихъ звѣрей, отдавали на съѣденіе собакамъ, третьихъ обливали смолою и зажигали, чтобы они свѣтили вмѣсто факеловъ въ садахъ императорскихъ. Какъ ни были ненавидимы христіане вообще въ римской имперіи, но такое жестокое обращеніе съ ними возбудило только состра-

---

[1]) О книгѣ Ренана: Антихристъ. *Чтенія общ. люб. дух. пр.* 1874.

даніе къ нимъ, tamquam non utilitate publica, sed in saevitiam unius absumerentur. *Tac. Annal.* XV. 44. Число жертвъ этого гоненія для насъ неизвѣстно. Точно также мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ далеко отъ Рима оно простиралось и какъ долго продолжалось. Что апостолы Петръ и Павелъ пострадали въ это гоненіе, это основывается на весьма древнемъ, хотя и не разъ уже заподозрѣваемомъ критикою, сказаніи. Еще доселѣ показываютъ въ Римѣ мѣсто ихъ мученической кончины и гробницы ихъ служатъ предметомъ почитанія съ древняго времени. Впечатлѣніе преслѣдованія было такъ ужасно для христіанъ, что они послѣ смерти Нерона, послѣдовавшей въ 68 году, не желали вѣрить, что онъ умеръ, но думали, что онъ снова явится, какъ антихристъ. Къ нему относили извѣстныя слова Апокалипсиса (XIV) объ антихристѣ.

Разрушеніе Іерусалима[1]).

Во время правленія быстро смѣнявшихъ другъ друга преемниковъ Нерона: Гальбы, Оттона, Вителлія христіане наслаждались покоемъ. Напротивъ при Веспасіанѣ началась іудейская война, окончившаяся разрушеніемъ Іерусалима при Титѣ. Исторія этой войны и въ частности осады Іерусалима не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ исторіи церкви. Собственно мы должны бы коснуться этого событія на столько, на сколько оно имѣло вліяніе на судьбу палестинскихъ христіанъ. Но все это событіе такъ тѣсно связано съ пророчествомъ Спасителя объ Іерусалимѣ, со всѣмъ тѣмъ, что было священнаго для христіанъ, видѣвшихъ въ Іерусалимѣ городъ божій и свое средоточіе, что мы считаемъ себя вправѣ нѣсколько остановиться на главныхъ обстоятельствахъ войны.

Начало іудейскихъ возмущеній было положено еще во время жизни Іисуса Христа подъ предводительствомъ нѣкоего Іуды изъ Гамалы и Θевды. Рядъ несчастныхъ возстаній длился и послѣ смерти Спасителя. Скоро исполнились слѣдующія слова Господа объ

---

[1]) Историческій взглядъ на пророчества Спасителя о судьбѣ іудейскаго народа, Іерусалима и храма. *Хр. Чт.* 1860.—*Де-Сольси.* Послѣдніе дни Іерусалима. Перев. Кустодіева. 1874.—*Олесницкаго.* Св. земля. *Кіевъ.* 1875 г.

Іерусалимѣ: *ἥξουσιν ἡμέραι ἐπὶ σε, καὶ περιβαλοῦσιν οἱ ἐχθρόι σου χάρακά σοι, καὶ περικυκλώτουσί σε, καὶ συνέξουσι σε πάντοθεν καὶ ἐδαφιοῦσί σε καὶ τὰ τέκνα σου ἐν σοὶ, καὶ οὐκ ἀφήσουσιν ἐν σοὶ λίθον ἐπὶ λίθῳ.* (Лук. 43—44). Главнымъ образомъ притѣсненія римскаго прокуратора. Гессія Флора побудили іудеевъ къ тому, что они въ 12 году правленія Нерона т. е. въ 60 году нашей эры взялись за оружіе—подъ предводительствомъ нѣкоего Манаема, захватили крѣпость Антонія и избили бывшій тамъ римскій гарнизонъ. Подобная же судьба постигла гарнизоны другихъ крѣпостей города. Наоборотъ языческое населеніе въ Кесаріи и Александріи напало на іудеевъ и избивало ихъ тамъ тысячами. Желая отмстить за смерть своихъ кесарійскихъ собратій, толпы іудеевъ врывались въ Сирію, разоряли города и избивали жителей. Тогда проконсулъ Сиріи Цестій Галлъ выступилъ съ войскомъ противъ бунтовщиковъ. Онъ выгналъ ихъ изъ всѣхъ захваченныхъ ими мѣстностей, заставилъ отступить въ Палестину, подступилъ къ Іерусалиму и внезапно снялъ осаду въ то время, когда овладѣлъ сѣверною частію города. Живущіе въ Іерусалимѣ христіане воспользовались этою пріостановкою военныхъ дѣйствій, чтобы спастись бѣгствомъ въ маленькій городокъ Пеллу, лежащій по ту сторону Іордани. И теперь только по замѣчанію Евсевія, послѣ удаленія святыхъ и праведныхъ, отяготѣлъ судъ Божій надъ этимъ безбожнымъ городомъ. По приказанію Нерона полководецъ Веспасіанъ собралъ болѣе 60,000 войска, вторгся въ Галилею и захватилъ многіе города. Зимою Веспасіанъ подготовилъ все къ осадѣ Іерусалима, которая должна была начаться весною 70 года. Городъ находился въ большомъ возбужденіи. Такъ называемые зилоты, ослѣпленные фанатики, разжигали народныя страсти. Толпа мятежниковъ, а за нею цѣлое полчище изъ 20,000 идумеевъ, вторглись въ городъ и совершили всякаго рода притѣсненія и насилія, избили до 8,000 мирно живущихъ жителей и въ числѣ ихъ даже первосвященника. Веспасіанъ, знавшій отъ перебѣжчиковъ о положеніи города, предполагалъ предоставить Іерусалимъ его собственной судьбѣ, ограничившись только очищеніемъ Идумеи и Іудеи отъ скопищъ мятежниковъ и захватомъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ городовъ. Въ то самое время, когда Веспасіанъ достигалъ Іерусалима, онъ былъ избранъ въ императоры и предоставилъ осаду города своему сыну Титу.

Въ апрѣлѣ началась осада. Это было время праздника Пасхи, когда собралось въ Іерусалимѣ много народу, и всѣхъ обитателей Іерусалима вмѣстѣ съ пришельцами, по счету Іосифа Флавія конечно преувеличенному, было тогда до трехъ милліоновъ, а по счету Тацита до 600,000. Multitudinem obsessorum omnis aetatis virilis ac muliebre secus sexcenta millia fuisse accepimus. Tac. hist. V, 13. Это скопленіе населенія естественно вело только къ умноженію бѣдствія, потому что скоро почувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Самый Іерусалимъ былъ занятъ Титомъ безъ особеннаго сопротивленія. Но крѣпость Антонія и гора, на которой стоялъ храмъ, не были еще взяты. Іудейскій писатель Іосифъ Флавій, защищавшій нѣкогда крѣпость Іотапату, теперь находился въ числѣ плѣнниковъ Тита, который обращался съ нимъ очень милостиво. Титъ поручилъ Іосифу вести переговоры съ соотечественниками, чтобы убѣдить ихъ къ сдачѣ. Но всякія переговоры были безплодны. Голодъ въ осажденной крѣпости достигъ ужасающихъ размѣровъ. Многіе отдавали все свое имущество за мѣру зерна. Вторгались въ дома и грабили все, что только находили. Люди бродили, какъ тѣни. Кто имѣлъ свѣжій цвѣтъ лица, того считали имѣющимъ припасы и убивали, если онъ ничѣмъ не могъ или не хотѣлъ подѣлиться. Подобно алчущимъ звѣрямъ голодные вырывали пищу другъ у друга изъ рта. Остатки зерноваго хлѣба ѣли не молотымъ. За недостаткомъ хлѣба питались корнями и травою, которую собирали съ опасностію жизни ночью, выходя изъ укрѣпленія. Возвращаясь назадъ должны были ждать, что добыча будетъ выхвачена у нихъ голодными, засѣвшими въ городѣ. Еще худшей участи—именно распятію на крестахъ—подвергались попадавшіеся въ руки осаждавшихъ. Сотни іудеевъ ежедневно погибали этою мучительною смертію, такъ что наконецъ вблизи Іерусалима не достало дерева для крестовъ. И все-таки при видѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, сердца предводителей возстанія не смягчались. Симонъ, глава зилотовъ, и Іоаннъ изъ Гискалы, предводители мятежниковъ, руководили защитою крѣпости; но всякій грабилъ и убивалъ для себя и своей шайки. Они пили кровь гражданъ,—говоритъ Іосифъ,—и дѣлили между собою ихъ трупы. Бѣдствіе достигло до высшей степени. Къ голоду присоединился еще моръ, такъ какъ труповъ не успѣвали погребать и просто выбрасывали во рвы, которые шли за стѣнами. Наконецъ, дошло до того, что стали ѣсть предметы вовсе не съѣдобные. Глодали башмачную кожу, пояса, ремни, на которыхъ при-

вѣшивались щиты; искали пищи въ сору, глотали даже золото. Самое поразительное событіе изъ исторіи тогдашнихъ бѣдствій, сообщаемое Іосифомъ, слишкомъ ужасно и общеизвѣстно: мать убила свое собственное дитя для утоленія своего голода. Давно уже благородный Титъ съ глубочайшимъ состраданіемъ смотрѣлъ на неизобразимое бѣдствіе. Такъ какъ никакіе переговоры не достигали цѣли, то онъ рѣшился штурмомъ крѣпости прекратить это неестественное самоубійство, какому подвергали себя іудеи. Титъ велѣлъ устроить новые валы и послѣ многихъ усилій успѣлъ овладѣть крѣпостію Антонія. Но еще не взята была крѣпость Сіонъ. Титъ желалъ сберечь нагорный городъ и храмъ. Еще дважды вступалъ Іосифъ въ мирные переговоры съ іудеями, но тщетно. Поэтому Титъ наконецъ рѣшился на приступъ. Когда осадныя орудія ничего не могли сдѣлать противъ крѣпкихъ стѣнъ храма, то храмъ былъ подожженъ. Іудеи защищались, бросая со стѣнъ каменья, и наконецъ заперлись во внутренности храма. Непріятель преслѣдовалъ ихъ и тамъ. Одинъ изъ римскихъ солдатъ бросилъ горящую головню въ святилище. Напрасно Титъ пытался задержать распространеніе огня. Римскіе воины, жаждая поживы, среди пламени и груды труповъ съ оружіемъ въ рукахъ проникли даже до святая святыхъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ вступилъ въ пылающій храмъ завоеватель. Ему достались богатыя сокровища и между прочимъ: ковчегъ завѣта, золотой седмисвѣщникъ, столъ предложенія хлѣбовъ, олтарь кадильный, пурпурная занавѣсь и другія драгоцѣнности, которыя впослѣдствіи украсили собою тріумфъ завоевателя.

Немногіе іудеи спасшіеся отъ огня и меча укрылись въ верхнюю часть города, и тамъ подъ предводительствомъ Іоанна изъ Гискалы держались въ крѣпости Ирода. Но скоро и эта крѣпость была разрушена римлянами. Оставшіеся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ. Старые и слабые были избиты, красивые юноши были сбережены для тріумфальнаго шествія. Остальные были проданы въ рабство или предназначены для гладіаторскихъ игръ въ циркѣ. Оба предводителя возстанія подверглись заслуженному мщенію. Іоаннъ изъ Гискалы былъ присужденъ на пожизненное заключеніе, а Симонъ, сбереженный для тріумфа, за тѣмъ былъ убитъ. Шесть мѣсяцевъ длилась эта ужасная осада. Число жертвъ едва можно исчислить. По словамъ Іосифа,—который конечно говоритъ приблизительно, такъ, какъ ему показалось,—всѣхъ погибшихъ отъ меча, голода и мора было болѣе милліона. Самъ

Титъ признавался, что эту войну ему удалось довести до конца только благодаря особенной помощи Божіей. Для охраненія разрушеннаго города Титъ оставилъ здѣсь легіонъ своего войска, и съ остальными войсками, пройдя Іудею и Сирію, въ началѣ 72 года съ тріумфомъ вступилъ въ Римъ. Лишь только въ 74-мъ году Іудея вполнѣ успокоилась, хотя—какъ увидимъ,—не надолго.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Судьбы христіанъ въ Римской имперіи по разрушеніи Іерусалима.

Положеніе христіанъ при Домиціанѣ и Нервѣ. Конецъ вѣка апостольскаго[1]).

Тяжкій судъ Божій, постигшій іудейскую землю, послужилъ для христіанъ къ укрѣпленію ихъ вѣры: они видѣли въ разрушеніи Іерусалима самое поразительное исполненіе пророчествъ своего Господа и и Учителя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это событіе провело рѣзкую черту между христіанствомъ и іудействомъ. По разрушеніи Іерусалима іудеохристіане потеряли самую главную опору для своихъ іудейскихъ убѣжденій. Живя въ ничтожномъ городкѣ Пеллѣ и его окрестностяхъ, они едва влачили свое существованіе, тогда какъ христіанство, пустивъ свѣжіе корни въ столицахъ языческаго міра, скоро далеко переросло іудейскую секту.

Впрочемъ еще нѣсколько времени римское правительство по прежнему считало христіанъ не болѣе, какъ іудейскою сектою. Подушная подать, наложенная на іудеевъ послѣ завоеванія ихъ страны, наложена была также и на христіанъ. Praeter caeteros iudaicus fiscus acerbissime actus est: ad quem deferebantur *qui vel improfessi iudaicam vivere vitam,* vel dissimulata origine imposita genti tributa non pependissent. *Suet. in Domitiano c. 12.* Мало того: на христіанъ правитель-

---

[1]) О правилахъ апостольскихъ. *Странникъ.* 1874. О постановленіяхъ апостольскихъ Н. А. Благоразумова. *Пр. Об.* 1862. Богослуженіе въ 1 вѣкѣ христіанства Св. Михайловскаго *Дух. Вѣстникъ.* 1866. Ожиданія втораго пришествія Спасителя во времена апостоловъ. *Дух. Бесѣда.* 1860.

ство смотрѣло, какъ на самую опасную іудейскую секту. Ученіе христіанъ о Мессіи и Его небесномъ царствѣ легко могло подать поводъ къ предположенію, что христіане имѣютъ сильныя политическія надежды и революціонныя стремленія. Подъ вліяніемъ вѣроятно этихъ опасеній подозрительный императоръ Домиціанъ, преемникъ Тита, приказалъ развѣдать въ Палестинѣ, не осталось ли тамъ потомковъ Давида, которыхъ розыскивалъ еще Веспасіанъ. Дѣйствительно найдены были родственники Іисуса Христа, именно внуки того Іуды, который назывался братомъ Господнимъ. Императоръ велѣлъ ихъ привести къ себѣ. Они оказались самые бѣднѣйшіе и простые люди. На вопросъ: дѣйствительно ли они происходятъ отъ Давида? они отвѣчали утвердительно. Но когда ихъ затѣмъ спросили объ имуществѣ ихъ, они отвѣчали, что имѣютъ всего 9,000 динаріевъ, изъ коихъ каждому принадлежитъ половина И эту сумму они имѣютъ не въ чистыхъ деньгахъ, а въ землѣ, которой у нихъ 39 десятинъ (*πλέθρων*). Обработывая эту землю,—говорили они,—мы и подати платимъ и сами питаемся;—за тѣмъ показали свои, покрытыя мозолями, руки. Когда ихъ спросили объ Іисусѣ Христѣ и его царствѣ, они отвѣчали, что это не земное царство, а небесное, что оно откроется при концѣ міра, когда Господь придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и каждому воздастъ по дѣламъ его. Выслушавъ это, императоръ отпустилъ ихъ. Такъ передаетъ намъ Евсевій (III, 20) разсказъ объ этомъ событіи древнѣйшаго церковнаго писанія Егезиппа. Преданіе говоритъ, что именно при Домиціанѣ апостоль Іоаннъ былъ сосланъ въ Патмосъ. Вообще, хотя въ собственномъ смыслѣ гоненія на христіанъ въ правленіе Домиціана не было, но все-таки онъ осудилъ то на ссылку, то на смерть: своего родственника Флавія Климента, его супругу Флавію-Домициллу и нѣкоторыхъ другихъ, *за безбожіе*, т. е. за то, что они не хотѣли болѣе покланяться ложнымъ богамъ. *Ἐπηρέχθη δὲ ἀμφοῖν* (т. е. Клименту и Домициллѣ) *ἔγκλημα ἀθεότητος. ὑφ' ἧς καὶ ἄλλοι ἐς τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤθη ἐξοκέλλοντες πολλοὶ κατεδικάσθησαν. καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γοῦν οὐσιῶν ἐστερήθησαν. ἡ δὲ Δομιτίλλα ὑπερορισθῆναι μόνον εἰς Παντατέρειαν.* Xiphilini epitome Dion. Cass. 67. 14.

Во время правленія человѣколюбиваго Нервы христіане пользовались полнымъ спокойствіемъ. Но правленіе Нервы продолжалось недолго.

Смертію Нервы и началомъ правленія Траяна заканчивается тотъ отдѣлъ церковной исторіи, который обыкновенно называютъ *періодомъ апостольскимъ*. Уже во время разрушенія Іерусалима немногіе изъ апостоловъ, непосредственныхъ учениковъ Спасителя, были въ живыхъ. Послѣ разрушенія Іерусалима изъ всѣхъ апостоловъ былъ живъ еще только Іоаннъ, но къ началу правленія Траяна, вѣроятно скончался и этотъ великій апостолъ.

Мужи апостольскіе и въ частности св. Климентъ [1]).

На мѣсто непосредственныхъ свидѣтелей жизни Господа, мирно скончавшихся въ ожиданіи близкаго пришествія Христа и наступленія Его царства, выступило новое поколѣніе христіанъ. По стопамъ апостоловъ шли ихъ ученики, изъ ряда коихъ выступаетъ нѣсколько мужей, которыхъ обыкновенно называютъ *мужами апостольскими*. Къ этимъ, такъ называемымъ апостольскимъ мужамъ, церковь причисляетъ Климента, Варнаву, Ерма, Игнатія, Поликарпа и Папія. За исключеніемъ Папія отъ всѣхъ апостольскихъ мужей мы имѣемъ сочиненія, ими писанныя, или по крайней мѣрѣ носящія ихъ имя.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ. Мы не будемъ останавливаться на посланіи, ап. Варнавы, ни на книгѣ Ерма—*пастырь*, наполненной видѣніями. Мы намѣрены говорить только о посланіяхъ Климента.

О жизни св. Климента мы знаемъ очень мало. Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ филиппійцамъ (IV, 3) упоминаетъ Климента въ числѣ своихъ сотрудниковъ, ὧν ἐν ὀνόματα ἐν βίβλῳ ζωῆς. Былъ ли это тотъ самый Климентъ, котораго впослѣдствіи мы встрѣчаемъ епископомъ римскимъ, или другой, — это вопросъ нерѣшеный. Точно также трудно рѣшить, когда именно Климентъ былъ римскимъ еписко-

---

[1]) Историч. свѣдѣнія объ апостолѣ Варнавѣ. *Хр. Чт.* 1839. *Чельцова.* Первый вѣкъ христіанства въ писаніяхъ мужей апостольскихъ. *Хр. Чт.* 1868. Св. ап. Варнава и его посланіе. *В. Чт.* VII. Idem. XIII. idem. *Труды к. д. ак.* 1862. Общее обозрѣніе ученія, заключающагося въ писаніяхъ мужей апостольскихъ. *В. Чт.* XIII. Писанія мужей апостольскихъ въ русск. пер. изд. при ред. *Пр. О.* 1860—62. *К. Скворцова.* Когда написано посланіе а. Варнавы. *Труды к. д. ак.* 1873. Его же: о посланіи къ Діогнету. Ibid. Его же: О посланіи Климента римскаго къ коринѳянамъ. *Труды к. д. ак.* 1874.

помъ. Отрицая преданіе объ основаніи римской церкви а. Петромъ, нѣкоторые ученые отрицаютъ также сказанія о первыхъ преемникахъ Петра въ Римѣ епископахъ: Линѣ, Клитѣ и Анаклетѣ, а отсюда является большое разногласіе и относительно времени правленія Климента: по мнѣнію однихъ онъ епископствовалъ до разрушенія Іерусалима, по мнѣнію другихъ—въ первые годы правленія Траяна. Есть преданіе, что Климентъ былъ сосланъ императоромъ Траяномъ въ Херсонесъ Таврическій и тамъ скончался мученическою смертію. Св. Климентъ имѣетъ великое значеніе въ церковной исторіи, благодаря тому посланію, которое онъ писалъ изъ Рима къ общинѣ коринѳской. Это посланіе до такой степени пользовалось уваженіемъ первенствующихъ христіанъ, что причислялось ими къ книгамъ священнаго писанія и читалось въ торжественныхъ собраніяхъ. Читая это посланіе, мы можемъ составить ясное понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находилась коринѳская церковь спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ Павла. Мы видимъ, что споры, которые старался разрѣшить а. Павелъ, еще продолжались и отчасти возникли вновь въ измѣненномъ видѣ. Св. Климентъ старается оживить въ коринѳянахъ ту надежду на воскресеніе, которую возбуждалъ въ своемъ посланіи къ нимъ ап. Павелъ. Св. Климентъ указываетъ на видимую природу, на перемѣны дня и года, какъ на образъ воскресенія. Такимъ же образомъ служитъ для Климента птица фениксъ, которая будтобы водится въ Аравіи, сожигаетъ саму себя и потомъ возрождается изъ собственнаго пепла. Кромѣ перваго посланія св. Клименту приписываютъ еще другое, болѣе, впрочемъ, похожее на отрывокъ какой либо древнехристіанской бесѣды и быть можетъ даже не принадлежащее перу св. Климента. Ложно приписываются Клименту такъ называемые *Клементины*, о которыхъ рѣчь впереди.

Судьбы христіанства при Траянѣ. Переписка его съ Плиніемъ. Мученичество св. Игнатія. Его посланія[1]).

Продолжимъ общую нить исторіи и познакомимся съ внѣшнею судьбою церкви. Девятнадцатилѣтнее правленіе Траяна (98—117), какъ

[1]) О мученичествѣ Игнатія Богоносца. *Хр. Чт.* 1822. Св. Игнатій Богоносецъ. *Дух Бесѣда.* 1860. Idem. *В. Чт.* XIII.—Игнатій предъ Траяномъ. *В. Чт.* XV. Подлинность посланій св. Игнатія. *Чт. об. люб. дух. пр.* 1873. О посланіяхъ св. Игнатія *Труды К. Дух. Ак.* 1872.

извѣстно, было въ политическомъ отношеніи самымъ славнымъ временемъ изъ всего періода римской имперіи. Траяна обыкновенно называютъ лучшимъ императоромъ, славою римскихъ кесарей, отцомъ отечества. Въ время своего правленія онъ расширилъ римскую имперію и вмѣстѣ самымъ усерднымъ образомъ заботился объ ея внутреннихъ дѣлахъ. Доставить подданнымъ внѣшнее благосостояніе и дать силу законамъ было задачею его жизни и онъ выполнялъ эту задачу съ величайшимъ умѣньемъ и настойчивостію. О его побѣдоносныхъ походахъ, благодаря которымъ римская имперія распространилась до Евфрата, о его намѣреніяхъ расширить ея предѣлы до Индіи, мы не имѣемъ нужды говорить. Мы должны сказать только объ его отношеніяхъ къ христіанству и ко вновь возникающей христіанской церкви. Постоянно повторяя, что онъ желалъ бы править такъ, какъ желалъ бы быть управляемымъ, ежедневно вспоминая данную имъ клятву, ничего не предпринимать такого, что можетъ быть вредно для благосостоянія и чести честно живущихъ людей, могъ ли Траянъ начать несправедливое гоненіе на христіанъ? Повидимому, нѣтъ Но говоря о судьбѣ христіанской церкви и объ отношеніяхъ къ ней римскихъ императоровъ, мы вообще увидимъ, что именно лучшіе и благороднѣйшіе изъ императоровъ, какъ напр. Траянъ, Маркъ Аврелій, Діоклитіанъ были преслѣдователями христіанства, тогда какъ въ правленіе многихъ худшихъ императоровъ, напр. въ правленіе Геліогабала, церковь наслаждалась покоемъ. Чтобы понять это явленіе, мы должны принять во вниманіе, что римскій императоръ прежде всего имѣлъ въ виду государство и благо государства.—Чѣмъ болѣе онъ заботился объ этомъ благѣ, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ вооружаться противъ всего, что съ точки зрѣнія того времени могло бы этому благу вредить. А таково и было христіанство. Въ частности Траянъ признавалъ несовмѣстнымъ съ римскою государственною жизнію существованіе отдѣльныхъ ассоціацій, имѣвшихъ свои собственные законы, кромѣ государственныхъ. Онъ издалъ строгіе законы противъ всѣхъ такихъ общинъ и союзовъ, видя въ нихъ зерно революціи. Даже цехи ремесленниковъ, составлявшихъ общины для скорѣйшаго вспомоществованія во время пожаровъ, были запрещены, потому что даже ихъ причислили къ категоріи вредныхъ обществъ. Естественно поэтому, что и общины христіанъ въ римской имперіи причислялись начальниками провинцій къ такимъ вреднымъ

общинамъ и христіане въ силу императорскаго указа подвергаемы были наказаніямъ. При этомъ преслѣдованіи правители провинцій переступали даже границы дозволеннаго закономъ и далеко не всѣ были такъ честны, какъ намѣстникъ Виѳиніи Плиній младшій,—племянникъ знаменитаго естествоиспытателя Плинія, — который, не зная какъ примѣнять ему эдиктъ императора по отношенію къ христіанамъ, просилъ разрѣшенія своихъ недоумѣній у Траяна. Письмо Плинія къ Траяну читается такъ:

C. Plinius Trajano. Solenne est mihi, Domine, omnia, de quibus dubito, ad Te referre. Quis enim potest melius vel cunctationem meam regere, vel ignorantiam instruere? Cognitionibus de christianis interfui numquam: ideo nescio, quid et quatenus aut puniri soleat, aut quaeri. Nec mediocriter haesitavi, sit ne aliquod discrimen aetatum, an quamlibet teneri nihil a robustioribus differant: deturne poenitentiae venia, an eo, qui omnino christianus fuit, desisse non prosit: nomen ipsum, si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomini puniantur. Interim in iis, qui ad me tanquam christiani deferebantur, hunc sum secutus modum. Interrogavi ipsos, an essent christiani: confitentes iterum et tertio interrogaui, supplicium minatus: perseverantes duci jussi. Neque enim dubitabam, qualecunque esset, quod faterentur, pertinaciam cérte et inflexibilem obstinationem debere puniri. Fuerunt alii similis amentiae: quos, quia cives Romani erant, annotavi in urbem remittendos. Mox ipso tractatu, ut fieri solet, diffundente se crimine, plures species inciderunt. Propositus est libellus sine auctore, multorum nomina continens, qui negarent esse se christianos aut fuisse. Cum praeeunte me deos appellarent, et imagini tuae, quam propter hoc jusseram cum simulacris numinum afferri, thure ac vino supplicarent, praeterea maledicerent Christo,—quorum nihil cogi posse dicuntur, qui sunt revera christiani,—dimittendos esse putavi. Alii ab indice nominati, esse se christianos dixerunt et mox negaverunt: fuisse quidem, sed desisse, quidam ante triennium, quidam ante plures annos, non nemo etiam ante viginti quoque. Omnes et imaginem Tuam deorumque simulacra venerati sunt: ii et Christo maledixerunt. Affirmabant autem, hanc fuisse summam vel culpae suae, vel erroris, quod essent soliti stato die ante lucem convenire carmen que Cristo, quasi Deo, dicere secum invicem: seque sacramento, non in scelus aliquod obstringere, sed ne furta, ne latrocinia, ne adul-

teria committerent, ne fidem fallerent, ne depositum appellati abnegarent; quibus peractis morem sibi discedendi fuisse, rursusque coeundi ad capiendum cibum, promiscuum tamen et innoxium; quod ipsum facere desisse post edictum meum, quo secundum mandata tua hetaeria esse vetueram. Quo magis necessarium credidi, ex duabus ancillis, quae ministrae dicebantur, quid esset veri et per tormenta quaerere. Sed nihil aliud inveni, quam superstitionem pravam et immodicam: ideo que dilata cognitione ad consulendum Te decurri. Visa est enim mihi res digna consultatione, maxime propter periclitantium numerum. Multi enim omnis aetatis, omnis ordinis, utriusque sexus etiam, vocantur in periculum et vocabuntur. Neque enim civitates tantum, sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est. Quae videtur sisti et corrigi posse. Certe satis constat, prope jam desolata templa coepisse coelebrari, et sacra solemnia diu intermissa repeti, pastum que venire victimarum, cujus adhuc rarissimus emtor inveniebatur. Ex quo facile est opinari, quae turba hominum emendari possit, si sit poenitentiae locus.

Отвѣтъ имп. Траяна Плинію былъ таковъ:

Traianus Plinio. Actum, quem debuisti, mi secunde, in excutiendis causis eorum, qui christiani ad te delati fuerant, secutus es. Neque enim in universum aliquid, quod quasi certam formam habeat, constitui potest. Conquirendi non sunt: si deferantur et arguantur, puniendi sunt, ita tamen ut qui negaverit se christianum esse, idque re ipsa manifestum fecerit, i. e. supplicando diis nostris, quamvis suspectus in praeteritum, veniam ex poenitentia impetret. Sine auctore vero propositi libelli in nullo crimine locum habere debent; nam et pessimi exempli, nec nostri seculi est.

Мы остановимся на этой перепискѣ и сдѣлаемъ по поводу ея нѣсколько замѣчаній. Прежде всего мы видимъ, какъ думали о христіанствѣ высокопоставленные и хорошо образованные язычники. По ихъ мнѣнію христіанство было достойное сожалѣнія суевѣріе и вредное сумасбродство. Оба, какъ Плиній, такъ и Траянъ, съ состраданіемъ относятся къ христіанству и врожденное всѣмъ людямъ чувство состраданія удерживало ихъ отъ насилій. Но оба были слишкомъ преданы интересамъ римской имперіи и государственной религіи, и потому не могли оставить въ покоѣ христіанъ, и не преслѣдовать ихъ за то только, что они были христіанами. И вотъ Плиній не стыдится

подвергать пыткамъ слабыхъ женщинъ и говоритъ объ этомъ съ такимъ хладнокровіемъ, которое удивляетъ насъ въ столь гуманномъ человѣкѣ.

Что касается до письма Траянова, то о немъ судятъ различно. Признаютъ очень разумнымъ и дѣлающимъ честь сердцу императора то, что онъ запретилъ разъискивать христіанъ и давать ходъ безъименнымъ на нихъ доносамъ. Но во всякомъ случаѣ распоряженіе Траяна грѣшитъ непослѣдовательностію. Это двусмысленная полумѣра, которую не безъ ораторскаго увлеченія такъ охарактеризовалъ Тертулліанъ: O sententiam necessitate confusam! negat inquirendos, ut innocentes, et mandat puniri, ut nocentes. Pareit et saevit; dissimulat et animaduertit. Quid temet ipsum censura circumvenis? Si damnas, cur non et absoluis? и т. д.

Далѣе письмо Плинія знакомитъ насъ съ состояніемъ христіанскихъ общинъ въ концѣ перваго вѣка. Изъ отвѣтовъ, какіе ему давали христіане, видно, что они собирались вмѣстѣ die stato. Очень можетъ быть, что этимъ днемъ собранія былъ день воскресный, хотя вообще не легко опредѣлить, когда христіане начали праздновать день воскресный. Іудео-христіане, прежде привыкшіе праздновать субботу, праздновали этотъ день и тогда, когда стали христіанами. Когда и какъ совершилась замѣна субботы днемъ воскреснымъ, нигдѣ не упоминается. Правда, мы можемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новаго завѣта видѣть указанія на начало празднованія дня воскреснаго напр. гдѣ говорится о собраніи христіанъ, въ день по субботѣ, ἐν τῇ μιᾷ τῶν σαββάτων (Дѣян. XX, 7), но намъ не сказано, что это былъ исключительный день для собраній и притомъ замѣнилъ собою субботу. Далѣе въ апокалипсисѣ (I, 10), говорится, что тайнозритель получилъ свое откровеніе ἐν τῇ κυριακῇ ἡμέρᾳ. Подъ этимъ выраженіемъ также разумѣютъ день воскресный.

Мы читаемъ далѣе въ письмахъ Плинія, что христіане поперемѣнно (secum invicem) пѣли пѣснь въ честь Христа, какъ Бога. Изъ этого ясно видно, что христіане въ то время, почитая Іисуса Христа истиннымъ Господомъ, обращались къ Нему съ молитвенными пѣснопѣніями. Очевидно также что и въ Виѳиніи было тогда поперемѣнное пѣніе на два лика, подобное тому, какое около того же времени, по преданію, ввелъ св. Игнатій Богоносецъ въ Антіохіи.

Далѣе мы видимъ, что собранія имѣли практически-нравствен-

ную цѣль: взаимное увѣщаніе къ правдивости, вѣрности, цѣломудрію. Когда говорится, что христіане собирались для вкушенія вмѣстѣ обыкновенной и невинной трапезы, то очевидно здѣсь идетъ рѣчь о вечеряхъ любви (агапахъ), какія мы видѣли въ Коринѳѣ еще въ вѣкъ апостольскій и какія долго еще соединялись съ таинствомъ св. причащенія. Съ особенною выразительностію говорили христіане на судѣ о томъ, что эта пища, какую они употребляютъ, есть обыкновенная и невинная. Это они должны были заявить въ виду распространенныхъ между язычниками слуховъ, будто бы христіане убиваютъ дѣтей, пьютъ ихъ кровь, питаются ихъ тѣломъ.—Наконецъ Плиній говоритъ, что онъ нѣкоторыя свѣдѣнія путемъ пытокъ получилъ отъ двухъ служанокъ, quae ministrae dicebantur. Въ высшей степени вѣроятно, что это были діаконисссы—женщины, которымъ ввѣрено было попеченіе о больныхъ, бѣдныхъ, и упоминаніе о которыхъ, какъ о помощницахъ діаконовъ, находится и въ книгахъ новаго завѣта. Такъ въ посланіи къ римлянамъ (XVI, 1) читаемъ *συνίστημι δὲ ὑμῖν Φοίβην τὴν ἀδελφὴν ἡμῶν, οὖσαν διάκονον τῆς ἐκκλησίας τῆς ἐν Κεγχρεαῖς*. Далѣе быть можетъ слѣдуетъ разумѣть діаконисссъ, подъ тѣми вдовами, о которыхъ ап. Павелъ писалъ къ Тимоѳею (IV, 9): *χήρα καταλεγέσθω μὴ ἔλαττον ἐτῶν ἑξήκοντα, γεγονοῖα ἑνὸς ἀνδρὸς γυνή, ἐν ἔργοις καλοῖς μαρτυρουμένη* и проч.

Изъ христіанъ, пострадавшихъ во время гоненія и замученныхъ по повелѣнію самого Траяна извѣстенъ одинъ изъ мужей апостольскихъ. Это св. Игнатій. Онъ родился, вѣроятно, еще при жизни Спасителя. По словамъ преданія онъ былъ именно тотъ мальчикъ, котораго Іисусъ Христосъ поставилъ предъ своими учениками, чтобы научить ихъ быть кроткими, какъ дѣти. Игнатій былъ ученикомъ Іоанна богослова и епископомъ въ церкви антіохійской. Онъ первый ввелъ тамъ антифонное пѣніе. Какое глубокое уваженіе питала къ нему церковь видно изъ того, что онъ былъ названъ Богоносцемъ. Вѣроятно около 40 лѣтъ занималъ онъ свою каѳедру до того времени, когда, въ 115 году (а по другимъ извѣстіямъ нѣсколько ранѣе) прибылъ въ Антіохію императоръ. Это было во время его похода противъ Персовъ. Тогда приведенъ былъ къ нему Игнатій и обвиненъ въ томъ, что исповѣдуетъ христіанство. Изъ актовъ допроса, которые конечно не стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, мы узнаемъ слѣдующій разговоръ.

Траянъ. Quis est cacodaemon, nostros festinans praecéptiones transcendere, cum et alteros persuadere, ut perdantur male? Игнатій. *Nullus Theophorum vocat cacodaemonem. Recesserunt enim longe a servis Dei daemonia: si autem quoniam iis gravis sum, malum me adversus daemones vocas, confiteor. Christum enim habens supercoelestem regem, dissolvo horum insidias.* Траянъ. Et quis est Theophorus? Игнатій. *Qui Christum habet in pectore.* Траянъ. Nos igitur tibi videmur non habere secundum intellectum deos, quibus utimur compugnatoribus adversus adversarios? Игнатій. *Daemonia gentium deos appelans erras. Unus enim est Deus, qui fecit coelum et terram et mare et omnia, quae in ipsis, et unus Christus Iesus Filius ipsius unigenitus, cujus amicitia fruar.* Траянъ. Crucifixum dicis sub Pontio Pilato? Игнатій. *Crucifigentem peccatum cum ipsius inventore; et omnem condemnantem daemoniacam malitiam sub pedibus eorum, qui ipsum in corde ferunt.* Траянъ. Tu igitur in te ipso Christum circumfers? Игнатій. *Etiam. Scriptum est enim: inhabitabo in ipsis, et inambulabo.* Послѣ этого Траянъ постановилъ приговоръ: Ignatium praecipimus in se ipso dicentem circumferre Crucifixum, vinctum, a militibus duci in magnam Romam cibum bestiarum in spectaculum plebis futurum. Игнатій выслушалъ этотъ приговоръ спокойно и воскликнулъ съ радостнымъ воодушевленіемъ: Gratias ago Tibi, Domine, quia me perfecta ad Te caritate honorare dignatus es, cum apostolo tuo Paulo vinculis collocari ferreis. Онъ охотно позволилъ себя сковать,—говорятъ акты мученическіе, — помолился за церковь со слезами, поручилъ ее Господу, и, какъ избранный ратоборецъ, какъ добрый руководитель стада, былъ отведенъ грубыми солдатами въ Римъ, чтобы быть брошеннымъ на съѣденіе звѣрямъ.

Такимъ образомъ Игнатій въ сопровожденіи 10 солдатъ отплылъ въ Селевкію и затѣмъ далѣе къ Риму. Въ Смирнѣ онъ видѣлся съ тамошнимъ епископомъ Поликарпомъ, также ученикомъ Іоанна богослова; и туда же явились посланные отъ различныхъ малоазійскихъ церквей. Игнатій поручилъ себя ихъ любви и молитвамъ. Потомъ онъ достигъ Трои и чрезъ Македонію, гдѣ, между прочимъ, посѣтилъ общину филиппійскую, прибылъ въ Римъ. Тамъ встрѣтили его нѣкоторые изъ антіохійскихъ христіанъ, поѣхавшіе въ Римъ, чтобы принять его, а также нашлись и другіе римскіе братья, желавшіе видѣть его, слышать его ученіе и молиться съ нимъ. Игнатій самъ вмѣстѣ съ братіями преклонилъ колѣна на молитву и умолялъ Господа о милости

къ преслѣдуемой церкви. Затѣмъ выведенъ былъ въ амфитеатръ, на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. *Σίτος εἰμὶ Θεοῦ*,—писалъ онъ незадолго предъ кончиною—*καὶ δὶ ὀδόντων θηρίων ἀλέθομαι, ἵνα καθαρὸς ἄρτος εὑρεθῶ τοῦ Χριστοῦ.*

Мы имѣемъ 7 посланій Игнатія, которыя онъ написалъ на пути въ Римъ различнымъ общинамъ и Поликарпу. Церкви, къ которымъ были отправлены посланія Игнатія, были слѣдующія: ефесская, магнезійская, траллеская, филадельфійская, смирнская и рим кая. Посланія эти сохранились доселѣ въ двухъ различныхъ редакціяхъ: въ обширной и въ сокращенной. Большая часть критиковъ за подлинную и первопачальную признаютъ редакцію сокращенную; но противъ этого мнѣнія есть много возраженій и даже новѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ, основывающіяся на вновь открытыхъ рукописяхъ нѣкоторыхъ посланій, не привели еще ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ.

Подлинность сказанія о мученической кончинѣ св. Игнатія служитъ предметомъ спора для новѣйшихъ критиковъ. Признается невѣроятнымъ, что Траянъ сумасброда, какимъ считалъ Игнатія, велѣлъ подъ стражею отправить въ Римъ, тогда какъ казнить его въ Антіохіи не только было бы гораздо проще, но вмѣстѣ съ тѣмъ произвело бы болѣе сильное устрашающее впечатлѣніе на тамошнихъ христіанъ. Но противъ этого возражаютъ, что императоръ, можетъ быть, для того и отослалъ св. Игнатія въ Римъ, чтобы не возбудить фанатизма антіохійскихъ христіанъ зрѣлищемъ казни ихъ епископа, а можетъ быть и потому, что надѣялся на охлажденіе ревности Игнатія и перемѣну его мыслей во время пути или наконецъ,—для того чтобы при видѣ страдающаго за вѣру путника, устрашились христіане тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя лежалъ путь Игнатія. Но если мы даже согласимся, что ст. Игнатій не былъ въ Римѣ, а сдѣлался жертвою языческаго фанатизма по случаю недавняго землетрясенія въ Антіохіи, то все-таки уваженіе христіанъ къ памяти этого мученика и высокое значеніе его посланій остается внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ посланіяхъ Игнатія не только виденъ духъ истиннаго ученика Христова, проникнутаго чувствами смиренія, терпѣнія, покорности; здѣсь мы находимъ также опроверженіе тѣхъ ложныхъ направленій, которыя въ то время появились въ церкви и пролагали дорогу цѣлымъ, широко развившимся, еретическимъ системамъ. Такъ Игнатій ратуетъ противъ упорной приверженности къ іудейской обрядности,

Не христіанство; говоритъ онъ, *приняло вѣру въ іудейство; но іудейство въ христіанство*". Но особенно сильно вооружится онъ противъ тѣхъ, которые, не понимая ученія о лицѣ Господа, не признавали его истиннымъ человѣкомъ и утверждали, что онъ вмѣсто дѣйствительнаго человѣческаго тѣла принялъ только призрачное человѣческое тѣло. Это были такъ называемые докеты. *„Закрывайте ваши уши отъ всякаго, кто проповѣдуетъ вамъ что-либо другое, а не Іисуса, который истинно родился отъ Маріи отъ племени Давида, истинно жилъ и страдалъ, истинно былъ распятъ и умеръ, истинно воскресъ изъ мертвыхъ. Если бы онъ только призрачно страдалъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые безбожные люди, то они получили бы только призрачную жизнь".*

Наконецъ въ посланіи Игнатія съ особенною ясностію развивается мысль о единствѣ церкви въ противовѣсъ разъединеніямъ и разногласіямъ, грозившимъ проникнуть въ церковь посредствомъ ересей. *Εἷς ἐστιν ἀγέννητος ὁ Θεὸς καὶ πατὴρ, καὶ εἷς μονογενὴς υἱὸς Θεοῦ. λόγος καὶ ἄνθρωπος καὶ εἷς ὁ Παράκλητος τὸ Πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ἐν δὲ καὶ τὸ κήρυγμα καὶ ἡ πίστις μία καὶ τὸ βάπτισμα ἕν. Καὶ μία ἡ ἐκκλησία, ἣν ἐδρύσανπο οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι ἀπὸ περάτων ἕως περάτων ἐν τῷ αἵματι τοῦ χριστοῦ οἰκείοις ἱδρῶσι καὶ πόνοις. Καὶ ὑμᾶς οὖν χρὴ, ὡς λαὸν περιούσιον καὶ ἔθνος ἅγιον ἐν ὁμονόια πάντα ἐν Χρϊσιῳ ἐπιτελεῖν.* Эта мысль о единствѣ и каѳолическомъ характерѣ церкви стояла въ связи съ мыслію о значеніи іерархіи, такъ какъ Игнатій представителемъ единства церкви признаетъ епископа и приписываетъ епископской власти самое высокое значеніе. По словамъ св. Игнатія епископа слѣдуетъ почитать также какъ самого Христа: *τῷ ἐπισκόπῳ ὑποτάσσεσθε ὡς Ἰησοῦ Χριστῷ, ὑποτάσσεσθε καὶ τῷ πρεσβυτερίῳ, ὡς τοῖς ἀποστόλοις Ἰησοῦ Χριστοῦ.*

Судьбы христіанства при Адріанѣ. Смерть Симеона[1]).

Преемникомъ Траяна былъ его родственникъ Элій Адріанъ (117—138). Указъ Траяна противъ тайныхъ обществъ продолжалъ имѣть свою

[1]) Св. мученикъ Евстаѳій Плакида (при Адріанѣ) ***В. Чт.*** V. О Симеонѣ сродникѣ Господнемъ. *В. Чт.* VI.

силу и при этомъ императорѣ, и начальники провинцій, смотря по обстоятельствамъ и по личному своему усмотрѣнію, продолжали дѣлать изъ него болѣе или менѣе строгое примѣненіе по отношенію къ христіанству. Многіе изъ нихъ присуждали христіанъ къ казни по требованію черни, и во время торжественныхъ празднествъ отдавали ихъ для гладіаторскихъ игръ въ циркѣ. Christianos ad leones! вотъ дикій крикъ, съ какимъ обращалась возбужденная чернь къ начальникамъ, почти всегда исполнявшимъ это народное желаніе. Но были и исключенія, были и такіе правители, которые не уступали кровожадному требованію народа. Таковъ былъ напр. малоазійскій проконсулъ Серенній Граніанъ, обратившійся къ императору съ особымъ письмомъ, въ которомъ доноситъ императору, что онъ затрудняется казнить христіанъ за одно только имя, если ихъ не обвиняютъ кромѣ того въ какомъ либо другомъ преступленіи. Адріанъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и приказалъ преемнику Граніана Минуцію Фундану подвергать христіанъ наказанію только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что они совершили какое либо дѣйствительное преступленіе. Accepi litteras ad me scriptas a decessore tuo Serennio Graniano clarissimo viro: et non placet mihi relationem silentio praeterire, ne et innoxii perturbentur et calumniatoribus latrocinandi tribuatur occasio. Itaque si evidenter provinciales huic petitioni suae adesse valent adversum christianos, ut pro tribunali eos in aliquo arguant, hoc eis exsequi non prohibeo. Precibus autem in hoc solis et acclamationibus uti, eis non permitto. Et enim multo aequius est, si quis volet accusare, cognoscere de objectis. Si quis igitur accusat et probat adversum leges quidquam agere memoratos homines, pro merito peccatorum etiam supplicia statues. Illud mehercle magnopere curabis, ut si quis calumniae gratia quemquam horum postulaverit reum, in hunc pro sui nequitia suppliciis severioribus vindices. Впрочемъ Адріанъ вообще имѣлъ самое неясное и спутанное представленіе о христіанствѣ и смѣшивалъ его съ другими культами, которые въ то время были въ римской имперіи напр. съ египетскимъ культомъ Сераписа. Illi, qui Serapin colunt,—писалъ императоръ—christiani sunt et devoti sunt Sepapi, qui se Christi episcopos dicent. Поэтому извѣстіе позднѣйшаго римскаго писателя (Лампридія), будто Адріанъ воздвигъ храмъ въ честь Христа и хотѣлъ внести Его въ число боговъ, должно быть отнесено къ баснямъ. Основаніемъ для составленія такой

басни, вѣроятно, послужило то обстоятельство, что Адріанъ воздвигъ много храмовъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи и оставилъ ихъ безъ статуй божествъ, можетъ быть, намѣреваясь впослѣдствіи поставить въ нихъ свое собственное изображеніе.

Правленіе Адріана было роковымъ для послѣдующей судьбы іудеевъ, съ которыми и теперь еще смѣшивали христіанъ.

Послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, нѣкоторые изъ убѣжавшихъ въ Пеллу христіанъ снова возвратились на печальные останки павшей матери городовъ; а вмѣстѣ съ ними возвратился и престарѣлый Симеонъ, одинъ изъ родственниковъ Господа, и въ санѣ епископа сталъ во главѣ тамошней христіанской общины. Въ 107 году, будучи старцемъ 120 лѣтъ, Симеонъ умеръ крестною смертію по приговору римскаго намѣстника, предъ которымъ обвинили его іудеи, какъ опаснаго для имперіи потомка рода Давидова.

Судьбы іудеевъ при Адріанѣ. Варъ-Кохба[1]).

Іудеи, всегда поднимавшіе знамя возстанія противъ правительства, могли ли теперь спокойно видѣть, что святое мѣсто было осквернено язычниками, самое имя Іерусалима было вычеркнуто изъ списка городовъ, на его развалинахъ былъ основанъ новый городъ, населенный язычниками и христіанами, и на мѣстѣ храма, въ которомъ почитали нѣкогда Іегову, совершалось теперь служеніе Юпитеру? Долгое время возтаніе подготовлялось въ тихомолку. Путешествіе по востоку, предпринятое Адріаномъ въ 130 году, еще болѣе задержало обнаруженіе возстанія, но лишь только императоръ удалился, мятежъ вспыхнулъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Одинъ іудейскій фанатикъ, называвшій себя сыномъ звѣзды, Варкохба выдавалъ себя за Мессію, примѣняя къ себѣ извѣстное пророчество Валаама: *„возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля и погубитъ князи Моавитскія и плѣнитъ вся сыны Сиѳовы“* (Числ. 24, 17). На Виѳарской горѣ, близъ Іерусалима, онъ принялъ помазаніе на царство и началъ

---

[1]) Де-Сольси. Послѣдніе дни Іерусалима Перев. Кустодіева.—Іудейскій народъ и Іудейство въ періодъ образованія талмуда съ 70 по 500 г. *Труды к. дух. ак.* 1868 Изслѣдованіе о талмудѣ. Диминскаго. *Труды к. дух. ак.* 1868. Изъ талмудической миѳологіи. Олесницкаго. *Труды к. д. ак.* 1870.

жесточайшимъ образомъ преслѣдовать всѣхъ, кто не признавалъ его сана и въ особенности палестинскихъ христіанъ. Вооруженною рукою онъ напалъ на Іерусалимъ, разрушилъ языческій храмъ и велѣлъ чеканить монету, на одной сторонѣ которой было выбито его имя, а на другой слова: „*свобода Іерусалима*“. Когда римскій намѣстникъ Тинній не въ силахъ былъ подавить это возстаніе, тогда вызванъ былъ въ Палестину изъ Британіи лучшій римскій полководецъ того времени Юлій Северъ и началъ усмирять мятежниковъ сначала съ мудрою осторожностію, не вступая съ ними въ открытую битву. Іудеи бросились въ Вифаръ, но Северъ, захватывая землю по частямъ, овладѣлъ въ концѣ концовъ и этимъ послѣднимъ убѣжищемъ. Послѣ трехлѣтней кровавой войны, возстаніе было подавлено въ 135 году. По общепринятому мнѣнію въ это возстаніе погибло 580000 іудеевъ, разрушено 50 крѣпостей, 985 городовъ и селеній обращено въ пустыню. Варкохба, котораго теперь обманутый народъ называлъ *сыномъ лжи Варкозиба*, погибъ въ сраженіи. Его голова была принесена въ римскій лагерь. Раввинъ Акиба, принимавшій участіе въ возстаніи, былъ преданъ ужаснымъ мученіямъ, которыя онъ впрочемъ перенесъ съ величайшимъ мужествомъ. Другіе виновники возстанія были частію проданы въ рабство, частію отведены въ каменоломни египетскія. Мѣсто, гдѣ находился храмъ, Адріанъ велѣлъ распахать и усыпать солью. На мѣстѣ Іерусалима построенъ былъ новый городъ, названный въ честь императора и Юпитера Капитолійскаго—Эліею Капитолиною и заселенный языческими колонистами. Ни одинъ іудей не смѣлъ приблизиться къ городу на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы. Для пущаго посмѣянія, надъ городскими воротами, ведущими къ Виѳлеему, было поставлено мраморное изображеніе свиньи. Переходъ въ іудейство былъ запрещенъ подъ угрозою смертной казни.

Послѣ вторичнаго завоеванія Іерусалима іудеи стали народомъ изгнаннымъ изъ родины, бездомнымъ, отверженнымъ, каковы они и донынѣ.

Печальная судьба іудеевъ дала рѣшительный поворотъ исторіи христіанства. Христіане, остававшіеся теперь въ Іерусалимѣ—Эліѣ Капитолинѣ, должны были еще сильнѣе чѣмъ прежде отрѣчься отъ іудейства. И дѣйствительно въ это время впервые представителемъ іерусалимской общины сталъ христіанинъ изъ язычниковъ Маркъ. Іудеохри-

стіанство, дотолѣ всегда имѣвшее своихъ ревнителей въ Палестинѣ, теперь лишилось ихъ. Желаніе а. Павла, чтобы христіанство окончательно освободилось отъ примѣси іудейства, теперь вполнѣ осуществилось. Церковь начала вести борьбу съ представителями іудеохристіанства, признавая ихъ еретиками. Это приводитъ насъ къ разсказу о внутреннемъ состояніи христіанства во времена Адріана.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Ереси въ христіанствѣ.

Два еретическія направленія [1]).

Есть древнее сказаніе, будто церковь до временъ Адріана сохраняла чистоту вѣроученія, и только съ начала II-го столѣтія въ христіанской церкви появляются ереси. Нельзя признавать этого буквально вѣрнымъ, потому что уже а. Павелъ возставалъ то противъ строгихъ ревнителей іудейскаго обрядоваго закона, то противъ поборниковъ ложно понятаго ученія о христіанской свободѣ, то, наконецъ, противъ философіи, гносиса, лженменнаго разума. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что впервые только во II-мъ вѣкѣ еретическія ученія отдѣлились отъ церковнаго, выступили съ опредѣленными именами, въ опредѣленныхъ формахъ, противъ которыхъ вселенская церковь должна была ратовать для защиты своей цѣлости и неприкосновенности своего ученія.

Христіанство имѣло свой корень въ іудействѣ, но оно никоимъ образомъ не было только повтореніемъ или возобновленіемъ іудейства. Іудейство должно было войти въ христіанство, какъ низшее, подчиненное, зависимое понятіе по отношенію къ высшей идеѣ. Такъ думалъ, какъ мы видѣли, св. Игнатій. Послѣ того, какъ предсказанія пророковъ исполнились во Христѣ, законъ не могъ стоять наряду съ евангеліемъ, какъ нѣчто самостоятельное. Поэтому, всякая попытка наряду съ евангеліемъ сво-

---

[1]) Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Изслѣдованіе А. М. Иванцова—Платонова. Часть первая. Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ. М. 1877.—Катанскаго. Объ изученіи новозавѣтнаго библейскаго періода въ историкодогматическомъ отношеніи. *Хр. Чт.* 1872.—Начало ересей въ церкви христіанской (изъ Шаффа) *Пр. Об.* 1861.

боды, благодати и духа, дать мѣсто іудейскому закону, должна была быть отринута, какъ аномалія и анахронизмъ.

Это одна сторона борьбы. Но есть и другая. Ап. Павелъ, какъ апостолъ язычниковъ, высказывалъ, что христіанство должно быть свободно отъ узъ закона, но никогда не опускалъ изъ вниманія той глубокой исторической связи, какую имѣло христіанство съ іудействомъ, и въ своемъ посланіи къ римлянамъ ясно указалъ на эту связь извѣстною метафорою о привитіи дикой маслины. Если христіане изъ язычниковъ желали теперь отрѣшиться отъ всякой исторической связи съ іудействомъ и въ дополненіе къ языческой философіи и миѳологіи создать изъ христіанства чисто идеалистическую, поэтически-философскую религію, не признавая исторической основы, которая дана была христіанству въ ветхомъ завѣтѣ,—то эта анти-историческая, незаконная и разрушающая законъ попытка также должна была быть отвергнута церковію. Христіанство должно было твердо стоять на своемъ собственномъ основаніи, не должно было отождествляться съ іудействомъ, но вмѣстѣ и не должно было смѣшиваться съ язычествомъ.

Въ началѣ втораго вѣка оба враждебныя христіанству направленія- іудейско-христіанское и языческо-христіанское, которыя давно уже разнообразно старались отождествиться съ христіанствомъ, выступили самымъ опредѣленнымъ образомъ. Съ одной стороны явились іудействующіе евіониты, съ другой—язычествующіе или полуязычествующіе гностики. Объ этихъ двухъ замѣчательныхъ явленіяхъ—евіонизмѣ и гностицизмѣ и слѣдуетъ говорить теперь. Трудно сдѣлать общедоступнымъ и общеинтереснымъ предметъ, который занимаетъ собою только ученыхъ изслѣдователей, но уваженіе къ исторіи не позволитъ пройти его совершеннымъ молчаніемъ.

Евіониты или іудействующіе христіане [1]).

Было время, когда презрительное прозваніе *галилеянъ* и *назореевъ* прилагалось ко всѣмъ христіанамъ вообще. Послѣ разрушенія Іерусалима и іудейской войны при Адріанѣ, прозваніе *назореевъ* осталось только за тѣми христіанами, которые продолжали держаться іудейскаго

---

[1]) Св. Побѣдинскаго. О Климентинахъ *Пр. О.* 1860 № **2**, 3, 7.

обрядоваго закона. Впослѣдствіи назореи по суду вселенской церкви признаны были за еретиковъ и часто отождествлялись съ другою еретическою сектою, которая явилась подъ именемъ *евіонитовъ*. Названіе евіонитовъ отъ еврейскаго слова *евіонъ*—бѣдный, значитъ *бѣдные*. Къ числу евіонитовъ принадлежали главнымъ образомъ іудео-христіане, убѣжавшіе изъ Іерусалима въ Пеллу, очевидно находившіяся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Оригенъ полагаетъ, что евіониты получили такое имя по причинѣ своей духовной бѣдности, по причинѣ неразвитости и грубости своего ученія. Основателемъ секты евіонитовъ, которая выдѣлилась вскорѣ послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, называютъ нѣкоего Ѳебуоиса, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что его не избрали въ епископы, соблазнилъ іудео-христіанъ къ отпаденію отъ чистаго христіанскаго ученія. Каково бы ни было происхожденіе секты, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что евіониты отдѣлились отъ всеобщаго ученія церкви въ самыхъ существенныхъ догматахъ и ближе стояли къ іудейству, чѣмъ къ христіанству. Во первыхъ, они строго держались Моисеева закона и почитали его обязательнымъ для всѣхъ христіанъ. За тѣмъ они учили объ Іисусѣ Христѣ, что онъ есть простой сынъ Іосифа и Маріи и божество Сына Божія не пребывало съ нимъ отъ вѣчности. Тѣмъ не менѣе, по ихъ мнѣнію, Іисусъ Христосъ не былъ обыкновенный человѣкъ, они почитали Его Мессіею народа, сыномъ Давидовымъ. Весьма мѣтко поэтому Оригенъ сравниваетъ евіонитовъ съ тѣмъ евангельскимъ слѣпцомъ, который, восклицалъ къ Господу: „Сыне Давидовъ помилуй мя“ (Мар. X, 47). Нѣкоторые изъ евіонитовъ держались мнѣнія, что Логосъ т. е. божественный духъ, небесный Христосъ, сошелъ на человѣчество Іисуса впервые при крещеніи на Іорданѣ и съ тѣхъ поръ соединился съ нимъ,—ученіе, какое мы встрѣчаемъ у іудео-христіанина Керинѳа, современнаго ап. Іоанну богослову, и у нѣкоторыхъ гностиковъ. Вообще ученіе евіонитовъ въ различныя времена было различно. Нѣкоторые изъ нихъ примѣшивали къ своему іудейству гностическіе элементы и учили о различныхъ вочеловѣченіяхъ Бога въ Адамѣ, въ Енохѣ, въ Ноѣ, въ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ и наконецъ въ Христѣ. Мнѣнія этихъ гностичествующихъ евіонитовъ съ особенною полнотою и ясностію высказаны въ сочиненіяхъ, ложно приписываемыхъ Клименту Римскому,—въ такъ называемыхъ „климентинахъ“.

Гностики. Общій характеръ гностицизма. Системы Василида, Валентина, Офитовъ, Маркіона[1]).

Главными представителями спекулятивнаго раціонализма древняго времени,—конечно, подъ весьма странными и фантастическими формами,—были, такъ называемые, *гностики*, которые во многихъ отношеніяхъ составляли прямую противуположность евіонитамъ. Имя *гностики* происходитъ отъ слова γνῶσις и означаетъ людей знающихъ, мыслящихъ, ученыхъ, философствующихъ, способныхъ къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ. Въ этомъ конечно нѣтъ ничего достойнаго порицанія. Христіанство не исключаетъ знанія, оно ищетъ не слѣпой вѣры, но вѣры сознательной Мы знаемъ уже, что александрійскіе іудеи, подъ вліяніемъ греческой философіи, были очень склонны предаваться религіознымъ умозрѣніямъ о Богѣ и міротвореніи, о Логосѣ и мірѣ ангеловъ, о происхожденіи грѣха и зла. Въ средѣ христіанъ это стремленіе должно было развиться еще болѣе, потому что у нихъ впервые проповѣдывалось ученіе о томъ, что вѣчное Слово соединилось съ ограниченною природою конечнаго міра и сдѣлалось плотію. Говоря о первыхъ временахъ христіанской церкви, дѣлаютъ различіе между истиннымъ и ложнымъ гносисомъ. Отъ послѣдняго *ψευδωνύμου γνώσεως* предостерегалъ уже ап. Павелъ Тимоѳея (1 Тим. V, 5, 20); и противъ него со всею ревностію боролись учители церкви, напр. Ириней и другіе.

Характеристическою чертою всѣхъ гностиковъ II-го вѣка служитъ ихъ родственность съ язычествомъ. Многобожіе было навсегда отвергнуто христіанствомъ и даже гностики не выводили его болѣе изъ его грубомъ видѣ. Но къ истинному монотеизму, къ вѣрѣ въ единаго истиннаго Бога и Творца міра, Который по своей свободной волѣ все создалъ и всѣмъ управляетъ съ безграничною мудростію и любовію, гностики не присоединились. Гностическій Богъ это такое таин-

---

[1]) *Гиссіева* Симонъ волхвъ и его время. *Тр. К. Д. Ак.* 1870. *Рублевскаго.* Очерки христіанской философіи *Тр. К. Д. Ак.* 1862. Библіографическая замѣтка о гностицизмѣ *Пр О.* 1867. Св. Епифанія Кипрскаго *Панарій*, на половину перев. при М. Д. Акад. 1863. См. также цитованныя уже сочиненія О. М. Новицкаго (т. 3-й) и Снегирева—о лицѣ Господа Іисуса Христа. О Вардесанѣ см. въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Пер. Эмина М. 1858.

ственное существо, которое должно было само достигнуть самосознанія путемъ изліяній (эманаціи). Міръ не есть свободное твореніе этого Бога, но дѣло подчиненнаго этому божеству или даже враждебно противоположнаго ему злаго существа. Точно также и человѣкъ созданъ по подобію этого ограниченнаго творца міра и подчиненъ слѣпой судьбѣ, находится во власти силъ, господствующихъ между небомъ и землею. Когда такимъ образомъ отвергнуто было ученіе о свободѣ человѣка, естественно невозможно было ученіе о грѣхѣ и благодати. Матерія, признаваемая темною силою, есть сѣдалище зла, и доколѣ человѣкъ не отрѣшился отъ матеріи, дотолѣ его искупленіе не совершилось. Оно совершится только тогда, когда высшая свѣтовая природа человѣка освободится отъ связи съ матеріею и переселится въ царство свѣта. Подобную высшую свѣтовую природу имѣлъ, по ученію гностиковъ, Христосъ; но этотъ Христосъ гностиковъ не тотъ Іисусъ Христосъ изъ Назарета, о которомъ говоритъ намъ евангеліе. Христосъ гностиковъ не историческій, а миѳическій, Эонъ, т. е. высшій ангелъ свѣта, который или только на время соединился съ Іисусомъ Назаретскимъ при крещеніи на Іорданѣ, чтобы потомъ снова оставить его при его смерти, или, не воплощаясь дѣйствительно, принялъ на себя только видъ тѣла. Послѣднее мнѣніе мы уже встрѣчали у докетовъ, о которыхъ говоритъ св. Игнатій. Всего менѣе гностическая вѣра опиралась на ученіи объ Іисусѣ Христѣ, какъ *распятомъ,* и о гностикахъ съ полною справедливостію можно сказать тоже, что сказалъ апостолъ Павелъ о грекахъ и іудеяхъ, именно что для нихъ крестъ Христовъ былъ соблазномъ и безуміемъ Души людей, путемъ покаянія и очищенія и наконецъ чрезъ смерть освободившись отъ власти тѣла и преобразившись въ чистыя духовныя существа, съ торжествомъ вступятъ въ идеальное царство свѣта, не какъ искупленные грѣшники, но какъ существа, подобныя ангеламъ, возвышенно идеальныя, не похожія на грубую толпу.

Само собою понятно отношеніе гностицизма къ благодатнымъ средствамъ церкви,—къ слову Божію и къ таинствамъ. Считая себя существомъ высшимъ, духовнымъ, гностикъ признаетъ ихъ для себя не нужными, предоставляя пользоваться ими слабѣйшимъ, которые нуждаются еще въ молочной пищѣ. Точно также гностицизмъ составилъ свое особенное нравоученіе. Въ то время, какъ одни изъ гностиковъ предавались суровымъ подвигамъ, чтобы подавить тѣлесную

природу и доходили даже до добровольнаго самоистязанія, другіе на противъ считали для себя не нужнымъ какое бы то ни было воздержаніе; изрѣченіе апостола: δικαίῳ νόμος οὐ κεῖται, (I. Тим. 1, 9) послужило для нихъ основаніемъ освободить себя отъ всякихъ предписаній нравственнаго закона и оправдывать самое грубое удовлетвореніе чувственности.

Теперь перейдемъ къ разсказу о нѣкоторыхъ гностикахъ въ частности. Главнымъ представителемъ гностицизма былъ Василидъ, жившій въ Александріи около 125 года. О его жизни мы ничего болѣе не знаемъ. Его ученіе такъ излагается у св. Иринея: Basilides autem, ut altius aliquid et veri similius adinvenisse videatur, in immensum extendit sententiam doctrinae suae, ostendens *Nun* primo ab innato natum *Patre*: ab hoc autem natum *Logon*, deinde a Logo *Phronesin*, a Phronesi autem *Sophiam* et *Dynamin*, a Dynami autem et Sophia *Virtutes* et *Principes* et *Angelos*, quos et *Primos* vocat, et ab iis primus coelum factum. Dehinc ab horum derivatione (ἐκ δὲ τῆς τούτων ἀπορροίας) alios autem factos, aliud coelum simile priori fecisse, et simili modo ex eorum derivatione cum alii facti essent antitypi eis qui super eos essent, aliud tertium deformasse coelum; et a tertio deorsum descendentium quartum, et deinceps secundum eum modum alteros et alteros Principes et Angelos factos esse dicunt, et coelos CCCLXV. Quapropter et tot dies habere annum secundum numerum coelorum. Eos autem qui posterius continent coelum Angelos, quod etiam a nobis videtur, constituisse ea, quae sunt in mundo omnia, et partes sibi fecisse terrae, et earum quae super eam sunt gentium. Esse autem principem ipsorum eum, qui Judaeorum putatur esse Deus. Et quoniam hic suis hominibus, id est Judaeis, voluit subjicere reliquas gentes, reliquos omnes principes contra stetisse ei et contra egisse. Quapropter et reliquae restiterunt gentes eius genti. Innatum autem et innominatum Patrem, videntem perditionem ipsorum, misisse primogenitum *Nun* suum (et hunc esse qui dicitur Christus) in libertatem credentium ei a potestate eorum, qui mundum fabricaverunt. In gentibus ipsorum autem *apparuisse* eum *in terra hominem*, et virtutes perfecisse. Quapropter neque passum eum, sed Simonem quemdam Cyrenaeum angariatum portasse crucem eius pro eo: et hunc secundum ignorantiam et errorem crucifixum, transfiguratum ab eo, uti putaretur ipse esse Jesus; et ipsum autem Jesum Simonis accepisse formam et stantem irrisisse eos. Quoniam enim Virtus incor-

poralis erat et Nus innati Patris, transfiguratum quemadmodum vellet, et sic adscendisse ad eum, qui miserat eum, deridentem eos, cum teneri non posset, et invisibilis esset omnibus. Et liberatoś igitur eos, qui haec seiant, a mundi fabricatoribus principibus: et non oportere confiteri eum, qui sit crucifixus, sed eum, qui in hominis forma venerit, et putatus sit crucifixus, et vocatus sit Jesus, et missus a Patre, uti per dispositionem hanc opera mundi fabricatorum dissolveret. Si quis igitur (ait) confitetur crucifixum, adhuc hic servus est, et sub potestate eorum, qui corpora fecerunt: qui autem negaverit, liberatus est quidem ad iis, cognoscit autem dispositionem innati Patris. Animae autem eorum soli esse salutem: corpus enim natura corruptibile existit. Prophetias autem et ipsas a mundi fabrícatoribus fuisse ait principibus, proprie autem legem a principe ipsorum, eum, qui eduxerit populum de terra Aegypti. Contemnere autem et idolothyta et nihil arbitrari, sed sine aliqua trepidatione uti eis: habere autem et reliquarum operationum usum indifferentem et universae libidinis. Utuntur autem et hi magia, et incantationibus, et invocationibus, et reliqua universa periergia: nomina quoque quaedam affigentes quasi Angelorum, annunciant hos quidem esse in primo coelo, hos autem in secundo: et deinceps nituntur CCCLXV ementitorum coelorum et nomina, et Principia, et Angelos, et Virtutes exponere. Quemadmodum et mundus nomen esse, in quo dicunt descendisse et adscendisse Salvatorem, esse *Caulacau*. Igitur qui haec didicerit et Angelos omnes cognoverit, et causas eorum, invisibilem et incomprehensibilem eum angelis et potestatibus universis fieri, quemadmodum et Caulacau fuisse. Et sicut filium incognitum omnibus esse, sic et ipsos a nemine oportere cognosci; sed cum sciant ipsi omnes, et per omnes transeant, ipsos omnibus invisibiles et incognitos esse. »Tu enim (aiunt) omnes cognosce, te autem nemo cognoscat«. Quapropter et parati sunt ad nagationem qui sunt tales, imo et magis ne pati quidem propter nomen possunt, cum sint omnibus similes. Non autem multos scire posse haec, sed unum a mille, et duo a myriadibus. Et Judaeos quidem jam non esse dicunt, Christianos autem nondum: et non oportere omnino ipsorum mysteria efferi, sed in abscondito continere pertinere per silentium. Trecentorum autem sexaginta quinque coelorum locales positiones distribuunt similiter ut Mathematici. Illorum enim theoremata accipientes in suum characterem doctrinae transtulerunt: esse autem principem illorum Ἀβράξας, et propter hoc CCCLXV numerum habere in se. (Α. 1+β. 2.+ρ. 100+α 1+ξ 60+α1+ς 200=365).

Представимъ еще нѣсколько свѣдѣній относительно христологіи и антропологіи Василида *Νοῦς* primogenitus—по ученію Василида—соединился съ человѣкомъ Іисусомъ во время крещенія Іисуса на Іорданѣ. Дотолѣ Іисусъ былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, но въ это время низшелъ на него Духъ Божій и онъ сдѣлался Сыномъ Божіимъ, какъ самъ Богъ засвидѣтельствовалъ это во время крещенія: *οὗτος ἐστιν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ εὐδόκησα.* (Матѳ. III, 17). Поэтому послѣдователи Василида особенно чтили праздникъ Богоявленія 6 января. Іисусъ Христосъ страдалъ какъ человѣкъ, а не какъ Искупитель міра,—для того, чтобы очистить самаго себя отъ грѣховъ, ибо и самъ не былъ совершенно безгрѣшенъ, хотя въ немъ грѣхъ доведенъ былъ до minimum'а. Искупительнаго значенія страданій Спасителя Василидъ не признавалъ. По его мнѣнію всякій человѣкъ страдаетъ и долженъ страдать за свои собственные грѣхи. Но страданія составляютъ благодѣяніе для людей; если человѣкъ уже въ этой жизни можетъ выстрадать за всѣ грѣхи, то это особенная милость: поэтому мучениковъ слѣдуетъ считать особенно счастливыми. Человѣкъ,—продолжаетъ Василидъ,—есть существо, состоящее изъ духа и тѣла, и всѣ страсти, которымъ онъ подверженъ, возникаютъ изъ матеріи, въ которую погруженъ и заключенъ его духъ. Онъ находится подъ помрачающимъ вліяніемъ всего, окружающаго его, чувственнаго міра. Отъ волка, напр. человѣкъ усволяетъ дикость, отъ камня—жестокосердіе и т. д. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ отрѣшается отъ впечатлѣній внѣшняго міра, и переносится въ идеальное духовное общеніе, открытое ему Христомъ, онъ становится участникомъ искупленія. Судя по всему, что мы знаемъ о Василидѣ, онъ былъ человѣкъ съ идеальными стремленіями. Его девизъ былъ слѣдующій: *человѣкъ долженъ усовершиться до такой степени, чтобы, подобно Богу, все любить, ибо все состоитъ во взаимномъ сродствѣ, ничего не ненавидѣть, ничему не завидовать.* Позднѣйшіе послѣдователи Василида во многомъ отступили отъ него и предались излишествамъ, въ которыхъ мы не можемъ упрекнуть самаго Василида.

Еще обстоятельнѣе извѣстна намъ система Валентина, который также жилъ въ Александріи во времена Адріана, потомъ въ 140 г. переселился въ Римъ и умеръ въ Кипрѣ около 160 года. Вотъ какъ у св. Иринея изображается богословіе валентиніанъ: *λεγοῦσί τινα εἶναι ἐν ἀοράτοις καὶ ἀκατονομάστοις ὑψώματι τέλειον Αἰῶνα*

προόντα. τοῦτον δὲ καὶ προάρχην καὶ προπάτορα καὶ Βυθὸν καλοῦσιν. ὑπάρχειν δὲ αὐτὸν ἀόραιον καὶ ἀχώρητον. ὑπάρχοντα δὲ αὐτον ἀχώρητον καὶ ἀόρατον, ἀίδιόν τε καὶ ἀγέννητον, ἐν ἡσυχίᾳ καὶ ἠρεμίᾳ πολλῇ γεγονέναι ἐν ἀπείροις Αἰῶσι χρόνων. Συννπάρχειν δ' αὐτῷ καὶ Ἔννοιαν, ἣν δὲ καὶ Χάριν καὶ Σίγην ὀνομάζουσι. καὶ ἐννοηθῆναί ποτε ἀφ' ἑαυτοῦ προβαλέσθαι τὴν Βυθὸν τοῦτον ἀρχὴν τῶν πάντων (καὶ καθάπερ σπέρμα τὴν προβολὴν ταύτην, ἣν προβαλέσθαι ἐνενοήθη) καὶ καθέσθαι, ὡς ἐν μήτρᾳ, τῇ συννπαρχούσῃ ἑαυτῷ Σιγῇ. Ταύτην δὲ ὑποδεξαμένην τὸ σπέρμα τοῦτο, καὶ ἐγκύμονα γενομένην ἀποκυῆσαι Νοῦν, ὅμοιόν τε καὶ ἴσον ᾧ προβαλόντι, καὶ μόνον χωροῦντα τὸ μέγεθος τοῦ πατρός. Τὸν δὲ Νοῦν τοῦτον καὶ Μονογενῆ καλοῦσι, καὶ πατέρα καὶ Ἀρχὴν τῶν πάντων. Συμπροβεβλῆσθαι δὲ αὐτῷ Ἀλήθειαν. καὶ εἶναι ταύτην πρῶτον καὶ ἀρχέγονον Πυθαγορικὴν Τετρακτὺν, ἣν καὶ ῥίζαν τῶν πάντων καλοῦσιν. Ἔστι γὰρ Βυθὸς καὶ Σιγή, ἔπειτα Νοῦς καὶ Ἀλήθεια. Αἰσθόμενόν τε τὸν Μονογενῆ τοῦτον ἐφ' οἷς προεβλήθη, προβαλεῖν καὶ αὐτὸν Λόγον καὶ Ζωὴν, πατέρα πάντων μετ' αὐτὸν ἐσομένον, καὶ μόρφωσιν παντὸς τοῦ πληρώματος. Ἐκ δὴ τοῦ Λόγου καὶ τῆς Ζωῆς προβεβλῆσθαι κατὰ συζυγίαν Ἄνθρωπον καὶ Ἐκκλησίαν. καὶ εἶναι ταὐτην ἀρχέγονον Ογδοάδα, ῥίζαν καὶ ὑπόστασιν τῶν πάντων, τέτρασιν ὀνόμασι παρ' αὐτοῖς καλουμένον, Βυθῷ, καὶ Νῷ καὶ Λόγῳ, καὶ Ἀνθρώπῳ. Εἶναι γὰρ αὐτῶν ἕκαστον ἀῤῥενόθηλυν οὕτως. πρῶτον τὸν Προπάτορα ἡνῶσθαι κατὰ συζυγίαν τῇ ἑαυτοῦ Ἐννοίᾳ. τὸν δὲ Μονογενῆ, τουτέστι τὸν Νοῦν, τῇ Ἀληθείᾳ, τον δὲ Λόγον τῇ Ζωῇ, καὶ τὸν Ἄνθρωπον τῇ Ἐκκλησίᾳ. Τούτους δὲ τοὺς αἰῶνας εἰς δόξαν τοῦ Πατρὸς προβεβλημένους, βουληθέντας καὶ αὐτοὺς διὰ τοῦ ἰδίου δοξάσαι τὸν πατέρα, προβαλεῖν προβολὰς ἐν συζυγίᾳ. τὸν μὲν Λόγον καὶ τὴν Ζωὴν μετὰ τὸ παραβαλέσθαι τὸν Ἄνθρωπον καὶ τὴν Ἐκκλησίαν, ἄλλους δέκα Αἰῶνας, ὧν τὰ ὀνόματα λέγουσι ταῦτα. Βύθιος καὶ Μίξις, Ἀγήραιος καὶ Ἕνωσις, Αὐτοφυὴς καὶ Ἡδονὴ, Ἀκίνητος καὶ Σύγκρασις, Μονογενὴς καὶ Μακαρία. Οὗτοι δέκα Αἰῶνες, οὓς καὶ φάσκουσιν ἐκ Λόγου καὶ Ζωῆς προβεβλῆσθαι. Τὸν δὲ Ἄνθρωπον καὶ αὖ-

τὸν προβαλεῖν μετὰ τῆς Ἐκκλησίας Αἰῶνας δώδεκα, οἷς ταῦτα τὰ ὀνόματα χαρίζονται. Παράκλητος καὶ Πίστις, Πατρικὸς καὶ Ἐλπίς, Μητρικὸς καὶ Ἀγάπη, Ἀείνους καὶ Σύνεσις, Ἐκκλησιαστικὸς καὶ Μακαριότης, Θελητὸς καὶ Σοφία. Οὗτοί εἰσιν οἱ τριάκοντα Αἰῶνες τῆς πλάνης αὐτῶν, οἱ σεσιγημένοι καὶ μὴ γινωσκόμενοι. Τοῦτο τὸ ἀόρατον καὶ πνευματικὸν κατ' αὐτοὺς πλήρωμα. Καὶ διὰ τοῦτο τὸν Σωτῆρα λεγοῦσιν (οὐδὲ γὰρ Κύριον ὀνομάζειν αὐτὸν θέλουσιν) τριάκοντα ἔτεσι κατὰ τὸ φανερὸν μηδὲν πεποιηκέναι, ἀπιδεικνύντα τὸ μυστήριον τούτων τῶν Αἰώνων. Ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς παραβολῆς τῶν εἰς τὸν ἀμπελῶνα πεμπομένων ἐργατῶν φασὶ φανερώτατα τοὺς τριάκοντα τούτους Αἰῶνας μεμηνύσθαι. Πέμπονται γὰρ οἱ μὲν περὶ πρώτην ὥραν, οἱ δὲ περὶ τρίτην, οἱ δὲ περὶ ἕκτην, οἱ δὲ περὶ ἐνάτην, ἄλλοι δὲ περὶ ἑνδεκάτην. Συντιθέμεναι οὖν αἱ προειρημέναι ὧραι εἰς ἑαυτὰς, τὸν τῶν τριάκοντα ἀριθμὸν ἀναπληροῦσι. Μιὰ γὰρ, καὶ τρεῖς, καὶ ἓξ, καὶ ἐννέα, καὶ ἑνδεκα τριάκοντα γίνονται. Διὰ δὲ τῶν ὡρῶν τοὺς Αἰῶνας μεμηνύσθαι θέλουσι.

Дальнѣйшее развитіе системы Валентиновой представляется въ такомъ видѣ: происшедшіе изъ первоосновы эоны имѣютъ непреодолимое стремленіе снова соединиться съ нею и самый юный, женственный эонъ. Софія до такой степени проникнутъ этимъ стремленіемъ, что вступаетъ въ связь съ первоосновою. Но отъ этой неестественной связи является неудачное созданіе, земная мудрость, незрѣлое, жалкое существо, которое безпомощно блуждаетъ и непремѣнно погибло бы, если бы не сжалилась надъ нимъ высшая сила. Сынъ этой земной, низшей мудрости былъ творцемъ міра (Деміургомъ), а потому и міръ, созданный имъ, есть міръ несовершенный, бѣдственный, исполненный недостатковъ и погрѣшностей. Впрочемъ въ этомъ мірѣ разсѣяны нѣкоторые лучи высшаго духовнаго свѣта; разбросаны какъ бы нѣкія сѣмена Вѣчнаго, но они не могутъ достигнуть развитія, доколѣ противодѣйствуетъ имъ грубая матерія. Чтобы возстановить разрушенную земною мудростію гармонію вселенной, отъ соединенія ума съ истиною (νοῦς καὶ ἀλήθεια) произошелъ высшій эонъ—Христосъ, который соединился съ св. Духомъ и отъ этого небеснаго брака произошелъ человѣкъ Іисусъ. Гностики весьма опредѣленно отличали Христа отъ Іисуса;—это были, по ихъ мнѣнію, два различныхъ существа. Чѣмъ былъ

Христосъ для небеснаго міра, тѣмъ былъ Іисусъ для земнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Іисусъ, долженствующій искупить людей, т. е. снова возвратить ихъ въ царство свѣта, не могъ самъ придти въ соприкосновеніе съ матеріею, поэтому его тѣло не было тѣло матеріальное, а небесное, какъ бы эфирное. Хотя онъ былъ рожденъ Маріею, но не имѣлъ истинной человѣческой природы: она служила ему только покровомъ. При крещеніи соединился съ нимъ Сотиръ-Спаситель. Всѣ существа, вступившіе съ нимъ въ соединеніе стали духовными существами, *πνευματικοί*. Только они—истинные христіане, т. е. истинные гностики. Они представляютъ собою какъ бы аристократію человѣчества. За ними слѣдуютъ люди душевные—*ψυχικοί*; не имѣющіе высшаго освященія отъ Духа, но стоящіе все-таки выше третьяго рода людей—людей чисто чувственныхъ, плотскихъ—*ὑλικοί*. Примѣняя свое ученіе къ религіямъ, Валентинъ называетъ іудейство религіею душевною, язычество—плотскою, христіанство—религіею духовною. Конецъ всего будетъ состоять въ томъ, что духовная жизнь поглотитъ собою все; все восхищено будетъ въ вѣчное царство свѣта, гдѣ будетъ вѣчное блаженство.

Въ родственной связи съ этою Валентиновою системою стоитъ система офитовъ, наассеновъ, происходившихъ также изъ Египта, древнѣйшая гностическая система, какъ оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Главное отличіе офитовъ отъ всѣхъ тѣхъ гностиковъ, о которыхъ мы говорили, заключается въ томъ, что они творца міра, котораго называли Ялдабаофомъ, сыномъ Хаоса, признавали не только ограниченнымъ, но прямо злымъ существомъ, имѣющимъ одно только стремленіе—разрушать предначертанія добраго Божества. Ялдабаофъ повелѣлъ шести ангеламъ, образующимъ собою міръ, создать существо, подобное ему и имъ. Явилась безформенная масса, долженствовавшая изображать собою человѣка. Божественная мудрость сжалилась надъ человѣкомъ и вдохнула въ него божественный духъ. Прогнѣванный этимъ Ялдабаофъ, устремилъ неподвижно свой мрачный взоръ на хаосъ и такимъ образомъ произвелъ змѣиный духъ—діавола. Съ помощію его завистливый Ялдабаофъ пытался отклонить человѣка отъ познанія истиннаго Бога и поэтому діаволъ запретилъ людямъ вкушать отъ древа познанія. Но небесная мудрость сжалилась надъ бѣднымъ человѣкомъ и подъ видомъ змѣи, которая служитъ символомъ мудрости, присовѣтовала человѣку преступить заповѣдь Ялдабаофа. Люди

съѣли запрещеннаго плода, и вотъ! ихъ глаза открылись, они сознали свою высшую, божественную природу и сдѣлали большой шагъ къ освобожденію отъ несовершеннолѣтняго дѣтства. Такъ совершенно навыворотъ изложили офиты библейское сказаніе о грѣхопаденіи. Что церковь называла грѣхопаденіемъ, то, по ихъ мнѣнію, было освобожденіемъ людей отъ рабства ненавистному богу, который завидовалъ ихъ свободѣ Поэтому они почитали змѣю—это умное созданіе, которое помогло человѣку достигнуть искупленія. Даже тогда, когда люди были изгнаны изъ рая разгнѣваннымъ Ялдабаофомъ, небесная мудрость не переставала заботиться о нихъ. Она исполнила іудейскаго Мессію-Іисуса при крещеніи его истиннымъ духомъ Христа, оживила его послѣ того, какъ тѣло его умерло на крестѣ, дала ему возможность вознестись на небо и сѣсть по правую сторону Ялдабаофа, незамѣтно для послѣдняго, и мало по малу обезсилить его, лишивъ всякаго свѣта и всякой жизни и соединивъ все это въ себѣ. Такъ искажена офитами христіанская исторія искупленія. Для христіанъ ученіе офитовъ должно было казаться богохульствомъ, полнымъ забвеніемъ священной исторіи и возвращеніемъ къ миѳологіи, такъ какъ оно во многомъ напоминало исторію о томъ, какъ Сатурнъ лишилъ Юпитера зрѣнія и трона.

Я не намѣренъ излагать системы другихъ гностиковъ напр. систему ператовъ, весьма сходную съ системою офитовъ, системы Сатурнина, Вардесана, Татіана и другихъ. То, что сказано доселѣ, достаточно для ознакомленія съ характеромъ догматическаго ученія гностиковъ. Но чтобы охарактеризовать нравственное ученіе гностиковъ, которые то предавались крайнему аскетизму, то дозволяли себѣ полную распущенность,—я упомяну о гностической сектѣ карпократіанъ. Основатель этой секты—Карпократъ жилъ во времена Адріана. Онъ Іисуса Христа ставилъ на одинъ уровень съ Платономъ и Пиѳагоромъ, которые по силѣ своего ума стояли гораздо выше большинства людей. Геніальность ума, по мнѣнію карпократіанъ, замѣняетъ религію и нравственность, и потому они, какъ и другіе позднѣйшіе гностики, подъ видомъ ученія о высшей духовной свободѣ проповѣдовали ученіе о полной разнузданности тѣла.

Наконецъ, чтобы показать до какого противодѣйствія доходилъ гностицизмъ въ отношеніи къ ветхому завѣту, я упомяну о гностикѣ Маркіонѣ, хотя онъ жилъ не при Адріанѣ, а во времена Антонина Пія. Можно впрочемъ сомнѣваться относительно того, слѣдуетъ ли

причислять Маркіона къ гностикамъ и не представляетъ ли его ученіе нѣчто совершенно оригинальное. Сынъ епископа синопскаго, отлученный отцемъ отъ церковнаго общенія, Маркіонъ въ половинѣ втораго вѣка въ сопровожденіи сирійскаго гностика Кердона перешелъ изъ Сиріи въ Римъ. По словамъ преданія онъ встрѣтился тамъ съ епископомъ смирнскимъ Поликарпомъ, бывшимъ въ Римѣ по поводу спора о праздновапіи пасхи. На вопросъ Маркіона, знаетъ ли онъ его? Поликарпъ будто бы отвѣчалъ: „да, я знаю первенца сатаны“. Обратился ли Маркіонъ хотя при концѣ своей жизни въ лоно церкви — объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Ученіе Маркіона отличается отъ ученія другихъ гностиковъ тѣмъ, что онъ между христіанствомъ и іудействомъ находитъ рѣзкую противоположность. Онъ отрицаетъ значеніе всего ветхаго завѣта и ничего не хочетъ знать о постепенности откровенія. Христіанство, по его мнѣнію, не есть что либо подготовленное въ теченіи вѣковъ, но есть абсолютно новый, можно сказать ниспавшій съ небесъ, божественный даръ. Христосъ, по его словамъ, не былъ рожденъ женою; онъ внезапно пришелъ съ неба, какъ совершенный сынъ человѣческій. Въ своемъ призрачномъ тѣлѣ онъ спустился въ Капернаумъ и открылъ людямъ истиннаго Бога, котораго они прежде, во времена закона, не знали; они знали дотолѣ только Бога праведнаго, но не знали Бога благаго. Подъ именемъ правды Божіей Маркіонъ разумѣлъ не то, что разумѣется въ библіи, но—суровость Іеговы, граничащую съ несправедливостію. Хотя Маркіонъ былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ закона, но нельзя обвинить его въ томъ, что онъ желалъ такимъ путемъ оправдать нравственную распущенность, какъ дѣлали это карпократіане. Напротивъ онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей строгой нравственности и воздержности и подавалъ имъ въ этомъ случаѣ образецъ собственною жизнію. Маркіонъ имѣлъ собственное евангеліе, которое вообще сходно съ евангеліемъ св. Луки, но первыя главы евангелія Луки въ немъ пропущены, потому что разсказъ о рожденіи и дѣтствѣ Іисуса Христа не соотвѣтствовалъ системѣ Маркіона. Пользовался ли Маркіонъ при составленіи своего евангелія евангеліемъ Луки или писалъ независимо отъ него,—на этотъ вопросъ въ различныя времена ученые отвѣчали различно.

Но довольно о гностикахъ. Несправедливо было бы видѣть въ гностическихъ системахъ только простую безсмыслицу, подобную ли-

хорадочнымъ бреднямъ. Нельзя не признать, что въ основѣ гностическихъ системъ лежала мысль, въ какой бы странной формѣ она ни была выражена,—мысль глубокая и вдумчивая. Появленіе гностицизма нельзя считать случайнымъ. Оно стояло въ связи съ духомъ времени и оказало сильное вліяніе на исторію христіанства во II-мъ и III-мъ вѣкѣ. Служа противовѣсомъ іудейской преданности закону и буквѣ, гностицизмъ имѣетъ въ этомъ свое историческое оправданіе. У гностиковъ мы также встрѣчаемъ первые начатки христіанскаго искусства и поэзіи. Онъ предохранилъ церковь отъ закоснѣнія въ извѣстныхъ формахъ. Но съ другой стороны конечно было необходимо противопоставить гностицизму твердый оплотъ, чтобы язычество не затопило своими бурными волнами пажить церкви. И гностицизмъ, исполнивъ свое временное назначеніе въ исторіи церкви, погибъ безвозвратно и безслѣдно по причинѣ своей неустойчивости, своего фантастическаго характера, и всего болѣе по причинѣ своего нравственнаго безсилія.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Судьбы христіанъ при Антонинѣ Піѣ и Маркѣ Авреліѣ.

Положеніе христіанъ при Антонинѣ Піѣ. Мнимый указъ Антонина въ пользу христіанъ[1]).

Послѣ императора Адріана, на престолъ вступилъ усыновленный имъ Галлъ-Элій Адріанъ Антонинъ Пій. Онъ царствовалъ съ 10 іюля 138 г. до 7 марта 161 г. Это былъ человѣкъ благородный и нравственный, мудрый и миролюбивый правитель, желавшій, мирно управляя имперіею, доставить благоденствіе всѣмъ сословіямъ. Его сравнивали съ Нумою и называли отцемъ отечества. Такъ какъ онъ вообще заботился о низшемъ классѣ людей, о рабахъ, о вдовахъ и сиротахъ, о бѣдныхъ и притѣсняемыхъ (говоря часто, что лучше воспитать одного гражданина, нежели убить тысячу враговъ), то естественно, что онъ принялъ подъ свою защиту притѣсняемыхъ христіанъ именно въ то время, когда народная ярость всего громче и настоятельнѣе требовала ихъ преслѣдованія. Множество несчастій, постигшихъ имперію въ это время, возбуждали ненависть народа противъ христіанъ. Неурожай, землетрясеніе, пожаръ въ Римѣ, истребившій до 340 кварталовъ (insulae), разлитіе Тибра и наводненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ различныя рѣдкія явленія природы и знаменія на небѣ, все это понималось, какъ

---

[1] Страданіе Гликеріи Троянопольской (при Антонинѣ) *Вос. Чт.* V. № 16.

проявленіе гнѣва боговъ. Но ктоже эти враги боговъ,—возбудившіе ихъ гнѣвъ? Никто иной, какъ христіане, сомнѣвающіеся въ существованіи боговъ, произносящіе хулу на ихъ святыя имена, уклоняющіеся отъ служенія имъ и другихъ удерживающіе отъ такого служенія. Итакъ, долой этихъ порицателей боговъ, этихъ атеистовъ, которые не имѣютъ ни алтарей, ни храмовъ и почитаютъ только тучи!

Преслѣдованіе обнаружилось въ Ахаіи, гдѣ епископъ аѳинскій Публій лишенъ былъ жизни. Императоръ издалъ указъ, которымъ запрещалъ преслѣдованіе. Указъ этотъ, адресованный къ малоазійскимъ муниципіямъ и сохраненный для насъ церковными писателями Іустиномъ (въ концѣ 1-й апологіи) и Евсевіемъ (Церк. и. IV, 13), читается такъ: *Αὐτοκράτωρ κᾶισαρ Μάρκος Ἀντωνῖνος Σεβαστὸς... τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας χαίρειν. Ἐγὼ μὲν οἶδα ὅτι καὶ τοῖς θεοῖς ἐπιμελὲς ἐστι, μὴ λανθάνειν τοὺς τοιούτους* (разумѣются враги боговъ). *Πολὺ γὰρ μᾶλλον ἐκεῖνοι κολάσαιεν ἄν μὴ βουλομένους αὐτοὺς προσκυνεῖν, ἢ ὑμεῖς. Οὓς εἰς ταραχὴν ἐμβάλλειε, βεβαιοῦντες τὴν γνώμην αὐτῶν, ἥνπερ ἔχουσιν, ὡς ἀθέων κατηγορούντες. ἔιη δ' ἄν ἐκείνοις αἱρετὸν τὸ δοκεῖν κατηγορουμένοις τεθνάναι μᾶλλον ἢ ζῆν, ὑπερ τοῦ οἰκείου θεοῦ.... Περὶ δε των σεισμῶν τῶν γεγονότων καὶ γινομενων οὐκ ἄιοπον ὑμᾶς ὑπομνῆσαι, ἀθυμουντας μὲν ὅιαν περ ὦσι, παραβάλλοντας δὲ τὰ ὑμέτερα πρὸς τὰ ἐκείνων. οἱ μεν οὖν εὐπαῤῥησιαστότεροι γίγνονται πρὸς τὸν θεὸν, ὑμεῖς δε παρα πάνια τὸν χρόνον, καθ' ὃν ἀγνοεῖν δοκεῖτε, τῶν τε θεῶν καὶ τῶν ἄλλων ἀμελεῖτε καὶ τῆς θρησκειας τῆς περ τὸν ἀθάνατον, ὃν δὴ τοὺς χρησιανοὺς θρησκεύοντας ἐλαύνειε, καὶ διώκετε ἐὼς θανάτου. Ὑπὲρ δὲ τῶν τοιούιων ἤδη καὶ πολλοὶ τῶν περὶ τὰς ἐπαρχίας ἡγεμόνων καὶ τῷ θειοτάιῳ ἡμῶν ἔγραψαν πατρί, οἷς καὶ ἀντέγραψε μηδὲν ἐνοχλεῖν ιοῖς τοιούτοις, ἐι μηδεν φαίνοιντο περι τὴν τῶν Ῥωμαίον ἡγεμονίαν ἐγχειροῦντες. Καὶ ἐμοὶ δε περὶ τῶν τοιούτων πολλοὶ ἐσήμαναν, οἷς δὴ καὶ ἀντέγραψα, κατακολουθῶν τῇ του πατρός γνώμῃ. Εἰ δέ τις ἐπιμένοι τινὰ τῶν τοιούτων εἰς πράγματα φέρων, ὡς δὴ τοιοῦτον, ἐκεῖνος ὁ καταφερόμενος ἀπολέλυσθω τοῦ ἐγκλήματος, καὶ ἐὰν φαίνηται τοιούτος ὤν, ὁ δε καταφερων ἔνοχος ἐσται δίκης. Προειέθη ἐν Ἐφέσω ἐν ιῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας.*

Новые критики оспориваютъ подлинность этого эдикта. Обращаютъ вниманіе на то, что императоръ не только признаетъ невинность христіанъ, но восхваляетъ ихъ, какъ истинныхъ почитателей Бога, и даже ставитъ ихъ въ примѣръ язычникамъ. „Такъ,—говорятъ,—могъ писать только христіанинъ, но ни въ какомъ случаѣ не могъ такъ писать языческій императоръ къ своимъ языческимъ подданнымъ, если бы даже онъ въ высшей степени былъ расположенъ къ христіанамъ". Возраженіе это основательно. Очень можетъ быть, что дошедшій до насъ эдиктъ написанъ отъ имени Антонина какимъ либо христіаниномъ впослѣдствіи, когда подлиннаго эдикта болѣе не было на лицо. Но что Антонинъ вообще издалъ эдиктъ въ пользу христіанъ, хотя можетъ быть и не тотъ, который приведенъ выше, но подобный,—это становится несомнѣннымъ изъ другихъ свидѣтельствъ. Какую пользу принесъ христіанамъ указъ императора, мы не знаемъ. Несомнѣнно только то, что при преемникѣ Антонина Маркѣ Аврелiѣ, преслѣдованіе началось съ новою силою.

Маркъ Аврелій и его отношеніе къ христіанству[1]).

Маркъ Аврелій несомнѣнно принадлежалъ къ самымъ благороднѣйшимъ личностямъ, какія только мы встрѣчаемъ въ средѣ римскихъ императоровъ. Въ своихъ „признаніяхъ", дошедшихъ до нашего времени, онъ воздаетъ искреннюю благодарность богамъ за то, что онъ ведетъ свой родъ отъ добрыхъ предковъ, родился отъ знаменитыхъ родителей, воспитанъ былъ подъ руководствомъ прекрасныхъ учителей. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ стремился къ мудрости, старался развить въ себѣ самообладаніе, былъ послѣдователемъ стоической философіи. Даже будучи императоромъ и оружіемъ защищая отечество отъ внѣшнихъ враговъ, онъ въ тоже самое время старался укрощать своихъ внутреннихъ враговъ, боролся со своими страстями. До самыхъ преклонныхъ лѣтъ онъ заботился о томъ, чтобы сдѣлаться лучше въ нравственномъ отношеніи,—и оставленныя имъ „признанія" служатъ лучшимъ памятникомъ такой заботливости. Сохранить полное спокойствіе при всѣхъ превратностяхъ жизни, быть всегда строгимъ къ самому себѣ, справедливымъ и снисходительнымъ къ другимъ, во всемъ

---

[1]) Отзывъ Марка Аврелія о религіи христіанской *В. Чт.* I—Разборъ рукописнаго кандид. сочиненія г. Бѣлявскаго: о Маркѣ Аврелiѣ *Тр. К. Д. Акад.* 1876.

соблюдать должную умѣренность, всегда прислушиваться къ голосу совѣсти, не обращая вниманія на людскія похвалы и порицанія,—вотъ тѣ великія и благородныя правила, которыхъ держался Авреліи въ теченіе своей жизни. При этомъ онъ никогда не забывалъ о кратковременности и измѣнчивости жизни, никогда не забывалъ, что конецъ всему будетъ смерть,—и старался такъ устроить свою жизнь, чтобы никогда не бояться смерти и всегда быть готовымъ умереть, когда боги пожелаютъ отозвать его изъ этого міра. „Я подобенъ морской скалѣ,—говорилъ онъ—о которую постоянно бьются морскія волны; но скала остается неподвижна, и волны мало по малу утихаютъ и улегаются". Этимъ общимъ принципамъ, какихъ держался Авреліи въ своей жизни, соотвѣтствуютъ также правила, какихъ онъ держался при своемъ правленіи. Онъ всегда былъ готовъ жертвовать благу государства своимъ личнымъ благомъ. „Человѣкъ,—говорилъ М. Авреліи,—созданъ не для наслажденія, а для дѣятельности и труда на томъ поприщѣ, гдѣ боги судили ему быть". Такимъ образомъ его правленіе, какъ и правленіе его предшественника, отличалось снисходительностію и правосудіемъ, и историки относятся къ нему съ величайшею похвалою.

И не смотря на все это, именно этого человѣка мы находимъ въ числѣ гонителей христіанства. Мало того: оба преслѣдованія, бывшія въ правленіе Авреліи,—преслѣдованіе въ Галліи и преслѣдованіе въ Малой Азіи,—принадлежатъ къ самымъ кровавымъ изъ всѣхъ, упоминаемыхъ исторіею. Императоръ правда не былъ первымъ виновникомъ ихъ: они были вызваны все еще продолжавшимися въ римской имперіи бѣдствіями, возбуждавшими фанатизмъ язычниковъ и ненависть народныхъ массъ къ христіанамъ. Но почему же Маркъ Авреліи не положилъ предѣла этому фанатизму, какъ сдѣлалъ то его просвѣщенный отецъ? Почему этотъ послѣдователь стоической философіи не вооружился противъ фанатическаго раздраженія народныхъ массъ и не попытался изслѣдовать, что такое христіанство само въ себѣ? Какъ случилось, что такой высоко нравственный человѣкъ, какимъ былъ Маркъ Авреліи, человѣкъ воспріимчивый ко всему прекрасному и доброму, дозволилъ преслѣдовать ту религію, которая, казалось, всего болѣе соотвѣтствовала его собственнымъ нравственнымъ стремленіямъ и впервые давала этимъ надежную опору?

Чтобы понять, почему Авреліи сталъ гонителемъ христіанства, слѣдуетъ только подумать о томъ: откуда Маркъ Авреліи могъ знать

о христіанствѣ? Онъ могъ знать о христіанствѣ изъ устъ народной молвы, которая сообщала о христіанахъ самые чудовищные разсказы, обвиняла ихъ въ самомъ крайнемъ безстыдствѣ, въ самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ, предъ которыми не могло не содрагаться нравственное чувство императора: онъ могъ слышать о христіанствѣ изъ устъ философовъ, въ множествѣ бывшихъ при его дворѣ, которые, изъ ненависти къ возникающей сектѣ, не стыдились повторять народную клевету на христіанъ, которой быть можетъ сами не вѣрили. Такимъ образомъ таже любовь къ справедливости и добродѣтели, какою отличался императоръ, побуждала его позаботиться объ искорененіи преступленій, приписываемыхъ христіанамъ. То самоослѣпленіе, въ силу котораго всякій ученый философъ того времени считалъ ниже своего достоинства изслѣдовать ученіе, происходившее отъ какихъ то галилейскихъ рыбаковъ, объяснятъ намъ, почему Маркъ Аврелій не попытался разузнать: справедливы ли тѣ слухи о христіанахъ, какіе ходили въ народѣ? Нѣтъ ничего страннаго, что люди, возвышавшіеся надъ предразсудками народной толпы, не чужды были предразсудковъ школы или партіи. *Ἐν Ναζαρὲτ δύναταί τι ἀγαθὸν εἶναι:* вотъ убѣжденіе, которое высказалъ Наѳанаилъ, человѣкъ, котораго Господь назвалъ „истиннымъ израильтяниномъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“. Можемъ ли мы удивляться тому, что такъ именно судилъ о христіанствѣ и Маркъ Аврелій, смотрѣвшій на христіанство съ высоты императорскаго трона, и,—что въ настоящемъ случаѣ важнѣе,—съ высоты философской каѳедры. Въ лучшемъ случаѣ христіанство должно было казаться ему, какъ и его предшественнику Траяну, просто фанатизмомъ. И нѣтъ ничего страннаго, что рѣшительное отвращеніе отъ всякаго фанатизма могло доходить у императора также до фанатизма. Далѣе—императоръ долженъ былъ оцѣнить христіанъ съ точки зрѣнія своихъ стоическихъ убѣжденій и взглядовъ на благо государства. Для него всего важнѣе было спокойствіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго государства; все, выходящее изъ ряда, все, чѣмъ нарушалось обыкновенное теченіе жизни, казалось императору, особенно при современныхъ обстоятельствахъ, опаснымъ для государства.

Въ этихъ соображеніяхъ, императоръ издалъ эдиктъ, которымъ присуждались къ смертной казни или къ изгнанію всѣ, вводящіе новую религію и такимъ образомъ могущіе нарушить спокойствіе умовъ. Хотя въ самомъ эдиктѣ христіане не были поименованы, но народъ уви-

дѣлъ въ этомъ эдиктѣ позволеніе поступать съ христіанами сообразно съ внушеніями своего фанатизма.

Въ Римѣ жертвой ненависти философовъ къ христіанской сектѣ былъ замѣчательный христіанскій мыслитель — Іустинъ. Вмѣстѣ съ пятью другими христіанами онъ былъ обезглавленъ, вслѣдствіе клеветы цинического философа Крескента. Мы будемъ еще говорить о св. Іустинѣ, какъ апологетѣ христіанства.

Мученіе св. Поликарпа, е. смирнскаго [1]).

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Азіи, главномъ мѣстѣ преслѣдованія, и въ частности въ общинѣ смирнской, въ 167 г. лишившейся своего епископа Поликарпа. Мы имѣемъ посланіе смирнской общины къ общинѣ филадельфійской, съ описаніемъ мученической кончины св. Поликарпа. Представляемъ извлеченіе изъ этого описанія. *Θαυμασιώτατος Πολύκαρπος, τὸ μὲν πρῶτον ἀκούσας* (о волненіи противъ него языческой черни) *οὐκ ἐταράχθη, ἀλλ' ἐβούλετο κατὰ πόλιν μένειν. οἱ δὲ πλείονς ἔπειθον αὐτὸν ὑπεξελθεῖν. Καὶ ὑπεξῆλθεν εἰς ἀγρίδιον, οὐ μακρὰν ἀπέχον ἀπὸ τῆς πόλεως καὶ ἔτριβε μετ' ὀλίγων τινὰ καὶ ἡμέραν οὐδὲν ἕτερον ποιῶν, ἢ προσευχόμενος περὶ πάντων καὶ τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ἐκκλησιαν. ὅπερ ἦν σύνηθες αὐτῷ. Καὶ προσευχόμενος ἐν ὀπτασιᾳ γέγονε πρὸ τριῶν ἡμέρων τοῦ συλληφθῆναι αὐτόν. Καὶ ἔιδεν προσκεφάλαιον αὐτοῦ ὑπὸ πυρὸς κατακαιόμενον καὶ στραφεὶς εἶπεν πρὸς τοὺς συνοντας αὐτῷ προφητικῶς. Δει με, ζῶντα, κατακαυθῆναι.*

Καὶ ἐπιμενόντων τῶν ζητούντων αὐτον, μετέβη εἰς ἕτερον ἀγρίδιον, καὶ εὐθέως ἐπέστησαν οἱ ζητοῦντες αὐτὸν..... Κακεῖθεν ἠδύναιο εἰς ἕτερον χωρίον ἀπελθεῖν, ἀλλ' οὐκ εβουλήθη, εἰπών. Τὸ θέλημα τοῦ Κυρίου γενέσθω. Ἀκουσας οὖν τοὺς παρόντας καὶ καιαβάς, διελέχθη αὐτοῖς. Θαυμαζόντων δὲ τῶν παρόντων τὴν ἡλικιαν αὐτοῦ καὶ τό ἐυσταθὲς, τινὲς ἔλεγον. ἦ τοσαύτη σπουδὴ, ἡ συλληφθῆναι τοιούτον πρεσβύτην ἄνδρα ἦν; Εὐθέως οὖν αὐτοῖς ἐκέλευσεν παρατεθῆναι φαγεῖν καὶ πιεῖν

---

[1])О мученіи св. Поликарпа. *Хр. Чт.* 1821. Св. Поликарпъ, е. смирнскій. *В. Чт.* XXIII. idem. *Дух. Бес.* 1858.

ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ ὅσον ἂν βούλωνται. Ἐξητήσαιο δὲ αὐτοὺς, ἵνα δῶσιν αὐτῷ ὥραν προσεύξασθαι ἀδεῶς. Τῶν δὲ ἐπιτρεψάντων, σταθεὶς προσηύξαιο, πλήρης ὢν τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ, οὕτως ὥστε ἐπὶ δύο ὥρας μὴ δύνασθαι σιωπῆσαι, καὶ ἐκπλήττεσθαι τοὺς ἀκούοντας, πολλοὺς τε μετανοεῖν ἐπὶ τὸ ἐλυλῆθέναι ἐπὶ τοιοῦτον θεοπρεπῆ πρεσβύτην.

Ὡς δὲ κατέπαυσε τὴν προσευχὴν.... τῆς ὥρας ἐλθούσης τοῦ ἐξιέναι, ἐν ὄνῳ καθίσαντες αὐτὸν ἦγον εἰς τὴν πόλιν ὄντος Σαββάτου μεγάλου... Τῷ δὲ Πολυκάρπῳ εἰσιόντι εἰς τὸ σταδίον, φωνὴ ἐξ οὐρανοῦ ἐγένετο. Ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, Πολύκαρπε... Λοιπὸν προσαχθέντα αὐτὸν ἀνηρώτα ὁ ἀνθύπατος, εἰ αὐτὸς εἴη Πολύκαρπος; τοῦ δὲ ὁμολογοῦντος, ἔπειθεν ἀρνεῖσθαι, λέγων. Αἰδέσθητί σου τὴν ἡλικίαν καὶ ἕτερα τούτοις ἀκόλουθα, ὡς ἔθος αὐτοῖς, λέγων. Ὄμοσον τὴν Καίσαρος τύχην, μετανόησον. εἰπὲ. Αἶρε τοὺς ἀθέους.

Ὁ δὲ Πολύκαρπος ἐμβριθεῖ τῷ προσώπῳ εἰς πάντα τὸν ὄχλον τῶν ἐν σταδίῳ ἀνόμων ἐθνῶν ἐμβλέψας, καὶ ἐπισείσας αὐτοῖς τὴν χεῖρα, στενάξάς τε καὶ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν, εἶπεν. Αἶρε τοὺς ἀθέους. Ἐγκειμένου δὲ τοῦ ἀνθυπάτου καὶ λέγοντος. Ὄμοσον καὶ ἀπολύω σε, λοιδόρησον τὸν Χριστόν. Ὁ Πολύκαρπος ἔφη. Ὀγδοήκοντα καὶ ἓξ ἔτη ἔχω δουλεύων αὐτῷ καὶ οὐδέν με ἠδίκησεν. Καὶ πῶς δύναμαι βλασφημῆσαι τὸν βασιλέα μου, τὸν σώσαντά με;

Ἐπιμενόντος δὲ πάλιν αὐτοῦ καὶ λέγοντος. ὄμοσον τὴν Καίσαρος τύχην,—ἀπεκρίναιο. Εἰ κενοδοξεῖς, ἵνα ὄμοσω τὴν Καίσαρος τύχην, προσποιεῖς δὲ ἀγνοεῖν με, τίς εἰμι, μετὰ παῤῥησίας ἄκουε. Χρισιιανὸς εἰμι. Εἰ δὲ μαθεῖν θελεις τὸν τοῦ Χρισιιανισμοῦ λόγον, δός ἡμέραν καὶ ἄκουσον.

Ὁ ἀνθύπατος ἔφη. πεισον τὸν δῆμον. Ὁ Πολύκαρπος εἶπεν. Σέ μεν καὶ λογόν ἠξίωσα. δεδιδάγμεθα γὰρ ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις ὑπὸ τοῦ Θεοῦ τεταγμέναις τιμὴν, κατὰ τὸ προσῆκον, τὴν μὴ βλάπτουσαν ἡμᾶς, ἀπονέμειν. Ἐκείνους δε οὐκ ἡγοῦμαι ἀξίους, τοῦ

ἀπολογεῖσθαι αὐτοῖς. Ὁ δε ἀνθύπατος πρὸς αὐτὸν εἶπε. θηρία ἔχω, τούτοις σε παραβαλῶ, ἐὰν μὴ μετανοήσῃς. Ὁ δὲ εἶπεν. Κάλει, ἀμετάθετος γὰρ ἡμῖν ἡ ἀπὸ τῶν κρειττόνων ἐπὶ τὰ χείρω μετάνοια, καλὸν μεταθέσθαι με ἀπὸ τῶν χαλέπων ἐπὶ τὰ δίκαια. Ὁ δὲ πάλιν πρὸς αὐτὸν. πύρι σε ποιῶ δαπανηθήναι, εἰ τῶν θηρίων καταφρονεῖς ἐάν μὴ μετανοήσῃς. Ὁ δε Πολύκαρπος. Πῦρ ἀπείλεις τὸ τῆς ὥραν καιόμενον καὶ μετ' ὀλίγον σβεννυμενον. ἀγνοεῖς γάρ τὸ πρὸς μελλούσης κρίσεως καὶ αἰωνιου κολάσεως τοῖς ἀσεβεσι τηρούμενον πῦρ. ἀλλα τί βραδύνεις; φέρε ὅ βούλει.

Ταῦια δὲ καὶ ἄλλα πλείονα λέγων θάρσους καὶ χάρας ἐνεπίμπλατο... ὡστε οὐ μόνον μὴ συμπεσεῖν ταραχθένια ὑπὸ τῶν λεγομένων προς αὐτὸν, ἀλλᾶ τούναντίον τον ἀνθύπαιον ἐκστῆναι, πέμψαι τε τὸν εαυτοῦ κήρυκα ἐν μέσῳ τῷ σταδίῳ κηρύζαι τρίτον. Πολύκαρπος ὡμολογησεν εαυτὸν χριστιανὸν εἶναι. Τούτου λεχθεντος ὑπο τοῦ κήρυκος—ἅπαν τὸ πλῆθος ἐθνῶν τε καὶ Ἰουδαίων, των τὴν Σμίρναν κατοικούντων, ἀκατασχέτῳ θύμῳ καὶ μεγάλῃ φωνῇ ἐπεβόα. Οὗτος ἐστιν ὁ τῆς Ἀσίας διδάσκαλος, ὁ πατὴρ τῶν Χριστιανῶν, ὁ τῶν ἡμετέρων θεῶν καθαιρέτης, ο πολλοὺς διδάσκων μὴ θύειν μηδὲ προσκυνέιν τοῖς θεοῖς".— Ταῦτα λέγοντες, ἐπεβόων καὶ ἠρώτον τὸν Ἀσιάρχην Φίλιππον, ἵνα ἐπαφῇ τῷ Πολυκάρπῳ λέοντα. Ὁ δὲ Φίλιππος ἔφη μὴ εἶναι ἐξὸν αὐτῷ, ἐπειδὴ ἐπληρώκει τὰ κυνηγέσια. Τότε ἔδοξεν αὐτοῖς ὁμοθυμαδὸν ἐπιβοῆσαι, ὥστε ζῶντα τὸν Πολύκαρπον κατακαυθῆναι.

Ταῦτα οὖν μετὰ τοσούτου τάχους ἐγίνειο, θᾶττον τοῦ λεχθῆναι. τῶν ὄχλων παραχρῆμα συναγαγόντων ἐκ τε τῶν ἐργαστηρίων καὶ βαλανείων ξύλα καὶ φρύγανα, μάλιστα Ἰουδαίων προθύμως, ὡς ἐθος αὐτοῖς, εἰς ταῦτα ὑπουργούντων. Ὅτε δὲ ἡ πυρκαϊὰ ἡτοιμασθη, ἀποθέμενος εαυτῷ πάντα τὰ ἱματία καὶ λύσας τὴν ζώνην αυτοῦ, ἐπειρᾶτο καὶ ὑπολύειν ἑαυτὸν... Μελλόντων δὲ αὐτῶν καὶ προσηλοῦν εἶπεν. Ἄφετέ με οὕτως, ὁ γὰρ δούς μοι ὑπομεῖναι τὸ πῦρ, δώσει καὶ χωρὶς τῆς ὑμετέρας ἐκ τῶν ἥλων ἀσφαλείας ἀσάλευτον ἐπιμεῖναι τῇ πυρᾷ.

Οἱ δε οὐ καθήλωσαν μέν, ἔδησαν δε αὐτόν. Ὁ δὲ ὀπίσω τὰς χεῖρας ποιήσας καὶ προστεθείς,... ἀναβλέψας εις τὸν οὐρανον, εἶπε. Κύριε ὁ Θεὸς ὁ παντοκράτωρ.... εὐλογῶ σε, ὅτι ἠξίωσάς με τῆς ἡμέρας καὶ ὥρας ταύτης τοῦ λαβειν με μέρος ἐν ἀριθμῷ τῶν μαρτυρων σου ἐν τῷ ποτηρίῳ τοῦ Χριστου σου εἰς ἀνάστασιν ζωῆς αἰωνίου ψυχῆς τε καὶ σώματος ἐν ἀφθαρσίᾳ Πνεύματος ἁγίου.... Διὰ τοῦτο καὶ περὶ πάντων αἰνῶ σε, εὐλογῶ σε, δοξαζω σε σύν ιῷ αἰωνίῳ καὶ ἐπουρανίῳ Ἰησοῦ Χρίστιῷ, ἀγαπητῷ σου παιδέι μεθ' οὗ σοι καὶ Πνεύματι ἁγίω ἡ δόξα, καὶ νύν καὶ εἰς τοὺς μέλλοντας αἰῶνας. Ἀμὴν.

Ἀναπέμψαντος δὲ αὐτοῦ Ἀμὴν καὶ πληρώσαντος τὴν εὐχὴν οἱ τοῦ πυρὸς ἄνθρωποι ἐξῆψαν το πῦρ. Μεγάλης δὲ ἐκλαμψάσης φλογὸς, θαῦμα μέγα εἰδομεν οἷς ἰδεῖν ἐδόθη... Τὸ γὰρ πῦρ, καμάρας εἶδος ποιῆσαν, ὥσπερ ἀθόνη πλοίου ὑπὸ πνεύματος πληρουμένη, κύκλῳ περιετείχισε το σῶμα τοῦ μάρτυρος. καὶ ἦν μέσον οὐχ ὡς σάρξ καιομένη, ἀλλ' ὡς ἄρτος ὀπτώμενος, ἢ ὡς χρυσὸς καὶ ἄργυρος ἐν καμίνῳ πυρόυμενος. καὶ γὰρ ἐυωδίας τοσάυτης ἀντελαβόμεθα, ὡς λιβανωτοῦ πνέοντος, ἢ ἄλλου τινὸς τῶν τιμίων ἀρωμάτων.

Πέρας οὖν ἰδόντες οἱ ἄνομοι οὐ δυνάμενον ἀυτοῦ τὸ σῶμα ὑπο τοῦ πυρὸς δαπανηθῆναι ἐκέλευσαν προσελθόντα αὐτῷ κομφέκτορα παραβύσαι ξιφίδιον. Καὶ τοῦτο ποιήσαντος ἐξῆλθε περιστερὰ καὶ πλῆθος αἵματος ὥστε κατασβέσαι τὸ πῦρ, καὶ θαυμάσαι πάντα τὸν ὄχλον εἰ τοσαύτη τις διαφορὰ μεταξὺ τῶν ἀπίστων καὶ τῶν ἐκλεκτῶν... ἡμεῖς ὕστερον ἀνελόμενοι τὰ τιμιώτερα λίθων πολυτελῶν καὶ δοκιμώτερα ὑπέρ χρυσίον ὀστᾶ αὐτοῦ, ἀπεθέμεθα, ὅπου καὶ ἀκόλουθον ἦν.

Описаніе кончины св. Поликарпа даетъ намъ живое представленіе о мученичествѣ въ древней церкви. И многіе послѣдующіе мученики находили себѣ облегченіе въ страданіяхъ, вспоминая о мученіи св. Поликарпа.

Отъ Поликарпа Смирнскаго мы имѣемъ только одно посланіе къ общинѣ филиппійской. По просьбѣ филиппійцевъ отправляя къ нимъ посла-

нія Игнатія, Поликарпъ напомнилъ общинѣ о томъ времени, когда она была основана ап. Павломъ и о посланіи, какое писалъ къ ней апостолъ. Въ простыхъ словахъ Поликарпъ увѣщевалъ филиппійцевъ утверждаться въ вѣрѣ во Христа распятаго и воскресшаго и беречься отъ еретиковъ. „*Всякій не исповѣдующій Іисуса Христа, пришедшаго во плоти,*— говоритъ Поликарпъ, очевидно имѣя въ виду гностиковъ,—*есть антихристъ; и всякій, не признающій страданій на крестѣ,*—*отъ діавола; и кто слова Господа переиначиваетъ по собственному желанію, не признаетъ воскресенія и суда,*—*первенецъ сатаны*". Поликарпъ увѣщеваетъ далѣе филиппійцевъ къ молитвѣ, къ терпѣнію, и особенно къ благотворительности, вспоминая слова Товіи, что *милостыня спасаетъ отъ смерти.* Въ различныхъ мѣстахъ своего посланія Поликарпъ предостерегаетъ отъ гордости и даетъ частныя наставленія старцамъ, юношамъ и дѣвамъ. Въ этомъ посланіи мы не находимъ какихъ либо глубокихъ и оригинальныхъ мыслей;—въ немъ большую часть составляютъ выдержки изъ посланій ап. Павла и другихъ новозавѣтныхъ писаній. Но мы не должны забывать, что для тогдашней церкви нужны были не остроумные мыслители и краснорѣчивые ораторы, но преданные вѣрѣ и сильные вѣрою люди, которые могли бы и умереть за свое исповѣданіе;—а таковъ былъ св. Поликарпъ.

Legio fulminatrix. Мученики въ Галліи[1]).

Спустя 7 лѣтъ послѣ начала гоненія при М. Аврелiѣ случилось событіе, которое должно было заставить императора перемѣнить мнѣніе о христіанахъ. Въ 174 г. Маркъ Аврелій выступилъ войною противъ враждебныхъ римской имперіи племенъ—квадовъ, сарматовъ и маркомановъ. Въ Панноніи, теперешней Венгріи, былъ онъ заведенъ врагами въ безводное мѣсто. Недостатокъ воды и палящій зной погубили большую часть его войска. Уже не было никакой надежды на побѣду, какъ вдругъ разразилась гроза и привела въ смятеніе враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пролился большой дождь, который утолилъ жажду истомленныхъ римскихъ войскъ. Это, граничащее съ чудомъ, событіе случилось, по словамъ христіанскихъ писателей, по молитвѣ христіанъ, бывшихъ въ

[1]) Громоносный легіонъ *В. Чт.* V, № 23.—Краснорѣчіе въ актахъ мученическихъ. *В. Чт.* XIV.

войскѣ императора. Marcus Aurelius in germanica expeditione christianorum militum orationibus ad Deum factis imbres in siti illa impetravit. (*Tertullian. ad Scapulam 4. Euseb. Hist. e.* V. 5...) Языческіе писатели между тѣмъ приписываютъ это событіе, одни—молитвамъ императора, другіе—искусству одного находившагося въ войскѣ волшебника. Разсказавъ объ этомъ событіи, христіанскіе писатели упоминаютъ, что съ этого времени императоръ подъ смертною казнію запретилъ преслѣдовать христіанъ и тому легіону, по молитвѣ котораго разразилась буря, далъ имя *громоноснаго*. Дѣйствительно между римскими легіонами былъ legio fulminatrix. Но этотъ легіонъ существовалъ гораздо ранѣе вышеупомянутаго событія. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что преслѣдованіе христіанъ при Маркѣ Аврелiѣ имѣло предѣлъ.

Впрочемъ это было только временное затишье. Черезъ три года, въ 177 г., снова началось гоненіе въ Галліи, гдѣ всего болѣе пострадала юная церковь лiонская и вiеннская. Объ этомъ гоненіи мы также имѣемъ свидѣтельство современниковъ—именно: посланіе страдавшихъ общинъ къ христіанамъ Малой Азіи и Фригіи. Мы видимъ, что чернь на берегахъ Роны преслѣдовала христіанъ, какъ звѣрей. Ихъ изгоняли изъ домовъ, бичевали, побивали камнями, влачили по землѣ, ввергали въ темницы, судили при общемъ крикѣ народа объ осужденіи.

Но послушаемъ самаго посланія. Vettius Epagathus, unus ex fratrum numero, immensa quadam caritatis copia erga Deum simul et proximum exuberans.. hic, inquam, cum esset huiusmodi, adeo injustum adversus nos judicium pati non potuit, sed indignatione commotus postulavit, ut sibi quoque liceret pro fratribus causam dicere palamque ostendere, nihil apud nos impium aut irreligiosum reperiri. Verum cum illi uqui circum tribunal adstabant, adversus em inclamassent (erat quippe inter suos clarus): et praeses ipse petitionem alioqui justissimam aegre ferret idque unum ex eo quaereret, essetne christianus: ille christianum se esse clarissima voce professus in martyrum numero relatus est.

Exinde etiam reliqui dignosci ae distingui coepere. Et promti quidem et parati erant protomartyres.. Такова была служанка Бландина, per quam Christus ostendit quae vilia, deformia contemptaque hominibus videntur, ea maximo honore affici a Deo propter excellentem erga Ip-

sum caritatem. Среди жесточайшихъ мученій Бландина твердила только одно: *Christiana sum et nihil apud nos mali geritur.*

Qui vero imparati et inexercitati, nec firmis adhuc erant viribus ad impetum tanti certaminis sustinendum tunc manifeste patuerunt. Ex quibus decem circiter collapsi maximum nobis dolorem et incredibilem luctum attulerunt, et aliorum alacritatem fregerunt. ..Bibliadem quamdam ex eorum numero, qui Christi fidem abnegaverant, cum jam diabolus a se absorptam crederet, velletque insuper damnationem illius cumulare blasphemia, ad supplicium duxit adigens eam, utpote fragilem jam et ignavam, impia de nobis proloqui. Verum illa resipuit inter cruciatus, ac veluti ex altissimo somno excitata est, praesente supplicio de aeternae gehennae cruciatibus ipsam submonente. Et contradicens impiis: *Qui fieri possit*, inquit, *ut infantes comederent, quibus ne sanguinem quidem animantium degustare licet?* Abhinc christiana se esse confessa, in consortium martyrum relata est.

О кончинѣ епископа ліонскаго Поѳина сообщается слѣдующее: Beatissimus autem Pothinus, qui episcopatum lugdunensis ecclesiae administrabat, nonagenario major, ...interrogatus a praeside, quisnam esset christianorum Deus, respondit: *si dignus fueris, cognosces.* Post haec absque ullo humanitatis respectu captatus atque innumeris plagis affectus est... Exinde vix adhuc spirans in carcerem projectus est, tandemque post biduum animam exhalavit.

Мученія христіанъ ліонскихъ были разнообразны. Quicunque cives Romani reperti sunt, capite truncati, reliqui traditi sunt bestiis. Употреблялись и другіе болѣе утонченные виды мученій. Жестокость язычниковъ простиралась и на мертвыхъ мучениковъ, которыхъ они лишали чести погребенія. Nos vero—говорится въ посланіи—gravissimo interim dolore premebamur, quod humare cadauera nobis non liceret. Nam neque noctis tenebrae nos juvare, neque auri vis flectere, neque preces ullae animos eorum commovere potuerunt: sed omni studio atque industria cadavera custodiebant, quasi ingens lucrum facturi, si sepultura caruissent. Igitur martyrum corpora postquam omni genere contumeliae traducta et sub dio per sex dies exposita jacuerunt, tandem cremata atque in cineres redacta, in praeterfluentis Rhodani alveum sparsa sunt ab impiis, ne ullae deinceps eorum reliquiae in terris superessent. Atque id agebant prorsus, quasi Deo superiores esse et resurrectionem illis adimere possent: ut, quemadmodum ipsi dicebaut, ne spes quidem ulla resurgendi

eis relinqueretur.. „Videamus nunc, an sint resurrecturi et utrum adesse ipsis Deus suus ac de manibus nostris ipsos eripere valeat".

При послѣдующихъ за Антонинами императорахъ—Коммодѣ, Пертинаксѣ, Дидіѣ Юліанѣ, при антикесаряхъ—на востокѣ Нигерѣ, въ Галліи Альбинѣ, а равно въ первые 10 лѣтъ правленія Септимія Севера,—т. е. во всѣ послѣднія двадцать лѣтъ II вѣка, христіане наслаждались покоемъ. За все это время упоминается только объ одномъ мученикѣ Аполоніѣ, который былъ казненъ въ Римѣ въ правленіе Коммода, вмѣстѣ съ рабомъ, который его выдалъ. Но съ начала III столѣтія началось новое преслѣдованіе христіанъ.

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Христіанская апологетика.

Начало христіанской апологетики[1]).

Вѣкъ Антониновъ въ исторіи римской литературы представляетъ собою новую эпоху. Уже Адріанъ устроилъ въ Римѣ Аѳенеумъ, нѣчто въ родѣ академіи, гдѣ поэты и риторы, получавшіе содержаніе отъ правительства, читали публичныя лекціи. Оба Антонина стремились еще болѣе расширить пути къ просвѣщенію. Не только въ Римѣ, но и въ другихъ значительныхъ городахъ Италіи, даже въ Галліи и Африкѣ, явились публичныя школы, содержимыя на счетъ правительства. Во времена Марка Аврелія, который назывался *философомъ*, для успѣха на государственной службѣ особенно требовалось знаніе философіи. Покровительство наукѣ со стороны правительства несомнѣнно приносило свою долю пользы, но имѣло и свои невыгоды. Наука, которою прежде занимались по безкорыстному стремленію къ истинѣ, теперь стала прибыточнымъ ремесломъ. Было что-то искусственное, дѣланное въ этой наукѣ,—выражавшееся въ самомъ стилѣ тогдашнихъ писателей. И какъ ораторство дошло до фразерства, такъ философія выродилась въ софистику. Да-

---

[1]) Апологетическая дѣятельность древней церкви и ея значеніе для настоящаго времени. Троицкаго *Хр. Чт.* 1866.—Idem. Преображенскаго. *Прав. Об.* 1866. Христіане и философы во II вѣкѣ. *В. Чт.* XIV. Замѣтка объ апологетахъ *Пр. Об.* 1867.—К. И. Скворцова. Философія отцевъ и учителей церкви въ первые три вѣка. Кіевъ. 1868.—Ловягина. Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣніямъ христіанскихъ апологетовъ. Спб. 1872. Объ отношеніи между христіанствомъ и философіею въ первые три вѣка христіанства. Чистовича. *Хр. Чт.* 1859. Сужденія отцевъ и учителей церкви первыхъ трехъ вѣковъ объ отношеніи греческой философіи къ христіанству. М. М. Троицкаго. *Труды к. д. ак.* 1860.

леко не всѣ, подобно Марку Аврелію, занимались философіею по внутреннимъ нравственнымъ побужденіямъ для удовлетворенія присущихъ духу стремленій; многіе смотрѣли на нее, какъ на діалектическое искусство. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что тогдашніе философы, при своей любви къ спорамъ, коснулись и христіанства и, чтобы совершенно унизить его, старались изобразить его, какъ религію невѣжественной толпы.

Но христіанство въ періодъ Антониновъ вступило также въ новую стадію—изъ періода юности въ періодъ зрѣлости. Если доселѣ на христіанъ смотрѣли, какъ на приверженцевъ такого ученія, которое не стоитъ труда изслѣдовать, то теперь, благодаря главнымъ образомъ гностикамъ, привлекшимъ вниманіе философовъ къ таинствамъ новой религіи, образованные изъ язычниковъ стали ближе знакомиться съ христіанскою религіею. Теперь сковано было новое оружіе для борьбы съ христіанствомъ,—оружіе литературы, а не одного только грубаго насилія. Съ другой стороны долженъ былъ измѣниться и способъ защиты со стороны христіанъ; они должны были, по неволѣ, защищать себя философскимъ научнымъ путемъ и сознательнѣе представить отличительную сущность своей религіи.

По заповѣди ап. Петра первенствующіе христіане должны были быть таковы: *ἕτοιμοι ἀεὶ πρὸς ἀπολογίαν παντὶ τῷ αἰτοῦντι ὑμᾶς λόγον περὶ τῆς ἐν ὑμῖν ἐλπίδος.* (I. Петр. III, 15), и мы знаемъ, какъ первенствующіе мученики исполняли эту заповѣдь апостола. Ихъ отвѣтъ былъ очень простъ; они ссылались на свидѣтельство совѣсти, и въ то время это было лучшимъ опроверженіемъ грубыхъ нареканій на христіанство. Но чѣмъ искусственнѣе становились обвиненія, тѣмъ сложнѣе, искуснѣе, научнѣе, выработаннѣе должна была становиться и защита. Такимъ образомъ само собою случилось такъ, что именно въ вѣкъ Адріана и Антониновъ возникла христіанская апологетика, т. е. наука или, лучше сказать, искусство защищать христіанство. Эта защита могла принимать или юридическій или богословскій и философскій характеръ. Показывая судьямъ неосновательность взводимыхъ на христіанъ обвиненій, апологетика могла доказывать несправедливость и незаконность преслѣдованія и взывать къ покровительству законовъ противъ злостныхъ клеветъ. Апологетика могла идти и дальше, раскрывая сущность христіанства и переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, такъ какъ доказать истинность и божест-

венность христіанства—значило вмѣстѣ съ тѣмъ поставить на видъ неразуміе и ненормальность язычества. Апологетика шла и тѣмъ и другимъ путемъ.

Уже въ вѣкъ Адріана написано было нѣсколько сочиненій въ защиту христіанства. Таковы были апологіи Кодрата и Аристида. При Антонинахъ въ защиту христіанства писали Мелитонъ сардійскій, Мильтіадъ, Клавдій, Аполлинарій. Но изъ этихъ сочиненій дошли до насъ только отдѣльные отрывки. Тѣмъ не менѣе объ апологетической литературѣ въ вѣкъ Антониновъ мы довольно обстоятельно можемъ судить по сочиненіямъ св. Іустина мученика, отъ котораго имѣемъ въ полномъ видѣ двѣ апологіи и нѣсколько другихъ подобныхъ сочиненій.

Іустинъ философъ и его сочиненія [1]).

Іустинъ родился въ началѣ II вѣка, около 103 г., въ Флавіѣ Неаполисѣ (древнемъ самарійскомъ Сихемѣ, теперешнемъ Наплусѣ). Его родители были греки, поселившіеся въ Самаріи. Іустинъ разсказываетъ намъ, какъ онъ, съ юности почувствовавъ склонность къ философіи, тщетно искалъ истины во всѣхъ греческихъ школахъ. Прежде всего онъ сдѣлался стоикомъ. Но когда увидѣлъ, что стоики не занимаются ученіемъ о Божествѣ, то обратился къ перипатетикамъ. Первый вопросъ, какимъ встрѣтили перипатетики любознательнаго ученика, былъ вопросъ о платѣ за уроки. Запуганный такимъ корыстолюбіемъ, Іустинъ отсталъ отъ перипатетиковъ и пошелъ къ пиѳагорейцу. Пиѳагореецъ потребовалъ отъ него спеціальныхъ познаній въ математикѣ, потому что только-де съ помощію математики можно достигнуть познанія о сверхчувственномъ. Когда же Іустинъ сознался въ своемъ незнакомствѣ съ математикою, то пиѳагореецъ съ презрѣніемъ отказался учить его. Тогда Іустинъ обратился къ платонику, незадолго предъ

---

[1]) Іустинъ философъ *Хр. Чт.* 1825. Idem. *В. Чт.* XXIV. Idem. *Приб. къ тв. св. от.* 1849. Idem. К. И. Скворцева. *Труды кіев. д. ак.* 1866. Обращеніе въ христіанство въ первыя времена церкви. *Хр. Чт.* 1831. Idem 1859. Сочиненія Іустина Философа въ русск. переводѣ въ приложеніи къ *Пр. Об.* 1862—63 г. Допросъ и кончина св. Іустина философа. *В. Чт.* XX. *К. И. Скворцова.* О книгахъ Сивиллъ. *Труды к. д. ак.* 1862.

тѣмъ поселившемуся въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Іустинъ. Іустинъ слушалъ уроки платоника съ значительнымъ успѣхомъ. Ученіе о сверхчувственномъ увлекало его и окрыляло его духъ. Онъ надѣялся скоро сдѣлаться мудрецомъ и достигнуть созерцанія божества, какъ обѣщала это своимъ ученикамъ Платонова философія. Чтобы ускорить духовный процессъ саморазвитія, Іустинъ рѣшился удалиться въ уединеніе и всецѣло предаться философскимъ размышленіямъ. Онъ избралъ для этого прибрежье моря. Здѣсь Іустину встрѣтился старецъ добродушной и величественной наружности. Между ними начался разговоръ о невидимомъ и вѣчномъ. Іустинъ назвалъ старцу себя философомъ, т. е. любителемъ мудрости. Но старецъ спросилъ Іустина: въ чемъ онъ поставляетъ сущность философіи? и старался доказать, что простое знаніе о божественномъ безъ соотвѣтствующей дѣятельности не удовлетворитъ человѣка,—старался также уничтожить въ Іустинѣ школьную гордость и довести его до смиренія, безъ котораго для человѣка недоступно практическое познаніе о добрѣ и о божественномъ. Наконецъ старецъ назвалъ себя христіаниномъ и совѣтовалъ своему молодому собесѣднику обратиться къ пророкамъ, Іисусу Христу и апостоламъ. „*Но прежде всего*, сказалъ старецъ, *молись, чтобы тебѣ открыто было разумѣніе; ибо никто не приходитъ къ познанію истины, если Богъ и Христосъ не просвѣтитъ его очей*“. Тогда Іустинъ началъ изучать священныя книги христіанъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что именно въ нихъ сокрыта истинная искомая имъ философія. Но что особенно удивило Іустина въ христіанахъ, это то великодушіе, съ какимъ христіанскіе мученики встрѣчали смерть, та радость, съ какою они шли на муки. *Такъ не могутъ умирать злодѣи, глупцы и сумасброды*, думалъ Іустинъ, и съ тѣхъ поръ желалъ только одного: быть христіанскимъ философомъ и другихъ привлекать къ христіанской философіи. Сдѣлавшись христіаниномъ, Іустинъ не снялъ съ себя философской тоги, дававшей ему право вступать въ ученые споры. Въ качествѣ философа, не будучи связанъ какою нибудь должностію, Іустинъ много путешествовалъ: жилъ то въ Палестинѣ, то въ Александріи, то въ Ефесѣ, наконецъ въ Римѣ, и всюду старался руководить заблуждающихся любителей истины къ той вѣчной истинѣ, познаніе которой дѣлало его такъ счастливымъ. Безбоязненно и радостно свидѣтельствовалъ онъ объ евангельской истинѣ, какъ при жизни, такъ и предъ мученическою смертію, послѣдовавшею при Маркѣ Аврелiѣ (166 г.).

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію содержанія двухъ его апологій.

Первую бо́льшую апологію Іустинъ написалъ при Антонинѣ Піѣ около 138 или 139 г. и подалъ ее императору и его усыновленнымъ дѣтямъ: Марку Аврелію и Луцію Веру. Прежде всего Іустинъ старается доказать, что несправедливо преслѣдовать христіанъ за одно только имя. *Τοὺς κατὰ ἀλήθειαν εὐσεβεῖς καὶ φιλοσόφους*, (говоритъ Іустинъ, намекая на проименованіе императора Піемъ и Философомъ), *μόνον ἀληθὲς τιμᾶν καὶ σιεργεῖν ὁ λόγος ὑπαγορεύει. Τί δὴ οὖν τοῦτ' ἂν εἴη; εφ' ἡμων ὑπισχνουμένων μηδὲν ἀδικειν μηδὲ τὰ ἄθεα ταῦτα δοξάζειν, οὐ κρισεις ἐξετάζετε, ἀλλά ἀλόγῳ πάθει καὶ μάσιιγι δαιμόνων φαύλων ἐξελαυνόμενοι, ἀκρίτως κολάζειε μη φροντίζοντες. Εἰρήσειαι γὰρ ἀληθὲς. ἐπεὶ παλαιὸν δαίμονες φαῦλοι, ἐπιφανείας ποιησάμενοι, καὶ γυναῖκας ἐμόιχευσαν, καὶ παῖδας διέφθειραν καὶ φόβητρα ἀνθρώποις ἔδειξαν. ὡς καταπλαγῆναι τοὺς, οἱ λόγῳ τὰς γινομενας πράξεις οὐκ ἔκρινον, ἀλλὰ δέει συνηρπασμένοι καὶ μὴ ἐπιστάμενοι δαίμονας εἶναι φαύλους, θεοὺς προσονόμαζον, καὶ ονόματι εκαστον προσήγορευον, ὅπερ ἕκαστος αὐτῷ τῶν δαιμόνων ἐτίθειο. Οἱδε Σωκράιης λόγω ἀληθεῖ καὶ ἐξειαστικῶς ταῦτα εἰς φανερὸν ἐπειρᾶτο φέρειν καὶ ἀπαγεῖν τῶν δαιμόνων τοὺς ἀνθρώπους, καὶ αὐτοὶ οἱ δαίμονες διὰ τῶν χαιρόντων τῇ κακίᾳ ἀνθρώπων ἐνήργησαν ὡς αθεον καὶ ἀσεβῆ ἀποκτεῖναι, λέγοντες καινα εἰσφέρειν αὐτὸν δαιμόνια. Καὶ ὁμοίως ἐφ' ἡμῶν τὸ αὐτὸ ἐνεργόυσιν. Οὐ γὰρ μόνον Ἕλλησι διὰ Σωκράτους ὑπὸ Λόγου ἠλέγχθη ταῦτα, ἀλλὰ καὶ ἐν βάρβαροις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Λόγου μορφώθεντος καὶ ἀνθρώπου γενομένου καὶ Ιησοῦ Χριστοῦ κληθέντός. πεισθέντες ἡμεῖς τοὺ; ταῦτα πράξαντας δαίμονας οὐ μόνον μὴ ὀρθοὺς εἶναι φάμεν, ἀλλὰ κακοὺς ἀνόσιους δαίμονας, οἱ οὐδὲ τοῖς ἀρειὴν ποθοῦσιν ἀνθρώποις τὰς πράξεις ὁμοίους ἔχουσι.*

Ἐνθένδε καὶ ἄθεοι κεκλήμεθα.... Ἄθεοι μὲν οὖν ὡς οὐκ ἐσμὲν, τὸν δημιουργὸν τῦδε τοῦ παντὸς σεβόμενοι ἀνενδεῆ αἱμάτων καὶ σπονδῶν καὶ θυμιαμάτων, ὡς ἐδιδάχθημεν, λέγοντες, λόγῳ εὐχῆς καὶ ἐυχαρισιίας... τις σωφρόνων οὐχ ὁμολογήσει; τὸν διδάσκαλόν τε τόυτων γενόμενον ἡμῖν καὶ εἰς τοῦτο γεν-

νηθέντα Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν σταυρωθέντα ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου, τοῦ γενομένου ἐν Ἰουδαίᾳ ἐπὶ χρόνοις Τιβερίου Καίσαρος ἐπὶ τρόπου, υἱὸν αὐτοῦ τοῦ ὄντως Θεοῦ μαθόντες καὶ ἐν δευτέρᾳ χώρᾳ ἔχοντες, Πνεῦμά τε προφητικὸν ἐν τρίτῃ τάξει, ὅτι μετὰ λόγου τιμῶμεν, ἀποδείξομεν. Ἐνταῦθα γὰρ μανίαν ἡμῶν καταφαίνονται, δευτέραν χώραν μετὰ τὸν ἀίδιον καὶ ἀεὶ ὄντα Θεόν, καὶ Γεννήτορα ἁπάντων ἀνθρώπῳ σταυρωθέντι διδόναι ἡμᾶς λέγοντες. ἀγνοοῦντες τὸ ἐν τούτῳ μυστήριον.

Для доказательства истины христіанства Іустинъ указываетъ на высоконравственную жизнь христіанъ. *Ἡμεῖς, μετὰ τὸ τῷ Λόγῳ πεισθῆναι, ἐκείνων μὲν* (т. е. демоновъ) *ἀπεστημεν, Θεῷ δὲ μόνῳ τῷ ἀγεννήτῳ διὰ τοῦ υἱου ἑπομεθα, οἱ πάλαι μὲν πορνείαις χαίροντες, νῦν δὲ σωφροσύνην μόνην ἀσπαζόμενοι. οἱ δὲ καὶ μαγικαις τέχναις χρώμενοι, ἀγαθῷ καὶ ἀγεννήτῳ Θεῷ ἑαυτοὺς ἀνατεθεικότες. χρημάτων δε καὶ κτημάτων οἱ πόρους πάντως μᾶλλον στέργοντες, νῦν καὶ ἃ ἐχομεν εἰς κοινὸν φερόντες καὶ παντὶ δεομένῳ κοινωνοῦντες. οἱ μισάλληλοι δὲ καὶ ἀλληλοφόνοι καὶ πρὸς τοὺς οὐχ ὁμοφύλους διὰ τὰ ἔθη ἑστιας κοινὰς μὴ ποιούμενοι, νῦν μετὰ τὴν ἐπιφάνειαν τοῦ Χριστου ὁμοδιαίτοι γενομένοι καὶ ὑπερ ὧν ἐχθρῶν εὐχόμενοι καὶ τοὺς ἀδικῶς μισούντας πειθεῖν πειρώμενοι, ὅπως οἱ κατὰ τὰς τοῦ Χριστου καλὰς ὑποθημοσύνας βιώσαντες, εὐέλπιδες ὦσι σὺν ἡμῖν τῶν αὐτῶν παρὰ τοῦ πάντων δεσπόζοντος Θεοῦ τυχεῖν.* Затѣмъ Іустинъ продолжаетъ изложеніе христіанскаго ученія и показываетъ его отношеніе къ язычеству. Онъ показываетъ съ одной стороны, что христіанство учитъ тому, что предчувствовали уже древніе поэты и мудрецы; по съ другой стороны поставляетъ на видъ, что христіанство несоизмѣримо превосходитъ мудрость языческую и свободно отъ той безнравственности, какая соединялась съ культомъ языческимъ. Онъ переходитъ къ пророчествамъ ветхаго завѣта и показываетъ, какъ они исполнились во Христѣ. Не только у ветхозавѣтныхъ пророковъ, но даже въ оракулахъ Сивиллъ находитъ Іустинъ, равно какъ и нѣкоторые другіе церковные учители предсказанія о Іисусѣ Христѣ. Древнія, такъ называемыя Сивиллины книги, купленныя Тарквиніемъ Гордымъ у какой то странной старухи и хранимыя въ Капитоліи, давно уже сдѣлались добычею пламени. Но

въ послѣдствіи явились подъ именемъ Сивиллиныхъ книгъ новые сборники пророчествъ, вымышленныхъ частію іудеями, частію язычниками, частію даже самими христіанами (во 2 вѣкѣ). На эти подложныя предсказанія, которымъ впрочемъ старались придать видъ древности, ссылался въ своей апологіи Іустинъ, раздѣляя такимъ образомъ заблужденіе своего вѣка. Даже безгласная природа служила для Іустина христіанской символикою. *Κατανοήσαιε πάντα τα ἐν τῷ κόσμῳ, ἐι ἄνευ τοῦ σχήματος τούτου* (т. е. креста) *διοικεῖται, ἢ κοινωνίαν ἔχειν δύναται. Θάλατσα μὲν γὰρ οὐ τέμνειαι, ἢν μὴ τοῦτο τὸ τρόπαιον ὅ καλεῖται ἱστίον ἐν τῇ νηΐ σῶον μένῃ. γῆ δὲ οὐκ ἀροῦται ἄνευ αὐτοῦ. σκαπανεῖς δὲ τὴν ἐργάτιαν οὐ ποιοῦνται, οὐδε βαναυσοῦργοι ὁμοίως, ἐι μὴ διὰ τῶν τὸ σχῆμα τοῦτο ἐχόντων ἐργαλείων. τὸ δε ἀνθρώπειον σχῆμα οὐδένι ἄλλῳ τῶν ἀλόγων ζόων διαφέρει, ἢ τῷ ὀρθὸν τε εἶναι καὶ ἐκτάσιν χειρῶν ἔχειν καὶ ἐν τῷ πρωτοπῳ ἀπὸ τοῦ μετωπίου τειαμένον τὸν γενόμενον μυξωτῆρα φέρειν, δί οὗ ἦιε ἀναπνοὴ ἐστὶ τῷ ζώῳ καὶ οὐδὲν ἄλλο δείκνυσιν ἢ τὸ σχῆμα τοῦ σταυροῦ.* Такимъ образомъ во всемъ мірѣ видитъ Іустинъ подобіе креста. Корабль съ распущенными парусами, плугъ, которымъ обработываютъ землю, самое устройство человѣческаго лица, видъ человѣка молящагося съ распростертыми руками, все это напоминаетъ ему о крестѣ.

Въ заключеніе первой апологіи Іустинъ сообщаетъ объ обычаяхъ христіанъ и объ ихъ религіозныхъ обрядахъ. *Ὅτοι ἂν πεισθῶσι καὶ πιστεύωσιν ἀληθῆ ταῦτα τὰ ὑφ' ἡμῶν διδασκόμενα καὶ λεγόμενα εἶναι ὑπιστχνῶνται, ἔυχεσθαί τε καὶ αἰτεῖν νηστεύοντες παρὰ τοῦ Θεοῦ τῶν προημαρτημένων ἄφεσιν διδάσκονται, ἡμῶν συνευχομένων καὶ συννηστευόντων αὐτοῖς. Ἔπειτα ἄγονται, ὑφ' ἡμῶν ἔνθα ὕδωρ ἐστὶ καὶ τρόπον ἀναγεννήσεως, ὃν καὶ ἡμεῖς αὐτοὶ ἀνεγε νηήθημεν, ἀναγέννωνται. Ἐπ' ὀνόματος γὰρ τοῦ πατρὸς τῶν ὅλων καὶ δεσπότου Θεοῦ, καὶ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ Πνεύματος ἁγίου, τὸ ἐν τῷ ὕδατι τότε λουτρὸν ποιοῦνται. Καλεῖται δε τοῦτο τὸ λουτρὸν φωτιζμός, ὡς φωτιζομένον τὴν διάνοιαν τῶν ταῦτα μανθανόντων. Ἠιεῖς δὲ μετα τὸ οὕτως λοῦσαι τὸν πεπεισμένον καὶ συγκαταθεμένον ἐπὶ τοὺς λεγομένους ἀδελφοὺς ἄγομεν, ἔνθα συνηγμένοι εἰσὶ, κοινὰς εὐχας ποιησόμενοι ὑπέρ τε ἑαυτῶν καὶ*

τοῦ φωτισθέντος καὶ ἄλλων πανταχοῦ πάντων εὐτόνως, ὅπως καταξιωθῶμεν τὰ ἀληθῆ μαθοντες, καὶ δι' ἔργων ἀγαθοὶ πολιτευταὶ καὶ φύλακες τῶν ἐντειαλμένων εὑρεθῆναι, ὅπως τὴν αἰώνιον σωτήριαν σωθῶμεν.

Ἀλλήλους φιλήματι ἀσπαζόμεθα παυσάμενοι τῶν εὐχῶν. ἔπειτα προσφέρεται τῷ προεστῶτι τῶν ἀδελφῶν ἄρτος καὶ ποτήριον ὕδατος καὶ κράματος. Καὶ οὗτος λαβὼν, αἶνον καὶ δόξαν τῷ Πατρὶ τῶν ὅλων διὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ υἱοῦ, καὶ τοῦ πνεύματος τοῦ ἁγίου ἀναπέμπει. καὶ εὐχαριστίαν ὑπερ τοῦ καταξιῶσθαι τούτων παρ' αὐτοῦ ἐπὶ πολὺ ποιεῖται. οὗ συντελέσαντος τὰς εὐχὰς καὶ τὴν εὐχαριστίαν, πᾶς ὁ παρὼν λαὸς ἐπευφημεῖ λέγων Ἀμήν. Εὐχαριστήσαντος δε τοῦ προεστῶτος καὶ ἐπευφημήσαντος παντὸς τοῦ λαοῦ, οἱ καλούμενοι παρ' ἡμῖν διάκονοι διδόασιν ἑκάστῳ τῶν παρόντων μεταλαβεῖν ἀπὸ τοῦ εὐχαριστηθέντος ἄρτου καὶ οἴνου καὶ ὕδατος καὶ τοῖς οὐ παροῦσιν ἀποφέρουσι Καὶ ἡ τροφὴ αὕτη καλεῖται παρ' ἡμῖν εὐχαριστία, ἧς οὐδενὶ ἄλλῳ μετασχεῖν ἐξὸν ἐστιν, ἢ τῷ πιστεύοντι ἀληθῆ εἶναι τὰ δεδιδαγμένα ὑφ' ἡμῶν, καὶ λουσαμένῳ τὸ ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν καὶ εἰς ἀναγέννησιν λουτρὸν, καὶ οὕτως βιοῦντι, ὡς ὁ Χριστὸς παρέδωκεν, οὐ γὰρ ὡς κοινὸν ἄρτον, οὐδὲ κοινὸν πόμα ταῦτα λαμβάνομεν· ἀλλ' ὃν τρόπον διὰ λόγου Θεοῦ σαρκοποιηθεὶς Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Σωτὴρ ἡμῶν καὶ σάρκα καὶ αἷμα ὑπερ σωτηρίας ἡμῶν ἔσχεν, οὕτως καὶ τὴν δι' εὐχῆς λόγου τοῦ παρ' αὐτοῦ εὐχαριστηθεῖσαν τροφὴν, ἐξ ἧς αἷμα καὶ σάρκες κατὰ μεταβολὴν τρέφονται ἡμῶν, ἐκείνου τοῦ σαρκοποιηθέντος Ἰησοῦ καὶ σάρκα καὶ αἷμα ἐδιδάχθημεν εἶναι.

Ἐπὶ πᾶσι δὲ, οἷς προσφερόμεθα, εὐλογοῦμεν τὸν ποιητὴν τῶν πάντων διὰ τοῦ υἱοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ διὰ πνεύματος τοῦ ἁγίου. καὶ τῇ τοῦ ἡλίου λεγομένῃ ἡμέρᾳ πάντων κατὰ πόλεις ἢ ἀγροὺς μενόντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ συνέλευσις γίνεται, καὶ τὰ ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων, ἢ τὰ συγγράμματα τῶν προφητῶν ἀναγινώσκεται μεχρις ἐγχωρεῖ. Εἶτα παυσαμένου τοῦ ἀναγινώσκοντος, ὁ προεστὼς διὰ λόγου τὴν νουθεσίαν καὶ προκλησιν ποιεῖται τῆς τῶν καλῶν τούτων μιμήσεως ποιεῖται. Ἔπειτα

ἀνιστάμεθα κοινῇ πάντες, καὶ εὐχὰς πέμπομεν καί, ὡς προεφήμεν παυσαμένων ἡμῶν τῆς εὐχῆς ἄρτος φέρεται καὶ οἶνος καὶ ὕδωρ καὶ ὁ προεστὼς εὐχὰς ὁμοίως καὶ εὐχαριστίας, ὅση δύναμις αὐτῷ ἀναπέμπει, καὶ ὁ λαὸς ἐπευφημεῖ λέγων τὸ Ἀμήν· καὶ ἡ διάδοσις καὶ ἡ μετάληψις ἀπὸ τῶν εὐχαριστηθέντων ἑκάστῳ γίνεται, καὶ τοῖς οὐ παροῦσι διὰ τῶν διακόνων πέμπεται.

Οἱ ἐμποροῦντες δὲ καὶ βουλόμενοι καιὰ προαίρεσιν ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ, ὅ βούλεται δίδωσι· καὶ τὸ συλλεγόμενον παρὰ τῷ προεστῶτι ἀποτίθεται, καὶ αὐτὸς ἐπικουρεῖ ὀρφανοῖς τε καὶ χήραις καὶ τοῖς διὰ νόσον ἤ δι' ἄλλην αἰτίαν λειπομένοις καὶ τοῖς ἐν δεσμοῖς οὖσι καὶ τοῖς παρεπιδήμοις οὖσι ξένοις καὶ ἁπλῶς πᾶσι τοῖς ἐν χρείᾳ οὖσι κηδεμὼν γίνεται. Τὴν δὲ τοῦ ἡλίου ἡμέραν πάντες τὴν συνέλευσιν ποιούμεθα. ἐπειδὴ πρωτη ἐστὶν ἡ ἡμέρα, ἐν ᾗ ὁ Θεὸς, τὸ σκότος καὶ τὴν ὕλην τρέψας, κόσμον ἐποίησε, καὶ Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ ἡμέτερος Σωτὴρ τῇ αὐτῃ ἡμέρᾳ ἐκ νεκρῶν ἀνέστη.

Въ описаніи св. Іустина мы видимъ всѣ существенныя составныя части христіанскаго богослуженія. О пѣніи въ христіанскихъ собраніяхъ, о которомъ свидѣтельствовалъ Плиній, Іустинъ не упоминаетъ. Но о празднованіи воскреснаго дня, о евхаристіи, объ общей молитвѣ, о чтеніи священнаго писанія, о первоначальной христіанской проповѣди, которая, кажется, состояла только въ простыхъ нравоученіяхъ, здѣсь говорится подробнѣе, чѣмъ въ письмѣ Плинія. Кромѣ того упоминается объ обычаяхъ причащать больныхъ на дому и собирать милостыню въ церкви.

Вторая апологія Іустина написана, по общему мнѣнію, при Маркѣ Авреліѣ (между 161—166 гг.). Поводомъ къ написанію ея послужило слѣдующее: одна римлянка, обращенная къ Христу христіаниномъ Птоломеемъ, тщетно старалась обратить и своего мужа. Наконецъ, когда она стала просить о разводѣ, мужъ обвинилъ ее, какъ христіанку. Вслѣдствіе этого правитель Урбикъ осудилъ на смертную казнь эту женщину вмѣстѣ съ ея учителемъ Птоломеемъ и другимъ христіаниномъ—Лукіемъ, старавшимся защищать Птоломея. Іустинъ, возмущенный такою несправедливостію, составилъ вторую апологію, въ которой повторяетъ

многое изъ написаннаго въ первой, только измѣнивъ форму. Подробнѣе доказывать это—было бы слишкомъ долго.

Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія и другія сочиненія приписываемыя Іустину, каковы: *λόγος πρὸς ἕλληνας*,—*περὶ μοναρχίας*,—и др. и остановимся только на сочиненіи, которое свидѣтельствуетъ, что Іустинъ старался защищать христіанскую истину, не только противъ язычниковъ, но и прочихъ іудеевъ,—съ которыми онъ былъ близокъ во время своего пребыванія въ Самаріи и въ Палестинѣ. Мы разумѣемъ его *разговоръ съ Трифономъ іудеемъ*. Этотъ іудей бѣжалъ изъ Палестины во время возстанія Варъ-Кохбы при Адріанѣ и переселился въ Ефесъ, гдѣ встрѣтился съ Іустиномъ и вступилъ съ нимъ въ религіозный споръ, содержаніе котораго и передается въ вышеназванномъ сочиненіи. Едва ли разговоръ шелъ въ той послѣдовательности, въ какой передается въ сочиненіи; но несомнѣнно, что главную основу для сочиненія дали дѣйствительныя устныя бесѣды Іустина съ Трифономъ или другими іудейскими совопросниками. Въ *разговорѣ* Іустинъ самымъ яснымъ образомъ доказываетъ превосходство христіанства надъ іудействомъ, утверждая, что оправданіе дается не закономъ, а по вѣрѣ во Христа, на Котораго указывали пророки, и что все вообще въ ветхомъ завѣтѣ имѣло прообразовательный смыслъ. При этомъ Іустинъ пускается иногда въ довольно произвольное толкованіе писаній. Такъ, двѣнадцать звонковъ на одеждѣ первосвященника были, по его мнѣнію, прообразомъ двѣнадцати апостоловъ, потому что написано: *εἰς πᾶσαν τὴν γῆν ἐξῆλθεν ὁ φθόγγος αὐτῶν* (Псал. XIV, 5. Римл. X, 18), и многое въ такомъ родѣ. Но если мы припомнимъ, какъ употребительно было у іудеевъ аллегорическое толкованіе писаній, то поймемъ, что подобнаго рода доказательства ad hominem могли имѣть особенную силу. Доказавъ іудеямъ, что чрезъ явленіе Спасителя во плоти исполнились предсказанія пророковъ, Іустинъ подробно говоритъ о будущемъ, второмъ пришествіи Господа для суда. Наконецъ, изложивъ своему противнику главныя основанія христіанской вѣры съ постоянными ссылками на ветхій завѣтъ, Іустинъ съ смѣлою увѣренностію говоритъ, что чѣмъ болѣе будутъ преслѣдовать христіанъ, тѣмъ болѣе и болѣе они будутъ умножаться, подобно тому, какъ виноградная вѣтвь, тѣмъ больше даетъ отростковъ, чѣмъ чаще ее обрѣзываютъ. Виноградникъ насажденный Богомъ—это народъ Божій; истинный народъ Божій, духовный Израиль—это христіане.

Ἰσραηλικὸν τὸ ἀληθινὸν, πνευματικὸν, καὶ Ἰούδα γένος, καὶ Ἰακὼβ, καὶ Ἰσαὰκ, καὶ Ἀβραὰμ ἡμεῖς ἐσμὲν, οἱ διὰ τοῦ σταυρωθέντος Χριστοῦ τῷ Θεῷ προσαχθέντες, такова основная мысль *разговора* Іустина съ Трифономъ іудеемъ.

Кромѣ Іустина мученика въ вѣкъ Антониновъ было много другихъ апологетовъ Таковы Татіанъ, Аѳинагоръ, Ѳеофилъ Антіохійскій, сочиненія которыхъ имѣютъ высокій интересъ для богослова.

Литературные противники христіанства: Цельсъ и Лукіанъ.

Въ вѣкъ Антониновъ явились не только ученые защитники, но и ученые противники христіанства то серьезно, то насмѣшливо, съ колкимъ сарказмомъ, нападавшіе на новую религію. Мы будемъ говорить о двухъ литературныхъ противникахъ христіанства: о Цельсѣ и Лукіанѣ. Цельсъ, котораго одни считаютъ эпикурейцемъ, другіе платоникомъ, вооружался противъ христіанства около половины II вѣка въ сочиненіи, подъ заглавіемъ „*Λόγος ἀληθὴς*“. Мы не имѣемъ этого сочиненія въ подлинникѣ и знаемъ о немъ только изъ опроверженія составленнаго Оригеномъ. Насколько можемъ судить по этому опроверженію, Цельсъ наряду съ нѣкоторыми вѣрными свѣдѣніями, имѣлъ очерь грубыя и поверхностныя представленія о христіанствѣ, и смѣшивалъ его,—намѣренно или непамѣренно,—съ ученіями гностиковъ, крайности которыхъ ставилъ въ вину всѣмъ вообще христіанамъ. Часть своихъ нападокъ на христіанство Цельсъ излагаетъ отъ лица іудея. Но іудейство также не избѣгло жестокихъ насмѣшекъ Цельса. Исторію ветхаго, какъ и новаго завѣта онъ осмѣиваетъ, какъ жалкую сказку, и именно для его эпикурейскаго взгляда казалось особенно страннымъ ученіе о Богѣ, который заботится о людяхъ, снисходитъ къ нимъ, гнѣвается на нихъ и любитъ ихъ. „*Богъ заботится о людяхъ столько же*

---

[1]) Языческій философъ Цельсъ и его свидѣтельства въ пользу евангелій. *Чт. общ. люб. дух. пр.* 1874. Лукіанъ въ русскомъ переводѣ. Спб 1876. Апулея. Золотой оселъ. переводъ Е. Кострова. Изд. 1780 и 1870 г. О Лукіанѣ во *Всемірной исторіи Шлоссера*. Т. II. Спб. 1869. стр. 198 200.

сколько объ обезьянахъ и мухахъ", думалъ Цельсъ и цѣнилъ христіанъ и іудеевъ не выше полевыхъ мышей, муравьевъ и червей. Чуждый понятія о тяжести грѣховъ, о сокрушеніи и раскаяніи, Цѣльсъ не могъ понять и искупительной силы страданій Христовыхъ и надежды грѣшниковъ на Спасителя; все это казалось ему какимъ-то обманомъ или недоразумѣніемъ.

Если иронія Цельса проистекала изъ ненависти къ христіанамъ, то у Лукіана Самосатскаго (писавшаго около 180 г.) мы этого не замѣчаемъ. Лукіанъ осмѣиваетъ христіанъ не по фанатическому пристрастію къ язычеству; не за то, что они подрываютъ древнюю знаменитую религію. Лукіана скорѣе можно назвать Волтеромъ своего времени, насмѣхавшимся надъ религіею во всѣхъ ея видахъ, хотя иронія его была грубѣе иронiи фернейскаго философа. Никто изъ христіанъ не осмѣивалъ древнія языческія божества такъ сильно, какъ Лукіанъ въ своемъ *Разговорѣ боговъ*. Точно также не щадилъ Лукіанъ своего сатирическаго бича и для древнихъ философовъ. Совершевно въ интересахъ христіанъ Лукіанъ доказывалъ неудовлетворительность язычества и въ *отрицаніи* вполнѣ сошелся съ ними. Но привыкши всюду усматривать только смѣшную сторону, Лукіанъ въ христіанской религіи видѣлъ только особаго рода суевѣріе, и поведеніе христіанъ составлявшее противуположность съ нравами языческаго міра, давало ему обильную пищу для насмѣшки. Въ своемъ историческомъ романѣ „*Перегринъ Протей*" Лукіанъ изображаетъ намъ проходимца циника, который прежде былъ христіаниномъ, но за употребленіе запрещенной у христіанъ пищи былъ изгнанъ изъ ихъ общества и наконецъ увѣнчалъ свою безпутную жизнь во время олимпійскихъ игръ публичнымъ самосожженіемъ, чтобы смертію уподобиться Геркулесу. Это по словамъ Лукіана случилось въ первый годъ 236 олимпіады, т. е. въ 165 году нашей эры. Мы не будемъ изслѣдовать здѣсь, есть ли историческая правда въ этомъ сказаніи о Перегринѣ Протеѣ и его самосожженіи. Лукіанъ ведетъ свой разсказъ въ насмѣшливомъ тонѣ: но его насмѣшка падаетъ прежде всего на циниковъ и касается христіанъ только какъ бы мимоходомъ. Лукіанъ смѣется надъ легковѣріемъ и добродушіемъ христіанъ, надъ тѣмъ, что они приняли съ чрезвычайнымъ радушіемъ перваго проходимца, который пришелъ къ нимъ, назвалъ себя ихъ братомъ, и потомъ за радушіе заплатилъ насмѣшками. Къ христіанамъ относится также слѣдующее мѣсто: *эти бѣдные люди вбили себѣ въ голову, что они по*

тѣлу и душѣ безсмертны и будутъ жить цѣлую вѣчность; потому они презираютъ смерть и многіе изъ нихъ ищутъ ее добровольно. Кромѣ того, ихъ первый законодатель убѣдилъ ихъ, что всѣ, оставившіе насъ, отвергшіе греческихъ боговъ, молящіеся ихъ распятому софисту и живущіе по его предписаніямъ—братія между собою; поэтому они презираютъ все безъ разбора, но если къ нимъ приходитъ ловкій обманщикъ, то онъ въ короткое время богатѣетъ на ихъ счетъ и смѣется надъ этими простаками. Въ другихъ сочиненіяхъ Лукіана находятся также упоминанія о христіанахъ; напр. въ его исторіи *Александра Абонотейха*, гдѣ онъ осмѣиваетъ шарлатанство и мнимыя чудеса этого лжепророка. Въ своемъ сочиненіи „*Какъ должно писать исторію*“, наполненномъ многими прекрасными и здравыми мыслями относительно исторіографіи, Лукіанъ высказывается противъ вѣры въ чудеса, въ особенности современныя. О библейскихъ чудесахъ при этомъ не упоминается, но судя по всему образу мыслей Лукіана можно полагать, что съ его точки зрѣнія и библейскія чудеса должны были представляться миѳами и несообразностями.

Читалъ ли Лукіанъ христіанскія апологіи — неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ едвали бы онѣ перемѣнили его образъ мыслей. Апологіи могли дѣйствовать только на тѣхъ, кто былъ способенъ къ спокойному изслѣдованію истины и чуждъ всякихъ религіозныхъ предубѣжденій. Онѣ гораздо болѣе имѣли значенія внутри христіанской общины, чѣмъ внѣ ея. Онѣ служили первыми начатками христіанскаго богословія и представляли собой прекрасную попытку соединить вѣру съ знаніемъ,—философію съ христіанствомъ. Но не видно, чтобы въ языческомъ мірѣ апологіи защитниковъ христіанства произвели сильное впечатлѣніе.

Если мы доказательства апологетовъ въ пользу христіанства сопоставимъ съ возраженіями язычниковъ противъ христіанства, то едвали будемъ въ правѣ приписать первымъ неотразимую силу противъ послѣднихъ. Мы даже положительно знаемъ, что апологіи Іустина и другихъ защитниковъ христіанства не имѣли никакихъ видимыхъ слѣдствій; если даже онѣ и дошли по назначенію, то были оставлены безъ вниманія,—и преслѣдованіе продолжалось послѣ апологій съ тою же си-

лою, какъ и до ихъ появленія. Христіанство пролагало себѣ дорогу въ мірѣ *οὐκ ἐν πειθοῖς ἀνθρωπίνης σοφίας λόγοις, ἀλλ' ἐν ἀποδείξει πνεύματος καὶ δυνάμεως* (1 Кор. II, 4) и потому—то не могло быть осмѣяно человѣческимъ остроуміемъ, ни опровергнуто человѣческою мудростію, ни подавлено какою-нибудь земною властію.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Борьба церкви съ ересями во второмъ вѣкѣ.

Св. Ириней и его сочиненіе противъ ересей[1]).

Мы видѣли, какъ въ христіанской церкви появились противоположныя направленія ебіонейское и гностическое, изъ которыхъ каждое грозило искаженіемъ истинному христіанству. Но въ церкви Христовой не было недостатка и въ такихъ людяхъ, которые смѣлому напору лжеученій противопоставили авторитетъ церкви и слова Божія. Между этими столпами церковнаго православія особенно выдается человѣкъ, жившій во времена Антониновъ и пріобрѣтшій себѣ славное имя въ исторіи христіанскаго богословія. Мы разумѣемъ Иринея и его сочиненіе противъ ересей. Впрочемъ, говоря о св. Иринеѣ, мы должны уважать въ немъ не столько его литературную и въ частности полемическую дѣятельность, сколько его благородный простой характеръ, его—при всей твердости образа мыслей—миролюбивое настроеніе. Ириней уже потому одному имѣетъ важное значеніе въ исторіи христіанской церкви, что одинаково принадлежитъ и восточной и западной церкви, и Малой Азіи, и Галліи. Даже его сочиненія сохранились

---

[1]) Іером. Евгенія. Св. Ириней. *Приб. къ тв. св. о.* 1843 —Св. Преображенскаго. Творенія св. Иринея въ русскомъ переводѣ въ приложеніи къ *Прав О.* 1868—71.—Д. В Гусева. Догматическая система Иринея въ связи съ ученіемъ гностиковъ II и III в. *Пр. Соб.* 1874 К. И. Скворцева. Философское ученіе Иринея Ліонскаго. *Труды К. Дух. Ак.* 1867. Св. Ириней. *В. Чт.* XIII. Замѣтка о сочиненіяхъ св. Иринея Ліонскаго. *Хр. Чт.* 1871. См также въ *Исторіи ученія объ отцахъ церкви.* пр. Филарета I §§ 48—50 и въ книгѣ прот. Иванцева *о ересяхъ первыхъ трехъ вѣковъ.*

для насъ частію въ греческомъ подлинникѣ, но больше въ древнемъ, почти современномъ подлиннику, латинскомъ переводѣ.

Ириней родился около 140 года; родина его неизвѣстна, но его имя *Εἰρηναῖος* свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о его греческомъ происхожденіи. Въ Смирнѣ Ириней былъ ученикомъ св. епископа Поликарпа и на юношескую душу Иринея ученіе святаго старца произвело самое цѣльное впечатлѣніе. *Μᾶλλον τὰ τότε διαμνημονεύω τῶν ἔναγχος γινομένων*,—писалъ впослѣдствіи Ириней,—*ὥστε με δύνασθαι εἰπεῖν καὶ τὸν τόπον, ἐν ᾧ καθεζόμενος διελέγετο ὁ μακάριος Πολύκαρπος, καὶ τὰς προόδους αὐτοῦ καὶ τὰς εἰσόδους καὶ τὸν χαρακτῆρα τοῦ βίου καὶ τὴν τοῦ σώματος ἰδέαν καὶ τὰς διαλέξεις, ἃς ἐποιεῖτο πρὸς τὸ πλῆθος, καὶ τὴν μετὰ Ἰωάννου συναναστροφὴν ὡς ἀπήγγελλε καὶ τὴν μετὰ τῶν λοιπῶν τῶν ἑωρακότων τὸν Κύριον, καὶ ὡς ἀπεμνημόνευε τοὺς λόγους αὐτῶν καὶ περὶ τοῦ Κυρίου τίνα ἦν ἃ παρ' ἐκείνων ἀκήκοει, καὶ περὶ τῶν δυνάμεων αὐτοῦ καὶ περὶ τῆς διδασκαλίας, ὡς παρὰ τῶν αὐτοπτῶν τῆς ζωῆς τοῦ λόγου παρειληφὼς ὁ Πολύκαρπος ἀπήγγειλε πάντα σύμφωνα ταῖς γραφαῖς. Ταῦτα καὶ τότε διὰ τὸ ἔλεος τοῦ Θεοῦ τὸ ἐπ' ἐμοὶ γελονὸς σπουδαίως ἤκουον ὑπομνηματιζόμενος αὐτὰ οὐκ ἐν χάρτῃ, ἀλλ' ἐν τῇ ἐμῇ καρδίᾳ, καὶ ἀεὶ διὰ τὴν χάριν τοῦ Θεοῦ γνησίως αὐτὰ ἀναμαρυκῶμαι.* Поликарпъ ли послалъ своего ученика въ Галлію или самъ Ириней отправился туда, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что въ половинѣ втораго вѣка Ириней былъ пресвитеромъ, а потомъ и епископомъ ліонскимъ, преемникомъ св. Поѳина, пострадавшаго во время гоненія при Маркѣ Аврелiѣ. Въ санѣ епископа Ириней съ величайшимъ благоразуміемъ руководилъ не только ліонскую, но и другія общины Галліи, и даже оказывалъ вліяніе на дѣла всего христіанскаго міра.

Обширное сочиненіе Иринея contra haereses libri quinque или по греческому заглавію: *Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως*, показываетъ въ авторѣ человѣка, проникнутаго дѣятельнымъ благочестіемъ, основывающагося на словѣ Божіемъ и церковномъ преданіи. *Путемъ искренней любви къ Богу и благочестивой жизни – мы достигаемъ познанія о Богѣ гораздо лучше, чѣмъ путемъ какого бы то ни было философствованія; потому что,* –заключаетъ Ириней словами ап.

Павла,—*ἡ γνῶσις φυσιοῖ, ἡ δὲ ἀγάπη οἰκοδομεῖ.* (I Кор. VIII. 1). Всѣ чисто созерцательные вопросы — о вѣчномъ рожденіи Сына Божія отъ Отца, о времени до міротворенія и т. д. остаются всѣ круга размышленій преданнаго вѣрѣ св. отца. Si quis nobis dixerit: quomodo ergo Filius prolatus a Patre est? dicimus ei, quia prolationem istam, sive generationem, sive nuncupationem, sive adapertionem, aut quolibet quis nomine vocaverit generationem ejus inenarrabilem existentem nemo novit, non Valentinus—neque angeli,—nisi solus, qui generavit, Pater et qui natus est Filius. Inenarrabilis itaque generatio ejus cum sit, quicunque nituntur generationes et prolationes enarrare, non sunt compotes sui, ea, quae inenarrabilia sunt, enarrare promittentes. Но тѣмъ тверже держится онъ основнаго христіанскаго ученія объ откровеніи Бога во Христѣ, и всѣхъ догматовъ, составляющихъ совокупность церковнаго вѣроученія. *Ἡ μὲν ἐκκλησία, καίπερ καθ' ὅλης τῆς οἰκουμένης ἕως περάτων τῆς γῆς διεσπαρμένη, παρὰ δὲ τῶν Ἀποστόλων καὶ τῶν ἐκείνων μαθητῶν παρέλαβε τὴν εἰς ἕνα Θεόν, Πατέρα παντοκράτορα, τὸν πεποιηκότα τὸν οὐρανὸν, καὶ τὴν γῆν καὶ τὰς θάλασσας, καὶ πάντα, τὰ ἐν αὐτοῖς, πίστιν,—εἰς ἕνα Χριστὸν Ἰησοῦν, τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ, τὸν σαρκωθέντα ὑπὲρ τῆς ἡμετέρας σωτηρίας. καὶ εἰς Πνεῦμα ἅγιον, τὸ διὰ τῶν Προφητῶν κεκηρυχὸς τὰς οἰκονομίας, καὶ τὰς ἐλεύσεις, καὶ τὴν ἐκ Παρθένου γέννησιν καὶ τὸ πάθος καὶ τὴν ἔγερσιν ἐκ νεκρῶν, καὶ τὴν ἔνσαρκον εἰς τοὺς οὐρανοὺς ἀνάληψιν τοῦ ἠγαπημένου Χριστοῦ Ἰησοῦ τοῦ Κυρίου ἡμῶν, καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἐν τῇ δόξῃ τοῦ Πατρὸς παρουσίαν αὐτοῦ, ἐπὶ τὸ ἀνακεφαλαιώσασθαι τὰ πάντα, καὶ ἀναστῆσαι πᾶσαν σάρκα πάσης ἀνθρωπότητος, ἵνα Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, καὶ Θεῷ, καὶ σωτῆρι, καὶ βασιλεῖ, κατὰ τὴν εὐδοκίαν τοῦ Πατρὸς τοῦ ἀοράτου, πᾶν γόνυ κάμψῃ ἐπουρανίων, καὶ ἐπιγείων, καὶ καταχθονίων, καὶ πᾶσα γλῶσσα ἐξομολογήσεται αὐτῷ, καὶ κρίσιν δικαίαν ἐν τοῖς πᾶσι ποιήσηται, τὰ μὲν πνευματικὰ τῆς πονηρίας, καὶ ἀγγέλους παραβεβηκότας, καὶ ἐν ἀποστασίᾳ γεγονότας, καὶ τοὺς ἀσεβεῖς, καὶ ἀνόμους, καὶ βλασφήμους τῶν ἀνθρώπων εἰς τὸ αἰώνιον πῦρ πέμψῃ. τοῖς δὲ δικαίοις, καὶ ὁσίοις, καὶ τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ τετηρηκόσι, καὶ ἐν τῇ ἀγάπῃ αὐτοῦ διαμεμενηκόσι, τοῖς μὲν ἀπ' ἀρχῆς, τοῖς δὲ ἐκ μετανοίας, ζωὴν-*

χαρι ἁμενος. ἀφ αρσίαν δωρήσηται, καὶ δόξαν αἰωνίαν περιποιήσῃ

Съ особенною силою говоритъ Ириней объ авторитетѣ вселенской церкви, хранительницы церковнаго преданія, неизмѣнно содержащаго въ себѣ правое вѣроученіе. *Τοῦτο τὸ κήρυγμα παρειληφυῖα, καὶ ταύτην τὴν πίστιν ἡ Ἐκκλησία, καίπερ ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ διεσπαρμένη, ἐπιμελῶς φυλάσσει, ὡς ἕνα οἶκον οἰκοῦσα. καὶ ὁμοίως, ὡς μίαν ψυχὴν καὶ τὴν αὐτὴν ἔχουσα καρδίαν, καὶ συμφώνως ταῦτα κηρύσσει καὶ διδάσκει καὶ παραδίδωσιν, ὡς ἓν στόμα κεκτημένη.—Καὶ γὰρ αἱ κατὰ τὸν κόσμον διάλεκτοι ἀνόμοιαι, ἀλλ' ἡ δύναμις τῆς παραδόσεως μία καὶ ἡ αὐτή. Καὶ οὔτε αἱ ἐν Γερμανίαις ἱδρυμέναι ἐκκλησίαι ἄλλως πεπιστεύκασιν, ἢ ἄλλως παραδιδόασιν, οὔτε ἐν ταῖς Ἰβηρίαις, οὔτε ἐν Κελτοῖς, οὔτε κατὰ τὰς ἀνατολάς, οὔτε ἐν Αἰγύπτῳ, οὔτε ἐν Λιβύῃ, οὔτε αἱ κατὰ μέσα τοῦ κόσμου ἱδρυμέναι. ἀλλ' ὥσπερ ὁ ἥλιος τὸ κτίσμα τοῦ θεοῦ ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ εἷς καὶ ὁ αὐτός ἐστιν οὕτω καὶ τὸ κήρυγμα τῆς ἀληθείας πανταχῆ φαίνει, καὶ φωτίζει πάντας ἀνθρώπους τοὺς βουλομένους εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν.* Понятно послѣ этого, какой долженъ быть взглядъ св. Иринея на людей, которые на мѣсто преданія вселенской церкви хотѣли поставить свои собственныя умозрѣнія и соображенія Haeretici, semper quaerentes et nunquam verum invenientes,—... haeretici, alienum ignem afferentes ad altare Dei i. e. alienas doctrinas, a coelesti igni comburentur, quemadmodum Nadab et Abiud. Иринеи оставилъ память о своей практической мудрости принявъ участіе въ двухъ спорахъ, волновавшихъ современную церковь именно: а) по вопросу о времени празднованія Пасхи; и б) по поводу ученія монтанистовъ.

Споръ о времени празднованія Пасхи[1]).

Іудео-христіане, пропитанные уваженіемъ къ богоучрежденнымъ ветхозавѣтнымъ праздникамъ, желали сохранить іудейскій годовой

---

[1]) О времени празднованія пасхи въ древней христіанской церкви. *В. Ут* XVIII. Mem. *Рукоп. для с. чит.* 1872.

праздникъ пасхи и превратить его въ праздникъ христіанскій, посвятивъ его особенному воспоминанію о воскресеніи Господа,—тѣмъ болѣе, что Христосъ пострадалъ именно во время іудейской пасхи и есть истинный пасхальный агнецъ, по слову ап. Павла: *Τὸ πάσχα ἡμῶν ἐτύθη ὑπὲρ ἡμῶν Χριστός* (I Кор V, 7). По древнему іудейскому обычаю праздникъ пасхи всегда пріурочивался по іудейскому календарю, къ 14 числу нисана т. е. ко времени весенняго полнолунія. Въ этотъ день стали праздновать пасху и малоазійскіе христіане. Но христіане западные были болѣе независимы отъ іудейства. На первое время они кажется вовсе не имѣли годового праздника и ограничивались только тѣмъ, что еженедѣльно день воскресный посвящали воспоминанію о воскресеніи Господа, а среду и пятницу—воспоминанію о козняхъ враговъ Христовыхъ и о Его страданіяхъ и смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно образовался обычай поститься въ среду и пятницу и проводить съ торжественнымъ веселіемъ радостный день воскресенія Господня. Въ послѣдствіи и на западѣ возникъ годовой праздникъ: одно изъ воскресеній стали праздновать съ особеннымъ торжествомъ, какъ истинный день воскресенія Господа. Такимъ образомъ на западѣ сложился обычай праздновать пасху не иначе, какъ въ воскресенье. Вслѣдствіе этого явилось значительное различіе между восточными и западными христіанами во времени празднованія пасхи. Христіане Малой Азіи пріурочивали воспоминаніе о страданіяхъ, смерти и воскресеніи Господа, всегда къ одному опредѣленному числу мѣсяца, которое очевидно падало то на тотъ, то на другой день недѣли (какъ у насъ напр. праздникъ Рождества Христова); западные христіане на оборотъ пріурочивали священныя воспоминанія ко днямъ недѣля, не обращая вниманія на іудейскій календарь, можетъ быть нарочно для того, чтобы не праздновать пасху въ одно время съ іудеями.

Еще при жизни св. Поликарпа была попытка уничтожить это различіе. Будучи въ 160 году въ Римѣ Поликарпъ бесѣдовалъ объ этомъ съ римскимъ епископомъ Аникитою. Поликарпъ желалъ, чтобы церковь Господня праздновала день воскресенія Господа во всѣхъ мѣстахъ въ одно время и въ доказательство правильности малоазійскаго обычая ссылался на древнее преданіе св. Іоанна, который установилъ праздновать пасху вмѣстѣ съ іудеями. Но римскій епископъ ссылался на преданіе своей церкви, идущее также отъ временъ апостольскихъ. Такимъ образомъ въ концѣ концевъ каждый епископъ остался при сво-

емъ мнѣніи. Но смотря на это разногласіе Аникита предложилъ Поликарпу совершить вмѣсто него литургію въ римской церкви и они разстались другъ съ другомъ, какъ друзья и братья о Христѣ.

Спустя десять лѣтъ среди малоазійскихъ общинъ поднялся болѣе оживленный споръ о томъ же предметѣ. Тамъ образовалось двѣ партіи; — представителемъ одной былъ сардійскій епископъ Мелитонъ, представителемъ другой іерапольскій епископъ Аполлинарій Это разногласіе, развиваясь все болѣе и болѣе, лѣтъ черезъ двадцать около 190 года, когда римскую каѳедру занялъ епископъ Викторъ, грозило церкви сильнымъ расколомъ Викторъ по всему своему образу мыслей и дѣйствій отличался папскимъ духомъ честолюбія и горделивости. Выходя изъ мысли, что римская каѳедра имѣетъ въ христіанскомъ мірѣ власть законодательную, Викторъ предписалъ, чтобы римскій обычай празднованія пасхи былъ принятъ повсемѣстно, и тѣмъ, которые не захотятъ подчиниться его распоряженію, грозилъ отлученіемъ отъ церкви. Иринеи тогда выступилъ примирителемъ и,—по выраженію Евсевія,—самымъ дѣломъ показалъ, что не напрасно носитъ имя миротворца. Онъ написалъ письмо къ Виктору, въ которомъ напоминалъ ему о поведеніи его предшественника Аникиты и совѣтывалъ ему слѣдовать такому же образу дѣйствій. *Ἔιαξαν οἱ Ἀπόστολοι μὴ δεῖν ἡμᾶς κρίνειν τινὰ ἐν βρώσει καὶ πόσει (καὶ ἐν μέρει) ἑορτῆς ἢ νεομηνίας ἢ σαββάτων Πόθεν οὖν ταῦται αἱ μάχαι; πόθεν α σχίσματα; ἑορτάζομεν, ἀλλ' ἐν ζύμῃ κακίας καὶ πονηρίας τὴν ἐκκλησίαν τοῦ Θεοῦ διαῤῥίπτοντες, καὶ τὰ ἐκιὸς ειροῦμεν, ἵνα τὰ κρείττονα τὴν πίστιν καὶ ἀγάπην ἀποβάλλωμεν. Ταύτας οὖν ἑορτὰς καὶ νηστείας ἀπαρέσκειν τῷ Κυρίῳ ἐκ τῶν προφητικῶν λόγων ἠκούσαμεν.* Несмотря на это увѣщаніе, споры не прекращались; римскій епископъ настаивалъ на повсемѣстномъ введеніи римскаго обычая и въ концѣ концевъ достигъ этого. На никейскомъ вселенскомъ соборѣ было наконецъ постановлено: христіанскій праздникъ пасхи праздновать всегда въ воскресенье и именно въ воскресенье послѣ весенняго полнолунія,—и это соблюдается церковію и до настоящаго времени. Отъ этого пасха приходится то позднѣе, то ранѣе, такъ какъ весеннее полнолуніе и слѣдующее за нимъ воскресеніе бываютъ то ранѣе, то позднѣе.

Споръ о праздновании пасхи имѣлъ тѣсную связь съ вопросомъ

о соблюденіи постовъ. И въ этомъ отношеніи въ церкви распространился обычай Рима, гдѣ праздникъ пасхи предварялся сорокодневнымъ постомъ, такъ называемою четыредесятницею, въ воспоминаніе сорокадневнаго пощенія Господа въ пустыни. На усиленіе строгости поста имѣла особенное вліяніе та секта, которая во II-мъ столѣтіи вообще пользовалась большимъ значеніемъ,—именно секта монтанистовъ. Иринеи принималъ примирительное участіе и по отношенію къ этой сектѣ, и даже прежде, чѣмъ пришлось ему быть посредникомъ въ спорѣ о пасхѣ.

Монтанисты[1]).

Предъ своими страданіями Господь сказалъ своимъ ученикамъ: *ὅταν ἔλθῃ ὁ Παράκλητος, ὃν ἐγὼ πέμψω ὑμῖν παρὰ τοῦ πατρός, τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὃ παρὰ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεται ἐκεῖνος μαρτυρήσει περὶ ἐμοῦ.... Ἔτι πολλὰ ἔχω λέγειν ὑμῖν, ἀλλ' οὐ δύνασθε βαστάζειν ἄρτι. ὅταν δὲ ἔλθῃ ἐκεῖνος, τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁδηγήσει ὑμᾶς εἰς πᾶσαν τὴν ἀλήθειαν* (Io. XV, 26. XVI, 12—13). Во время изліянія св. Духа на апостоловъ въ день пятидесятницы по общему вѣрованію церкви исполнилось это слово Спасителя. Духъ Божій былъ утѣшителемъ и наставникомъ первенствующихъ христіанъ. Но во II-мъ вѣкѣ нѣкто Монтанъ, родомъ изъ города Ардабау, лежащаго на границахъ Мизіи съ Фригіею, прежде бывшій, кажется, жрецомъ Цибеллы, возмечталъ о себѣ, что онъ именно и есть обѣщанный Параклетъ и что со времени его появленія начинается новая эпоха въ исторіи откровенія Божія. Онъ называлъ себя вдохновеннымъ, избраннымъ сосудомъ Господнимъ, обновителемъ церкви Божіей. Онъ водилъ съ собою вдохновенныхъ женщинъ Прискиллу и Максимиллу,—пророцанія которыхъ самъ глубоко уважалъ. Бывши нѣкогда жрецомъ Цибеллы, Монтанъ привнесъ въ христіанство убѣжденіе въ обязательности крайняго аскетизма, граничащаго съ изувѣр-

---

[1]) О мнимо духовномъ христіанствѣ въ древнія времена *Пр. Собес.* 1856. Замѣтка о монтанизмѣ. *Пр. О.* 1867. Я. И. Алфіонова. Хилазмъ первыхъ трехъ вѣковъ. *Пр. Собес.* 1875—76.

ствомъ. Самъ Монтанъ велъ строгій, аскетическій образъ жизни и другихъ также убѣждалъ къ строгой воздержности и постничеству.

Страна, гдѣ Монтанъ явился, была особенно удобна для распространенія его ученія. Издавна во Фригіи фантастическія ученія находили самый легкій доступъ. Во время гоненій на христіанство, достигавшихъ и до Фригіи, у многихъ сильна была надежда на близкое наступленіе тысячелѣтняго царства Христова, падежда, раздѣляемая и монтанистами. Монтанизмъ, впрочемъ, не ограпичился своимъ первоначальнымъ отечествомъ. Онъ находилъ для себя удобную почву повсюду въ это горячее время. Толпа любитъ необычайное, бьющее въ глаза. Чрезвычайное обнаруженіе великой духовной силы и изумительные подвиги самоумерщвленія гораздо больше вліяютъ на грубые умы, чѣмъ просто благочестивая жизнь и мысль. Во всѣ времена подвижники аскетизма (христіане и буддисты, фанатики и истинные аскеты), оказывали сильное вліяніе на громадный кругъ общества, не исключая даже людей враждебныхъ аскетизму. Неудивительно, что Монтанъ и его пророчицы нашли себѣ легкій доступъ даже къ людямъ, строго державшимся церковнаго вѣроученія.

Вообще монтанизмъ не есть исключительное явленіе въ исторіи. Его характеристическая особенность—способность къ пророческимъ импровизаціямъ—обнаруживалась и въ послѣдующіе вѣка, какъ скоро нарушался какимъ либо необыкновеннымъ движеніемъ спокойный ходъ церковной жизни. Недовѣріе къ наукѣ и ко всему тому, что достигается долгимъ трудомъ, презрѣніе къ языческой литературѣ и ко всему, что стоитъ съ нею въ связи, враждебное отношеніе къ искусству и свѣтскому образованію, слѣпое стремленіе стать выше всѣхъ установившихся жизненныхъ отношеній, отдѣлиться отъ общественныхъ формъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ строгое, выдѣляющееся, кидающееся въ глаза поведеніе, не чуждое нѣкотораго своеобразнаго тщеславія; односторонпее стремленіе къ покаянію и самоотрѣченію въ связи съ вѣрою въ близость страшнаго суда и скораго конца міру — вотъ тѣ монтанистическія явленія, съ какими мы встрѣчаемся очень часто въ исторіи мистическихъ сектъ.

Монтанисты считали себя избранными, свою церковь съ ея строгою дисциплиною называли духовною церковію и, если вѣрить словамъ ихъ противниковъ, считали свое средоточіе, фригійское мѣстечко Пе-

пузу, священнымъ мѣстомъ, гдѣ будетъ основанъ новый Іерусалимъ, когда придетъ Господь устроять тысячелѣтнее царство. Что касается догматическаго ученія, то монтанистовъ нельзя было назвать еретиками; напротивъ они выдавали себя крайними ревнителями православія и не менѣе православныхъ боролись противъ ложнаго гносиса. Они отступали отъ вселенскаго ученія церкви только въ двухъ пунктахъ:—а) не признавали откровенія божества міру въ лицѣ Іисуса Христа—послѣднимъ и окончательнымъ, б) ожидая новаго откровенія относили обѣщаніе о Параклетѣ не къ Духу Святому, живущему и дѣйствующему въ церкви, но къ основателю своей общины, или по крайней мѣрѣ признавали, что Параклетъ дѣйствуетъ только въ ихъ общинѣ.

Какъ могла бороться церковь съ этимъ заблужденіемъ? Когда она указывала монтанистамъ на то, что большинство христіанъ думаетъ иначе, они возражали, что составляютъ избранное меньшинство. Церковь, поэтому, допустила крайнюю мѣру. По поводу монтанистическаго заблужденія въ восточной церкви было нѣсколько соборовъ,—и на этихъ соборахъ монтанисты исключены изъ церковнаго общенія. Быть можетъ желательнѣе было бы сохранить въ нѣдрахъ церкви такихъ восторженныхъ энтузіастовъ, жизнь которыхъ могла дѣйствовать возбудительно и назидательно. Вѣроятно подъ вліяніемъ такихъ соображеній Ириней взялъ на себя посредничество въ дѣлѣ монтанистовъ и отправился съ съ письмомъ отъ ліонской общины къ римскому епископу Елевѳерію, предшественнику Виктора. Намъ неизвѣстно въ точности содержаніе письма и словесныя объясненія Иринея. Но такъ какъ Елевѳерій рѣшился вступить въ мирныя отношенія къ монтанистамъ, то мы имѣемъ право предполагать, что ліонцы и представитель ихъ Ириней признавали необходимымъ относится къ монтанистамъ снисходительно и осторожно.

Вскорѣ послѣ этого пришелъ въ Римъ изъ Малой Азіи жесточайшій противникъ монтанизма Праксей и побудилъ римскаго епископа взять назадъ свое прежнее снисходительное опредѣленіе и принять суровыя мѣры противъ монтанизма. Лишенные церковнаго общенія, монтанисты съ тѣхъ поръ распространялись, какъ сектанты, и раздѣлились на мелкія партіи, которыя извѣстны въ церковной исторіи подъ различными, часто весьма странными, именами. Къ монтанистамъ принадлежалъ, между прочимъ, человѣкъ, составившій себѣ въ церкви весьма авторитетное имя и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ бывшій

могучимъ поборникомъ церковной ортодоксіи. Мы разумѣемъ Тертулліана карѳагенскаго.

Патрипассіане и монархіане [1]).

Современно съ монтанистами явились въ церкви люди противоположнаго направленія, пытавшіеся все сверхъестественное и таинственное въ христіанскомъ ученіи приблизить къ пониманію обыкновеннаго разума и даже средоточіе христіанской догматики—ученіе о божественности Основателя христіанской вѣры—признать неправильнымъ. Мы упоминали объ евіонеяхъ, которые признавали Іисуса Христа простымъ человѣкомъ, сыномъ Іосифа и Маріи. Съ подобнымъ же ученіемъ встрѣчаемся мы и въ настоящій періодъ. Такое ученіе распространили монархіане или унитаріи, т. е. защитники единства Божія, возставшіе противъ догмата о Троичности. По отношенію къ ученію о лицѣ Іисуса Христа монархіане раздѣлялись на два противоположныя направленія.

Евангелистъ Іоаннъ начинаетъ свое евангеліе слѣдующими словами: *Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεὸν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεὸν. πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν ὃ γέγονέν. ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν, καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς ἀνθρώπων.* *Λόγος* значитъ не только *слово*, но также *разумъ*, *мудрость*. Объ этомъ Логосѣ Іоаннъ училъ далѣе, что *ὁ Λόγος σαρξ ἐγένετο* называя Іисуса Христа вочеловѣчившимся Словомъ. Говоря: *Λόγος ἦν πρὸς Θεὸν* и далѣе *Θεὸς ἦν ὁ Λόγος*, евангелистъ въ первомъ случаѣ отличаетъ Слово отъ Бога, а во второмъ отождествляетъ. На основаніи ученія евангелиста въ церкви долженъ былъ возникнуть вопросъ: то Слово, о которомъ говоритъ Іоаннъ, *Λόγος* или, — какъ обыкновенно говорятъ, — Сынъ, есть ли отдѣльная личность, различная отъ Бога Отца? или только покоющаяся въ Богѣ сила и свойство, простая форма

---

[1]) О патрипассіанахъ и монархіанахъ можно читать въ сочиненіи *Д. В. Гусьева*: Ересь антитринитаріевъ III-го вѣка. Казань 1872, и въ соч. *В. Снегирева*: Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Казань. 1870.

обнаруженія божественнаго существа? Правовѣрующіе христіане признавали Слово вторымъ лицемъ Троичнаго Божества и для уясненія отношеній Бога Отца къ Сыну, прибѣгали къ подобіямъ, которыя конечно только приблизительно могли уяснить этотъ предметъ. Они говорили: какъ человѣческое слово принадлежитъ къ существу человѣка и затѣмъ исходитъ изъ человѣка, при чемъ человѣкъ не терпитъ никакого измѣненія въ своей сущности, такъ и Слово, исходящее изъ Отца, есть одно съ Нимъ и вмѣстѣ нѣчто различное. Сынъ или Слово происходитъ отъ Отца,—говорили они далѣе,—подобно тому, какъ происходитъ солнечный лучъ отъ солнца, рѣка изъ источника, дерево отъ корня. Однимъ словомъ, православные признавали *Λόγος* прежде еще Его вочеловѣченія, какъ особенную божественную субстанцію, отличную отъ субстанціи Отца, имѣвшую свое собственное бытіе. Таково догматическое ученіе церкви.

Но на ряду съ этимъ ученіемъ церкви, явилось другое, представители котораго говорили, что самъ Богъ въ Христѣ сталъ человѣкомъ, что дѣло искупленія выполнено было всѣмъ Божествомъ, а не отдѣльною Его личностію. Имъ казалось приличнымъ говорить просто безъ всякихъ дополненій:—*Богъ родился*, *Богъ жилъ на землѣ*, *Богъ былъ распятъ*, *Богъ страдалъ*, *Богъ умеръ*. Говорившіе такъ старались только утвердить мысль объ откровеніи Бога во Христѣ и вовсе не желали хотя сколько нибудь умалить божественное достоинство Господа. Всего менѣе можно упрекнуть ихъ въ недостаткѣ благочестія и благоговѣнія къ личности Господа. Но составленное ими воззрѣніе было грубо и могло вести къ недоразумѣніямъ. Поэтому ихъ мнѣніе было опровергнуто, и такъ какъ они, не дѣлая различія между Отцомъ и Сыномъ, признавали, что и Отецъ страдалъ, то ихъ называли *патрипассіанами*. Представителемъ этого патрипассіанскаго направленія былъ тотъ Праксей изъ Малой Азіи, который въ Римѣ боролся съ монтанистами. Онъ, кажется, могъ болѣе всякаго другаго доказать свое правовѣріе, такъ какъ онъ былъ исповѣдникъ, потерпѣвшій пытки въ правленіе Марка Аврелія. Тѣмъ не менѣе противъ него вооружился преданный монтанизму Тертулліанъ, называя его даже еретикомъ и обвиняя въ двухъ преступленіяхъ: Duo negotia diaboli Praxeas Romae procuravit: prophetiam expulit et haeresin intulit, Paracletum fugavit et Patrem crucifixit. Впослѣдствіи мнѣнія Праксея въ нѣсколько измѣненной формѣ распространяли въ церкви: Ноетъ смирнскій, Бериллъ бострійскій и другіе, особенно Савеллій, жившій въ III-мъ вѣкѣ.

Но совершенно иное ученіе составили тѣ защитники единства Божія, которые не желали почитать за Бога никого, кромѣ Бога вѣчнаго, невидимаго Отца и Творца міра. Они признавали единаго Бога существомъ, стоящимъ выше міра и думали, что оно не могло вступить въ какую либо связь съ человѣчествомъ Іисуса Христа. Они учили, что Богъ Отецъ одинъ только есть Богъ, и Христосъ есть простой человѣкъ. Основателемъ этого, унижающаго достоинство Іисуса Христа, ученія былъ кожевникъ Ѳеодотъ, пришедшій въ Римъ изъ Византіи. Въ это время, какъ видно, богословскими вопросами занимались не только духовные и богословы, но ремесленники и міряне, иногда удачно, но чаще попадая на ложную дорогу. Этотъ кожевникъ за свое лжеученіе былъ лишенъ римскимъ епископомъ Викторомъ церковнаго общенія, но кажется успѣлъ склонить въ пользу своего мнѣнія даже такихъ христіанъ, которые страдали за Христа, напр. Наталиса, котораго въ Римѣ почитали какъ исповѣдника. Нѣкоторое время Наталисъ занималъ въ сектѣ Ѳеодота мѣсто епископа, но потомъ обратился къ церковному ученію. По словамъ церковнаго преданія главнымъ побужденіемъ къ обращенію послужило то, что ангелъ Господень во снѣ явился Наталису и наказалъ его ударами бича; въ такомъ сказаніи конечно можно видѣть долю легендарной примѣси. Въ началѣ III-го вѣка явился новый лжеучитель того же направленія, Артемонъ, смѣло обличавшій всѣхъ, кто называлъ Христа Богомъ. Во времена римскаго епископа Зефирина онъ также лишенъ былъ церковнаго общенія.

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ II-го вѣка въ церкви обнаружилось много разногласій. Въ церковь стали проникать заблужденія, споры, крайности, стремленія къ состязанію. Въ одномъ мѣстѣ угрожало невѣріе, въ другомъ—суевѣрія и изувѣрство; здѣсь начала проникать въ церковь преданность внѣшнему культу, тамъ—субъективныя увлеченія. Далеко не всѣ оказались въ состояніи хранить свѣтъ здраваго ученія, спокойно углубляясь въ истины вѣры, всѣми силами защищая ихъ и показывая примѣръ доброй жизни.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Внѣшнія судьбы христіанства въ III вѣкѣ.

Гоненія на христіанъ при Септиміѣ Северѣ. Мученіе Перпетуи и Фелицитаты[1]).

Септимій Северъ, правленіемъ котораго начинается третье столѣтіе церковной исторіи, по описанію римскихъ историковъ, былъ человѣкъ, отличавшійся грубымъ, но твердымъ, солдатскимъ характеромъ; человѣкъ, о которомъ говорили въ сенатѣ, что онъ или не долженъ былъ родиться, или, — если уже родился, не долженъ былъ умирать, потому что насколько онъ былъ жестокъ, на столько же и полезенъ для государства. Въ его правленіе усилилась императорская власть и закрѣплены были владѣнія имперіи на востокѣ и въ Британіи. Въ первыя десять лѣтъ его правленія, т. е. отъ 192—203 года христіане наслаждались покоемъ. Онъ принялъ даже въ свой дворъ нѣкоего христіанина Прокула, исцѣлившаго его отъ болѣзни, и назначилъ мамкою къ своему сыну Каракаллѣ христіанку. Но въ 203 году Септимій Северъ издалъ указъ, въ силу котораго никто подъ опасеніемъ строгаго наказанія не долженъ былъ переходить ни въ іудейство, ни въ христіанство. Iudaeos fieri sub gravi poena vetuit. Idem etiam de christianis sanxit. *Ael. Spartianus vita Severi* c. 17. Что побудило императора къ изданію такого указа трудно рѣшить.

---

[1]) Мученическая смерть Фивіи, Перпетуи и Фелицитаты. *Воскр. Чт.* II. Св. мученица Перпетуя. *Дух. Бес.* 1860.

Можетъ быть поводъ къ тому дали монтанисты своимъ ученіемъ о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ. Хотя указъ императора, запрещавшій принимать христіанство, не заключалъ въ себѣ яснаго приказанія преслѣдовать тѣхъ, которые уже были христіанами, но все еще не успокоившаяся народная ненависть, требовавшая постоянно новыхъ жертвъ, охотно дала императорскому эдикту самое широкое толкованіе. Преслѣдованіе христіанъ при С. Северѣ отличалось гораздо большею жестокостію, чѣмъ прежнія гоненія, такъ что нѣкоторые христіане видѣли въ этомъ гоненіи знаменіе владычества антихриста. Всего болѣе пострадали вѣрующіе въ Африкѣ, и притомъ въ проконсульской Африкѣ т. е. въ Карѳагенѣ и Нумидіи, болѣе, чѣмъ въ Египтѣ. Въ Александріи въ это преслѣдованіе былъ замученъ Леонидъ, отецъ знаменитаго Оригена. На ряду съ многочисленными мучениками явились и мученицы, между которымъ особенно замѣчательны: Потамина, Перпетуя и Фелицитата. Потамина, отличавшаяся добродѣтелью и красотою, послѣ пытокъ раскаленнымъ желѣзомъ и многоразличныхъ мученій, была приговорена къ сожженію. Ее медленно опустили въ кипящую смолу. Мужество христіанской дѣвы произвело неизгладимое впечатлѣніе на воина Василида, который провожалъ Потамину къ мѣсту казни и защищалъ ее отъ оскорбленій черни. Черезъ три дня послѣ казни, мученица въ прославленномъ видѣ явилась Василиду во снѣ и, возложивъ на него вѣнецъ, сказала: *я молилась за тебя Господу и вымолила тебѣ спасеніе.* Василидъ послѣ этого видѣнія принялъ христіанство и вскорѣ исповѣдывалъ себя христіаниномъ. По поводу какого-то спора его заставляли поклясться богами, но онъ отказался, говоря, что онъ христіанинъ. Сначала думали, что онъ шутитъ, но, когда онъ продолжалъ говорить одно и тоже, его привели къ судьямъ, посадили въ темницу и на другой день обезглавили. Подобнымъ образомъ, по словамъ преданія, Потамина являлась во снѣ и другихъ язычникамъ и приводила ихъ къ христіанству. Могло случиться, что нѣкоторые изъ язычниковъ, видѣвшихъ страшную казнь и то спокойствіе, съ какимъ христіане и даже юныя дѣвы встрѣчали смерть, до такой степени были взволнованы этимъ зрѣлищемъ, что видѣли во снѣ мучениковъ; и такимъ путемъ божественное провидѣніе приводило жаждущихъ истины къ христіанству.

Гораздо сильнѣе было гоненіе въ проконсульской Африкѣ. Уже въ 200-мъ году, прежде, чѣмъ изданъ былъ эдиктъ императора, въ

городѣ Сцилиттѣ въ Нумидіи было казнено нѣсколько христіанъ за то, что они не желали поклясться богами. Нѣсколько лѣтъ спустя пострадали въ Карѳагенѣ юноши: Ревокатъ, Сатурнинъ, Секундулъ и юныя женщины Перпетуя и Фелицитата, бывшія въ числѣ оглашенныхъ и слѣдовательно еще не крещенныя. У Перпетуи, имѣвшей около 22 лѣтъ отъ роду, мать была христіанка, а отецъ язычникъ. Недавно родившееся у пея дитя, которое она кормила грудью, было для нея источникомъ радостей и вмѣстѣ печали. Отецъ посѣщалъ ее въ темницѣ и всѣми мѣрами уговаривалъ отречься отъ христіанства. Между отцемъ и дочерью произошелъ слѣдующій разговоръ, записанный—равно какъ и вся исторія мученичества — со словъ Перпетуи и отъ ея имени. *Pater*, inquio, *vides verbi gratia, vas hoc jacens, urceolum sive aliud?* Et dixit: video. Et ego dixi ei: *numquid alio nomine vocari potest, quam quod est?* Et ait: non. *Sic et ego aliud me dicere non possum, quam quod sum christiana.* Между тѣмъ духовныя лица съумѣли найти доступъ къ заключеннымъ и крестили ихъ. In ipso spatio paucorum dierum baptizati sumus..... Post paucos dies recipimur in carcerem, et expavi, quia nunquam experta eram tales tenebras. O diem asperum! aestus validas turbarum beneficio, concussurae militum, novissime acerabar sollicitudine infantis. Христіанскіе діаконы, пробравшіеся въ темницу, дали заключеннымъ причастіе и посредствомъ денегъ устроили такъ, что христіанъ перевели въ лучшую часть тюрьмы, гдѣ они по крайней мѣрѣ были отдѣлены отъ преступниковъ, съ которыми прежде держали ихъ вмѣстѣ. Перпетуя опять прижала ребенка къ своей груди. Et statim convalui,—продолжаетъ мученица,—et relevata sum a labore et sollicitudine infantis: et factus est mihi carcer, quasi praetorium, ut ibi mallem esse, quam alibi. Видѣніе укрѣпило въ Перпетуѣ мужественную вѣру: Господь явился ей въ видѣ пастыря и далъ св. причастіе.—Потомъ снова посѣтилъ ее отецъ и уговаривалъ самымъ неотступнымъ образомъ. Miserere, filia, canis meis; miserere patri, si dignus sum a te pater vocari. Si his te manibus ad hunc florem aetatis provexi; si te praeposui omnibus fratribus tuis, ne me dederis in dedecus hominum. Aspice ad fratres tuos, aspice ad matrem tuam et materteram, aspice ad filium tuum, qui post te vivere non poterit. Depone animos, ne universos nos extermines. Nemo enim nostrum libere loquetur, si tu aliquid fueris passa. При этомъ отецъ цѣловалъ у ней руки, кланялся ей въ ноги и со слезами называлъ ее

не дочерью своею, а повелительницею. Она отвѣчала: *Hoc fiet in illa catasta* (сторжищѣ), *quod Deus voluerit. Scito enim nos non in nostra potestate esse constitutos, sed in Dei.* Отецъ ушелъ отъ нея печальный. Когда она приведена была къ судьѣ, отецъ снова пришелъ, чтобы въ послѣдній разъ попытаться уговорить ее во имя любви къ младенцу. Et Hilarianus procurator,—продолжаетъ мученица „Parce,—inquit,—canis patris tui, parce infantiae pueri. Fac sacrum pro salute imperatorum". Et ego respondi: *non facio.* Hilarianus: „Christiana es?" inquit. Et ego respondi: *christiana sum.* Et cum staret pater ad me dejiciendam, jussus est ab Hilariano dejici et virga percussus est. Et doluit mihi casus patris mei, quasi ego fuissem percussa: sic dolui pro senecta ejus misera. Но ея совѣсть не дозволила ей отвергнуть Того, Кого исповѣдывало ея сердце. Tunc nos universos (procurator) pronunciat et damnat ad bestias, et hilares descendimus ad carcerem. Гладіаторскія игры со звѣрьми должны были послѣдовать во время наступающихъ народныхъ празднествъ по поводу провозглашенія юнаго императорскаго сына Геты кесаремъ. Между тѣмъ мучениць снова отвели въ темницу. Подруга Перпетуи Фелицитата въ темницѣ родила младенца и мучилась при родахъ. Quae sic modo doles,—говорили ей темничные стражи,—quid facies objecta bestiis, quas contemsisti, cum sacrificare noluisti? Фелицитата отвѣчала: *Modo ego patior quod patior, illic autem alius erit in me, qui patietur pro me, quia et ego pro illo passura sum.*

Наконецъ насталъ день мученической кончины, описанной конечно уже не со словъ Перпетуи, а со словъ другихъ христіанъ, очевидцевъ послѣдняго подвига карѳагенскихъ страдальцевъ. Illuxit dies victoriae illorum et processerunt de carcere in amphitheatrum, quasi in coelum, hilares vultu decori... Et cum delati essent in portam et cogerentnr habitum induere: viri quidem sacerdotum Saturni, feminae vero sacratotarum Cereri: generosa illa in finem usque constantia repugnavit. Dicebant enim: *ideo ad hoc sponte pervenimus, ne libertas nostra abduceretur. Ideo animos nostras addiximus, ne tale aliquid faceremus: hoc vobiscum pacti sumus.* Agnouit injustitia justitiam: concessit tribunus, ut quomodo erant simpliciter inducerentur. Ut sub conspectu Hilariani pervenerunt, gestu et nutu coeperant Hilariano dicere: *Tu nos,* inquiunt, *ge autem Deus judicabit...* Авторъ *актовъ мученическихъ* видитъ особую милость Божію въ томъ родѣ смерти, какимъ скончался каждый изъ нихъ Qui dixerat: *petite et accipietis* petentibus dedit eum exitum, quem quisque desideraverat.

Состояніе христіанъ при преемникахъ Септимія Севера до Декія[1]).

Послѣ Севера наслѣдовали престолъ два его сына: Каракалла, отличавшійся чрезвычайною жестокостію, и, Гета человѣкъ слабохарактерный и добрый. Каракалла, впрочемъ, скоро убилъ Гету и сдѣлался единовластителемъ. Но жестокость этого императора не простиралась на христіанъ. Церковные писатели объясняютъ это тѣмъ, что мамка Каракаллы была христіанка. Скоро постигла его таже участь, какой онъ подвергъ своего брата. Онъ также былъ умерщвленъ измѣнически начальникомъ тѣлохранителей Макриномъ.

Макринъ правилъ только 14 мѣсяцевъ и въ его правленіе христіане также оставались въ покоѣ. Онъ погибъ подобно своимъ предшественникамъ насильственною смертію и на тронъ Антониновъ, усвоивъ себѣ ихъ имя, вступилъ Геліогабалъ, по прозванію Фаръ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ.

Геліогабалъ былъ внукъ одного сирійскаго жреца, служившаго богу солнца, котораго обожали на востокѣ. Этого жреческаго сына, благодаря нѣкоторому внѣшнему сходству его съ Каракаллою, солдаты выдали за сына Каракаллы и народъ призналъ императоромъ. Геліогабалъ отличался тоюже изысканною суетностію, какую мы видѣли у Калигулы, Нерона и Вителлія. Его роскошь въ пищѣ, въ одеждѣ, въ самыхъ изысканныхъ удовольствіяхъ не имѣла границъ. Онъ приводилъ въ исполненіе самыя безсмысленныя мечты своей фантазіи, въ члены сената назначалъ женщинъ, предсѣдательницею сдѣлалъ свою мать и занимался изданіемъ законовъ относительно моды и другихъ пустяковъ. Разсказываютъ также, что онъ приказывалъ собирать подати соловьиными языками и другими рѣдкостями изъ всѣхъ царствъ природы, и чтобы доказать обширность города Рима велѣлъ однажды собрать всю паутину въ городѣ, которой оказалось 10,000 фунтовъ. Это чудачество не разъ доводило его до ужасной жестокости и его фантазія была не менѣе изобрѣтательна въ изысканіи различныхъ мукъ, какими онъ терзалъ свои жертвы, какъ и въ изы-

---

[1]) Объ этомъ можно читать въ *Лѣтописи церковныхъ событій* архим. Арсенія вып. I годы 211—249.

сканіи удовольствій. Понятно, сколько мученій пришлось бы перенести христіанамъ, если бы на нихъ онъ вздумалъ упражнять свою постыдную изобрѣтательность. Но къ счастію Геліогабалъ оставилъ христіанъ въ покоѣ. По своимъ отношеніямъ къ религіи онъ былъ такой же сумасбродъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Будучи императоромъ, онъ хотѣлъ вмѣстѣ быть жрецомъ бога солнца, велѣлъ перенести изъ сирійскаго города Эмессы въ Римъ черный камень, которому поклонялись почитатели солнца, выстроилъ для него великолѣпный храмъ и самъ совершилъ освященіе этого храма, принеся человѣческія жертвы. Затѣмъ Геліогабалъ обвѣнчалъ своего сирійскаго бога съ финикійскою богинею луны, статуя которой была также перенесена изъ Карѳагена въ Римъ, поставлена въ такомъ же великолѣпномъ храмѣ и должна была быть чтимой наравнѣ съ ея супругомъ. Такое же смѣшеніе религій Геліогабалъ хотѣлъ устроить по отношенію къ іудейству и христіанству. Dicebat praeterea (говоритъ Элій Лампридій), iudaeorum et samaritanorum religiones et christianam devotionem illuc transferendam, ut omnium culturarum secretum Heliogabali sacerdotium teneret. Этого желалъ достигнуть человѣкъ, превосходившій Тиверія жестокостію, Вителлія чувственностію, Сарданапала изнѣженностію. Это былъ бы достойнѣйшій пресвитеръ. Тѣмъ не менѣе такимъ стремленіемъ къ смѣшенію религій Геліогабалъ много содѣйствовалъ распространенію христіанства, потому что этимъ онъ наносилъ самый чувствительный ударъ древней римской государственной религіи. Если бы онъ жилъ долѣе, то его намѣреніе относительно искаженія христіанства, конечно, встрѣтило бы сильный отпоръ и очень можетъ быть, что онъ сталъ бы самымъ жестокимъ гонителемъ христіанства. Отъ человѣка глупаго и яростнаго всегда слѣдуетъ опасаться всего худшаго. Но его намѣреніе осталось безъ исполненія. Геліогабалъ имѣлъ такую же судьбу, какую и многіе другіе императоры этого времени. Во время возстанія войска въ 222-мъ году, онъ былъ умерщвленъ на 18-мъ году жизни, послѣ четырехлѣтняго царствованія. Его обезглавленный трупъ, съ насмѣшками таскали по улицамъ, и послѣ тщетныхъ усилій опустить въ клоаку бросили въ Тибръ. Его мать и участники его безобразій также погибли насильственною смертію.

Съ 11 марта 222 г. до августа 235 г., снова царствовалъ человѣкъ благороднаго характера. Это былъ двоюродный братъ Геліогабала Алек-

сандръ Северъ, отличавшійся и обширнымъ научнымъ образованіемъ, и любовью къ человѣчеству, и благороднымъ направленіемъ мысли. Онъ былъ во всемъ противоположенъ своему предшественнику. Геліогабалъ требовалъ, чтобы его чтили какъ бога; Северъ напротивъ не допускалъ даже, чтобы его называли господиномъ. Геліогабалъ любилъ отличаться великолѣпіемъ одежды, а Северъ одѣвался очень просто. Геліогабалъ любилъ проводить время съ безнравственными весельчаками, Северъ избралъ себѣ въ друзья мудрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей. Его мать, Юлія Маммея, была также женщина разумная и имѣла на него большое вліяніе. Вступивъ на престолъ, Северъ прежде всего сдѣлалъ необходимыя реформы относительно императорскаго двора. Всякаго рода шуты и фигляры, жившіе при дворѣ прежнихъ императоровъ, были теперь прогнаны, сенату возвращены были его прежнія права, въ войнѣ была введена древняя дисциплина. На ряду съ государственной религіею, которую императоръ пытался очистить отъ примѣсей, привнесенныхъ Геліогабаломъ, Северъ имѣлъ свою собственную домашнюю религію. Подобно Геліогабалу, хотя конечно, гораздо благоразумнѣе его, Северъ чтилъ различныя религіи, существовавшія тогда въ римской имперіи. Matutinis horis in larario suo, in quo et diuos principes, sed optimos electos, et animas sanctiores, in queis et Apollonium, et, quantum scriptor suorum temporum dicit,—Christum, Abraham et Orpheum et huiusmodi deos habebat ac majorum effigies, rem divinam faciebat. Такимъ образомъ Северъ чтилъ Іисуса Христа, какъ св. основателя религіи, точно также какъ и представителей другихъ религій-языческой и іудейской. Чтилъ ли Северъ Іисуса Христа болѣе, чѣмъ другихъ, такъ, какъ чтили Его христіане,—этого намъ не сказано и, судя по сказанному, представляется сомнительнымъ и даже совершенно невѣроятнымъ. Если даже повѣрить извѣстію древнихъ писателей, что Северъ Christo templum facere voluit, eumque inter deos recipere, quod et Hadrianus cogitasse fertur, то этотъ храмъ конечно стоялъ бы только на ряду съ другими храмами. Но во всякомъ случаѣ замѣчательно это сопоставленіе Іисуса Христа съ мудрецами и богами древности, этотъ религіозный эклектизмъ. Онъ свидѣтельствуетъ намъ о глубокомъ желаніи императора улучшить общественный культъ. Отдѣльные изреченія Іисуса Христа, кажется, были извѣстны императору и привились ему. Такъ напр. изреченіе Господа: *quod tibi non vis, alteri ne feceris*, онъ велѣлъ написать на стѣнахъ своего дворца и на публич-

ныхъ зданіяхъ и часто повторялъ его. Мать Севера Маммея, живя въ Антіохіи, вызвала къ себѣ изъ Александріи великаго церковнаго учителя Оригена и бесѣдовала съ нимъ о христіанствѣ. О томъ, каково было содержаніе этихъ бесѣдъ и какія послѣдствія, мы ничего не знаемъ, но видимъ все-таки въ членахъ императорской фамиліи исканіе истины, источникомъ чего было, конечно, чувство неудовлетворенности, съ какимъ оставляла пытливыхъ людей господствующая религія. Наконецъ о благосклонности императора Александра Севера къ христіанамъ мы можемъ заключить по одному приговору, данному имъ по поводу жалобы какихъ-то харчевниковъ. Харчевники требовали, чтобы имъ отданъ былъ участокъ земли, доселѣ принадлежавшій христіанамъ. Но императоръ рѣшилъ дѣло въ пользу христіанъ, rescripsit, melius esse, ut quomodocunque illic deus colatur, quam popinariis dedatur. Тѣмъ не менѣе этотъ, до такой степени расположенный къ христіанамъ, императоръ побоялся формально причислить христіанство къ религіямъ, дозволеннымъ въ имперіи, и отмѣнить эдикты, изданные его предшественниками противъ христіанства. Напротивъ, именно въ его время эти эдикты были внесены въ собраніе законовъ, изданное императоромъ при помощи его друга ученаго Ульпіана. Конецъ Севера былъ также печаленъ. Когда онъ вблизи Майнца желалъ привести въ порядокъ римскіе легіоны, на него напали убійцы и умертвили его вмѣстѣ съ съ матерію.

Послѣ Севера императорскій престолъ занялъ грубый ѳракіянинъ Максиминъ, въ юности пастухъ, а потомъ солдатъ, отличавшійся изумительною силою. Изъ ненависти къ своему предшественнику Максиминъ преслѣдовалъ христіанъ на столько, на сколько тотъ имъ покровительствовалъ. Онъ обратилъ при этомъ особенное вниманіе на епископовъ и повелѣлъ преимущественно убивать ихъ, хорошо понимая, что тамъ, гдѣ не будетъ пастыря, разсѣется и паства. Гоненіе было сильно между прочимъ потому, что въ это время случилось сильное землетрясеніе въ Каппадокіи и Понтѣ, снова возбудившее противъ христіанъ народную ярость. Черезъ три года Максиминъ также былъ измѣнически убитъ не вдалекѣ отъ Аквилеи.

Послѣ Максимина взошелъ на престолъ Гордіанъ. Въ теченіе шести лѣтъ до 244 года онъ упорно боролся со внѣшними врагами, пока наконецъ не погибъ отъ руки Филиппа Аравитянина. Въ правленіе Гордіана, а также и въ правленіе преемника

его Филиппа, — почти въ теченіи десяти лѣтъ, — христіане наслаждались полнымъ покоемъ. Есть даже преданіе, будто Филиппъ Аравитянинъ самъ принялъ христіанство. Преданіе подробно разсказываетъ, будто онъ въ ночь на пасху пожелалъ принять ученіе въ христіанскомъ богослуженіи, но епископъ христіанской общины не допустилъ его, говоря, что императоръ по причинѣ своихъ преступленій, т. е. убіенія своего предшественника Гордіана, не можетъ принимать участія въ таинствахъ богослужебныхъ, пока не очистится покаяніемъ, и будто бы императоръ добровольно подвергъ себя такому покаянію. Это сказаніе, впрочемъ, весьма нуждается въ подтвержденіи. Несомнѣнно для насъ только то, что Филиппъ Аравитянинъ, не смотря на свой непохвальный характеръ, по отношенію къ христіанамъ во все правленіе былъ благосклоненъ. Несомнѣнно также то, что вообще въ это спокойное для церкви время число принимающихъ христіанство все болѣе и болѣе увеличивалось и въ средѣ христіанъ было много людей развитыхъ, высокопоставленныхъ и богатыхъ. Христіанство не было уже болѣе презрѣнною іудейскою сектою; христіанская церковь была теперь религіознымъ обществомъ, имѣвшимъ весьма видное мѣсто въ имперіи. Но именно вслѣдствіе этого увеличивалась и ненависть къ христіанству его враговъ и многолѣтній покой, какимъ пользовались христіане за небольшимъ перерывомъ со времени Септимія Севера можно сравнить съ небомъ, на которомъ собираются тучи, готовыя разразиться бурею. Буря разразилась при императорѣ Декіѣ, по прозванію Троянѣ, который въ 249 году побѣдилъ Филиппа Аравитянина и царствовалъ до 251 года.

Гоненіе при Декіѣ, при Галлѣ и Валеріанѣ[1]).

Судя съ римско-языческой точки зрѣнія, воцареніе Декія было большимъ благомъ для имперіи. Это былъ человѣкъ, отличавшійся древне-римскимъ духомъ. Его правленіе было славно и ревность, съ какою онъ старался возстановить древне-римскіе нравы, заслуживаетъ полной похвалы. Во имя того же патріотизма, Декій заботился о воз-

---

[1]) Страданіе св. Піонія пресвитера Смирнскаго съ братіею. *Дух. Вѣстн.* 1864. Страданіе св. архидіакона Лаврентія. *Воскр. Чт.* XXII.

становленіи древней государственной религіи, и мы можемъ предположить, что царствуй этотъ государь полстолѣтіемъ позже, онъ съ такою же энергіею истреблялъ бы остатки язычества, съ какою возсталъ теперь противъ христіанства.

Гоненіе на христіанъ при Декіѣ мы можемъ считать первымъ гоненіемъ, предпринятымъ съ опредѣленнымъ планомъ. Цѣлью его было стереть совершенно христіанство съ лица земли. Въ 250 году изданъ былъ роковой эдиктъ, которымъ христіане подъ угрозою смертной казни обязывались принимать участіе въ церемоніяхъ языческой религіи. Обнародованъ былъ срокъ, до котораго всѣ христіане должны были объявить о себѣ подлежащему начальству. Имъ оставалось одно изъ двухъ. —или отречься отъ Христа и принести жертву богамъ, или въ качествѣ преступниковъ противъ государства подвергнуться смертной казни. Началось общее волненіе. Многіе, особенно изъ числа богатыхъ и знатныхъ, дѣйствительно принесли жертву богамъ; одни дрожащими руками и съ видимымъ внутреннимъ волненіемъ, другіе равнодушно, смотря по тому, насколько глубоко былъ каждый изъ нихъ убѣжденъ въ истинности христіанства. Тогда исполнилось надъ ними,—говоритъ церковный историкъ,—слово Господа: *ὅτι δυσκόλως σωθήσονται*. Одни изъ отрекающихся отъ христіанства ограничивались тѣмъ, что воскуряли ѳиміамъ предъ изображеніемъ императора, другіе приносили жертву богамъ и произносили хулу на Христа. Были и такіе, которые покупали за деньги у судей свидѣтельства, будто бы они исполнили эдиктъ, хотя на самомъ дѣлѣ его и не исполняли. Всѣ отпавшіе успокоивали свою совѣсть мыслію, что они вынуждены были къ обману крайнею необходимостію. И дѣйствительно, принимая во вниманіе суровость гоненія, и то, что въ это время вымышлены были самыя изысканныя пытки, чтобы побудить христіанъ къ отреченію,—мы должны какъ можно снисходительнѣе судить объ этихъ „*падшихъ*“ (lapsi), какъ называла ихъ церковь. Но тѣмъ съ большимъ удивленіемъ должны мы относиться къ людямъ, которые, не смотря на грозныя и страшныя казни, мужественно исповѣдывали Христа и ярости своихъ преслѣдователей противопоставили несокрушимую вѣру и неустрашимость передъ смертію. Есть много свидѣтельствъ о такихъ людяхъ. Такъ напр. разсказываютъ о пятнадцатилѣтнемъ мальчикѣ Діоскурѣ, жителѣ Александріи, который своими мужественными отвѣтами во время пытокъ возбудилъ удивленіе въ самомъ

правителѣ. Удивленный его мужествомъ, правитель отпустилъ его на свободу, говоря, что освобождаетъ его ради его несовершеннолѣтняго возраста и даетъ ему время хорошенько одуматься. Въ это же гоненіе сожжена дѣвица Аполлонія, у которой были выбиты всѣ зубы. Преслѣдованіе также сильно было въ Кароагенѣ, гдѣ епископомъ былъ Кипріанъ. Кипріанъ спасся бѣгствомъ, но это стоило ему многихъ огорченій. Изъ сѣверо-африканскихъ мучениковъ особенно замѣчательны Маршалъкъ и Нумидикъ, о которыхъ Кипріанъ отзывается съ величайшею похвалою. Въ Антіохіи епископъ Вавила умеръ въ темницѣ. Цѣпи, которыми онъ былъ скованъ, были, по его желанію, погребены вмѣстѣ съ нимъ. Въ Смирнѣ былъ преданъ сожженію пресвитеръ Піоній, послѣ неоднократныхъ, но тщетныхъ попытокъ привести его къ отреченію. Къ эпохѣ гоненія Декіева приурочивается исторія семи спящихъ отроковъ, память которыхъ совершается 22 октября и 4 августа. Во время преслѣдованія Декія семь братьевъ скрылись въ пещеру близъ Ефеса, которая потомъ была замурована язычниками. Здѣсь они заснули и спали почти 200 лѣтъ до временъ Ѳеодосія Младшаго, именно до 434-го года. Тогда только они проснулись и почувствовали голодъ. Одинъ изъ нихъ отправился въ городъ купить пищи. Онъ все нашелъ измѣнившимся: гдѣ прежде были языческія капища, теперь стояли христіанскія церкви. Въ свою очередь самъ онъ возбуждалъ собою общее удивленіе. Епископъ города въ сопровожденіи многочисленной толпы народа отправился въ пещеру, гдѣ находились остальные братья. Всѣ удивлялись такому чуду. Послѣ этого спящіе братья умерли, чтобы снова пробудиться въ день общаго воскресенія.

Въ декабрѣ 251 г. Декій умеръ во время похода въ Мизію. Преемникомъ Декія былъ Галлъ. Въ его правленіе было много несчастій: готы напали на имперію, начался голодъ и язва. Поэтому послѣ кратковременнаго промежутка гоненіе на христіанъ снова началось, при чемъ были сосланы и умерщвлены римскіе епископы Корнилій и Луцій. Но частыя войны и возмущенія мѣшали императору заняться преслѣдованіемъ и когда онъ былъ убитъ въ 253 году, для христіанъ снова настало время спокойствія.

Но это спокойное время продолжалось недолго. Новый императоръ Валеріанъ сначала былъ благосклоненъ къ христіанамъ, за что его особенно восхваляли тогдашніе предстоятели церкви, но впослѣдствіи, по навѣтамъ своего любимца Макріана, онъ вооружился противъ

нихъ и въ 257-мъ году издалъ эдиктъ, въ силу котораго запрещались христіанскія собранія и епископы, не желавшіе оказать почтеніе богамъ, должны были быть изгнаны. Возникшее вслѣдствіе этого эдикта гоненіе на христіанъ сначала было гораздо снисходительнѣе недавнихъ кровавыхъ преслѣдованій. При Валеріанѣ ограничивались только тѣмъ, что ссылали въ ссылку;—и множество христіанъ было отведено тогда на работы въ мавританскіе и нумидійскіе горные рудники. Но скоро преслѣдованіе приняло кровавый характеръ. Эдиктъ 258 года предписывалъ, ut episcopi et presbyteri et diacones in continenti animadvertantur;—senatores vero et egregii viri et equites romani, dignitate omissa, etiam bonis spolientur, et si ademptis facultatibus christiani esse perseveraverint, capite quoque multentur; matronae vero ademptis bonis en exilium relegentur; caesariani autem, quicunque vel prius confessi fuerant vel nunc confessi fuerint, confiscentur et vincti in caesarianas possessiones descripti mittantur. Первыми жертвами этого строгаго указа были римскій епископъ Сикстъ II-й и его четыре діакона, между прочими діаконъ Лаврентій. Сикстъ и его три діакона были распяты на христіанскомъ кладбищѣ, гдѣ ихъ и схватили. Но Лаврентію готовили бо́льшія мученія. Римскій префектъ слышалъ о большихъ церковныхъ имуществахъ у христіанъ и желалъ ими воспользоваться. Онъ требовалъ у Лаврентія выдачи сокровищъ. Лаврентій повидимому согласился, и его освободили, чтобы онъ принесъ сокровища. Но вскорѣ увидѣли его возвращающимся въ сопровожденіи слѣпыхъ и хромыхъ. Hi sunt thesauri ecclesiae, сказалъ онъ. Такой поступокъ принятъ былъ за насмѣшку и Лаврентія замучили на раскаленной желѣзной рѣшеткѣ. Знаменитый епископъ карѳагенскій Киприанъ также палъ жертвою этого гоненія. Императоръ Валеріанъ вскорѣ послѣ изданія втораго эдикта въ 259 году во время несчастной для него войны съ Персіею былъ взятъ въ плѣнъ, а его сынъ Галліенъ, нисколько на него не похожій, издалъ эдиктъ терпимости, по которому христіанская церковь, послѣ долгихъ страданій и притѣсненій, въ первый разъ была признана законно существующею въ имперіи. Хотя въ это время былъ въ восточныхъ областяхъ антикесарь Макріанъ, но въ 261 году онъ погибъ, и такимъ образомъ эдиктъ Галліена вошелъ въ силу и на востокѣ. По своей недѣятельности Галліенъ не могъ защищать страну отъ нападенія чужеземцевъ: персовъ, готовъ, скиѳовъ и германцевъ. Къ этому присоединились прежнія бѣдствія: наводненіе, язва и внутрен-

нія волненія. Галліенъ самъ лишилъ себя жизни близь Милана, куда отправился по поводу одного изъ междоусобій. Послѣ его смерти стало являться сразу по нѣсколько кесарей, пока наконецъ не возстановилось единодержавіе въ правленіе Авреліана.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Александрійская школа и ея учители.

Общее замѣчаніе о внутренней исторіи церкви въ III вѣкѣ[1]).

Внѣшняя судьба христіанской церкви въ третьемъ столѣтіи была весьма измѣнчива. Обращаясь теперь къ исторіи внутренняго состоянія церкви, мы увидимъ, что въ III-мъ столѣтіи, сравнительно съ II-мъ и IV-мъ, очень мало возникало догматическихъ споровъ. Евіонейство и гностицизмъ въ своихъ грубыхъ формахъ, если не изчезли окончательно, то по крайней мѣрѣ значительно ослабѣли. Точно также и монтанизмъ, представителемъ котораго теперь сталъ Тертулліанъ, соотвѣтственно высокимъ достоинствамъ такого представителя явился въ болѣе облагороженномъ видѣ. Еретическія направленія въ III-мъ вѣкѣ ослабѣли главнымъ образомъ потому, что въ самой церкви былъ противовѣсъ противъ заблужденія. Въ церкви III вѣка было много людей даровитыхъ, глубокомысленныхъ, съ твердымъ характеромъ и твердыми убѣжденіями, которые не столько внѣшнимъ авторитетомъ своего сана, сколько внутреннимъ авторитетомъ своей глубокой мысли давали направленіе христіанскому богословствованію и много потрудились для него въ своихъ сочиненіяхъ. Конечно, и эти люди были также дѣти своего вѣка и не

---

[1]) Духовное просвѣщеніе въ древней христіанской церкви. *Чт. общ. люб. дух. просв.* 1871. Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ древней христіанской церкви. И. А. Смирнова. *Чт. общ. люб. дух. просв.* 1872.— Чельцова. Древнія формы символовъ. Спб. 1869. Взглядъ на судьбу философіи въ мірѣ христіанскомъ. *Дух. Бес.* 1863. Христіанство и неоплатонизмъ Палисадова. *Жур. М. Н. Пр.* 1853. №№ 2 и 3.

свободны отъ его заблужденій. Но общій характеръ ихъ религіозныхъ воззрѣній было полонъ истинной вѣры и не давалъ возможности развиться антихристіанскимъ направленіямъ. Не слѣдуетъ думать также, что учители церкви въ III вѣкѣ были во всемъ согласны другъ съ другомъ. Конечно въ основныхъ догматахъ христіанской вѣры они были согласны. Эти основные догматы изложены въ дошедшемъ до насъ такъ называемомъ *апостольскомъ символѣ*, который, если составленъ и не самими апостолами, тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ истинное ученіе апостольское, всегда признаваемое основнымъ правиломъ вѣры. *Вѣра въ Бога Отца, какъ всемогущаго творца неба и земли; вѣра въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, который родился отъ дѣвы Маріи, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и снова возвратится, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ; вѣра въ св. Духа, исполняющаго церковь и руководящаго ею; вѣра въ прощеніе грѣховъ, въ воскресеніе тѣла и въ вѣчную жизнь* — вотъ основные догматы, которыхъ твердо держалась вселенская церковь вопреки еретикамъ. Но пониманіе этихъ ученій и взаимной связи ихъ между собою представляло собою широкое поприще для умственной работы всякаго мыслящаго богослова. Никогда богословская мысль не была такъ мало скована формулами, какъ въ III вѣкѣ. Люди шли тогда на костеръ не за богословскую формулу; они умѣли умирать за вѣру и за свободу вѣры.

Всѣ эти общія соображенія мы подтвердимъ разсмотрѣніемъ двухъ главныхъ направленій богословской мысли, господствовавшихъ въ это время въ церкви африканской. Одно изъ нихъ имѣло мѣсто на восточномъ, другое на западномъ прибрежьи Средиземнаго моря; одно—въ Александріи, другое—въ Карѳагенѣ и его окрестностяхъ.

Александрійская школа[1]).

Александрія, городъ, построенный Александромъ Македонскимъ и въ честь его получившій свое имя, имѣлъ важное значеніе во всемірной исторіи. Благодаря счастливому мѣстоположенію на узкой полосѣ

---

[1]) Первое духовноучебное заведеніе въ христіанствѣ. *Странникъ* 1872. Idem. *Дух. Вѣстникъ* 1862. Замѣтка Ульгорна объ александрійской школѣ. *Пр. Об.* 1867.

земли, которая отдѣляетъ Средиземное море отъ озера Маріотисъ, благодаря своему знаменитому маяку на островѣ Фаросѣ и своей оживленной торговлѣ, Александрія получила имя *великой* и стала естественною посредницею западной и восточной культуры. Благодаря преемникамъ Александра Птоломеямъ, особенно Птоломею Сотеру, сыну Птоломея Лага, и Птоломею Филадельфу, Александрія стала главною столицей учености. Птоломеи не только привлекли сюда знаменитыхъ ученостію людей: поэтовъ, ораторовъ, діалектиковъ, философовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устроили въ Александріи громадную библіотеку, вмѣщавшую 400,000 томовъ (большая часть которыхъ, впослѣдствіи при Цезарѣ, сдѣлались добычею пламени), и великолѣпный музеумъ, въ которомъ сотни ученыхъ, получая даровое содержаніе, вмѣстѣ и работали и учили. Все это дѣлало Александрію единственнымъ въ своемъ родѣ средоточіемъ учености и искусствъ. Не погибла ученость александрійская и въ то время, когда по смерти Клеопатры прекратился окончательно царственный родъ египетскихъ Птоломеевъ. Римскіе императоры, въ особенности Адріанъ и Антониръ, также считали своимъ долгомъ поддерживать александрійскую ученость. Заслуга александрійскихъ ученыхъ состояла не въ богатствѣ и оригинальности составленныхъ ими ученыхъ и художественныхъ произведеній: послѣ времени *производительности* въ греческой литературѣ наступило время *собиранія, сличенія, упорядочиванія*. Александрійскій періодъ можно назвать болѣе временемъ критическихъ изысканій, чѣмъ временемъ поэтическаго творчества и собственно философскаго мышленія. Конечно въ такомъ направленіи могли быть и вредныя стороны. Школьная мудрость могла легко превратиться въ педантизмъ, остроумная критика—въ привязчивость къ мелочамъ, стремленіе къ многознанію могло привести къ верхоглядству, и различныя комментаріи къ поэтическимъ произведеніямъ легко могли затемнить ихъ поэтическій смыслъ. Религіозная философія въ Александріи также не была чѣмъ нибудь самостоятельнымъ; она основывалась на іудействѣ и язычествѣ и въ свою очередь имѣла вліяніе на христіанское богословствованіе въ третьемъ вѣкѣ. Представителемъ александрійско-іудейской религіозной философіи былъ іудей Филонъ, жившій незадолго до Рождества Христова. Филонъ былъ глубокій и остроумный мыслитель, человѣкъ благочестивый и образованный, но его толкованіе библіи было въ высшей степени произвольно. Все историческое въ библіи онъ большею частію принималъ за алле-

горію и вообще религіозныя воззрѣнія своего народа старался сблизить съ философіею Платона. Соотвѣтственно съ этимъ стремленіемъ іудейства, и язычество старалось преобразовать себя при помощи философіи. Эту именно цѣль преслѣдовала возникшая въ Александріи въ концѣ II-го столѣтія такъ называемая *неоплатоническая школа* При помощи восточной мистики она пыталась поднять древнюю народную религію. Какъ Филонъ придавалъ библейскимъ сказаніямъ иносказательный смыслъ, такъ и неоплатоническая школа аллегорически объясняла языческіе миѳы и утверждала, что подъ ихъ покровомъ лежатъ глубокія религіозныя идеи. Представителемъ неоплатонической языческой мистики былъ ученый Плотинъ, противникъ христіанства. Въ то время, когда отжившія свой вѣкъ религіи искали себѣ опоры въ александрійской философіи, юношески цвѣтущее христіанство также примкнуло къ этой философіи. Въ Александріи получили свое развитіе важнѣйшія гностическія школы. Въ третьемъ столѣтіи въ той же Александріи явились люди, которые противопоставили псевдохристіанскому гностицизму истинный христіанскій гносисъ, богословско-философское умозрѣніе, основанное на почвѣ христіанскаго откровенія.

Чѣмъ болѣе возрастала и усиливалась христіанская церковь, тѣмъ необходимѣе было для нея позаботиться объ учрежденіи своей школы богословскаго знанія. Первые проповѣдники христіанской вѣры не имѣли учености. Духъ Божій, духъ истины, ниспосланный свыше, могущественно дѣйствовалъ въ ихъ проповѣди, и первые вѣрующіе, увлеченные силою апостольской проповѣди, не имѣли нужды много учиться чтобы сдѣлаться христіанами. Если они принимали всѣмъ сердцемъ ученіе о Спасителѣ, рѣшались проводить новую жизнь по заповѣдямъ Іисуса Христа, то не было никакихъ препятствій чрезъ крещеніе принять ихъ въ общину христіанъ. Ἰδοὺ ὕδωρ, говорилъ извѣстный эѳіопскій вельможа Филиппу, τί κωλύει με βαπτισθῆναι и Филиппъ крестилъ его (Дѣян VIII, 36—38). Совершенно иначе было въ послѣдствіи. Практическія истины христіанства оставались и теперь тѣже, какія были сначала; христіанство также должно было усвояться не только умомъ, но и сердцемъ. Это—евангельская аксіома, которая донынѣ сохраняетъ свою силу. Но чѣмъ болѣе христіанство выступало въ среду образованнаго языческаго міра, чѣмъ сложнѣе становилась борьба съ его міровоззрѣніемъ, тѣмъ необходимѣе становилась научная подготовка какъ для проповѣдниковъ христіанства, такъ ра-

вно и для тѣхъ, которые желали совершить весьма важный переходъ изъ язычества въ христіанство. Для такой подготовки церковь еще во II вѣкѣ учредила сословіе *катихизаторовъ и оглашаемыхъ*. Всякій, желавшій получить крещеніе, долженъ былъ сначала узнать догматы христіанства, христіанскія обязанности и обѣтованія. Церковь должна была отлагать крещеніе желавшаго быть христіанином ъ еще и для того, чтобы узнать его образъ мыслей и поведеніе. Этихъ кандидатовъ въ христіанство церковь называла *оглашенными κατηχούμενοι* и раздѣляла ихъ на степени, которыя должны были они пройти до окончательнаго принятія въ общину христіанъ чрезъ св. крещеніе. Степени были слѣдующія: 1) *ἀκροώμενοι слушающіе*; 2) *γονυκλίνοντες припадающіе*, которые имѣли право присутствовать при богослуженіи, преклонивъ колѣна; 3) *βαπτιζόμενοι, φωτιζόμενοι*, ожидавшіе непосредственно крещенія. Тѣ, которые преподавали этимъ оглашаемымъ основныя ученія христіанской вѣры и послѣ такого обученія торжественно вводили ихъ въ христіанскую общину, назывались *катихизаторами*. Такими катихизаторами очень часто бывали люди прекрасно образованные, которые приняли христіанство уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пройдши въ юности чрезъ классическую школу. Во всякомъ случаѣ, чтобы умѣть отвѣчать на всѣ вопросы и возраженія своихъ учениковъ, катихизаторы также нуждались въ подготовкѣ къ своему высокому призванію, и церковь, заботившаяся объ ученіи *оглашаемыхъ*, должна была также позаботиться о подготовкѣ *катихизаторовъ*. Школа для приготовленія катихизаторовъ уже около половины втораго столѣтія была основана въ Александріи Пантеномъ, который прежде былъ стоическимъ философомъ, а потомъ путешествовалъ изъ Александріи въ Индію для проповѣди христіанства. Изъ сочиненій Пантена мы теперь не имѣемъ ни одного. Напротивъ ученикъ его Климентъ Александрійскій и далѣе ученикъ Климента Оригенъ, извѣстны намъ какъ знаменитѣйшіе учители этой школы.

Климентъ Александрійскій[1]).

Титъ Флавій Климентъ, котораго для отличія Климента епископа римскаго обыкновенно называютъ *александрійскимъ*, происходилъ отъ

---

[1]) Н. Ливанова. О Климентѣ александрійскомъ и его сочиненіяхъ. *Пр. Об.* 1867. Философія Климента александрійскаго *Труды. кіев. дух. ак.* 1866. Климентъ ал., какъ толкователь слова Божія. *Воскр. Чт.* XXV. Педагогъ—твореніе Климента. *В. Чт.* XIV.

язычниковъ. Подобно Іустину мученику, Климентъ получилъ прекрасное философское образованіе, которое впрочемъ не дало удовлетворенія его уму и сердцу, и—сдѣлался потомъ христіаниномъ. Какъ совершилось его обращеніе въ христіанство неизвѣстно. Климентъ совершилъ много путешествій по восточнымъ и западнымъ странамъ всюду изучая, наблюдая и изслѣдуя обычаи язычниковъ, іудеевъ и христіанъ. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ христіанами, помнившими еще о временахъ учениковъ апостольскихъ, и надѣялся узнать отъ нихъ неискаженныя преданія о началахъ христіанства. Учитель Климента Пантенъ имѣлъ на него сильное вліяніе и привлекъ его къ изученію христіанской философіи. Климентъ собственно не былъ послѣдователемъ какой либо одной изъ существовавшихъ тогда философскихъ школъ, но онъ стремился усвоить себѣ то, что находилъ лучшаго въ каждой изъ нихъ. Христіанство для него,—подобно какъ и для Іустина мученика,—было высшею изъ всѣхъ философій, завершеніемъ всякаго стремленія и исканія. Даже въ язычествѣ Климентъ признавалъ нѣчто божественное. Лучшіе изъ философовъ древняго міра не были, по его мнѣнію, чужды той высшей разумной жизни, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ созданъ по образу Божію. Логосъ (божественный разумъ) былъ присущъ и языческому міру, подготовляя язычниковъ къ явленію Іисуса Христа. Такое представленіе Климента о языческой философіи совершенно сходно съ представленіемъ Іустина и рѣзко отличается отъ строгихъ обличительныхъ сужденій, которыя высказывались многими другими учителями церкви.

Около 189 года Климентъ, идя по слѣдамъ своего учителя Пантена, занялъ должность наставника въ александрійскомъ огласительномъ училищѣ. Онъ понималъ свою задачу и нужды своего времени. „*Апостолы и пророки*, разсуждалъ онъ, *были просвѣщены святымъ Духомъ; но мы, желая понять смыслъ ихъ писаній, не можемъ надѣяться на подобное же божественное вдохновеніе; вмѣсто его можетъ служить для насъ только научное образованіе*“. Въ теченіи 12 лѣтъ до гоненія Септимія Севера, которое, какъ мы знаемъ, сильно свирѣпствовало и въ Египтѣ и въ александрійской церкви, Климентъ съ успѣхомъ учительствовалъ въ школѣ. Но когда началось гоненіе, Климентъ рѣшился спасаться бѣгствомъ; онъ считалъ такое бѣгство дозволительнымъ, ссылаясь на примѣры и ученіе Господа. Онъ отправился сперва въ Іерусалимъ, гдѣ устроилъ христіанскую школу, а потомъ

въ Антіохію. Возвратился ли онъ снова въ Александрію или нѣтъ, мы не знаемъ. Неизвѣстно также точно, въ какомъ году Климентъ умеръ, но вѣроятно около 217 года. Изъ сочиненій этого писателя мы упомянемъ только о главнѣйшихъ. Въ своемъ сочиненіи *Λόγος προτρεπτικὸς πρὸς ἕλληνας* онъ выставляетъ на видъ безнравственность язычества и пытается доказать превосходство христіанства предъ греческою философіею. Въ другомъ сочиненіи *Παιδαγωγός* Климентъ указываетъ, какъ Логосъ,—божественный воспитатель людей,—руководилъ человѣчество прежде и руководитъ доселѣ. Это сочиненіе содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское нравоученіе, при чемъ Климентъ даетъ прекрасныя наставленія о томъ, каково должно быть поведеніе христіанъ вообще и при всѣхъ частныхъ обстоятельствахъ жизни. Самое большое и важнѣйшее сочиненіе Климента озаглавляется *Στρωματεῖς*, т. е. ковры или обертки. Въ этомъ сочиненіе Климентъ безъ всякой послѣдовательности въ пестрой смѣси (на что намекаетъ самое заглавіе) излагаетъ философскія проблеммы, отвѣчаетъ на нихъ и при этомъ очень часто имѣетъ въ виду опровергнуть гностиковъ. На конецъ онъ составилъ еще маленькое сочиненіе: *Τίς ὁ σωζόμενος πλούσιος*; гдѣ разъясняетъ слова Господа: *εὐκοπώτερόν ἐστι κάμηλον διὰ τῆς τρυμαλιᾶς τῆς ῥαφίδος διελθεῖν, ἢ πλούσιον εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ εἰσελθεῖν* (Марк. X, 25).

Не распространяясь здѣсь болѣе о сущности умозрѣній Климента, я ограничусь только изложеніемъ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ имъ практическихъ выводовъ. Стараясь христіанское ученіе сдѣлать доступнымъ для философской мысли, этотъ замѣчательный человѣкъ былъ совершенно чуждъ того научнаго высокомѣрія, подъ вліяніемъ котораго люди образованные часто съ презрѣніемъ или съ сожалѣніемъ смотрѣли на большинство вѣрующихъ, незнакомыхъ съ философскимъ знаніемъ. Поставивъ своею задачею преобразовать вѣру въ ясное сознательное убѣжденіе и создать богословскую науку, Климентъ въ то же время признавалъ вѣру основою всякаго знанія и необходимымъ условіемъ всякаго размышленія о божественныхъ предметахъ. *Вѣра*, по его мнѣнію, *также необходима для жизни духа, какъ дыханіе для жизни тѣла.* Но вмѣстѣ съ вѣрою путеводительницею къ истинному знанію служитъ любовь, которая въ тоже время служитъ источникомъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, основнымъ принципомъ христіанскаго нравоученія. Поэто-

му Климентъ весьма высокое значеніе придаетъ молитвѣ. Онъ понимаетъ молитву не какъ простой, внѣшній обрядъ, а какъ постоянное собесѣдованіе души съ Богомъ. Если даже мы молимся шопотомъ или даже молча обращаемся къ Богу изъ глубины сердца, то Богъ всегда внимаетъ такому моленію. Истинный христіанинъ молится на всякомъ мѣстѣ и во всякое время, когда прогуливается, когда бесѣдуетъ, когда занимается чтеніемъ и т. д. И когда онъ въ глубинѣ своей души мыслитъ о Богѣ и молится Отцу, то Отецъ уже близко отъ того, кто призываетъ Его.

Климентъ былъ не только христіанскій мыслитель, но вмѣстѣ и поэтъ. Свое сочиненіе „Педагогъ“ онъ заканчиваетъ гимномъ въ честь Іисуса Христа, гдѣ называетъ Спасителя добрымъ пастыремъ, пахаремъ нивы, кормчимъ, путеводною звѣздою, вѣчно сіяющимъ лучомъ свѣта и т. д.

Ὕμνος τοῦ σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ ἁγίου Κλήμεντος.

Στόμιον πώλων ἀδαῶν,
πτερὸν ὀρνίθων ἀπλανῶν,
οἴαξ νηῶν ἀιρεκὴς,
ποιμὴν ἀρνῶν βασιλικῶν,
ἰοὺς σοὺς ἀφελεῖς,
παῖδας ἄγειρον,
αἰνεῖν ἁγίως,
ὑμνεῖν ἀδόλως
ἀκάκοις στόμασιν
παίδων ἡγήτορα Χρισιόν.
βασιλεῦ ἁγίων,
λόγε πανδαμάτωρ
παιρὸς ὑψίσιου,
σοφίας πρύτανι
στήριγμα πόνων,
ἀϊδιοχαρὲς,
βροτέας γενεᾶς
σῶτερ Ἰησοῦ,

ποιμὴν, ἁροιὴρ,
οἴαξ, στομιον
πιερὸν οὐράνιον
παναγοῦς ποίμνης,
ἁλιεῦ μερόπων
τῶν σωζομένων,
πελάγους κακίας
ἰχθῦς ἁγνοὺς
κύματος ἐχίδροῦ
γλυκερᾷ ζωῇ δελεάζων.
ἡγοῦ, προβάιων
λογικῶν ποιμὴν,
ἅγιε ἡγοῦ
βασιλεῦ παίδων ἀνεπάφων.
ἔχνια Χριστοῦ,
ὁδὸς οὐρανία,
λόγος ἀέναος,
φῶς ἀΐδιον,
ἐλέους πηγὴ,
ῥεκτὴρ ἀρετῆς,
σεμνὴ Βιοτὴ
θεὸν ὑμνούντων, Χρισιὲ Ἰησοῦ,
γάλα οὐράνιον
μαστῶν γλυκερῶν
νύμφης χαρίτων,
σοφίας τῆς σῆς ἐκπλιβόμενον,
οἱ νηπίαχοι,
ἁιαλοῖς στόμασιν
ἁιταλλόμενοι,
θηλῆς λογικῆς
πνεύματι δροσερῷ
ἐμπιπλάμενοι
αἴνους ἀφελεῖς,
ὕμνους ἁιρεκεῖς,

βασιλεῖ Χρισιῶ,
μισθοὺς ὁσίους
ζωῆς διδαχῆς,
μέλπωμεν ὁμοῦ,
μέλπωμεν ἁπλῶς,
παῖδα κρατερόν.
χορὸς εἰρήνης
οἱ χριστόγονοι,
λαὸς σώφρων,
ψάλλωμεν ὁμοῦ θεὸν εἰρήνης.

Слогъ въ этомъ гимнѣ отличается отчасти высокопарностію, быстрые переходы отъ одного подобія другому часто бываютъ неестественными, гимнъ напоминаетъ намъ хвалебныя пѣснопѣнія въ честь греческихъ боговъ; но эти особенности не препятствуютъ гимну быть важнымъ для насъ въ историческомъ отношеніи.

Оригенъ [1]).

Оригенъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ церковныхъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ, родился въ 185 году. Его отецъ Леонидъ, замѣчая быстрое и блестящее развитіе дарованій мальчика, видѣлъ въ немъ даръ неба. Разсказываютъ, что часто ночью, когда мальчикъ спалъ, счастливый отецъ подходилъ къ его постели и открывалъ его грудь, чтобы поцѣловать ее, какъ храмъ, въ которомъ живетъ духъ Божій. Но при этомъ благоговѣніи къ сыну Леонидъ воспитывалъ его въ строгихъ правилахъ; самъ преподавалъ ему грамматику, логику, риторику и математику, но больше всего христіанское ученіе о спасеніи. Не проходило дня безъ того, чтобы мальчика не заставляли прочитать что нибудь изъ св. писанія и, благодаря такому чтенію, съ раннихъ лѣтъ возбудилось въ немъ желаніе изучить св. писаніе. Часто онъ удивлялъ своего отца своими вопросами о смыслѣ писанія: но

---

[1]) Оригенъ (изъ Прессансе). Д. Державина. *Труды кіевской духовной Академіи.* 1865.

Леонидъ, отказываясь отвѣчать на нихъ, совѣтовалъ мальчику, удерживаться отъ пытливости и, не углубляясь въ скрытую въ писаніяхъ тайну, болѣе придерживаться буквальнаго смысла и нравственнаго ученія. Когда такимъ образомъ отецъ Оригена положилъ первыя основы для развитія въ мальчикѣ благочестія и подготовилъ его къ научнымъ занятіямъ, Оригенъ сталъ ходить въ огласительную школу, гдѣ наставникомъ былъ Климентъ. Оригену было 17 лѣтъ въ то время, когда началось гоненіе Септимія Севера, когда пострадалъ его отецъ. Сынъ охотно раздѣлилъ бы участь отца. Только благодаря настояніямъ своей матери, скрывшей его одежду, Оригенъ не послѣдовалъ за отцемъ въ темницу. Но въ тоже время Оригенъ написалъ отцу письмо, въ которомъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ увѣщевалъ его къ мужеству. По смерти отца Оригенъ вмѣстѣ съ матерью и шестью своими братьями принятъ былъ въ домъ къ одной богатой александрійской гражданкѣ; но скоро онъ постарался быть самостоятельнымъ, употребляя все свободное отъ занятій науками время на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни. Вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что Оригену пришлось принять на себя занятія учителя въ осиротѣвшей александрійской школѣ, когда Климентъ оставилъ ее, избѣгая преслѣдованія. Безкорыстное служеніе Оригена скоро было награждено по заслугамъ и александрійскій епископъ Димитрія въ 203 году утвердилъ восемнадцатилѣтняго Оригена въ званіи учителя. Съ этихъ поръ Оригенъ посвятилъ все свое время и всѣ свои силы этой важной должности и, неутомимо занимаясь учительствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ крайне строгую и высоко-нравственную жизнь. За это его обыкновенно называютъ *адамантовымъ*. Во время вновь постигшаго церковь преслѣдованія Оригенъ сохранилъ прежнее присутствіе духа и былъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для всѣхъ. Онъ утѣшалъ мучениковъ, сопровождалъ ихъ въ судилище, подвергалъ себя всѣмъ опасностямъ; но ему не суждено было пасть самому свидѣтелемъ за истину; ему надлежало еще долѣе трудиться для блага царства Божія. Его учительская дѣятельность все болѣе и болѣе расширялась, и самъ онъ не стѣснялся обращаться къ языческимъ философамъ, чтобы болѣе познакомиться съ ихъ мудростію и владѣя ею легче привлечь образованныхъ язычниковъ къ христіанству. Вмѣстѣ съ занятіями по философіи рука объ руку шло у Оригена изученіе библіи; и будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ Оригенъ выучился по еврейски, чтобы имѣть воз-

можность изъяснять писанія ветхаго завѣта, пользуясь ими на ихъ первоначальномъ языкѣ. Молва объ этомъ знаменитомъ учителѣ и ученомъ вскорѣ распространилась по востоку. Вождь аравійскій пригласилъ Оригена къ себѣ для бесѣды. О послѣдствіяхъ этой бесѣды мы впрочемъ ничего не знаемъ. Въ правленіе Каракаллы, который не будучи преслѣдователемъ христіанъ, былъ раздраженъ собственно противъ Александріи и александрійской школы, Оригенъ удалился въ Кессарію Палестинскую. Тамъ всѣ оказывали ему величайшее почтеніе и, не имѣя никакого священнаго сана, онъ все таки проповѣдывалъ тамъ въ церковныхъ собраніяхъ. Мы говорили уже о томъ, какъ мать Александра Севера вызвала Оригена въ Антіохію, чтобы поговорить съ нимъ о христіанствѣ. Но эти разнообразные знаки уваженія естественно возбудили зависть къ Оригену. Епископъ александрійскій Димитрій, прежде покровительствовавшій Оригену, теперь былъ недоволенъ тѣмъ, что Оригенъ проповѣдуетъ въ Кессаріи, не имѣя духовнаго сана. Еще непріятнѣе было для него то, что Оригенъ принялъ посвященіе на востокѣ, получилъ санъ пресвитера не изъ его рукъ, а отъ епископовъ палестинскихъ въ Іерусалимѣ и Кессаріи. Димитрій старался въ худую сторону объяснить удаленіе Оригена изъ Александріи и лучшимъ доказательствомъ виновности Оригена служили для епископа тѣ свободныя воззрѣнія, какія высказывалъ Оригенъ, будучи наставникомъ въ школѣ. Къ сожалѣнію даже у тѣхъ лицъ, которые должны бы отличаться самыми нравственными стремленіями, подъ личиною ревности о православіи скрывается иногда мелочная зависть. Когда Оригенъ добровольно оставилъ Александрію, Димитрій старался вооружить противъ него египетское духовенство. Но тѣмъ дружественнѣе этотъ ученый человѣкъ вторично принятъ былъ въ Кессаріи. Тамъ онъ основалъ ученую христіанскую школу, которая въ короткое время достигла необыкновеннаго процвѣтанія и даже соперничала съ школою александрійскою. Но поднялся новый порывъ бури: мы разумѣемъ тѣ притѣсненія, какія пришлось испытать христіанамъ въ правленіе Максимина Ѳракіянина. Оригенъ былъ снова принужденъ удалиться; онъ отправился въ Кессарію Каппадокійскую и, когда гоненіе окончилось, снова возвратился въ Палестину. Въ это время епископы Аравіи пригласили его къ себѣ, чтобы онъ обратилъ на правый путь ихъ собрата Берилла бострійскаго, приставшаго къ патрипассіанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Оригенъ долженъ былъ опровергнуть и другаго, появившагося въ Ара-

віи, еретика, который проповѣдовалъ довольно странное ученіе, будто душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и вмѣстѣ съ тѣломъ потомъ снова воскреснетъ. Оригенъ заставилъ этого лжеучителя отказаться отъ своего заблужденія. Такимъ образомъ когда въ отечествѣ Оригена признали еретикомъ, на востокѣ въ немъ видѣли опору православія. Гоненіе Декія, начавшееся въ 250 году, послужило лучшимъ доказательствомъ того, что Оригенъ не только способенъ былъ защищать христіанство словомъ, но готовъ былъ пожертвовать за Христа своею жизнію. Въ это гоненіе онъ былъ схваченъ и посаженъ въ темницу; на его шею была надѣта желѣзная цѣпь; его ноги сжаты деревянною колодкою. Въ такомъ положеніи его часто подвергали пыткамъ. Еще немного и его сожгли бы живымъ, какъ угрожали, но смерть императора положила конецъ преслѣдованіямъ и Оригенъ снова былъ освобожденъ. Тѣмъ не менѣе тѣ пытки, которыя пришлось ему вытерпѣть, окончательно разрушили его здоровье и, вѣроятно не поправившись послѣ нихъ, онъ умеръ въ Тирѣ въ 254 году на 69 году своей жизни.

Оригенъ былъ чрезвычайно плодовитый писатель. Онъ былъ не только христіанскій мыслитель и философъ, но вмѣстѣ онъ былъ ученый въ самомъ широкомъ значеніи слова. Ни одинъ изъ учителей церкви первыхъ трехъ вѣковъ не развилъ такъ богословскаго знанія во всѣхъ его разнообразныхъ отрасляхъ, какъ сдѣлалъ это Оригенъ, и вмѣстѣ никто не написалъ столько, сколько онъ. Библейская экзегетика обязана ему самою добросовѣстною разработкою. Употребивъ весьма много денегъ, данныхъ ему его другомъ Амвросіемъ, богатымъ александрійцемъ, Оригенъ собралъ различные греческіе переводы ветхозавѣтныхъ книгъ и сопоставилъ ихъ съ еврейскимъ подлинникомъ въ своемъ трудѣ (ἑξάπλα), который досель имѣетъ въ наукѣ большую цѣнность. На всѣ книги св. писанія онъ или составилъ ученые комментаріи или велъ практическія бесѣды, и благодаря его слушательницамъ, искусною рукою записавшимъ эти бесѣды, мы и теперь ихъ имѣемъ. Онъ впервые привелъ въ систематическій видъ все христіанское вѣроученіе и положилъ основу наукѣ, которую мы теперь называемъ *христіанскою догматикою*. Краснорѣчиво и серьезно защитилъ онъ истину христіанства противъ нападеній Цельса. Кромѣ всего этого онъ во многихъ отдѣльныхъ трактатахъ уяснилъ различные вопросы христіанской вѣры и нравственности. Даже въ области христі-

анскаго проповѣдничества бесѣды Оригена составляютъ первый цѣнный вкладъ. Онѣ отличаются особенно простотою, но вмѣстѣ и богатствомъ мысли. Многія изъ сочиненій Оригена погибли, другія дошли до насъ въ латинскомъ переводѣ и частію въ искаженномъ видѣ. Но и то, что дошло до насъ, кажется превышающимъ силы смертнаго даже при чрезвычайномъ трудолюбіи и дарованіяхъ.

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Оригенъ и Тертулліанъ.

Оригенъ и Тертулліанъ обозначили собою два направленія въ христіанскомъ богословіи, которыя—не совсѣмъ точно впрочемъ—могутъ быть названы *идеалистическимъ* и *реалистическимъ*.

Богословствованіе Оригена [1]).

Въ своемъ сочиненіи *περὶ ἀρχῶν* Оригенъ прежде всего старается отрѣшиться отъ тѣхъ представленій о Богѣ, которыя низводятъ Бога въ міръ конечнаго, человѣческаго. Какое бы высокое понятіе мы ни составили о Богѣ,—разсуждаетъ Оригенъ,—мы всегда должны имѣть въ виду, что Онъ безконечно выше составленнаго нами представленія. Какъ глазъ, способный выносить только слабый свѣтъ свѣчи, не можетъ выносить блескъ солнца, такъ точно нашъ человѣческій разумъ не можетъ составить надлежащаго понятія о Богѣ. Поэтому, повсюду, гдѣ св. писаніе говоритъ о Богѣ человѣкообразно, Оригенъ старается указывать высшій аллегорическій, а не ближайшій буквальный, смыслъ. Въ силу тѣхъ же воззрѣній Оригенъ не могъ буквально понимать библейскаго сказанія о твореніи; въ этомъ сказаніи онъ видитъ только аллегорическое описаніе высшихъ космическихъ отношеній. Для философской мысли Оригена казалось также страннымъ, что твореніе со-

---

[1]) Малеванскаго. Догматическая система Оригена. *Труды кіевск. дух. акад.* 1871.—Хупотскаго. О трудахъ Оригена въ изъясненіи повозавѣтнаго писанія. *Прибавл. къ твор. св. отецъ.* 1861. — Оригенъ. *Хр. Чт.* 1845. Христіанскій востокъ и западъ въ III в.: Оригенъ и Кипріанъ. *Хр. Чт.* 1865.

вершилось во времени. *Не ужели Богъ былъ когда нибудь празднымъ?*— спрашивалъ онъ себя, и, отвѣчая на этотъ вопросъ отрицательно, признавалъ, что былъ безконечный рядъ твореній Божіихъ, предшествовавшихъ сотворенію настоящаго міра. Оригенъ не могъ также согласиться съ мыслію, что одни только люди одарены духовною жизнію;—*на звѣздахъ также должны быть*, по его мнѣнію, *одаренныя душою существа*. Но Богъ по представленію Оригена, не есть простое абстрактное бытіе, возвышающееся надъ міромъ и не входящее съ нимъ ни въ какое соприкосновеніе. Напротивъ, опровергая Цельса, Оригенъ защищаетъ ученіе о божественномъ провидѣніи, которое все устрояетъ въ мірѣ по высшимъ цѣлямъ и даже самимъ зломъ, господствующимъ въ мірѣ, пользуется, какъ воспитательнымъ средствомъ, чтобы довести людей до состоянія богоподобія.

Подобно Платону, Оригенъ, думалъ, что человѣческая душа есть духовная личность, созданная Богомъ и снабженная особыми силами, уже до своего соединенія съ тѣломъ существовавшая въ другихъ мірахъ и долженствующая опять возвратиться туда по разлученіи съ своею темницею — тѣломъ. Подобно многимъ другимъ учителямъ церкви этого времени Оригенъ отличаетъ въ человѣкѣ *душу* (ψυχή) отъ *духа* (πνεῦμα), въ которомъ душа получаетъ свое высшее завершеніе. Оригенъ вѣритъ, что человѣкъ созданъ по образу Божію, но только путемъ надлежащаго употребленія своей свободы и своего разума достигаетъ дѣйствительнаго богоподобія. Человѣкъ отъ самаго рожденія не чуждъ грѣха, потому что душа согрѣшила уже въ своемъ прежнемъ бытіи. Если не единственнымъ источникомъ грѣха, то во всякомъ случаѣ самою плодоносною для него почвою служитъ матерія. Отсюда явилась необходимость, чтобы Христосъ, воплотившійся Сынъ Божій, искупилъ насъ и ввелъ общеніе съ Духомъ Своимъ. Оригенъ учитъ о Сынѣ Божіемъ, какъ о вѣчной мудрости и признаетъ Его отличною отъ Отца божественною личностію, воспринявшею человѣческую душу и человѣческое тѣло, чтобы искупить людей. Смерть Іисуса Христа всего чаще Оригенъ описываетъ подъ образомъ жертвы. Ветхозавѣтныя жертвы, по его мнѣнію, служили ея прообразомъ. Господь совершилъ вѣчное искупленіе не только для нашего міра, но для всей вселенной, для всѣхъ существъ неба и земли. Произшедшее на Голгоѳѣ было только видимымъ образомъ невидимаго для людей, но многозначи-

тельнаго для всѣхъ міровъ дѣла Божія, именно великой тайны примиренія.

Каковъ будетъ конецъ всѣхъ вещей? Оригенъ думалъ, что все, что отпало отъ Бога, снова возвратится къ Нему, ἵνα ᾖ ὁ Θεὸς τὰ πάντα ἐν πᾶσιν. Оригенъ былъ виновникомъ не разъ подъ различными формами возникавшаго въ церкви и не разъ также осужденнаго церковію ученія, о такъ называемомъ возстановленіи всѣхъ вещей. Оригенъ склоненъ былъ къ мнѣнію, что нѣкогда будетъ конецъ адскимъ мукамъ и даже самъ сатана возвратится къ Богу; но это мнѣніе онъ высказываетъ съ такою осторожностію, что его можно прочесть только между строкъ. Зло, по мнѣнію Оригена, не имѣетъ въ себѣ самостоятельнаго бытія, а потому не можетъ существовать вѣчно. Хотя Оригенъ согласно съ церковію, признавалъ имѣющее быть нѣкогда воскресеніе тѣлъ, но это ученіе плохо вяжется съ его системою. Признавая, что душа имѣла самостоятельное бытіе до связи съ тѣломъ, Оригенъ могъ мыслить самостоятельное и блаженное состояніе души безъ тѣла. Такимъ образомъ тѣло казалось ему просто бременемъ, привязывающимъ душу къ землѣ, бременемъ, отъ котораго освобождаетъ ее смерть. Дѣйствительно мы у него встрѣчаемъ много разсужденій о томъ, что душа, благодаря смерти, освобождается отъ своей темницы и свободно возносится къ Богу, что нѣкогда, при концѣ міра, все тѣлесное изчезнетъ и одухотворится. Такимъ образомъ, если Оригенъ защищалъ догматъ о воскресеніи тѣла отъ нападеній Цельса и другихъ писателей, то онъ старался по крайней мѣрѣ отрѣшить это ученіе отъ всѣхъ чувственныхъ представленій, какія съ нимъ соединялись. Оригенъ ссылается на ученіе а. Павла о прославленномъ тѣлѣ, которое будетъ подобно прославленному тѣлу Спасителя, и всѣхъ которые надѣялись воскреснуть съ тѣмъ же тѣломъ, какое имѣли на землѣ, называетъ дѣтьми и простецами. Оригенъ обращаетъ вниманіе на то, что нашъ тѣлесный организмъ слишкомъ хорошо приспособленъ къ своему настоящему обиталищу и чтобы жить въ другомъ мірѣ нужно имѣть другое тѣло, приспособленное къ природѣ этого послѣдняго міра. Какъ рыба не можетъ жить нигдѣ, кромѣ воды, такъ и земное тѣло не можетъ жить нигдѣ, какъ только на землѣ. Для жизни на небѣ нужно небесное тѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ Оригенъ боролся противъ существовавшаго въ его время ученія о тысячелѣтнемъ царствѣ

Христа на землѣ, противъ такъ называемаго *хиліазма*, и благодаря ему должно было на нѣкоторое время умолкнуть это ученіе.

Не смотря на свой идеализмъ, Оригенъ всетаки признавалъ, что человѣку въ теченіи его земной жизни для поддержанія общенія съ Богомъ необходимы внѣшнія средства благодати, но не могъ мыслить дѣйствіе таинствъ, сообщающимъ человѣку божественную силу помимо его воли и воздѣйствія. По его мнѣнію, дѣйствіе таинствъ обусловливается вѣрою и ни одинъ изъ церковныхъ учителей не опредѣлялъ такъ точно различіе между символомъ и благодатію, какъ Оригенъ.

Особенно важно для насъ ученіе Оригена о св. писаніи и его оригинальный способъ объясненія писаній. Согласно съ мнѣніемъ всей церкви Оригенъ почиталъ св. писаніе ветхаго и новаго завѣта (такъ какъ и книги новаго завѣта въ его время были уже собраны въ канонъ) произведеніемъ св. Духа. Въ библіи Оригенъ видѣлъ не только сборникъ писаній, составленныхъ въ различное время различными авторами,—но цѣльное откровеніе Божества человѣку. И какъ человѣкъ состоитъ изъ трехъ началъ: духа, души и тѣла (*πνεῦμα, ψυχή, σωμα*), такъ по мнѣнію Оригена и въ св. писаніи должно различать три начала: *тѣло* св. писанія—это его буквальный смыслъ, *душа* —это его нравственный смыслъ, а *духъ* — это его таинственный смыслъ. Задача толкователя св. писанія состоитъ въ томъ, чтобы, видя тѣло св. писанія, познавать его душу, а, познавая, душу, проникать въ его духъ. Прежде всего мы должны объяснять библію грамматически по ея буквальному смыслу; но мы не должны останавливаться на этомъ, потому что это только скорлупа, а намъ нужно овладѣть самымъ зерномъ. Иногда намъ по необходимости приходится разбить скорлупу, чтобы не лишиться зерна. Часто буква писанія имѣетъ прекрасный смыслъ, но еще чаще буква писанія скрываетъ отъ насъ его духъ, такъ что буквальное пониманіе писанія иногда прямо ведетъ къ заблужденію. Въ такомъ случаѣ мы подъ буквой должны подразумѣвать духъ и подобнаго рода мѣста должны объяснять аллегорически. Въ аллегорическомъ методѣ Оригенъ заходитъ очень далеко. Все, что не соотвѣтствовало въ библіи его идеальному представленію о Богѣ, все это онъ отказывается объяснить въ буквальномъ смыслѣ и, объясняя въ смыслѣ духовномъ, выдаетъ свое толкованіе за божественную истину. Что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, что онъ вступалъ въ бесѣду съ первыми людьми, что онъ ходилъ между

ними и т. п. все это, по мнѣнію Оригена, нельзя понимать буквально. Далѣе: разсказы библіи о патріархахъ не слѣдуетъ принимать за историческія повѣствованія, а за аллегорію. Если ветхозавѣтныя предписанія Іеговы понимать буквально, то мы не можемъ признавать этого закона, даннымъ отъ Бога, потому что въ такомъ случаѣ законы Солона и Ликурга окажутся гораздо разумнѣе, чѣмъ законы Моисея. Законы Моисеевы поэтому должно объяснять только со стороны ихъ духовнаго сокровеннаго смысла. Богъ намѣренно положилъ такіе камни преткновенія на пути читателя библіи, чтобы побудить его глубже вникать въ смыслъ писаній. Точно также и библейскія чудеса многозначительны для насъ собственно потому что въ формѣ историческихъ повѣствованій знакомятъ насъ съ міромъ духовнымъ и вѣчнымъ. Для христіанской вѣры не особенно важно, напр., что Христосъ нѣкогда исцѣлилъ слѣпаго и хромаго или воскресилъ мертваго: гораздо важнѣе, что Господь всегда отверзаетъ очи духовно-слѣпымъ, всегда исправляетъ нравственно хромыхъ, давая имъ возможность прыгать подобно олепямъ, оживляетъ духовно-мертвыхъ и возбуждаетъ ихъ отъ сна грѣховнаго. Мы вовсе не имѣемъ права сказать, что Оригенъ своими аллегорическими объясненіями желаетъ подобно раціоналистамъ отвергнуть разсказы св. писанія о чудесахъ. Напротивъ своими объясненіями онъ не уменьшаетъ, а усиливаетъ священный характеръ писанія. Онъ выходилъ изъ того общаго положенія, что въ св. писаніи нѣтъ ни одного мѣста, которое не было бы исполнено духомъ Божіимъ, потому что заповѣдавшій человѣку: *„ты не долженъ приступать ко мнѣ тощъ“*, могъ ли сказать что либо безсодержательное? Будучи исполненъ мыслію объ Іисусѣ Христѣ, Оригенъ ищетъ ученія о Немъ во всякомъ отдѣльномъ мѣстѣ писанія. Онъ признавалъ ученіе о Христѣ сердцемъ св. писанія и старался ощутить біеніе этого сердца даже на окраинахъ библіи, часто впадая при этомъ въ недоразумѣнія или заблужденія.

Еще при своей жизни Оригенъ былъ признанъ за еретика своими соотечественниками, которые далеко уступали ему въ духовномъ и религіозно-нравственномъ развитіи; впослѣдствіи вся церковь предала анаѳемѣ нѣкоторыя изъ его ученій. Нельзя отрицать, что мысли Оригена о христіанствѣ и библіи часто отличались болѣе глубиною, чѣмъ вѣрностію, но мы должны всегда удивляться этому человѣку, который посвятилъ свои рѣдкіе таланты на службу христіан-

ству и не разъ смѣло шелъ на страданія за вѣру. Можно не согласоваться съ религіозными взглядами Оригена, то нельзя упрекнуть его за его жизнь.

Тертулліанъ и его догматическія и практическія воззрѣнія[1]).

Противоположность идеалистическимъ ученіямъ александрійскихъ учителей представляетъ собою въ своихъ сочиненіяхъ карѳагенецъ Тертулліанъ, современникъ Климента Александрійскаго, бывшій уже зрѣлымъ мужемъ въ то время, какъ Оригенъ только что выступалъ на служеніе церкви.

Квинтъ Септимій Флоренцій Тертулліанъ родился во второй половинѣ II вѣка въ Карѳагенѣ отъ родителей язычниковъ. Гордыя преданія Карѳагена отразились въ упорномъ характерѣ потомка сподвижниковъ Аннибаловыхъ. Нельзя сказать, чтобы Тертулліанъ вовсе не получилъ научнаго образованія, но это образованіе не отличалось тѣмъ спекулятивнымъ направленіемъ, какъ у александрійцевъ; оно отличалось направленіемъ практическимъ: Тертулліанъ приготовлялся къ званію адвоката и, пока былъ язычникомъ, занимался адвокатурою. Въ христіанство онъ перешелъ уже въ зрѣломъ возрастѣ: онъ прожилъ въ язычествѣ много лѣтъ и зналъ языческую жизнь по собственному опыту. Кажется мужественное исповѣданіе мучениковъ было главнымъ обстоятельствомъ, побудившимъ его принять христіанство. Сдѣлавшись христіаниномъ, Тертулліанъ, подобно Оригену, не стремился къ занятію высшихъ церковныхъ должностей: подобно Оригену онъ былъ только пресвитеромъ,—вѣроятно въ Карѳагенѣ. О его внѣшней жизни дошло до насъ очень мало свѣдѣній, но о его внутренней жизни его многочис-

---

[1]) Творенія Тертуллиана перев. Е. Карнѣева. Спб. 1847. Жизнь Тертулліана и разборъ его сочиненій *Хр. Чт.* 1842. -Д. Опоцкаго. Тертулліанъ какъ апологетъ христіанства. *Дух. Бес.* 1861. Скворцова. Трактатъ Тертулліана о зрѣлищахъ. *Труды кіев. дух. акад.* 1865. Варежанина. Нравственное ученіе Тертулліана. Ibid. 1865. Щеглова. Тертулліанъ и его двѣ книги ad nationes. Ibid. 1876.

ленныя сочиненія даютъ самое полное свидѣтельство. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ въ его жизни былъ его переходъ къ монтанизму.

Изучая Тертулліана, мы не находимъ у него той подвижности мыслей, того каренія къ идеаламъ, какимъ отличались александрійцы; но у него мы видимъ ту трезвость чувства, ту серьезность, то глубокомы слiе, которое при всей грубости и угловатости его мышленія приводитъ насъ въ изумленіе.—Тертулліанъ былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ школьной философіи и не признавалъ за нею никакого права вмѣшиваться въ обсужденіе религіозныхъ вопросовъ. Quid ergo, говоритъ онъ, Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae? quid haereticis et christianis? Греческихъ философовъ онъ называетъ *патрі архами еретиковъ*. Тѣмъ не менѣе самъ Тертулліанъ былъ философомъ не изъ послѣднихъ и такимъ самостоятельнымъ мыслителемъ, какъ немногіе. Онъ раздѣлялъ общую судьбу со многими писателями, которые возставая противъ вмѣшательства разума въ дѣла вѣры, тѣмъ не менѣе сами бываютъ вынуждены поддерживать положительную религію доводами разума, потому что не могутъ ограничиться только простымъ запоминаніемъ догматическихъ формулъ. Они стремятся углубиться мыслію въ откровенную истину, прослѣдить ее до основаній и такимъ образомъ дать отчетъ о ней разуму. Отказавшись слѣдовать по пути, проложенному философіею, Тертулліанъ долженъ былъ пролагать для себя особый путь—такъ сказать—черезъ глушь дико растущаго разума, создалъ свой особый языкъ, свою особую логику. Онъ не стремился къ изысканности слога; напротивъ онъ любитъ грубость выраженія, парадоксы мысли, за которыми часто скрывается у него самая горькая иронія. Говоря, что только абсурдъ можетъ быть предметомъ вѣры и вѣря христіанскимъ догматамъ, потому что они содержатъ въ себѣ много несообразнаго, Тертулліанъ смѣется надъ тѣми поверхностными мыслителями, которые останавливаются только на томъ, что легко для пониманія, боясь вдаваться въ глубокія умозрѣнія. Легкому, сглаживающему всѣ противорѣчія, раціонализму Тертулліанъ предпочитаетъ грубость вѣры, не признающую никакихъ уставовъ разума. Natus est Dei filius: non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est Dei filius: prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit: certum est, quia impossibile. Выражаясь современнымъ языкомъ, Тертулліанъ былъ крайнимъ *супранатуралистомъ*.

Христіанство есть свыше данное божественное откровеніе. Тѣмъ не менѣе Тертулліанъ искалъ въ человѣческой душѣ внутренняго посредствующаго основанія для принятія христіанства. Естественный человѣкъ не есть еще христіанинъ, но какъ скоро онъ возрожденъ, то душа его оказывается уже отъ природы христіанскою: она предрасположена, предназначена для христіанства. Такимъ образомъ если александрійцы говорили, что божественный Логосъ еще прежде вочеловѣченія во Христѣ уже зачаточнымъ образомъ дѣйствовалъ въ человѣчествѣ, то Тертулліанъ говоря, что Богъ свидѣтельствуетъ о себѣ во всякой человѣческой душѣ, выражаетъ туже мысль. Consiste in medio anima, говоритъ Тертулліанъ. Sed non eam te aduoco, quae scholis formata, bibliothecis, academiis et porticibus Atticis pasta, sapientiam ructas. Te simplicem, et rudem et impolitam, et idioticam compello, qualem te habent, qui te solam habent. Imperitia tua mihi opus est, quoniam aliquantulae peritiae nemo credit. Non es, quod sciam, christiana: fieri enim, non nasci soles christiana. Tamen nunc a te testimonium flagitant christiani. Общеупотребительныя присловія: quod Deus dederit, si Deus voluerit, Deus bonus, Deus benefacit, Deus videt omnia, et Deo commendo, et Deus reddet, et Deus inter nos judicabit служатъ, по мнѣнію Тертулліана, свидѣтельствомъ души въ пользу истины христіанства. Но къ полному познанію божественнаго душа достигаетъ только чрезъ Христа и только церковь, утверждающаяся на апостольскомъ основаніи и вѣрно хранящая свое преданіе, владѣетъ истиною. Все, что находится внѣ церкви, чуждо благодатныхъ даровъ евангелія. Поэтому Тертулліанъ весьма рѣзко высказывается противъ еретиковъ, отдѣлившихся отъ церкви. Сравнивая христіанъ съ рыбами, живущими въ свѣжей водѣ, съ обитателями Ноева ковчега, спасшимися въ немъ отъ потопа, погубившаго всѣхъ безбожниковъ, Тертулліанъ еретиковъ называетъ порожденіями змѣй и ехиднъ, въ грязныхъ болотахъ влачащими свое жалкое существованіе. Онъ не признаетъ за еретиками никакого права вступать въ споръ съ православными по вопросамъ о вѣрѣ. Они не имѣютъ права спорить даже на основаніи библіи, потому что только церковь—обладательница апостольскаго преданія—можетъ правильно толковать библію. Кто не раздѣляетъ мнѣній вѣрующихъ,—внушаетъ Тертулліанъ, —того нельзя вразумить, и вѣрующій не обязанъ давать ему отчета.

Такія сужденія Тертулліана удивляютъ насъ особенно потому, что самъ Тертулліанъ, приставъ къ монтанистамъ, отрѣшился, такимъ образомъ, отъ союза съ церковію. Но мы не должны забывать, что монтанисты относительно догматическаго ученія стояли на одномъ основаніи со вселенскою церковію. Кромѣ того взглядъ Тертулліана на еретиковъ, вѣроятно, былъ высказанъ имъ ранѣе перехода въ монтанизмъ.

Знакомясь ближе съ догматическими воззрѣніями Тертулліана, мы не можемъ не видѣть сразу, какъ рѣзко отличаются они отъ воззрѣній александрійскихъ учителей и особенно Оригена. Если Оригенъ не находилъ возможнымъ достаточно духовно высказаться о Богѣ и его свойствахъ и считалъ необходимымъ, чтобы всякое ограниченное человѣческое слово объ этомъ подверглось выясненію и измѣненію въ глубинѣ человѣческаго духа, то Тертулліанъ съ своей стороны не прочь былъ приписать Божеству даже тѣло, хотя подобно стоикамъ разумѣлъ подъ тѣломъ все, что даетъ существамъ ихъ предметность. Жизнь безъ тѣла —это нѣчто безсодержательное и безвидное, совпадающее въ мысли съ понятіемъ о пустомъ пространствѣ: при этомъ идея о Богѣ безтѣлесномъ такъ утончается, что даетъ только отрицательное представленіе о Немъ, какъ о безконечномъ и необъятномъ. Опасаясь чтобы утонченіе идеи о Богѣ не повело къ совершенному отрицанію сущаго Бога, Тертулліанъ желаетъ представлять Бога имѣющимъ тѣло, лично живущимъ, иногда даже подобнымъ человѣку, имѣщимъ очи, чтобы наблюдать за людьми, руки, чтобы защищать ихъ, уши, чтобы внимать ихъ молитвамъ, сердце, чтобы любить ихъ. Мысля Бога подобнымъ человѣку, Тертулліанъ думаетъ чрезъ это только придать мысли о Богѣ содержательность.

Не удовлетворяясь мыслію о безтѣлесномъ Богѣ, Тертулліанъ вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалъ возможнымъ, чтобы душа человѣческая могла существовать безъ тѣла или нѣкоего тѣлеснаго облика. Поэтому, если Оригенъ признавалъ предсуществованіе душъ до ихъ водворенія въ человѣческомъ тѣлѣ, то Тертулліанъ признавалъ просто, что душа рождается вмѣстѣ съ тѣломъ и выводилъ отсюда ученіе „о первородномъ грѣхѣ“. Душа и тѣло, по его мнѣнію, связаны взаимно, такъ что не могутъ быть мыслимы другъ безъ друга. Они вмѣстѣ благоденствуютъ, вмѣстѣ и страдаютъ. Поэтому, по Тертулліану, христіанство не есть

религія только духовная, оно имѣетъ цѣлію очищеніе какъ духа, такъ и тѣла. Такъ въ крещеніи омывается тѣло и вмѣстѣ ниспосылается благодать на душу; въ таинствѣ евхаристіи тѣло питается св. залогомъ любви Христовой и вмѣстѣ душа наполяется и насыщается для *вѣчной жизни*. Ученіе о воскресеніи тѣла занимаетъ у Тертулліана важное мѣсто въ составѣ христіанской догматики; мученики, терпѣвшіе въ сей жизни тѣлесныя муки, должны въ будущемъ вѣкѣ получить и тѣлесныя наслажденія; равно и грѣшившіе здѣсь тѣломъ должны въ будущей жизни терпѣть наказаніе на тѣлѣ. Будучи монтанистомъ, Тертулліанъ не чуждъ былъ идеи о тысячелѣтнемъ царствованіи Христа на землѣ, хотя понималъ это царствованіе не такъ грубо и чувственно, какъ другіе монтанисты. Однимъ словомъ Тертулліанъ мыслилъ все въ пластическихъ образахъ: абстрактныя идеи его не удовлетворяли, онъ любилъ конкретное, осязаемое, удобообъемлемое, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и грандіозное. „Тертулліанъ“, говоритъ Неандеръ въ своей монографіи о немъ, „отличался острою и глубокою мыслію, чрезвычайною способностію къ діалектикѣ, но у него не было ясности мысли, спокойствія и систематичности, какія необходимы для богослова. Тертулліану не доставало самообладанія. Чувство и воспріимчивость у него брали перевѣсъ надъ разсудкомъ. Христіанство открыло ему новый внутренній міръ: чувства и идеи тѣснились въ его пламенной душѣ, но у него не доставало соотвѣтственныхъ словъ для ихъ выраженія“.

Но изучивъ догматическія воззрѣнія Тертулліана, мы только на половину познакомились съ нимъ. Его нравственныя воззрѣнія, большею частію стоявшія въ связи съ монтанизмомъ, имѣютъ еще большую важность. Монтанисты были самые строгіе христіане, поэтому и нравоученіе Тертулліана отличается чрезвычайною суровостію и совершенно противоположно свободнымъ эллинскимъ воззрѣніямъ на жизнь. Если у грековъ выше всего считалось *прекрасное*, которое не только всегда стояло у нихъ въ связи съ истиннымъ и добрымъ, но часто замѣняло собою то и другое, то у Тертулліана было часто совершенно наоборотъ. Онъ также, какъ и монтанисты, сталъ во враждебное отношеніе къ искусству. Его собственный слогъ можетъ служить образцомъ невыработанности: онъ грубъ, растянутъ, часто высокопаренъ и теменъ.—Тертулліанъ возставалъ противъ всякихъ украшеній, всякихъ увеселеній. Онъ называетъ язычниковъ безумными за то, что они во время праздниковъ и

брачныхъ пиршествъ украшаютъ себя вѣнками изъ цвѣтовъ, потому что цвѣты созданы для того, чтобы мы наслаждались ихъ благоуханіемъ, а не для того, чтобы вплетами ихъ въ волосы. Онъ запрещаетъ христіанскимъ женщинамъ всякое украшеніе и требуетъ, чтобы онѣ одѣвались какъ можно проще, а дѣвы ходили съ покрытою головою. Тертулліанъ всѣми силами вооружается противъ зрѣлищъ, думая, что тамъ только обманъ и ложь, и не умѣя усмотрѣть въ поэзіи своего рода истину. Съ бо́льшею справедливостію осуждаетъ онъ зрѣлища за то, что онѣ возбуждаютъ страсти и стоятъ въ связи съ языческой миѳологіею. Въ виду этого онъ часто называетъ театръ diaboli negotium. Тертулліанъ строго осуждаетъ и всякія другія удовольствія и развлеченія; христіанинъ долженъ находить свое блаженство только въ Богѣ и чтеніи Его слова. Мы вполнѣ поймемъ и оцѣнимъ такую строгость Тертулліана, если вспомнимъ о нравахъ древняго міра. Могъ ли христіанинъ съ спокойною совѣстію участвовать въ языческихъ обычаяхъ и находить въ нихъ для себя наслажденіе? Но монтанистическая мораль въ то время часто должна была сталкиваться съ требованіями государства и общества. Если напр. во время тріумфальнаго шествія римскаго императора приказывалось украшать дома вѣнками и иллюминовать ихъ, то строгіе христіане, въ родѣ Тертулліана, отказываясь выполнить такой приказъ, тѣмъ самымъ подавали поводъ къ началу преслѣдованій. Точно также Тертулліанъ признавалъ неприличнымъ для христіанина служить въ военной службѣ, потому что считалъ войну дѣломъ нехристіанскимъ и потому что съ военною службою было связано исполненіе языческихъ церемоній, которыхъ христіанинъ не долженъ совершать. Credimus nc, разсуждалъ Тертулліанъ, humanum sacramentum divino superduci licere et in alium dominum respondere post Christum?... Licebit in gladio conversari, Domino pronuntiante, *gladio periturum, qui gladio fuerit usus?* Et praelio operabitur filius pacis, cui nec litigare conveniet?.... et signum postulare a principe, qui jam a Deo accepit? и т. д. Справедливо замѣчаютъ, что образъ мыслей Тертулліана въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ сходство съ тѣми мнѣніями, какія впослѣдствіи отстаивали квакеры и анабаптисты. Но особенною строгостію отличались взгляды Тертулліана относительно брака. Выходя изъ мысли о святости и нерасторжимости брака и слишкомъ строго понимая изреченіе Господа (Марк. X. 10), Тертулліанъ, думалъ что смерть не разрушаетъ брака и брачный союзъ бу-

детъ продолжаться и за гробомъ. Въ силу этого Тертулліанъ, а вмѣстѣ съ нимъ и монтанисты—отвергали второй бракъ. Но какъ ни высоко ставилъ Тертулліанъ бракъ, но добровольно избранное безбрачное состояніе было въ его глазахъ еще выше. И хотя церковь въ то время не требовала безбрачія отъ пресвитеровъ и епископовъ и даже самъ Тертулліанъ былъ женатъ, но его аскетическіе взгляды объ особенной святости безбрачія подготовили появленіе въ римской церкви законовъ о безбрачіи духовенства.

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Св. Кипріанъ карѳагенскій и его время.

Характеристика св. Кипріана и начало его служенія церкви[1]).

Въ сѣверо-африканской церкви, непосредственно послѣ Тертулліана, умершаго въ 220 г., мы видимъ другаго знаменитаго дѣятеля не столько по отношенію къ церковному ученію, сколько къ отношенію къ церковной,—дисциплинѣ именно епископа карѳагенскаго Кипріана. Онъ жилъ въ то время, когда церковная жизнь была переполнена борьбою. Не говоря уже о внѣшнихъ преслѣдованіяхъ, въ самой церкви шла борьба между сторонниками іерархіи и защитниками значенія мирянъ въ церкви,—между поборниками мѣстныхъ правъ карѳагенской церкви —и притязаніями римской каѳедры. И въ той и въ другой борьбѣ Кипріанъ принималъ живое участіе. Онъ старался отстоять права епископскаго сана противъ церковныхъ демократовъ и защитить самостоятельность своей епископской каѳедры отъ притязанія Рима на главенство въ церкви.

Фавстъ Цецилій Кипріанъ родился въ началѣ третьяго вѣка, вѣроятно въ Карѳагенѣ, происходилъ изъ знаменитаго рода и получилъ прекрасное научное образованіе. Въ первое время своей жизни онъ былъ язычникомъ, но потомъ христіанскій пресвитеръ Цецилій успѣлъ

---

[1]) Жизнь св. Кипріана е. карѳагенскаго. *Труды кіевск. дух. акдем.* 1860. Творенія св. Кипріана въ русскомъ переводѣ въ приложеніи къ *Трудамъ кіевской академіи* 1860—62.

склонить его къ христіанству и въ 246 г. Кипріанъ принялъ крещеніе Вотъ разсказъ самого Кипріана о той благодатной перемѣнѣ, которую онъ почувствовалъ въ себѣ послѣ крещенія. Ego cum in tenebris atque in nocte caeca jacerem; cum que in salo jactantis seculi nutabundus ac dubius, vestigiis oberrantibus fluctuarem; vitae meae nescius, veritatis ac lucis alienus; difficile prorsus ac durum pro illis tunc moribus opinabar, quod in salutem mihi divina indulgentia pollicebatur, ut quis renasci denuo possit..... Sed postquam undae genitalis auxilio, superioris aevi labe detersa, in expiatum pectus et purum desuper se lumen infudit; postquam coelitus spiritu hausto, in novum me hominem nativitas secunda reparavit: mirum in modum protinus confirmare se dubia, patere clausa, lucere tenebrosa; facultatem dare quod prius difficile videbatur; geri posse, quod impossibile putabatur ut esset: agnoscere terrenum fuisse, quod prius carnaliter natum delictis obnoxium viveret; Dei esse coepisse, quod iam Spiritus sanctus animaret. Еще до своего крещенія, будучи въ числѣ оглашенныхъ, Кипріанъ много занимался св. писаніемъ. Послѣ крещенія онъ еще съ большею ревностію продолжалъ изученіе Библіи и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ писанія церковныхъ учителей, особенно Тертулліана, который былъ для него авторитетомъ не только въ вѣроученіи, но и въ нравоученіи. Кипріанъ самъ началъ вести самую строгую нравственную жизнь. Большую часть своего имѣнія онъ отдалъ бѣднымъ и наложилъ на себя самые суровые подвиги покаянія. Чрезъ два года послѣ своего крещенія, только что получивъ санъ пресвитера, Кипріанъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлался карѳагенскимъ епископомъ. Онъ былъ избранъ на эту должность всѣмъ народомъ. Считая себя недостойнымъ епископства, Кипріанъ долго отказывался, но народъ, настаивая на своемъ желаніи, окружилъ его домъ и до тѣхъ поръ осаждалъ его своими просьбами, пока наконецъ онъ согласился. Но съ этого времени для Кипріана начался рядъ непріятностей и только такой человѣкъ, какъ онъ, въ состояніи былъ перенести ихъ. Нѣсколько священниковъ, особенно старѣйшіе, недовольные тѣмъ, что помимо ихъ возвысили на епископскую каѳедру такого молодого человѣка,—[illegible]щали всѣ его распоряженія. Что Кипріямъ по совѣсти могъ уступить пресвитерамъ, то уступилъ имъ. Онъ совѣтовался съ ними обо всемъ и ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кипріанъ имѣлъ твердое убѣжденіе въ высокомъ значеніи епископской власти и считалъ своимъ правомъ и обязанностію по временамъ давать чувствовать эту власть.

Кипріанъ былъ человѣкъ чрезвычайно энергичный. Сознавая себя представителемъ церкви, Кипріанъ особенно заботился о возвышеніи церковной дисциплины. По отношенію къ Карѳагену, гдѣ господствовали роскошь и безнравственность, Кипріанъ былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ 1200 лѣтъ спустя Кальвинъ по отношенію къ Женѣвѣ. Впѣшнее спокойствіе, которымъ давно уже наслаждались христіане, даже въ лучшихъ изъ нихъ усыпило нравственныя стремленія, и не только міряне, но даже духовные, даже епископы предались мірскимъ заботамъ. Женщины и дѣвы уклонились отъ христіанскаго цѣломудрія и нѣкоторыя дошли до крайняго паденія. Кипріанъ почиталъ своею обязанностію исправить все это посредствомъ строгихъ мѣръ Слѣдуя мнѣнію своего учителя Тертулліана, Кипріанъ запретилъ женщинамъ всякое великолѣпіе одежды, такъ какъ онѣ этимъ искажаютъ данный Богомъ даро̀ванный имъ видъ. Кипріанъ вооружался противъ зрѣлищъ и когда одинъ христіанинъ, бывшій нѣкогда актеромъ, пожелалъ обучать молодыхъ людей декламаціи и мимикѣ, Кипріанъ предпочелъ лучше содержать его на счетъ церкви, чѣмъ дозволить ему снискивать пропитаніе такимъ занятіемъ. Въ то время, какъ Кипріанъ вводилъ такіе строгіе нравы, началось преслѣдованіе при Декіѣ. Мы знаемъ, что во время этого преслѣдованія съ особенною ревностію разъискивали епископовъ, знаемъ также, что Кипріанъ спасся бѣгствомъ. Другіе могли позволить себѣ такое бѣгство, не навлекая на себя осужденія, какъ напр. Климентъ александрійскій и многіе другіе. Но строгаго Кипріана судили также строго. Не смотря на то, что онъ ссылался на божественное видѣніе, побудившее его къ бѣгству, его все-таки упрекали въ малодушіи. Онъ старался по возможности ослабить неблагопріятное впечатлѣніе; какъ вѣрный пастырь, онъ издали заботился о покинутомъ стадѣ и посылалъ пастырскія увѣщанія, но его положеніе все-таки было очень тяжело.

Вопросъ о падшихъ и новаціанскій расколъ[1]).

Трудность положенія Кипріана удвоилась еще вслѣдствіе вопроса объ отношеніи церкви къ падшимъ во время гоненія. Во время Декі-

---

[1]) *Hefele.* Исторія церкви т. 2-й. Спб. 1873. 140—203. О дѣйствіяхъ древнихъ пастырей во время общественныхъ бѣдствій *Чт. об. люб. дух. просв.* 1868.

ева гоненія было много отпавшихъ отъ церкви и различнымъ образомъ измѣнившихъ ей. Одни изъ нихъ принесли жертву, другіе только воскурили ѳиміамъ, третьи за деньги купили у языческихъ властей свидѣтельства, что принесли жертву, хотя на самомъ дѣлѣ и не приносили ея. Такіе падшіе исключались изъ церкви, какъ недостойные ея члены, и принимались снова только подъ условіемъ тяжелаго покаянія. Но очевидно строгость къ падшимъ братьямъ должна была ослабѣть, когда за нихъ стали ходатайствовать мужественные *исповѣдники* вѣры, пользовавшіеся въ церкви величайшимъ уваженіемъ. Испытавъ самое темничное заключеніе, оковы и пытки, исповѣдники христіанства имѣли болѣе, чѣмъ кто либо другой, права требовать строгаго взысканія съ падшихъ. Если эти исповѣдники сами показывали теперь примѣръ снисходительности и ходатайствовали за слабѣйшихъ братьевъ, то кто могъ воспротивиться ихъ желанію? И все-таки нашелся человѣкъ, не склонившійся предъ ходатайствомъ исповѣдниковъ. Это былъ Кипріанъ. Не смотря на то, что самъ онъ спасся отъ преслѣдованія бѣгствомъ, онъ все-таки считалъ себя вправѣ настаивать, чтобы церковные законы относительно падшихъ были строго примѣняемы. *Спасаться бѣгствомъ*, думалъ онъ, *согласно со христіанскою вѣрою, но измѣнять вѣрѣ строго запрещено.* Очевидно казалось страннымъ, что бѣжавшій во время преслѣдованія епископъ судитъ гораздо строже о падшихъ братьяхъ, чѣмъ люди, перенесшіе пытки и доказавшіе свою готовность пожертвовать жизнію; очевидно, что въ глазахъ народа голосъ исповѣдниковъ казался гораздо авторитетнѣе, чѣмъ строгія приказанія епископа. Но очевидно также, что при этомъ подрывалась церковная дисциплина въ корнѣ. Исповѣдники, хотя и оказали личное мужество и презрѣніе смерти, не всегда однакожъ были самые просвѣщенные и добродѣтельные люди; между ними бывали часто люди, получившіе грубое воспитаніе, способные презирать физическую боль, но вмѣстѣ съ тѣмъ неспособные судить о предметахъ нравственности. Понятно, какъ опасно было для церкви, если бы такіе люди, однажды отличившіеся мужествомъ въ страданіяхъ, приняли постоянное участіе въ церковномъ правленіи. И однакожъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Дошло до того, что *исповѣдники* не только ходатайствовали передъ церковію за падшихъ, но сами давали имъ и ихъ семействамъ отпустительныя грамоты и такимъ образомъ препятствовали примѣненію церковныхъ правилъ. Кипріанъ не могъ равнодушно смотрѣть на это. Онъ прежде всего обратился съ

письмомъ къ исповѣдникамъ и поставлялъ имъ на видъ неканоничность ихъ образа дѣйствій; опъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о мужествѣ ихъ во время гоненія, но осуждалъ ихъ за безпорядки, какія вносили они въ церковь своими своевольными отпустительными грамотами.

Но что случилось за тѣмъ? Кипріанъ мало по малу сталъ снисходительнѣе къ падшимъ и обнародовалъ распоряженія, которыя не были согласны съ его прежнею строгостію. Тѣмъ не менѣе люди, желавшіе осуждать его за все, какъ прежде судили его за строгость, такъ теперь ставили ему въ вину его снисходительность. Во главѣ противниковъ Кипріана стоялъ церковный демагогъ, пресвитеръ Новатъ. Кипріанъ дастъ намъ самое рѣзкое описаніе нравственной распущенности этого человѣка, быть можетъ сгущая при этомъ тѣни. Въ помощники себѣ Новатъ избралъ діакопа Фелициссима, котораго рукоположилъ собственною рукою. Эти два человѣка возстали противъ лицъ, назначенныхъ Кипріаномъ для наблюденія за порядкомъ въ карѳагенской церкви. За такое противленіе Кипріанъ отлучилъ Новата и Фелициссима отъ церковнаго общенія. Послѣ пасхи 251 года Кипріанъ возвратился въ Карѳагенъ послѣ 14-ти мѣсячнаго отсутствія и созвалъ соборъ изъ епископовъ, оставшихся ему вѣрными. Прежде всего на этомъ соборѣ были утверждены правила относительно падшихъ. Соборъ старался избрать средину между строгостію и снисходительностію. Между тѣмъ дѣло усложнилось еще болѣе. По тому же вопросу о падшихъ возникли серьезные споры въ Римѣ. Тамъ епископъ Корнилій былъ на сторонѣ снисхожденія къ падшимъ, а пресвитеръ Новаціанъ (по Евсевію Новатъ) доказывалъ, что при возвращеніи падшихъ въ церковь слѣдуетъ поступать съ ними какъ можно строже; между тѣмъ какъ въ Карѳагенѣ епископъ (Кипріанъ) стоялъ за строгость, а пресвитеръ (Новатъ) за снисходительность. Но прибывъ въ Римъ Новатъ сошелся съ мнѣніемъ Новаціана и, отказавшись отъ прежней снисходительности, требовалъ строгости къ падшимъ, вопреки мнѣнію римскаго епископа Корнилія и самаго Кипріана, сдѣлавшагося снисходительнымъ. По происками Новата и его партіи въ Африкѣ на ряду съ Кипріаномъ былъ избранъ антіепископомъ нѣкто Фортунатъ, изъ недовольныхъ пресвитеровъ. Но лучшая часть карѳагенской церкви по прежнему глубоко уважала Кипріана. Во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Карѳагенѣ, Кипріанъ

своимъ самоотверженіемъ и преданностію вѣрѣ заслужилъ любовь и уваженіе даже со стороны тѣхъ людей, которые его прежде порицали. Новаціане, (т. е. приверженцы римскаго пресвитера Новаціана и африканскаго—Новата), между тѣмъ отрѣшились отъ всякаго общенія съ вселенскою церковію, такъ какъ ея правила относительно церковной дисциплины казались имъ слишкомъ снисходительными. Новаціане постановили всѣхъ, впадшихъ въ смертные грѣхи, навсегда отлучать отъ общенія и перекрещивали переходившихъ въ ихъ общество изъ вселенской церкви. По своей строгости новаціане весьма сходны съ монтанистами и часто отождествлялись съ ними, пока наконецъ не сошли совсѣмъ съ церковно-историческаго поприща.

Споръ по вопросу о крещеніи еретиковъ [1]).

Съ древнѣйшихъ временъ церковь учила, что внѣ ея нѣтъ спасенія. Это положеніе—nulla salus extra ecclesiam—было поддерживаемо и развиваемо и св. Кипріаномъ. Habere jam non potest Deum Patrem, qui ecclesiam non habet matrem, училъ Кипріанъ. Въ связи съ этимъ стояло и другое положеніе, что только церковь, и притомъ церковь правовѣрующая, вселенская, имѣетъ въ себѣ св. Духа и дарованныя Христомъ средства благодати. Такимъ образомъ если во вселенскую церковь переходятъ такіе люди, которые къ ней доселѣ не принадлежали, то они должны принять крещеніе для вступленія въ церковь. Но какъ поступить съ тѣми, которые получили крещеніе отъ еретиковъ и раскольниковъ? слѣдуетъ ли признавать это крещеніе или нѣтъ? Африканская церковь не признавала его. Еретики внѣ церкви, а слѣдовательно у нихъ нѣтъ и крещенія. Люди, крещенные еретиками, переходя ко вселенской церкви должны быть крещены еще разъ, или выражаясь точнѣе, теперь должны впервые получить истинное крещеніе; надъ ними должно быть совершено не перекрещиваніе, а именно крещеніе, котораго они по смыслу церкви еще не принимали. Мы ранѣе уже замѣтили, что новаціане, почитая себя единою истинною и святою церковію, перекрещивали всѣхъ переходившихъ къ нимъ. Они въ этомъ случаѣ держались совершенно того же взгляда, т. е., что истинное крещеніе есть только въ истинной церкви, а такою истинною церковію признавали себя самихъ.

---

[1]) Споръ о крещеніи еретиковъ. *Чт. общ. люб. дух. пр.* 1870.

Но римскій епископъ Стефанъ, ведя борьбу съ Новаціаномъ утверждалъ, что крещеніе есть само по себѣ дѣйствующее таинство благодати Божіей надъ людьми, которое независимо отъ убѣжденій священнодѣйствующаго пресвитера совершаетъ надъ человѣкомъ то, что должно совершить по своему установленію. Таинство крещенія, даже совершенное невѣрнымъ или еретикомъ, имѣетъ полную силу, лишь бы оно только совершено было по установленію Іисуса Христа *во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Какъ печать имѣетъ полное значеніе независимо отъ правъ того, кто ее прикладываетъ, такъ и крещеніе есть таинство совершенно независимое отъ того, кто его совершаетъ. Такъ—можетъ быть—доказывалъ Стефанъ правильность своего взгляда; такія соображенія, по крайней мѣрѣ, приводились послѣ, когда позднѣе разсуждали объ этомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ Стефанъ держался того мнѣнія, что для принятія въ церковное общеніе крещенныхъ еретиками достаточно совершать надъ ними просто возложеніе рукъ. *Таково,* говоритъ онъ, *апостольское преданіе, такова практика римской церкви.* Относительно послѣдняго конечно не возражали противники Стефана, къ которымъ принадлежалъ и Кипріанъ, но не придавали этому никакого значенія. Но что таково было апостольское преданіе, они совершенно отвергали. Если Стефанъ ссылался на то, что крещенные діакономъ Филиппомъ самаряне не были снова крещены апостолами Петромъ и Іоанномъ, и приняты были ими только чрезъ возложеніе рукъ, то Кипріанъ совершенно справедливо возражалъ, что этотъ примѣръ въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, потому что Филиппъ былъ не еретикъ, а правовѣрующій христіанинъ. Кипріанъ вообще думалъ, что укоренившійся обычай не можетъ рѣшить дѣло, потому что существуютъ же старыя и закоренелыя ошибки. Не обычай, но истина должна служить критеріемъ для сужденія.

Когда Стефанъ отказался слушать уполномоченныхъ африканской церкви, Кипріанъ обратился къ епископамъ Азіи и нашелъ у нихъ сочувствіе. Епископъ кесарійскій Фирміліанъ высказывалъ крайнее недовольство притязаніемъ Рима во всѣхъ церквахъ вводить свои мѣстные обычаи. Слѣдствіемъ этихъ сношеній было то, что на соборѣ карѳагенскомъ 261 года африканскіе епископы единогласно высказались противъ Рима. Но тщетно. Римъ былъ упоренъ въ своихъ диктаторскомъ словѣ и какъ прежде по вопросу о праздникѣ пасхи, такъ и теперь по вопросу о крещеніи еретиковъ побѣда осталась за

нимъ. Римская практика, признающая крещеніе совершенное еретиками законнымъ, если только оно совершено было по правильной формулѣ,—въ концѣ концовъ усвоена была всею церковію.

Мученическая кончина св. Киприана[1]).

Приблизилось время, когда много испытывавшій мужъ долженъ былъ заградить уста своимъ клеветникамъ, запечатлѣвъ свою вѣру мученическимъ подвигомъ, котораго не можетъ умалить ни ложь, ни зависть. Уже во время гоненія при императорѣ Галлѣ Киприанъ не спасался бѣгствомъ, но ему не пришлось пострадать въ это преслѣдованіе. Роковой часъ насталъ при императорѣ Валеріанѣ. Въ началѣ это преслѣдованіе по видимому не слишкомъ было сильно въ Африкѣ, но оно было направлено главнымъ образомъ противъ епископовъ. 30 августа 257 года, вскорѣ послѣ того какъ Киприанъ написалъ сочиненіе de exhortatione martyrii, онъ былъ позванъ на судъ проконсуломъ А. Патерномъ. Вотъ актъ перваго допроса: Imperatore *Valeriano* IV et *Gallieno* III. Coss., III Kal. Sept. Carthagine in Secretario, *Paternus* Proconsul *Cypriano* Episc. dixit: Sacratissimi Imperatores Valerianus et Gallienus litteras ad me dare dignati sunt, quibus praeceperant, eos, qui Romanam religionem non colunt, debere Romanas ceremonias recognoscere. Exquisivi ergo de nomine tuo; quid mihi respondes? *Cyprianus* Episc. dixit: *Christianus sum et Episcopus. Nullos alios Deos novi, nisi unum et verum Deum, qui fecit coelum et terram, mare et quae sunt in eis omnia. Huic Deo nos Christiani deservimus: hunc deprecamur diebus et noctibus, pro nobis et pro omnibus hominibus et pro incolumitate ipsorum Imperatorum.* *Paternus* PCos. dixit: In hac ergo voluntate perseveras? *Cyprianus* Episc. respondit: *Bona voluntas, quae Deum novit, immutari non potest.* *Paternus* PC. dixit: Poteris ergo secundum praeceptum Valeriani et Gallieni, exsul ad urbem Curibitanam proficisci. *Cyprianus e.* dixit: *Proficiscor.* *Paternus* PC. dixit: Non solum de Episcopis, verum etiam de Presbyteris mihi scribere dignati sunt. Volo ergo scire ex te, qui sunt Presbyteri, qui in hac civitate consistunt. *Cyprianus* Episc. respondit: *Legibus vestris bene atque utiliter censuistis, delatores non esse. Itaque*

---

[1]) Страданіе св. Киприана карѳагенскаго. *В. Чт.* IV.

detegi et deterri a me non possunt. In civitatibus autem suis invenientur. Paternus PC. dixit: Ego hodie in hoc loco exquiro. *Cyprianus* dixit: *Cum disciplina prohibeat, ut quis se ultro offerat, et tuae quoque censurae hoc displiccat; nec offerre se ipsi possunt: sed a te exquisiti invenientur. Paternus* PC. dixit: a me invenientur; et adjecit: Praeceperunt etiam, ne in aliquibus locis conciliabula fiant, nec coemeteria ingrediantur. Si quis itaque hoc tam salubre praeceptum non observaverit, capite plectetur. *Cyprianus* Episc. respondit: *Fac quod tibi praeceptum est.*

Tunc *Paternus* PC. iussit b. Cyprianum Episc. in exsilium deportari. Мѣстомъ ссылки Кипріана была civitas Curubitana. Этотъ городъ находился въ разстояніи одного дня пути отъ Карѳагена, на пустынной, палимой знойными лучами солнца, равнинѣ, и отличался крайне нездоровымъ климатомъ. Оттуда Кипріанъ, насколько было возможно, управлялъ дѣлами церкви, посылалъ даже утѣшительныя письма къ христіанамъ, присужденнымъ на каторжныя работы въ нумидійскихъ рудникахъ. Между узниками за Христа было девять епископовъ съ пресвитерами и діаконами. Собственная судьба Кипріана; по его словамъ, была открыта ему въ ночномъ видѣніи. Ему снилось, что онъ стоитъ передъ судомъ, гдѣ произносится ему приговоръ, и одинъ юноша знакомъ показываетъ ему, что онъ будетъ присужденъ къ отсѣченію головы. Кипріанъ началъ просить, чтобы ему дали день отсрочки для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Этотъ день,—по словамъ его жизнеописанія,—означалъ годъ, и дѣйствительно казнь совершена была только черезъ годъ. По истеченіи этого времени, новый проконсулъ Галерій Максимъ пригласилъ изгнанника къ себѣ и велѣлъ ему жить въ своемъ домѣ, чтобы всегда имѣть его подъ рукою на случай, если будетъ присланъ изъ Рима болѣе строгій указъ, о которомъ уже носились слухи. Скоро былъ присланъ этотъ строгій указъ, присуждавшій къ смертной казни каждаго христіанина и особенно каждаго духовнаго, который откажется принимать участіе въ церемоніяхъ отеческой религіи. Кипріанъ зналъ обо всемъ, зналъ даже о послѣдовавшей не задолго предъ тѣмъ мученической смерти римскаго епископа Сикста. Напрасно друзья Кипріана упрашивали его и на этотъ разъ спасаться бѣгствомъ; Кипріанъ вѣрилъ, что объявленная ему воля Божія о его мученической кончинѣ должна исполниться, точно также какъ и прежде онъ оправдывалъ свое бѣгство, ссылаясь на повелѣніе

Божіе. Онъ желалъ только одного: засвидѣтельствовать свою вѣру въ самомъ Карѳагенѣ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Поэтому когда проконсулъ, находившійся тогда въ Утикѣ, хотѣлъ при посредствѣ ликторовъ привлечь туда Кипріана, Кипріанъ не пошелъ туда и еще написалъ послѣднее посланіе къ своей паствѣ, увѣщевая ее къ мужеству и прося не дѣлать волненія. Какъ скоро проконсулъ Галерій Максимъ снова возвратился въ Карѳагенъ, Кипріанъ съ охотою пошелъ на допросъ. Два чиновника арестовали Кипріана въ его домѣ, посадили его въ колесницу между собою и повезли на допросъ. Во всемъ Карѳагенѣ началось сильнѣйшее волненіе, когда распространилась вѣсть о захватѣ епископа. Множество народа ночью тѣснилось около его темницы. Епископъ дѣлалъ все, чтобы успокоить волненіе. На другое утро 14 сентября 258 года проконсулъ призвалъ его на судъ. Cumque oblatus fuisset, *Galerius Max.* PC. Cypriano Episc dixit: Tu es Thascius Cyprianus? *Cyprianus* Episc. respondit: *Ego sum. Galerius Max.* PC. dixit: Jusserunt te sacratissimi Impp. caeremoniari. *Cyprianus* Episc. dixit: *Non facio. Galerius Max.* ait: Consule tibi. *Cyprianus* Episc. respondit: *Fac quod tibi praeceptum est. In re tam iusta nulla est consultatio.*

Galerius Max. collocutus cum concilio sententiam vix aegre dixit verbis huiusmodi: Diu sacrilega mente vixisti, et plurimos nefariae tibi conspirationis homines aggregasti, et inimicum te diis Rom. et sacris legibus constituisti, nec te pii et sacratissimi Principes Valerianus et Gallienus Augg, et Valerianus nobilissimus Caesar, ad sectam caeremoniarum suarum revocare potuerunt. Et ideo cum sis nequissimorum criminum auctor et signifer deprehensus: eris ipse documento his, quos scelere tuo tecum aggregasti: sanguine tuo sancietur disciplina. Et his dictis, decretum ex tabella recitavit: Thascium Cyprianum gladio animadverti placet. *Cyprianus Episc.* dixit: *Deo gratias.*

Post hanc vero sententiam turba fratrum dicebat: „Et nos cum ipso decollemur“. Propter hoc tumultus fratrum exortus est, et multa turba eum prosecuta est. Et ita idem Cyprianus in agrum Sexti productus est, et ibi lacerna byrro exspoliatus est, et genu in terra flexit, et in orationem se Domino prostravit. Et cum se dalmatica exspoliasset et diaconibus tradidisset, in linea stetit et coepit spiculatorem sustinere. Cum venisset autem spiculator, iussit suis, ut eidem spiculatori XXV aureos darent. Linteamina vero et manualia a fratribus ante eum mit-

tebantur. Postea vero b. Cyprianus manu sua oculos sibi texit. Qui cum lacinias manuales ligare sibi non potuisset, Iulianus presbyter et Iulianus subdiaconus ei ligaverunt. Ita b. Cyprianus passus est, eiusque corpus propter gentilium curiositatem in proximo positum est. Inde per noctem sublatum, cum cereis et scholacibus, ad areas Macrobii Candidiani Procuraturis, quae sunt in via Mappaliensi iuxta piscinas cum voto et triumpho magno deductum est. Скоро въ честь его было выстроено двѣ церкви въ Карѳагенѣ: одна на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ казненъ, другая на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ погребенъ. Обѣ церкви впослѣдствіи при вторженіи вандаловъ были разрушены Гейзерихомъ. Вселенская церковь причислила Кипріана къ лику святыхъ. Есть преданіе, что Карлъ великій перенесъ его останки во Францію, гдѣ они почивали сперва въ Ліонѣ, потомъ въ Арлѣ. Другія позднѣйшія церкви также усвояли себѣ честь обладанія его св. останками, напр. церковь въ Венеціи, монастырь въ Кампаніи, церковь во Фландріи. Для всего христіанскаго міра въ наслѣдіе послѣ св. Кипріана остались его сочиненія. О нихъ-то теперь скажемъ нѣсколько словъ.

Сочиненія св. Кипріана и особенно его ученіе о церкви[1]).

Кипріана нельзя причислить къ преждеупомянутымъ великимъ богословамъ и учителямъ церкви. Онъ не отличался ни стремленіемъ къ философствованію подобно александрійцамъ: Клименту и Оригену, ни геніальною, проницательностію и остротою мысли, подобно своему учителю Тертулліану. Онъ былъ болѣе представитель, чѣмъ учитель церкви, болѣе іерархъ, чѣмъ догматикъ. Поэтому въ сочиненіяхъ Кипріана содержится не столько догматическое ученіе, сколько сужденіе о церковномъ устройствѣ и о нравственныхъ вопросахъ. Если Кипріанъ входитъ когда либо въ область догматики, то средоточіемъ его богословствованія служитъ догматъ о церкви. Большая часть сочиненій, оставшихся намъ отъ св. Кипріана, имѣетъ форму посланій, писанныхъ имъ по обязанности пастыря при различныхъ обстоятельствахъ въ его

---

[1]) Кипріанъ карѳагенскій, поборникъ единства церкви *Хр. Чт.* 1858. Ученіе св. Кипріана о церкви *В. Чт.* XI.

многоизмѣнчивой судьбѣ; нѣкоторыя изъ его писемъ, впрочемъ, расширяются до размѣра обширныхъ трактатовъ и таково, между прочимъ, его сочиненіе: de unitate ecclesiae, которое было составлено имъ во время новаціанскихъ споровъ. Вопреки расколу, произведенному Новатомъ и Фелициссимомъ въ Африкѣ, и въ Римѣ Новаціаномъ, Кипріанъ былъ провозвѣстникомъ ученія о единствѣ и вселенскомъ характерѣ церкви. Для доказательства этого ученія онъ пользуется подобіями изъ области природы и примѣрами изъ области св. исторіи. Какъ множество свѣтовыхъ лучей имѣетъ своимъ источникомъ одно солнце, какъ множество вѣтвей выростаетъ на одномъ корнѣ, какъ множество ручьевъ разливаются изъ одного и того же потока, такъ и всѣ христіане, сколько бы ихъ ни было, должны быть въ единеніи съ церковію—общимъ для нихъ солнцемъ, корнемъ и источникомъ. Отдѣлите лучъ отъ солнца и онъ угаснетъ, отрубите вѣтвь отъ ствола и она засохнетъ, разлучите ручей съ его истокомъ и ручей изсякнетъ.—Точно также пасхальный агнецъ, котораго надлежало съѣдать въ одномъ семействѣ, домъ Раавы, одинъ—уцѣлѣвшій среди всеобщаго разрушенія, служили Кипріану образомъ единаго дома церкви; нешвенный хитонъ Христа былъ также образомъ нераздѣльности церкви. Unam ecclesiam etiam in cantico canticorum Spiritus sanctus ex persona Domini designat et dicit: *Una est columba mea.* Но вмѣстѣ съ тѣмъ церковь должна сохранять невинность голубицы. Кто не имѣетъ такой невинности, тотъ можетъ отдѣлиться, и церковь не только ничего не теряетъ отъ этого, а напротивъ пріобрѣтаетъ. Gratulandum est, cum tales de ecclesia separantur, ne columbas, ne oves Christi saeva sua et venenata contagione praedentur... Nemo existimet bonos ecclesia posse discedere. Triticum non rapit ventus, nec arborem solida radice fundatam procella subvertit. Inanes paleae tempestate jactantur; invalidae arbores turbinis excursione evertuntur. Подобные безсмысленные люди могутъ, конечно, составлять собственныя общины, но напрасно они ссылаются на слова Спасителя: Ubicunque fuerint duo aut tres collecti in nomine meo, Ego cum iis sum; ибо можетъ ли быть Христосъ посредѣ тѣхъ, которые своевольно отдѣлились отъ Него и Его церкви? Даже мученическая смерть не можетъ быть поставлена въ заслугу такимъ раскольникамъ, потому что у нихъ нѣтъ любви, которая одна, по апостолу, придаетъ цѣну добрымъ дѣламъ. Esse martyr non potest, qui in ecclesia non est.,. exhibere se non potest martyrem, qui

froternam non tenuit caritatem. Кипріанъ не могъ найти достаточно сильнаго выраженія, чтобы охарактеризовать всю пагубность сектаторства и раскола. Въ своемъ гнѣвномъ увлеченіи, Кипріанъ сравниваетъ раскольниковъ съ шайкою разбойниковъ, которые возстаютъ на пресвитера Божія и сами падаютъ въ изрытый ими ровъ; онъ судитъ ихъ гораздо строже, чѣмъ *падшихъ*, но сознающихъ свою вину и желающихъ соединиться съ церковію. Въ послѣдніе годы своей жизни отъ видимой и воинствующей церкви на землѣ Кипріанъ любилъ обращать свой взоръ къ торжествующей церкви небесной. И въ то время, когда свирѣпствовало гоненіе, и въ то время, когда моровая язва собирала между смертными богатую дань, Кипріанъ всегда обращалъ взоры страдальцевъ къ горней церкви и небесному Іерусалиму. Такъ въ сочиненіи de mortalitate, которое было написано во время самаго сильнаго развитія моровой язвы, изобразивъ измѣнчивость настоящаго міра Кипріанъ писалъ между прочимъ: mundus ecce mutat et labitur, et ruinam sui non jam senectute rerum, sed fine testatur... Amplectamur diem, qui assignat singulos domicilio suo. Qualis illic coelestium regnorum voluptas sine timore moriendi, et cum acternitate vivendi! quam summa et perpetua felicitas! Illic apostolorum gloriosus chorus: illic prophetarum exultantium numerus: illic martyrum innumerabilis populus ob certaminis et passionis victoriam coronatus.. Ad hos, fratres dilectissimi, avida cupiditate properemus: ut cum his cito esse, ut cito ad Christum venire contingat, optemus.

ЧТЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Судьбы христіанства во второй половинѣ III вѣка

Христіанская церковь при Авреліанѣ. Ереси Павла Самосатскаго и Савеллія.

Переходя[illegible]а къ обозрѣнію внѣшнихъ судебъ церкви. Мы сообщили, что Галліенъ, сынъ Валеріана, въ 259 году, издалъ эдиктъ терпимости въ пользу христіанъ и вскорѣ за тѣмъ волненія въ римской имперіи совершенно отвлекли вниманіе римскаго правительства отъ христіанской церкви. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Авреліанъ взялъ въ свои руки кормило правленія и все пришло въ надлежащій порядокъ.

Домицій Авреліанъ, происходившій изъ Сирміума въ Панноніи и управлявшій имперіею съ 270 до 275 года, въ гражданской исторіи называется *возстановителемъ римской имперіи, вторымъ кесаремъ*. Онъ отличался не столько благороднымъ, сколько стойкимъ, рѣшительнымъ, закаленнымъ въ боевой жизни характеромъ. Онъ держалъ въ рукѣ мечъ не какъ символъ достоинства, а какъ орудіе истребленія. „Тысячи, тысячи, и еще тысячи людей мы выкинули изъ здѣшней жизни. Тысячу, тысячу лѣтъ долженъ жить тотъ, кто убилъ тысячу тысячъ, кто пролилъ болѣе крови, чѣмъ сколько течетъ вина на землѣ". Такова была военная пѣсня римскихъ солдатъ во времена Авреліана. Счастіе на войнѣ соотвѣтствовало его мужеству. Онъ не только со-

---

[1]) О Павлѣ Самосатскомъ и Савеллѣ можно читать къ книгахъ В. А. Снегирева. *Ученіе о лицѣ Іисуса Христа въ первые три вѣка.* Казань 1870. и Д. В. Гусева. *Ересь антитринитаріевъ вѣка III-го.* Кіевъ. 1872.

крушилъ господство маркоманновъ въ Италіи, но разорилъ также громадныя царства знаменитой Зиновіи, царицы пальмирской, и подчинилъ имперіи Сирію, Египетъ, Месопотамію и часть передней Азіи, а за тѣмъ усмирилъ Галлію, Испанію, Британію. Онъ имѣлъ намѣреніе идти войною на Персію, но смерть помѣшала выполненію этого предпріятія. Авреліанъ былъ убитъ въ Кенофруріумѣ, вблизи Византіи, по проискамъ своего секретаря Мнесфа. Историки христіанской церкви видятъ въ этой внезапной смерти императора пути промысла Божія, потому что Авреліанъ въ это время приготовлялъ эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ, но не успѣлъ его обнародовать. Въ церковной исторіи остался Авреліанъ не столько съ именемъ преслѣдователя, сколько съ именемъ судьи, потому что ему, отличавшемуся особенною любовью къ правосудію, выпалъ случай быть судьею во внутреннихъ дѣлахъ церкви.

Епископъ антіохійскій Павелъ, происходившій изъ Самосаты, какъ своимъ поведеніемъ, такъ и своимъ ученіемъ возмущалъ антіохійскую церковь. Будучи любимцемъ могущественной и хитрой Зиновіи, онъ отличался характеромъ свѣтскаго правителя, былъ сустенъ, высокомѣренъ и дѣйствовалъ путемъ насилія. Занимая каѳедру епископа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ свѣтскую должность и охотно вмѣшивался въ свѣтскія дѣла. Онъ и какъ епископъ требовалъ себѣ мірскаго почета. Его проповѣди были похожи болѣе на ораторскія рѣчи, чѣмъ на христіанское поученіе, и онъ былъ очень доволенъ, когда его слушатели въ церкви, какъ въ театрѣ, высказывали ему одобреніе рукоплесканіями и топаньемъ. Онъ составилъ гимны для своего прославленія и заставлялъ пѣть ихъ въ церкви вмѣсто хвалебныхъ пѣсней Христу; но когда многіе возстали противъ этого, онъ всстаки вмѣсто гимновъ въ честь Іисуса Христа, которые называлъ нововведеніями, ввелъ пѣніе ветхозавѣтныхъ псалмовъ, отдавъ имъ предпочтеніе можетъ быть по угодливости іудеямъ, къ которымъ весьма благоволила Зиновія, а можетъ быть по своему личному догматическому убѣжденію. Послѣднее довольно вѣроятно, потому что сущность догматическихъ воззрѣній Павла состояла въ томъ, что онъ отвергалъ ученіе о божествѣ Іисуса Христа. Это лжеученіе Павла, а вмѣстѣ и самое поведеніе его, вооружило противъ него всю христіанскую общину. Хотя Павелъ называлъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, но онъ объяснялъ это пазваніе въ самомъ неправославномъ смыслѣ. Его ученіе, какъ и его характеръ,

было двусмыслено; онъ умѣлъ свое ученіе весьма хитро прикрывать, употребляя церковную терминологію, но предивая церковнымъ выраженіямъ совсѣмъ иной смыслъ, а не тотъ, какой соединяли съ нимъ истинные христіане. Но люди внимательные скоро замѣтили это и старались заставить его ясно исповѣдать свои убѣжденія. Для этого нѣсколько разъ созывались соборы въ Антіохіи. Павелъ всегда умѣлъ вывертываться, но наконецъ нашелся человѣкъ, съумѣвшій уличить его. На соборѣ антіохійскомъ 265 г. пресвитеръ Малхіонъ, весьма искусный діалектикъ, успѣлъ заставить Павла высказать свое лжеученіе и на этомъ же соборѣ было рѣшено низложеніе епископа. Это было еще до временъ Авреліана. Павелъ не желалъ оставить своей епископской каѳедры. Его поддерживала его покровительница Зиновія и нѣсколько членовъ антіохійской церкви, бывшихъ на его сторонѣ. Въ правленіе Авреліана, когда лишилась своей власти Зиновія, лишился своей каѳедры и Павелъ. Антіохійцы обратились съ просьбою къ императору и повергли дѣло на его судъ. Подобное обстоятельство представляется нѣсколько страннымъ. Языческій императоръ, притомъ такой императоръ, какъ Авреліанъ, гораздо болѣе интересовавшійся войною, чѣмъ богословіемъ, могъ ли быть судьею въ такомъ чисто христіанскомъ спорномъ дѣлѣ? Авреліанъ отклонилъ отъ себя это дѣло и обѣщалъ антіохійское епископство отдать тому, кому присудитъ его епископъ римскій. А римскій епископъ утвердилъ низложеніе Павла. Здѣсь было положено начало дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу римской каѳедры, которая, все болѣе и болѣе стала возвышаться надъ остальными епископскими каѳедрами.

Не задолго до Павла Самосатскаго одинъ пресвитеръ города Птолемаиды въ Пентаполѣ (въ области нынѣшняго Триполиса) по имени Савеллій началъ распространять ученіе, которое обыкновенно сопоставляется съ ученіемъ Павла Самосатскаго, хотя оно существенно отъ него отличается. Савеллій не отрицалъ, подобно Павлу Самосатскому, вочеловѣченія Бога во Христѣ. Скорѣе его ученіе стоитъ въ связи съ тѣмъ направленіемъ, котораго держались Праксей, Бериллъ и Ноетъ и которые но назвали *патрипассіанствомъ*. Савелій не отрицаетъ, что Іисусъ Христосъ былъ Богъ, явившійся во плоти; онъ не желаетъ только различать въ существѣ Бога три лица, какъ дѣйствительныя личности, потому что это-де можетъ легко привести къ представленію о трехъ богахъ. Не желая допустить этой мысли, онъ утверждалъ, что

Отецъ вочеловѣчился и страдалъ. Различіе между Отцомъ и Св. Духомъ есть только различіе въ названіи единаго божественнаго существа. Савеллій высказывалъ эти мысли открыто и такимъ ученіемъ пріобрѣталъ себѣ уваженіе. *Отецъ, Сынъ и Св. Духъ*, говорилъ онъ, *въ сущности одно и тоже, различіе между ними не внутреннее и не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ сущности божества; различіе это только относится къ способу откровенія людямъ, при чемъ однажды единый Богъ былъ Отцемъ, въ другой разъ—Сыномъ, въ третій разъ—Духомъ Святымъ. Какъ Отецъ, онъ далъ законы іудеямъ; какъ Сынъ, онъ искупилъ міръ; какъ Духъ, Онъ благодатно дѣйствуетъ въ сердцахъ вѣрующихъ.* Чтобы наглядно доказать свое ученіе, Савеллій пользовался нѣкоторыми подобіями. „Какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, такъ точно,—говоритъ онъ,—Отецъ, Сынъ и Духъ есть единый Богъ; какъ солнце согрѣваетъ, освѣщаетъ и вмѣстѣ есть круглое тѣло, такъ точно должно думать о Божествѣ, которое, какъ Сынъ, просвѣтилъ міръ, какъ Духъ Святый, поддерживаетъ его и подъ именемъ Отца составляетъ божественную ипостась. Являя себя міру во Христѣ, Богъ какъ бы простеръ свою руку въ міръ и съ вознесеніемъ Господа на небо, Онъ какъ бы снова отнялъ эту руку".

Очевидно ученіе Савеллія не было плодомъ нечестія или легкомыслія подобно ученію Павла Самосатскаго. Оно далеко не исключало пламенной любви къ Господу, котораго Савеллій признавалъ Богомъ вочеловѣчившимся и явившимся людямъ во плоти. Савеллію можно обвинить не столько въ неправомысліи, сколько въ неудачномъ формулированіи догмата. Противъ Савеллія выступилъ ученикъ Оригена Діонисій александрійскій, защищавшій ученіе о дѣйствительной троичности лицъ въ Богѣ. Но Діонисій александрійскій, увлекшійся доводами разума, подобно Савеллію, желая строго различить ипостаси Божества, дошелъ до весьма опасной мысли о подчиненности одной божественной ипостаси другой.

Состояніе христіанъ въ первые годы правленія Діоклитіанова [1]).

Послѣ смерти императора Авреліана въ теченіи десяти лѣтъ съ 275 до 284 года смѣнилось на императорскомъ престолѣ шесть импе-

[1]) Объ этомъ можно читать въ *Лѣтописи церковныхъ событій*, Арсенія. Годы 284—304.

раторовъ. Долѣе всѣхъ изъ нихъ съ большимъ счастіемъ и разсудительностію управлялъ Авреліи Пробъ, занимавшій престолъ съ 276 по 282 годъ. Въ правленіе всѣхъ этихъ императоровъ христіане оставались въ покоѣ. Такимъ же спокойствіемъ наслаждались они въ первые 18 лѣтъ правленія Діоклитіана, который вступилъ на престолъ 17 сентября 284 года. Діоклитіанъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ правителей римской имперіи, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по умѣнью управлять государствомъ. Будучи незнатнаго происхожденія (сынъ крестьянина изъ Далмаціи), Діоклитіанъ тѣмъ не менѣе всегда отличался благороднымъ образомъ мыслей и великодушіемъ. Онъ старался подражать Марку Аврелію. Твердою рукою онъ старался сдержать въ это печальное время распадающійся составъ государства и, такъ какъ у него не доставало силъ для этого, то онъ разсудилъ избрать себѣ соправителя. Титулъ „*Августа*“, доселѣ принадлежавшій только одному лицу, онъ раздѣлилъ съ своимъ другомъ Максиміаномъ, по прозванію Геркуломъ; затѣмъ позднѣе избраны были еще два цезаря: Максиміанъ Галерій и Констанцій Хлоръ (отецъ Константина). Діоклитіанъ управлялъ восточною половиною имперіи и Египтомъ, Максиміанъ западною половиною имперіи. Первый уступилъ цезарю Галерію правленіе надъ Арменіею, Ѳракіею, Македоніею и Греціею, послѣдній уступилъ Констанцію Хлору правленіе надъ Испаніею. Каждый изъ этихъ правителей имѣлъ свой дворъ, своихъ чиновниковъ, свое войско, вслѣдствіе чего неизбѣжно увеличивались налоги въ государствѣ. Діоклитіанъ съ восточною роскошью жилъ въ Никомидіи, Максиміанъ въ Миланѣ, а между тѣмъ римскій сенатъ мало по малу терялъ свою прежнюю власть и Римъ утрачивалъ значеніе древней императорской столицы.

Христіане повсюду въ имперіи пользовались спокойствіемъ въ первые 18 лѣтъ правленія Діоклитіана. Причисляя эти 18 лѣтъ къ предшествующему времени спокойствія, мы увидимъ, что христіане благоденствовали цѣлыхъ 40 лѣтъ. Слишкомъ многое могло измѣниться въ это время. Съ одной стороны церковь воспользовалась этимъ долговременнымъ спокойствіемъ, чтобы благоустроить свое земное существованіе. Въ годы преслѣдованій, когда исповѣдники Господа чувствовали себя странниками и пришельцами на землѣ, они собирались для молитвы ночью въ лѣсахъ, въ уединенныхъ мѣстахъ, всего чаще на гробницахъ мучениковъ, и если собирались въ домѣ кого нибудь изъ братъ-

евъ, то при запертыхъ дверяхъ. Христіане не имѣли въ мысляхъ заботиться о устройствѣ великолѣпныхъ храмовъ и многіе изъ христіанъ даже по принципу были противъ устройства такихъ храмовъ. Язычники, какъ извѣстно, ставили, между прочимъ, въ упрекъ христіанамъ, что у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни алтарей, ни внѣшней обрядности въ богослуженіи. (nullas aras habent, templa nulla, nulla nota simulacra *Min. F. Octavius*). Теперь было иначе. Теперь явились у христіанъ не только простые молитвенные домы, но даже великолѣпные храмы, особенно по городамъ. Таковъ напр. былъ знаменитый храмъ никомидійскій, вмѣщавшій до 20000 человѣкъ. Далѣе: христіане имѣли теперь свои школы, свои имущества. Всѣмъ этимъ они безопасно пользовались во времена мира и по справедливости должны были воздавать хвалу Богу за это спокойствіе. Число христіанъ сдѣлалось весьма велико, такъ какъ теперь никто уже не страшился, за исповѣданіе себя христіанином, подвергнуться преслѣдованію, а напротивъ того даже при дворѣ христіане имѣли доступъ и пользовались довѣріемъ. Но съ другой стороны долговременное спокойствіе породило въ церкви много внутреннихъ для нея опасностей. Христіане мало по малу снова привыкли къ роскоши и безпечности, болѣе и болѣе вступали въ общеніе съ міромъ и церковь принимала мірской характеръ. Многіе изъ христіанъ находились на службѣ при дворѣ, были государственными чиновниками, вступали въ военную службу. Примѣръ Павла Самосатскаго показываетъ намъ, что даже епископы не прочь были состоять на государственной службѣ. Евсевій, съ восторгомъ говорившій о томъ, какъ много Господь оказалъ благодѣяній церкви и христіанамъ этого времени, вмѣстѣ съ тѣмъ горько жалуется на то, что христіане предались лѣности, лицемѣрію, жаждѣ къ наслажденіямъ и стремленію къ спорамъ, что они завидовали другъ другу и клеветали другъ на друга, что епископъ враждовалъ съ епископомъ и церковь возставала противъ церкви. Въ наступившемъ за тѣмъ преслѣдованіи, которое по своей жестокости превосходило всѣ предшествующія, Евсевій видитъ праведный судъ Божій надъ христіанами. Но еще за нѣсколько времени до этого преслѣдованія въ 296 году Діоклитіанъ издалъ весьма замѣчательный эдиктъ противъ одной, распространенной на востокѣ, религіозной секты, послѣдователи которой извѣстны подъ именемъ манихеевъ.

Манесъ и манихеи[1]).

Чтобы понять происхожденіе этой секты или, лучше сказать, этой новой религіи, составленной изъ элементовъ древне-восточныхъ религій и христіанскаго гностицизма, мы должны вспомнить кое-что изъ религіозной исторіи древней Азіи. Во время персидскаго царя Густазба, (котораго иные ученые отождествляютъ съ Даріемъ Гистаспомъ, а другіе относятъ къ болѣе раннему времени), въ Персію, гдѣ дотолѣ было распространено поклоненіе огню, была принесена изъ Мидіи новая религія. Основателемъ этой религіи называютъ Зороастра. Основныя ученія его религіи изложены въ священной книгѣ, извѣстной подъ именемъ „Зенд-Авесты“ т. е. живаго слова. Содержаніе этой книги впервые стало извѣстно въ наукѣ въ 70 годахъ прошедшаго вѣка, благодаря трудамъ ученыхъ Анкетиля, Перрона и Клейкера. Основныя положенія зендской религіи слѣдующія: отъ вѣчности существуетъ несозданное время, изъ котораго возникли два основныхъ бытія. Ормуздъ и Аримапъ,—доброе и злое начало, съ подчиненными имъ добрыми и злыми духами. Царство свѣта есть царство Ормузда; царство тьмы есть царство Аримана. Оба царства находятся во враждѣ и будутъ вести борьбу за господство дотолѣ, пока наконецъ царство Ормузда одержитъ побѣду надъ зломъ. Это Зороастрово ученіе, послѣ завоеванія Персіи Александромъ Великимъ, подъ вліяніемъ греко-македонской цивилизаціи мало по малу измѣнялось. Арсакиды, въ теченіи четырехъ столѣтій управлявшіе Персіею, всецѣло были заняты внѣшнею борьбою съ Римомъ и не обращали вниманія на религіозную жизнь народа, которая выродилась въ бездушную обрядность. Но во времена Александра Севера персу Ардеширу Бабекану удалось низвергнуть Парѳянскаго владѣтеля арсакида Артабана IV-го и возстановить древле-персидское царство. Этотъ персъ Бабеканъ положилъ начало господству сассанидовъ, которые управляли Персіею съ 297 года по Р. Х. до времени покоренія Персіи магометанами. Національная персидская фамилія сассанидовъ впервые попыталась возсоздать древне-отечественную религію Зороастра. Началось по этому поводу сильное движеніе въ средѣ представителей религіи, которые раздѣли-

---

[1]) О Манихеяхъ можно читать въ *Исторіи церкви О. Вл. Гетте*. Спб. 1873. II, стр. 235—248.

лись на партіи и начали вести споръ о смыслѣ Зороастрова ученія. Одни изъ нихъ учили объ абсолютномъ раздвоеніи началъ и были послѣдователями самаго крайняго дуализма, другіе напротивъ, признавая противоположность двухъ началъ, старались между тѣмъ найти высшее единство. Приверженцы перваго мнѣнія, такъ называемые *магузеи*, были побѣждены. Къ числу ихъ принадлежитъ Манесъ, который пытался вмѣстѣ съ тѣмъ слить Зороастрово ученіе съ проникшимъ въ то время въ Персію христіанствомъ и въ особенности съ гностическими ученіями, которые перешли въ Персію изъ Сиріи.

Исторія Манеса слишкомъ мало извѣстна. Изъ различныхъ спутанныхъ показаній мы можемъ навѣрное узнать только то, что онъ, будучи по происхожденію вавилоняниномъ, во второй половинѣ III-го вѣка при персидскомъ царѣ Сапорѣ, возбудилъ сильное умственное движеніе въ средѣ своихъ единовѣрцевъ. Онъ былъ, кажется, человѣкъ съ многосторонними свѣдѣніями: математикъ, астрономъ, музыкантъ и живописецъ. Нѣкоторое время онъ былъ [illegible]ителемъ христіанской церкви въ Ктезифонѣ, главномъ городѣ персидской провинціи Суситисъ, но за свои лжеученія былъ изгнанъ изъ христіанской общины и снова сдѣлался магомъ. Но въ средѣ маговъ онъ встрѣтилъ еще менѣе радушный пріемъ; и не смотря на поддержку свѣтской власти маги принудили его спасаться бѣгствомъ. Онъ много путешествовалъ по Индіи, по Китаю и долгое время пребывалъ въ Туркестанѣ. Потомъ Манесъ снова вернулся къ персидскому двору и принесъ съ собою составленное имъ во время бѣгства и украшенное рѣдкими картинами евангеліе. Преемникъ Сапора Гормизда I-й встрѣтилъ Манеса благосклонно и назначилъ ему для жительства знаменитую крѣпость Дескере [illegible] въ Сузіанѣ. Но при Берамѣ (Варанѣ I) Манесъ былъ принужденъ держать состязаніе съ магами, уличенъ ими въ искаженіи религіи, и подвергся ужасной казни. Съ него живаго сняли кожу и высушивъ въ 277 году повѣсили на воротахъ Дондисапура на страхъ другимъ исказителямъ религіи. Такова исторія Манеса по восточнымъ преданіямъ. Опустимъ не менѣе легендарные разсказы о жизни Манеса греческихъ и римскихъ церковныхъ писателей и обратимся къ манихейскому ученію.

Основное воззрѣніе Манеса отличается дуалистическимъ характеромъ. Онъ признаетъ бытіе двухъ самостоятельныхъ существъ: добраго и злаго. Искони существуютъ два царства: царство свѣта и царство тьмы. Оба царства первоначально спокойно существовали другъ около

друга, не зная даже о взаимномъ существованіи. Но въ царствѣ тьмы начались волненія. Злыя силы возстали другъ противъ друга, начали междоусобіе и вели борьбу дотолѣ, пока наконецъ не сбились на крайнюю границу собственнаго царства, достигнувъ которой были поражены блескомъ, исходящимъ изъ царства свѣта. Удивившись силѣ и яркости никогда невиданнаго ими блеска, злыя силы забыли свою вражду и стали совѣтоваться другъ съ другомъ, какъ бы овладѣть этимъ царствомъ свѣта и усвоить себѣ его блескъ. Когда владыка свѣтлаго царства замѣтилъ намѣреніе темныхъ силъ, онъ приготовился къ защитѣ. Ормуздъ изъ вѣчнаго свѣта произвелъ матерь жизни—первочеловѣка, составивъ его изъ пяти чистыхъ элементовъ: свѣта, огня, воздуха, воды и земли. Вооруженный такимъ образомъ первочеловѣкъ выпустился въ царство тьмы. Но во время борьбы онъ потерялъ часть своего вооруженія. Отдѣльныя свѣтовыя частицы остались во тьмѣ и изъ этого смѣшенія свѣта и тьмы явился нашъ видимый міръ. Въ видимомъ мірѣ заключена міровая душа, которая жаждетъ своего освобожденія Освобожденію міровой души содѣйствуютъ два свѣтовыя существа: Христосъ и св. Духъ. Христосъ, соотвѣтствующій персидскому Митрѣ, живетъ въ солнцѣ и лунѣ, и св. Духъ—въ носящемся надъ міромъ эѳирѣ. Оба они—и Христосъ и св. Духъ—снова втягиваютъ въ себя погруженныя въ матеріальный міръ свѣтовыя частицы, между тѣмъ какъ злой демонъ и духи, заключенные въ звѣздахъ, стараются удержать эти свѣтовыя частицы. Солнце и луна—это два свѣтоносныхъ корабля, которые неудержимо черезъ океанъ путешествуютъ надъ міромъ, чтобы снова возвратить въ вѣчное царство свѣта свѣтовые лучи, погруженные въ мірѣ во тьму. Меньшій изъ этихъ кораблей—луна отдастъ свою добычу большему кораблю—солнцу, чтобы оно доставило эту добычу на своихъ лучахъ въ царство свѣта. Въ полнолуніе мы видимъ этотъ корабликъ нагруженный свѣтомъ, въ новолуніе мы видимъ его уже сдавшимъ свой грузъ. Двѣнадцать знаковъ зодіака также служатъ, подобно вьючнымъ животнымъ, къ транспортированію свѣта.

Между тѣмъ темныя силы, чтобы сосредоточить, имѣющіяся у нихъ въ распоряженіи, средства, создали существо подобное первочеловѣку, которое служитъ микрокосмомъ, и въ груди котораго повторяется великая міровая борьба; однимъ словомъ они создали человѣка. Подобно міру, [illegible] состоитъ изъ смѣшенія свѣта и тьмы, и двѣ

души, живущія въ немъ, добрая и злая, обращенная къ свѣту и обращенная ко тьмѣ, постоянно ведутъ борьбу между собою.

Если мы спросимъ теперь, есть ли что либо въ манихейской системѣ сходное съ христіанскимъ ученіемъ объ искупленіи, то мы узнаемъ, что Манесъ училъ также о страдающемъ Іисусѣ и о Христѣ, сынѣ вѣчнаго свѣта, который возсѣдитъ на престолѣ одесную свѣта. Но и тотъ и другой отличны отъ Іисуса Христа евангельскаго; различаются и между собою. Страждущій Іисусъ, по ученію Манеса, есть ничто иное, какъ символъ погруженной въ матерію мировой души, символъ борьбы, какую ведетъ эта душа. Если въ писаніи сказано, что Христосъ *пострадалъ на древѣ*, то, по фантастически—произвольному объясненію Манеса, этимъ изображается страданіе природы, въ частности—страданіе растительнаго міра. Растенія стремятся къ свѣту. Душа растеній стремится къ своему освобожденію. Но не смотря на все это, она еще привязана къ грубой и жесткой матеріи дерева. Въ каждомъ растеніи, выходящемъ изъ темнаго лона земли, Христосъ родится снова, чтобы снова страдать и выдерживать борьбу тьмы съ свѣтомъ. Смерть растенія составляетъ для него искупленіе, поэтому манихеи почитали заслугою истреблять и искоренять нѣкоторыя растенія, чтобы такимъ образомъ освободить заключенный въ нихъ свѣтъ. Но другія растенія въ тоже время считались у нихъ священными и неприкосновенными.

Но такъ какъ страждущій Іисусъ самъ нуждается въ искупленіи, то сидящій одесную свѣта Христосъ вынужденъ былъ оставить свое небесное солнечное жилище и въ качествѣ искупителя явиться на землю въ человѣческомъ образѣ. Но онъ принялъ только человѣческій образъ, но ни какъ не человѣческое существо, потому что божественное не можетъ соединиться съ матеріею, свѣтъ не можетъ соединиться съ тьмою. Христосъ не имѣлъ, такимъ образомъ, дѣйствительнаго тѣла, а только призрачное; и страданія его на крестѣ были только призрачными, обманомъ для народа. Вся тайна искупленія лежитъ въ свѣтѣ, и только смотря на окруженный сіяніемъ крестъ и признавая его символомъ свѣта, можно сказать, что отъ него произошло спасеніе міру.

Но, по мнѣнію манихеевъ, дѣло Іисуса уже въ самомъ началѣ было искажено его апостолами, внесшими въ христіанство много іудейскаго. Поэтому Христосъ уже присвоей жизни обѣщалъ параклита. Подъ параклитомъ Ма-

несъ разумѣлъ не Духа святаго, но, подобно тому какъ Монтанъ, самаго себя. Онъ признавалъ себя возобновителемъ духовнаго христіанства, истиннымъ основателемъ религіи. Онъ послалъ 12 учениковъ для распространенія своего ученія и во главѣ манихейской религіозной общины поставилъ 12 старѣйшинъ и 72 епископовъ, по образцу 72 учениковъ Спасителя. Община состояла изъ двухъ, рѣзко разграничающихся между собою, классовъ: а) избранныхъ или совершенныхъ и б) простыхъ слушателей, несовершенныхъ или народа. Совершенные должны были подвергаться строгой дисциплинѣ и всякаго рода лишеніямъ, какихъ требовала манихейская система. Они соблюдали строжайшіе посты и оставались безбрачными; они питались только растеніями, особенно маслянистыми, потому что масло есть питаніе свѣта и вкушеніе этой свѣтоноснаго вещества вмѣняется въ заслугу. Избранные одни удостоивались крещенія и, признавая себя находящимися въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, становились какъ бы посредниками между несовершенными и Богомъ. Они давали прощеніе грѣховъ тѣмъ, которые, по роду своихъ занятій ежедневно входя въ соприкосновеніе съ матеріей, должны были оскверняться и грѣшить, такъ какъ по манихейской системѣ не только занятіе охотою и убіеніе звѣрей, но даже земледѣліе было погруженіемъ въ природу и требовало постояннаго очищенія. Основная ошибка нравоученія манихеевъ состояла въ томъ, что они матерію признавали сѣдалищемъ зла. Поставленный между Богомъ и матеріею, между свѣтомъ и тьмою, человѣкъ выдерживалъ туже борьбу, какая въ болѣе широкихъ размѣрахъ шла во всемъ мірѣ. Но не имѣя истинной свободы воли, не имѣя нравственнаго самоопредѣленіе и энергіи, человѣкъ подпадалъ то той, то другой власти, то духовно возвышался къ свѣту, то снова погружался въ темную матерію. Не господство надъ матеріею, но умерщвленіе ея и упражненіе во внѣшнихъ дѣлахъ добродѣтели, составляютъ сущность манихейскаго нравоученія.

Но эта идея о праведности отъ внѣшнихъ дѣлъ у манихеевъ не стоитъ въ связи съ уваженіемъ къ ветхозавѣтному закону. Напротивъ манихейство отвергаетъ этотъ законъ, какъ не духовный, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ весь ветхій завѣтъ. Даже писанія новаго завѣта, по мнѣнію манихеевъ, были въ ранній періодъ искажены; въ нихъ внесена была іудейская закваска. Поэтому манихеи имѣли свою собственную библію, свои собственные обряды, свои собственныя празднества.

День смерти Манеса праздновался у нихъ съ особенною торжественностію.

Во время Діоклитіана манихейская секта только что начала развиваться. Многое, что мы о ней сказали, относится къ позднѣйшему періоду ея развитія въ IV и V вѣкахъ, когда она проникла даже на западъ: даже великій учитель церкви Августинъ нѣкоторое время былъ послѣдователемъ этой высокомѣрной секты и въ теченіе среднихъ вѣковъ манихейство представляло собою какъ бы подпочву для всѣхъ еретическихъ идей этого времени. Манихейство было попыткою внѣшнимъ образомъ связать съ христіанствомъ совершенно чуждое ему міровоззрѣніе. Это была ересь, состоящая не въ своеобразномъ только пониманіи христіанской истины, каково было напр. ученіе Савеллія, но положительно противоположное христіанству направленіе, колеблющее христіанство въ самыхъ его основахъ. Если уже гностицизмъ былъ искаженіемъ христіанства, то манихейство было полнымъ превращеніемъ его въ фантастическую символику природы, въ обрядовый культъ суевѣрія. Употребляя манихейское выраженіе, мы можемъ сказать, что манихейство было превращеніемъ свѣта въ тьму, хотя сами манихеи думали, что дѣлаютъ противоположное. Тѣмъ не менѣе ядъ манихейства проникъ въ христіанскую церковь гораздо далѣе, чѣмъ это предполагаютъ, и даже въ настоящее время манихейство лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ воззрѣній, которыя выдаются за христіанскія, но не таковы на самомъ дѣлѣ. Сродна съ манихействомъ вѣра въ абсолютную силу зла, которая ограничиваетъ всемогущество Божіе, вѣра въ самостоятельное могущество діавола,—въ силу, управляющей людьми, слѣпой необходимости. Сроденъ съ манихействомъ тотъ взглядъ на жизнь, по которому весь чувственный міръ признается созданіемъ зла и даже произведеніемъ діавола. Но сродно съ манихействомъ также и пантеистическое сліяніе и отождествленіе области нравственнаго и области естественнаго, области свободы и области внѣшней необходимости. Близко къ манихейству наконецъ всякое іерархическое устройство, въ силу котораго всѣ посвященные, надменно гордясь своимъ знаніемъ, презрительно смотрятъ на толпу вѣрующихъ, какъ на невѣждъ и ведутъ ее на помочахъ своего духовнаго господства.

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Послѣднія гоненія на христіанъ и общій взглядъ на эпоху гоненій.

Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ и его сопрателяхъ[1]).

Діоклитіанъ издалъ эдикъ собственно противъ секты манихеевъ по поводу основныхъ ученій монихейства, казавшихся императору настолько же несогласными съ религіозными воззрѣніями римской государственной религіи, на сколько несогласны были они и съ ученіемъ христіанскимъ. Но преслѣдованіе не ограничивалось только гоненіемъ на манихеевъ; оно простиралось и на христіанъ.

Діоклитіанъ не столько по собственному убѣжденію преслѣдовалъ христіанъ, сколько по настоянію своихъ совѣтниковъ кесаря Максиміана Галерія и намѣстника Гіерокла, которые уговорили его разрушить великолѣпную никомидійскую церковь и издать повелѣніе о разрушеніи христіанскихъ церквей въ другихъ мѣстахъ и объ уничтоженіи христіанскихъ свящ книгъ. Такимъ образомъ въ теченіи 303 года издано было три эдикта противъ христіанъ, одинъ строже другаго, и наконецъ въ четвертомъ эдиктѣ, изданномъ въ 304 году всѣ, безъ исключенія, христіане, отказавшіеся принести жертву богамъ, присуждались къ смертной казни. Съ этого времени началось гоненіе на христіанскую церковь во всей римской имперіи кромѣ Галліи, гдѣ былъ правителемъ Констанцій Хлоръ, уже въ то время покровительствовавшій

---

[1]) Гоненіе при Діоклетіанѣ. *В. Чт.* VII. Одно изъ происшествій во время гоненія при Діоклетіанѣ *В. Чт.* XV. Приверженность мучениковъ къ св. книгамъ Ibid. XVIII и XXVI. Оивскій легіонъ. Ibid. XX. Св. Поликарпъ пресвитеръ и его другъ Севастіанъ мученикъ Ibid. XXVIII.

христіанамъ. Это гоненіе продолжалось десять лѣтъ и было самымъ продолжительнымъ и самымъ жестокимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ въ церковной исторіи. Въ самой Никомидіи многіе подверглись смертной казни и между прочимъ тамошній епископъ Аноимъ и многіе придворные. Изъ придворныхъ особенно замѣчателенъ Петръ, котораго мучители напрасно пытались самыми жестокими пытками довести до отпаденія. Всюду темницы наполнились пресвитерами, епископами и діаконами. Число мучениковъ умножалось день ото дня. „Еслибы я имѣлъ сто устъ“,—говоритъ одинъ изъ церковныхъ учителей,—„я и тогда не могъ бы перечислить всѣхъ униженій, всѣхъ пытокъ и казней, которымъ подвергали судьи провинціи праведныхъ и невинныхъ“. По по всей вѣроятности нѣкоторые христіане пострадали не безвинно. Когда былъ вывѣшенъ первый эдиктъ, онъ былъ изорванъ и, вѣроятно, рукою христіанина. Вскорѣ затѣмъ случился пожаръ въ императорскомъ дворцѣ въ Никомидіи. Трудно и невозможно даже рѣшить, былъ ли этотъ дворецъ подожженъ язычниками по приказу Галерія, желавшаго сложить вину на христіанъ, какъ даетъ понять Лактанцій,—или зажженъ ниспавшею на него небесною молніею, какъ предполагаетъ Константинъ —или наконецъ въ пожарѣ виновны сами христіане, не могшіе удержать овладѣвшаго ими чувства мщенія. И послѣднее—вещь возможная, потому что христіане того времени не всегда твердо помнили предостереженіе Господа: *οὐκ ἔδωκε θεὸς πυρὶ ἄνδρας ἔσθαι* Поведеніе христіанъ во время гоненія было различно. И въ это гоненіе многіе поспѣшили спасти себя отпаденіемъ. Къ различнымъ формамъ отпаденія присоединилась еще одна,—такъ называемое предательство. Предателями (traditores) назывались тѣ, которые добровольно выдавали преслѣдователямъ христіанскія священныя книги для сожженія. Напротивъ другіе христіане въ тоже гоненіе оказали снова удивительное мужество.—даже нѣкоторыя дѣвы и дѣти. Одна юная христіанка въ Карѳагенѣ Викторія, у которой отецъ и братья были еще язычниками, оставила безъ вниманія всѣ просьбы своихъ родственниковъ оставить вѣру. Когда братъ, желая спасти ее, заявилъ, что она помѣшанная, она возразила, что она въ здравомъ умѣ, всегда такъ думаетъ и никогда не будетъ думать иначе. Когда проконсулъ спросилъ ее: хочетъ ли она возвратиться съ своими братьями домой, она отвѣчала: „нѣтъ, потому что я христіанка и братъ мнѣ только тотъ, кто соблюдаетъ заповѣди Божія“. Одного мальчика Иларіона проконсулъ хотѣлъ за-

стращать угрозами, но мальчикъ отвѣчалъ: „дѣлай со мною, что хочешь, но я христіанинъ“. Даже со стороны язычниковъ христіане встрѣчали по мѣстамъ доказательства благорасположенности. Въ Александріи многіе изъ преслѣдуемыхъ христіанъ находили убѣжище въ домахъ язычниковъ и нѣкоторые домовладѣльцы язычники даже пожертвовали своимъ имуществомъ и своею свободою за укрывательство христіанъ

Въ 305 году оба августа Діоклитіанъ и Максиміанъ добровольно отреклись отъ престола Вмѣсто нихъ на востокѣ правленіе принялъ Галерій и его кесарь Максиминъ, а на западѣ Констанцій Хлоръ и кесарь Северъ, при чемъ Констанціи управлялъ Галліею, Британіею и Испаніею, а Северъ Италіею и Африкою. Такъ какъ Констанцій Хлоръ покровительствовалъ христіанамъ, то преслѣдованіе христіанъ происходило больше на востокѣ, гдѣ свирѣпствовалъ грубый Максиминъ. Особенно тяжела была судьба христіанъ палестинскихъ. Здѣсь нѣкоторые были казнены, а другіе отведены въ рудники или брошены въ темницу Пресвитеръ кессарійскій Памфилъ, ближайшій другъ церковнаго историка Евсевія, послѣ самыхъ ужасныхъ пытокъ и двухгодичнаго заключенія въ темницѣ, былъ казненъ вмѣстѣ съ одиннадцатью другими исповѣдниками Впослѣдствіи въ одинъ день обезглавили тридцать девять христіанъ. Еще безжалостнѣе поступали съ христіанами въ Египтѣ; ихъ сожигали тамъ, бросали въ морскія волны, распинали на крестахъ и умерщвляли другими изысканнѣйшими муками, не разбирая ни пола, ни возраста Если вѣрить современнымъ извѣстіямъ, часто въ одинъ день избивали ихъ тамъ до сотни, такъ что мечи тупились и измученные палачи смѣнялись для отдыха. Въ числѣ многихъ жертвъ пострадалъ и епископъ александрійскій Петръ, а также и другіе епископы и пресвитеры египетской церкви. Тоже самое происходило въ Понтѣ, во Фригіи, въ Каппадокіи, въ Месопотаміи, въ Антіохіи и въ другихъ мѣстахъ. До какой степени языческій фанатизмъ стремился пресѣчь всякую возможность существованія для христіанства, это мы можемъ видѣть изъ указа, изданнаго въ 308 году Максиминомъ, по которому всѣ съѣстные припасы приносимые на рынокъ, должны были сперва окропляться жертвеннымъ виномъ, такъ что христіанамъ оставалось одно изъ двухъ: или поку-

пать оскверненное идоложертвеннымъ виномъ, или умирать голодною смертію.

И въ тѣхъ провинціяхъ, которыми непосредственно управлялъ Галерій: въ Мизіи, Панноніи, Македоніи и Оракіи, христіане терпѣли много притѣсненій, о которыхъ подробно говорится въ актахъ мученическихъ Не много легче была судьба христіанъ въ тѣхъ западныхъ провинціяхъ, надъ которыми владычествовалъ Северъ. Особенно въ Римѣ часто совершались казни христіанъ. Такъ уже древняя церковь въ IV и V-мъ вѣкѣ праздновала память св. Агнесы, которая, будучи тринадцатилѣтнею дѣвочкой, въ цѣпяхъ была приведена въ Римѣ предъ судилище и когда ни ласки, ни угрозы, ни произнесеніе публичнаго приговора при позорномъ столбѣ не могли побудить ее къ отрѣченію, была обезглавлена мечемъ. Ее восхвалялъ Амвросій медіоланскій, въ память ея Августинъ говорилъ особую рѣчь, а Пруденцій воспѣлъ ее въ стихахъ; и доселѣ св. Агнеса особо чтится въ Римѣ.

Но преслѣдованіе христіанъ въ римской имперіи имѣло свой конецъ. Галерій пораженный тяжелою болѣзнію, не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 311 году, издалъ эдиктъ, въ которомъ объявлялъ, что хотя онъ имѣлъ намѣреніе возвратить христіанъ снова къ религіи ихъ отцовъ, но такъ какъ они упорствуютъ въ своемъ заблужденіи и такъ какъ все-таки лучше, если они будутъ, хотя какимъ бы то ни было образомъ, молиться за благо государства, то онъ дозволяетъ это дѣлать имъ по ихъ собственному обряду. Такимъ образомъ христіанамъ поставлялось въ обязанность молиться за благо государства и только подъ этимъ условіемъ могли они надѣяться на терпимость правительства.

По истеченіи шести мѣсяцевъ Максиминъ снова началъ преслѣдовать христіанъ на востокѣ, но вскорѣ послѣ этого Константинъ перешелъ черезъ Альпы, видѣлъ знаменіе креста, одержалъ побѣду надъ Максентіемъ и слѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій было то, что христіане получили повсюду спокойствіе, императоръ сталъ мало по малу предпочитать христіанскую религію и наконецъ она стала господствующею въ государствѣ религіею—религіею государственною. Эта важная перемѣна даетъ начало новому періоду церковной исторіи. Достигнувъ этой границы, мы бросимъ общій взглядъ на преслѣдованія, какимъ подверглись христіане въ римской имперіи.

Общій взглядъ на эпоху гоненій[1]).

Было время, когда думали, что число перенесенныхъ христіанами преслѣдованій можно опредѣлить точно и обыкновенно считали ихъ десять Эти десять преслѣдованій ставили въ параллель съ десятью язвами египетскими, съ десятью рогами апокалипсическаго звѣря и были твердо убѣждены, что ихъ было ни больше, ни меньше. Но мы не можемъ держаться этого опредѣленнаго числа, потому, съ одной стороны, что понятіе о преслѣдованіи само по себѣ крайне неопредѣленно, а съ другой стороны, потому что о нѣкоторыхъ преслѣдованіяхъ трудно сказать, когда они начались и когда кончились. Если мы захотимъ сдѣлать обзоръ главныхъ преслѣдованій, то мы должны будемъ упомянуть о слѣдующихъ: въ первомъ вѣкѣ о преслѣдованіи Нерона въ Римѣ и о частныхъ преслѣдованіяхъ при Домиціанѣ и Траянѣ. частію въ столицѣ, частію въ провинціи; во второмъ вѣкѣ о преслѣдованіи при Маркѣ Аврелiѣ въ Малой Азіи и Галліи; въ третьемъ вѣкѣ о преслѣдованіяхъ при Септимiѣ Северѣ и Максиминѣ Оракіянѣ, потомъ при Декiѣ Галѣ и Валеріанѣ; и наконецъ въ началѣ четвертаго вѣка о преслѣдованіи при Діоклитіанѣ и его соправителяхъ. Если мы сравнимъ всѣ эти преслѣдованія между собою, то легко замѣтимъ, что всѣ они не были однообразны и воздвигаемы не по одинаковымъ побужденіямъ. При Неронѣ гоненіе началось благодаря грубой ярости этого тирана, который увидалъ въ христіанахъ тѣ жертвы, на которыхъ можно было выместить произведенный имъ въ Римѣ пожаръ. При Траянѣ гоненіе было естественнымъ слѣдствіемъ указа, запрещавшаго тайныя общества въ государствѣ, между тѣмъ какъ самъ императоръ лично совѣтовалъ поступать съ христіанами какъ можно умѣреннѣе

---

[1]) Мученики Колизея. *Воскр. Чт.* 1875. Боголюбенскаго. Римскій амфитеатръ—мѣсто увеселеній язычниковъ и мученій христіанъ. *Странникъ.* 1873.—Матѣевскаго. О гоненіяхъ на христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ (противъ Гиббона). *Странникъ.* 1871. Кульжинскаго. Борьба язычества съ христіанствомъ. *Странникъ.* 1866. О значеніи мученичества въ дѣлѣ распространенія христіанства. *Дух. Вѣстн.* 1865. П. А. Лапшакрева. Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности. *Труды к. д. ак.* 1876. О гоненіяхъ на христіанъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ христ. церкви. Москва 1854. 168 стр.

и снисходительнѣе. Маркъ Аврелій издалъ указъ противъ христіанъ, совершенно не соотвѣтствовавшій его благородному характеру, частію вслѣдствіе стоическаго отвращенія ко всему, что отзывалось мечтательностію и энтузіазмомъ,—частію ради сохраненія общественнаго спокойствія. При Септиміѣ Северѣ монтанисты своими страшными ученіями побудили императора ко строгимъ мѣрамъ, которыя были распространены и на остальныхъ христіанъ. При Максиминѣ Оракійцинѣ гоненіе было слѣдствіемъ его уступчивости по отношенію къ народу и грубости его собственнаго сердца. Только гоненіе при Декіѣ мы можемъ назвать гоненіемъ, задуманнымъ съ опредѣленнымъ планомъ, конечною цѣлію котораго было совершенное истребленіе христіанства. То же самое, еще въ большей мѣрѣ, можно сказать о дальнѣйшихъ преслѣдованіяхъ—о преслѣдованіяхъ при Діоклитіанѣ и его соправителяхъ. Здѣсь дѣло шло о томъ: *быть или не быть*, объ абсолютномъ уничтоженіи или абсолютномъ господствѣ той или другой религіи: здѣсь шла борьба на жизнь и на смерть.

На сколько вообще римскіе императоры, какъ враждебные, такъ и благосклонные къ христіанству, имѣли о немъ правильное представленіе,—это трудно опредѣлить. Позднѣйшіе императоры естественно знали христіанство уже лучше, чѣмъ ихъ предшественники, и потому преслѣдовали христіанство болѣе систематично, тогда какъ императоры первыхъ двухъ вѣковъ при своихъ преслѣдованіяхъ основывались частію на сторонихъ побужденіяхъ, — частію на ложныхъ слухахъ. Въ позднѣйшія времена болѣе имѣло значенія личное отношеніе императоровъ къ христіанамъ и императорскіе эдикты, тогда какъ въ первое время главною силою въ преслѣдованіи христіанъ была народная ненависть, которой уступали даже сами императоры, не имѣя возможности или желанія ее ограничивать. Простой народъ во всѣ времена и особенно въ годы тяжелыхъ бѣдствій питаетъ къ кому нибудь особенную ненависть и старается выместить свое бѣдствіе. Въ средніе вѣка такимъ предметомъ народной ненависти были іудеи. Ихъ также, какъ и христіанъ въ первые вѣка, народъ считалъ виновниками всякаго рода бѣдствій—будетъ ли то повальная болѣзнь, или голодъ, или революція, или реакція. Тоже самое было и съ христіанами въ первые вѣка. Весьма хорошо говоритъ Тертуліанъ: existimant omnis publicae cladis, omnis popularis incommodi christianos esse causam. Si Tiberis ascendit in moe-

nia, si Nilus non ascendit in arva, si coelum stetit, si terra movit, si fames, si lues,—statim: *Christianos ad leonem.* Языческій народъ прежде всего считалъ христіанъ врагами боговъ и затѣмъ уже врагами государства и его религіи. Ихъ называли безбожными, атеистами, которые не имѣютъ ни храмовъ, ни алтарей и молятся тучамъ. Это обвиненіе особенно сильно выставлялось въ первое время. О тайныхъ собраніяхъ христіанъ ходило много баснословныхъ разсказовъ, которымъ вѣрили тѣмъ охотнѣе, чѣмъ они были сказочнѣе и ужаснѣе. По этимъ разсказамъ христіане въ своихъ собраніяхъ ѣли человѣческое мясо и пили человѣческую кровь. Поводомъ къ этому нелѣпому разсказу послужилъ слухъ о таинствѣ евхаристіи. Оно могло напоминать язычникамъ миѳъ о Ѳіестѣ, сынѣ Пелопса, которому братъ Атрей накормилъ мясомъ его собственнаго сына. Точно также и на христіанъ возводилось обвиненіе, будто они при своихъ собраніяхъ употребляютъ пищу, которая по виду похожа на хлѣбъ, но въ самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ испеченное въ мукѣ дитя, которое и снѣдается въ собраніи. О христіанахъ даже разсказывали то, что въ миѳологіи говорилось объ Эдипѣ, который будто бы вступилъ въ бракъ съ своею матерію Іокастою. Такъ какъ христіане постоянно называли другъ друга *братьями и сестрами,* то язычники и пришли къ мысли, что они вступаютъ въ противозаконные браки. По поводу того, что христіане собирались по ночамъ, ходили разсказы, будто они во время этихъ собраній вдругъ тушатъ огни и предаются самымъ постыднымъ страстямъ. Не буду повторять множества другихъ нелѣпыхъ разсказовъ о христіанахъ въ родѣ разсказовъ о томъ, будто они почитаютъ голову осла. Замѣчу только, что подобнымъ разсказамъ нечего удивляться. Толпѣ всегда нравится все сказочное и она любитъ все преувеличивать и искажать. Болѣе разсудительные изъ язычниковъ конечно не вѣрили этимъ разсказамъ и даже въ средѣ языческихъ судей были люди, сочувствовавшіе христіанамъ и по возможности старавшіеся облегчить ихъ судьбу. Мы говорили о Плиніѣ. Но были и другіе подобные ему. И въ то время, какъ одни изъ намѣстниковъ, отличавшіе болѣе грубымъ характеромъ, пользовались своею властію во вредъ христіанамъ и съ безчеловѣчною жестокостію подвергали ихъ самымъ ужаснымъ пыткамъ и мученіямъ, другіе напротивъ употребляли всевозможныя средства, чтобы оправдать обвиняемыхъ, намекали имъ, какъ они должны отвѣчать, чтобъ получить свободу,

придавали особенную цѣну свидѣтельству обвиняемыхъ объ ихъ невинности, чтобы оградить ихъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Но всѣ старанія судей оправдать христіанъ далеко не всегда увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ. Болѣе честные изъ христіанъ стѣснялись пользоваться такою снисходительностію судей, считая преступленіемъ для полученія свободы о чемъ либо намѣренно умолчать или сказать неправду, хотя бы по необходимости. Нѣкоторые изъ христіанъ въ этомъ отношеніи шли еще дальше. Они искали мученической смерти; говорили больше, чѣмъ сколько у нихъ спрашивали, сами стремились въ судилища и какъ о милости просили о томъ, чтобы ихъ умертвили за Христа. Объ одномъ подобномъ обстоятельствѣ разсказываетъ намъ Тертуллианъ. Arrius Antonius (во время Адріана) in Asia cum persequeretur instanter, omnes illius civitatis christiani ante tribunalia ejus se manu facta obtulerunt, cum ille, paucis duci jussis, reliquis ait: *ὦ δειλοί, εἰ θέλετε ἀποθνήσκειν, κρημνοὺς ἢ βρόχους ἔχετε*

Клеветы и безсмысленныя басни, взводимыя на христіанъ народною ненавистію, были одною изъ причинъ гоненія на христіанъ. Но не единственною, и даже не главнѣйшею. Мы не должны забывать, что христіанскій взглядъ на жизнь былъ совершенно отличенъ отъ взгляда языческаго. Это различіе необходимо выступало при всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ христіанъ съ язычниками. Христіанское ученіе постоянно оказывалось въ противорѣчіи съ существующими законами и обычаями государства. Христіане, правда, считали своею обязанностію почитать начальниковъ, даже языческихъ, признавать ихъ получившими власть отъ Бога и повиноваться ихъ приказаніямъ, но часто при этомъ должны были вспоминать и другую заповѣдь, не менѣе важную: *πειθαρχεῖν δεῖ θεῷ μᾶλλον, ἢ ἀνθρώποις* (Дѣян. V, 29). Даже тѣ внѣшніе знаки уваженія, какіе римскій гражданинъ долженъ былъ оказывать особѣ императора и его соправителей, были таковы, что христіанинъ не могъ оказывать ихъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ христіанскому ученію. Жертвы и куренія онміамомъ предъ статуями императоровъ были совершенно противны христіанскому ученію. Но и другіе знаки почтенія, украшеніе вѣнками и иллюминація домовъ при тріумфальномъ шествіи императоровъ, сами въ себѣ не заключавшіе ничего худого, стояли съ язычествомъ въ такой близкой связи, что болѣе строгіе изъ христіанъ считали ихъ несовмѣстными съ христіан-

ствомъ. Всего труднѣе было согласить свои христіанскія убѣжденія съ государственною службою тѣмъ изъ христіанъ, которые служили въ войскѣ. Уже сама въ себѣ война считалась христіанами чѣмъ то непозволительнымъ и потому нѣкоторые рѣшительно отказывались отбывать военную повинность. Приведу одинъ примѣръ изъ временъ Діоклитіана. Въ нумидійскомъ городѣ Севестѣ одинъ молодой человѣкъ 21-го года рѣшительно отказался нести военную службу, къ чему обязанъ былъ по существующимъ законамъ. „Я не хочу быть солдатомъ, потому что не хочу дѣлать ничего худаго“, говорилъ онъ объясняя свой отказъ. Напрасно его увѣщевали повиноваться, указывали, на то, что въ войскѣ обоихъ императоровъ и кесарей не мало есть христіанъ и говорили, что ему дозволятъ безпрепятственно исповѣдывать религію. Юноша по прежнему упорствовалъ въ своемъ отказѣ, сорвалъ военные значки, которые было нашили ему на одежду, и былъ казненъ не за то собственно, что онъ христіанинъ, а за то, что противится законамъ. Другіе христіане, состоявшіе на военной службѣ, отказывались исполнять всѣ тѣ церемоніи, которыя соединены были съ идолослуженіемъ,—отказывались стоять на караулѣ при языческихъ храмахъ и охранять ихъ, отказывались подвергать аресту и казнить своихъ единовѣрцевъ, и давали, такимъ образомъ, своимъ начальникамъ вполнѣ законное право подвергать ихъ самихъ наказаніямъ. Однимъ словомъ: если мы хотимъ быть справедливыми, мы должны признать совершенно естественнымъ, что язычники преслѣдовали христіанъ. Тѣ крайности и рѣзкости, какія дозволяли себѣ нѣкоторыя христіанскія секты напр. монтанисты, то открытое неповиновеніе, которое дозволяли себѣ по отношенію къ распоряженіямъ правительства нѣкоторые христіане напр. христіанинъ, сорвавшій эдикты о гоненіи въ Никомидіи, значительно извиняютъ тѣ строгія мѣры, къ какимъ прибѣгало по отношенію къ христіанамъ языческое правительство и съ своей точки зрѣнія необходимо должно было прибѣгать во имя своихъ обязанностей.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣли гоненія въ судьбѣ христіанства, то въ отвѣтъ на это должны будемъ признать, что они безъ всякаго сомнѣнія были необходимы для развитія и укрѣпленія царства Божія. Іисусъ Христосъ напередъ сказалъ своимъ ученикамъ, что они подвергнутся гоненіямъ: *παραδώσουσι ὑμᾶς εἰς συνέδρια, καὶ ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν μαστιγώσουσιν*

ὑμᾶς. καὶ ἐπὶ ἡγεμόνας δὲ καὶ βασιλεῖς ἀχθήσεσθε ἕνεκεν ἐμοῦ εἰς μαρτύριον αὐτοῖς καὶ τοῖς ἔθνεσιν..... Παραδώσει δὲ ἀδελφὸς ἀδελφὸν εἰς θάνατον καὶ πατὴρ τέκνον, καὶ ἐπαναστήσονται τέκνα ἐπὶ γονεῖς καὶ θανατώσουσιν αὐτούς. καὶ ἔσεσθε μισούμενοι ὑπὸ πάντων διὰ τὸ ὄνομα μου. ὁ δὲ ὑπομείνας εἰς τέλος, οὗτος σωθήσεται. Οὐκ ἔστι μαθητὴς ὑπὲρ διδάσκαλον οὐδὲ δοῦλος ὑπὲρ τὸν κύριον αὐτοῦ... Εἰ τὸν οἰκοδεσπότην Βεελζεβοὺλ ἐκάλεσαν, πόσῳ μᾶλλον τοὺς οἰκιακοὺς αὐτοῦ; (Мо. X, 17—26). *Μὴ νομίσητε ὅτι ἦλθον βαλεῖν εἰρήνην ἐπὶ τὴν γῆν· οὐκ ἦλθον βαλεῖν εἰρήνην, ἀλλὰ μάχαιραν. ἦλθον γὰρ διχάσαι ἄνθρωπον κατὰ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ καὶ θυγατέρα κατὰ τῆς μητρὸς αὐτῆς, καὶ νύμφην κατὰ τῆν πενθερᾶς αὐτῆς. καὶ ἐχθροὶ τοῦ ἀνθρώπου οἱ οἰκιακοὶ αὐτοῦ... Καὶ ὃς οὐ λαμβάνει τὸν σταυρὸν αὐτοῦ καὶ ἀκολουθεῖ ὀπίσω μου, οὐκ ἔστι μοῦ ἄξιος. Ὁ εὑρὼν τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀπολέσει αὐτὴν καὶ ὁ ἀπολέσας τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἕνεκεν ἐμοῦ εὑρήσει αὐτήν.* (ibid. 34—38). *Πάντες οἱ θέλοντες εὐσεβῶς ζῆν ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ διωχθήσονται* (Тим. II, 12). *Διὰ πολλῶν θλίψεων δεῖ ἡμᾶς εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ.* (Дѣян. XIV, 22). Мы уже знаемъ, какъ преслѣдованія были полезны для церкви во внѣшнемъ отношеніи; вмѣсто того, чтобы ограничивать распространеніе христіанства, они напротивъ содѣйствовали этому. Plures efficimur, quoties metimur a vobis: semen est sanguis christianorum, говорилъ Тертулліанъ въ заключеніи своего апологетическаго сочиненія. Христіане, боявшіеся преслѣдованія и спасавшіеся бѣгствомъ, распространяли евангеліе по самымъ отдаленнѣйшимъ странамъ. Чѣмъ сильнѣе бьютъ горящее дерево, тѣмъ болѣе оно разгорается и тѣмъ далѣе разносятся его пламенѣющія искры. Съ другой стороны мученическая смерть христіанъ также производила глубокое впечатленіе на язычниковъ, иногда даже имѣла непреодолимо влекущую въ христіанство силу. Уже одно это обстоятельство даетъ намъ мѣру благотворнаго вліянія гоненій для внутренней жизни церкви. Они служили для христіанъ средствомъ къ нравственному усовершенствованію. Первенствующіе христіане считали себя воинами Христовыми, обязанными постоянно вести борьбу со врагомъ, постоянно бодрствовать, постоянно быть готовыми къ битвѣ, и вести ее до по-

слѣдней возможности. Эта мысль возбуждала ихъ духъ, давала твердое направленіе ихъ мыслямъ, указывала имъ опредѣленную цѣль жизни, укрѣпляла ихъ волю, очищала ихъ сердце. Чѣмъ сложнѣе были обвиненія и клеветы, взводимыя язычниками на христіанъ, тѣмъ болѣе они должны были заботиться о томъ, чтобы не подавать повода для обвиненій. Они помнили апостольскія слова: *εἰ ὀνειδίζεσθε ἐν ὀνόματι Χριστοῦ, μακάριοι, ὅτι τὸ τῆς δόξης καὶ τὸ τοῦ θεοῦ πνεῦμα ἐφ' ὑμᾶς ἀναπαύεται. καιὰ μὲν αὐτούς βλασθημεῖται, καιὰ δὲ ὑμᾶς δοξάζεται. Μὴ γὰρ τις ὑμῶν πασχέτω ὡς φονεὺς, ἢ κλέπτης, ἢ κακοποιὸς, ἢ ὡς ἀλλοτριοεπίσκοπος. Εἰ δὲ ὡς χριστιανὸς, μὴ αἰσχυνέσθω, δοξαζέτω δὲ τὸν θεὸν ἐν τῷ μέρει τούτῳ*, (1. Петр. IV, 14—17). Чѣмъ болѣе тяжкія жертвы приносили христіане, тѣмъ выше становились въ глазахъ язычниковъ, которые никогда не могли предполагать, что можетъ быть такая сила убѣжденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдованія естественно должны были отдѣлять отъ чистаго золота всякую примѣсь. Во время преслѣдованій ясно обнаруживалось,—кто исповѣдуетъ Господа только устами и кто всѣмъ сердцемъ. Собственно сила сердечной любви ко Господу и придавала цѣну внѣшнему подвигу мученичества, который безъ этого не имѣлъ бы значенія, по слову апостола: *Ἐὰν παραδῶ τὸ σῶμά μου ἵνα καυθήσομαι, ἀγαπην δὲ μὴ ἔχω, οὐδὲν ὠφελοῦμαι.* (Кор. XIII, 3).

Литературная борьба противъ христіанства. Порфирій [1]).

Современно съ послѣдними усиліями Діоклетіана и его соправителей побороть христіанство посредствомъ гоненій, шла другая попытка побороть христіанство литературнымъ путемъ, носившая также харак-

---

[1]) Чистовича. Неоплатоническая философія и ея отношеніе къ христіанству. *Хр Чт* 1860. Писарева. Аполлоній Тіанскій. Агонія древняго общества и пр. *Русское Слово* 1861. №№ 6—8. Языческій Христосъ III вѣка (т. е. Аполлоній Тіанскій) *Труды К. Д. Ак.* 1865. № 12.—М. И. Каринскаго. Объ Аполлоніѣ Тіанскомъ *Жур. Мин. Н. Пр.* 1873.—Существуютъ также рукописныя сочиненія о борьбѣ языческихъ писателей съ христіанствомъ II и III в.—студентовъ Моск. Дух. Ак.: XXXII курса Якова Зеленева и XXXIII к. Семена Протопопова.

теръ ожесточенія, внушаемаго сознаніемъ послѣдней борьбы. Въ виду того, что христіанство все болѣе и болѣе пріобрѣтало авторитетъ, въ виду того, что близка была опасность, что вотъ, вотъ оно низвергнетъ древній Римъ,—язычество должно было собрать всѣ послѣднія силы, чтобы представить себя выше христіанства и пріобрѣсти себѣ снова уваженіе въ глазахъ мыслящихъ и образованныхъ людей. Древнее язычество въ его политеистическихъ формахъ потеряло жизненную силу еще прежде появленія христіанства и едва-ли кто могъ льстить себя надеждою такъ обновить греко-римскую миѳологію со всѣми ея человѣкообразными представленіями о богахъ, чтобы она могла быть религіею будущаго. Образованные язычники давно уже потеряли вѣру въ боговъ и не заботились болѣе о томъ, чтобы въ нихъ вѣрили ихъ дѣти. Но прежде, чѣмъ совершенно отвергнуть языческую религію и миѳы о богахъ назвать сказками, нужно было рѣшить еще одинъ вопросъ: не лежитъ-ли въ основѣ этой миѳологіи, такъ художественно составленной, такъ глубоко вошедшей въ жизнь народа, какой-либо высшей религіозной идеи? нельзя-ли признать въ миѳахъ, которые народъ понимаетъ грубо-чувственно, олицетворенія или символы отвлеченныхъ понятій о божествѣ? Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ было весьма важно въ то время, когда дѣло шло о томъ, нужно-ли защищать, или покинуть ту религію, которая стояла въ такой тѣсной связи съ величайшими событіями римскаго государства и со всею древнею цивилизаціею. И если даже іудеи и христіане, желая возвысить библію въ глазахъ язычниковъ и удалить изъ нея все, что противорѣчило обыкновенному человѣческому разуму, прибѣгали къ произвольному аллегорическому ея изъясненію: то можемъ-ли мы удивляться, что даровитые язычники, желая защитить язычество отъ нападеній противниковъ и въ лучшемъ видѣ выставить его для образованныхъ язычниковъ, прибѣгали къ подобному же искусственному средству? И далѣе, если Платонова философія не осталась безъ вліянія даже на христіанъ, то тѣмъ болѣе годилась она для того, чтобъ сообщить новую прелесть язычеству, и дать ему новую, хотя и не твердую, опору. Вотъ почему собственно изъ среды неоплатониковъ вышли тѣ люди, которые употребили послѣднія усилія, чтобы поднять древнюю, отечественную религію. Мы можемъ назвать ихъ мистиками языческихъ временъ. Духовно объясняя унаслѣдованную народомъ вѣру, они вмѣстѣ съ тѣмъ со всею яростію фанатизма возставали противъ христіанъ. Главнымъ представителемъ этого направленія былъ

александріецъ Плотинъ, который опровергалъ христіанскихъ гностиковъ съ точки зрѣнія языческаго гносиса. Но его даровитый ученикъ Порфирій пошелъ еще дальше, обратилъ свое оружіе не только противъ гностиковъ, но вообще противъ христіанъ и ихъ религіи. Порфирій не былъ просто легкомысленнымъ насмѣшникомъ, какъ Лукіанъ; это былъ религіозный мыслитель глубокаго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ по всему своему міровоззрѣнію искренне преданный язычеству. Собственно имя его было Малхъ. Онъ родился въ 233 году въ сирійской Батанеѣ, умеръ въ 304 году въ Римѣ. Онъ зналъ христіанство не такъ поверхностно, какъ прежніе противники христіанства. Въ юные годы онъ былъ ученикомъ великаго Оригена. Отсюда, вѣроятно, возникло преданіе, будто Порфирій въ теченіи нѣкотораго времени былъ христіаниномъ, и будто, избитый однажды какимито христіанами Кессаріи Палестинской, съ тѣхъ поръ отрекся отъ христіанства и объявилъ непримиримую вражду его исповѣдникамъ. Но это преданіе лишено достовѣрности. Порфирій сталъ писать противъ христіанства, когда уже былъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Мы не имѣемъ подъ руками его сочиненій, такъ какъ они были уничтожены во времена христіанскихъ императоровъ, и знаемъ о нихъ только по отрывкамъ, которые приводятъ въ своихъ апологіяхъ противники Порфирія—отцы церкви. Порфирій поставилъ себѣ главною задачею найти противорѣчіе между ветхимъ и новымъ завѣтомъ и между ученіями апостоловъ, и благодаря его чисто внѣшнему критическому методу, ему весьма легко было это сдѣлать. Далѣе: Порфирій пытался уничтожить значеніе библейскихъ пророчествъ, заподозривая подлинность пророческихъ книгъ и въ частности книгу Даніила относя къ самому недавнему времени. Порфирій не ограничился такими критическими замѣчаніями, не ограничился отрицаніемъ чудесъ Іисуса Христа и сопоставленіемъ ихъ съ чудесами Аполлонія Тіанскаго; онъ осуждалъ даже нравственный характеръ Іисуса Христа, называя его человѣкомъ измѣнчивымъ и непостояннымъ. Далѣе—Порфирій обратилъ особенное вниманіе на разногласія между апостолами Петромъ и Павломъ, выводя отсюда то заключеніе, что при разномысліи самыхъ первыхъ руководителей церкви въ ней очевидно не можетъ быть истиннаго ученія. Подобно позднѣйшимъ противникамъ христіанства, Порфирій выставлялъ противъ христіанъ слѣдующій, имѣющій видимую убѣдительность, вопросъ: „если вы говорите, что только въ одномъ Іисусѣ Христѣ есть

спасеніе и болѣе ни въ комъ, то отчего же такъ долго оставалось человѣчество безъ Христа?“.

Но тѣмъ болѣе замѣчательно для насъ, что этотъ противникъ христіанства, можетъ быть, самъ не сознавая этого, находился подъ ближайшимъ вліяніемъ христіанства и пытался возвысить язычество путемъ внесенія въ него христіанскихъ идей: какъ видно истина, даже преслѣдуемая, оказываетъ медленное, но непреодолимое вліяніе на своихъ противниковъ. По крайней мѣрѣ очень рѣзко кидается въ глаза, что у этого крайняго противника христіанства мы встрѣчаемъ выраженія, которыя безспорно стоятъ въ ближайшей связи съ христіанскимъ ученіемъ вѣры и нравственности. Въ числѣ нѣсколькихъ сочиненій, оставшихся намъ отъ Порфирія, есть письмо его къ своей супругѣ Марцеллѣ, которую нѣкоторые считаютъ христіанкою. Въ этомъ письмѣ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія выраженія: *рожденное отъ плоти есть плоть; законъ Божій написанъ въ сердцахъ человѣческихъ; мы возвышаемся къ Богу путемъ вѣры, надежды и любви, но мертвая вѣра, безъ обнаруженія въ дѣлахъ, безплодна.* Далѣе: *Богъ есть источникъ всякихъ благъ. Зло не есть само въ себѣ грѣхъ, но человѣкъ совершаетъ грѣхъ, когда избираетъ зло. Богъ не имѣетъ нужды въ людяхъ, а напротивъ люди - въ Богѣ. Богъ святъ, а потому должны быть святы и мы. Самая лучшая жертва Богу есть чистое и любвеобильное сердце. Богу угодна только такая молитва, которая проистекаетъ изъ чистаго сердца. — У Бога должно просить только того, чего онъ Самъ желаетъ и что Онъ Самъ есть. Чтобы спасти душу, надо быть готовымъ даже на смерть, потому что лучше умереть, нежели осквернить душу порокомъ. Мудрый представляетъ собою храмъ Божій и есть вмѣстѣ съ тѣмъ жрецъ въ этомъ храмѣ. Нельзя служить Богу и вмѣстѣ угождать своимъ страстямъ. Въ душѣ, въ которой живетъ Богъ, не можетъ быть злаго духа. Мудрый всегда будетъ познанъ Богомъ. Мы достигнемъ нашей истинной отчизны только тогда, когда оставимъ нашу смертную природу.* Трудно рѣшить откуда заимствовалъ Порфирій эти идеи: непосредственно ли изъ священныхъ христіанскихъ книгъ или, подобно Сенекѣ, Плутарху, Марку Аврелію и другимъ, изъ другихъ источниковъ, въ которыхъ было нѣчто родственное христіанству. Но какъ по поводу Марка Аврелія, такъ и по поводу Порфирія, можно сказать, что изъ среды противниковъ христіанства часто выступали люди, которые по своимъ

взглядамъ, стояли къ нему весьма близко. Подобное явленіе заставляетъ насъ быть крайне осторожными въ своихъ сужденіяхъ. Было время, когда думали оказать особенную любовь къ христіанству тѣмъ, что по возможности въ мрачныхъ краскахъ изображали его противниковъ, представляя ихъ исчадіями ада. Такъ думали о Порфиріѣ, такъ думали о Юліанѣ. Но намъ кажется, что тѣ великія слова, какія произнесъ Господь на крестѣ: *πάτερ, ἄφες αὐτοῖς· οὐ γαρ οἴδασι τί ποιοῦσι.* (Лук. XXIII, 34) должны служить эпиграфомъ ко всей исторіи преслѣдованій христіанства.

ЧТЕНІЕ ОСМНАДЦАТОЕ.

Догматика, обрядовая и нравственная жизнь христіанъ въ первые вѣка.

Общій взглядъ на догматическія воззрѣнія первенствующихъ христіанъ[1]).

Изъ всѣхъ предметовъ христіанскаго вѣроученія христіане первыхъ вѣковъ особенно любили останавливаться на догматѣ о послѣдней судьбѣ міра и человѣка. Уже изъ новозавѣтнаго писанія мы видимъ, что первые христіане ожидали скораго пришествія Христа на землю. Они жили, ежедневно ожидая этого втораго пришествія и, между прочимъ, поэтому предпочитали собираться на молитву ночью, желая, чтобы Господь при второмъ пришествіи засталъ ихъ бодрствующими. Подъ вліяніемъ такого ожиданія возникла вѣра въ тысячелѣтнее царство, которое Господь устроитъ на землѣ послѣ перваго воскресенія

---

[1]) Смыслъ еванг. и апост. изреченій о близости кончины міра. *Руков. с. п.* 1865. Ученіе а. Павла о воскресеніи тѣлъ ibid. 1866. Ученіе древнихъ св. отецъ объ антихристѣ *Пр. Об.* 1868. Образованіе канона свящ. книгъ новаго завѣта *Приб. къ тв. с. о.* 1865. Рождественскаго. Исторія новозавѣтнаго канона. *Хр. Чт.* 1872. idem. *Пр. О.* 1862. № 7. А. Сильвестра. Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства. Кіевъ. 1872. 360 стр. А. Катанскаго. Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ до Оригена включительно. Спб. 1877. 423 стр. А. М. Ефимовскаго. Ученіе первыхъ трехъ вѣковъ о божествѣ Сына Божія. Москва. 1840. Ученіе древней церкви объ исхожденіи св. Духа. *Хр. Чт.* 1875. См. также цитованныя уже сочиненія Д. В. Гусева, В. А. Снегирева, Я. А. Алфіонова, Г. А Малеванскаго.

т. е. воскресенія праведныхъ. Это вѣрованіе было широко распространено и основу для него находили въ откровеніи Іоанна (Апок. XX).

Относительно того, какъ совершится воскресеніе мертвыхъ, думали различно. Одни предполагали, что тѣло воскреснетъ совершенно въ прежнемъ своемъ видѣ, такъ напр. св. Іустинъ утверждалъ, что мертвые при второмъ пришествіи Спасителя возстанутъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ они были погребены. Даже увѣчные возстанутъ съ своими увѣчьями, чтобы Господь при второмъ своемъ пришествіи исцѣлилъ ихъ увѣчья, какъ Онъ исцѣлилъ другихъ несчастныхъ во время перваго пришествія. Напротивъ того Оригенъ и другіе подобные ему писатели старались понимать ученіе о воскресеніи какъ можно болѣе духовно, не безъ основанія ссылаясь при этомъ на ученіе ап. Павла (1 Кор. XV).

Вообще же въ первые вѣка не было окончательно—сложившейся догматической системы вѣроученія. Относительно нѣкоторыхъ предметовъ вѣры ученіе первенствующихъ христіанъ представляется намъ недостаточно полнымъ, особенно если мы сравнимъ его съ догматическимъ ученіемъ, какъ оно изложено на вселенскихъ соборахъ. Первенствующая церковь дала намъ мало опредѣленій вѣры, но много свидѣтелей вѣры и плодовъ вѣры. При всемъ различіи взглядовъ, вѣра въ Іисуса Христа какъ Сына Божія, какъ Спасителя міра, какъ Владыку царства небеснаго составляла сущность и путеводную звѣзду вѣры. Къ Нему обращены были всѣ сердца, отъ Него ожидали преслѣдуемые подкрѣпленія и помощи, отъ Него ожидала церковь преспѣянія и побѣды. Для Него вѣрующіе жертвовали всѣмъ, питая твердую надежду въ Немъ все пріобрѣсть.

Клиръ въ первенствующей церкви[1]).

Чтобы составить представленіе о клирѣ, въ первенствующей церкви, мы должны припомнить два мѣста изъ писаній новаго завѣта: 12 ст. IV гл. посл. къ ефес. и 28 ст. XII гл. 1 посл. къ коринѳ. При сли-

---

[1]) О богоучрежденности трехъ степеней священства. *Руков. с. п.* idem. *Странникъ.* 1860. Происхожденіе и устройство церковной іерархіи *Пр. Сб.* 1858. Idem. *Рук. с. паст.* 1871. О клирѣ и его должностяхъ въ первые

ченіи двухъ вышеуказанныхъ мѣстъ, мы видимъ нѣсколько различныя наименованія. Въ посланіи къ ефесеямъ говорится: *καὶ αὐτὸς ἔδωκε τοὺς μὲν ἀποστόλους, τοὺς δὲ προφήτας, τοὺς δὲ εὐαγγελιστάς, τοὺς δὲ ποιμένας καὶ διδασκάλους*, между тѣмъ какъ въ посланіи къ коринѳянамъ не упоминается о благовѣстникахъ, а напротивъ упоминается о чудотворцахъ, о имѣющихъ даръ исцѣленія, объ имѣющихъ даръ языковъ и т. д. Наиболѣе точныя и обстоятельныя опредѣленія даетъ новозавѣтное св. писаніе о должностяхъ епископа и пресвистера. (См. посланіе къ Тимоѳею, къ Титу, увѣщаніе къ пресвитерамъ ефесскимъ и т. д.). Кромѣ того мы знаемъ изъ книги Дѣяній апостольскихъ, (VI) что должность діакона учреждена была очень рано. Высшими руководителями церкви были *епископы* и изъ среды ихъ особенно уважались епископы главныхъ церквей—іерусалимской, антіохійской, ефесской, карѳагенской и римской. Римскій епископъ стремился уже и въ то время къ главенству. Послѣ епископовъ на второй ступени іерархіи стояли старѣйшины отдѣльныхъ общинъ, *пресвитеры*. На нихъ главнымъ образомъ возлагалась пастырская обязанность, попеченіе о спасеніи пасомыхъ. На помощь имъ даны были—*діаконы*, которымъ главнымъ образомъ поручено было попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были служить и при церковныхъ собраніяхъ, должны были дѣлать приготовленія для таинства евхаристіи и разносить оное больнымъ. Діаконамъ были помощники, такъ называемые иподіаконы (*ὑποδιάκονοι, ὑπηρέται*). На ряду съ служителями церкви были и служительницы—діакониссы. Существовали и другія должности церковныя напр. должность чтеца (*ἀναγνώστης*, lector), на которую большею частію избирались молодые люди, которые обязаны были читать въ собраніяхъ св. писаніе.

три вѣка. *Дух. Бес.* 1871. Очеркъ устройства и управленія церкви на основаніи правилъ св. апостола. Idem. 1873. Древнія каноническія постановленія о клирѣ. *Рук. с. п.* 1869. 1873. *Дух. Бес.* 1869. 1871. Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы на основаніи преданій первыхъ вѣковъ. *Хр. Чт.* 1852. Замѣтка о книгѣ: *о главенствѣ римскаго папы предъ судомъ древности* въ *Странникъ*. 1861. Объ участіи паствы въ дѣлахъ церковныхъ по правиламъ древней церкви. *Хр. Чт.* 1861. О женскомъ священнодѣйствіи. *Пр. Соб.* 1864. Маслова. Діакониссы древней церкви. *Духъ христіанина* 1861—62.

На чтецахъ лежала также обязанность хранить книги священнаго писанія—обязанность, трудная во время гоненія Діоклетіанова, когда язычники требовали выдачи св. книгъ. Отдавая ихъ, чтецы считались падшими, предателями; не отдавая,—подвергались мученичеству. Часто при этомъ они спасались тѣмъ, что, вмѣсто каноническихъ церковныхъ книгъ, выдавали язычникамъ сочиненія еретиковъ. Далѣе — была должность заклинателей (exorcistae), которые имѣли даръ заклинать злыхъ духовъ и при крещеніи произносили молитву объ отгнаніи злаго духа отъ крещаемаго. Чѣмъ болѣе епископы стали заботиться окружать себя внѣшнимъ блескомъ; тѣмъ болѣе должно было возникать низшихъ церковныхъ должностныхъ лицъ, каковы напр. были *аколуѳы*, которые прислуживали епископу при богослуженіи или носили свѣтильники при процессіяхъ. Затѣмъ явились еще придверники (*πυλωροί*, ostiarii), которые во время собранія христіанъ отворяли и затворяли двери и указывали мѣсто посѣщавшимъ собраніе язычникамъ. Всѣ эти различныя церковныя должности составляли собою духовное сословіе, которое въ противоположность съ мірянами (*λαϊκοί*) называлось *клиромъ*. Посланіе римскаго епископа Корнелія исчисляетъ (въ Римѣ въ 252 г.): *ἐπίσκοπον ἕνα, πρεσβυτέρους τεσσαράκοντα, διακόνους ἑπτά, ὑποδιακόνους ἑπτά, ἀκολούθους δυὼ καὶ τεσσαράκοντα, ἐξορκιστὰς καὶ ἀναγνώστας ἅμα πυλωροῖς δυο καὶ πεντήκοντα.*

Церковныя покаянія. Общеніе церквей[1]).

Церковь съ самаго начала исключала изъ общенія грубыхъ грѣшниковъ, подававшихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ, или отвергавшихъ вѣру на словахъ или на дѣлѣ. Но это отлученіе не должно было быть вѣчнымъ; для искренне кающихся церковь давала полную возможность возвратиться въ ея лоно. Въ церкви по этому поводу выработа-

---

[1]) Церковное запрещеніе и разрѣшеніе. *Пр. Соб.* 1860. О публичномъ покаяніи, Ibid. 1868. Объ эпитиміяхъ. Ibid. 1869. *Суворина.* О церковныхъ наказаніяхъ. Спб. 1877. Обозрѣніе церковно-судебныхъ рѣшеній и постановленій въ первые три вѣка по Р. Хр. *Юридич. Журналъ.* 1861. № 5. Духовный судъ въ древней хр. церкви. *Рук. с. п.* 1875.

лись особыя правила относительно отлученія и принятія падшихъ. Были различныя степени отлученія и различныя степени покаянія. Самая низшая ступень покаянія состояла въ томъ, что кающійся стоялъ при церковныхъ дверяхъ въ одеждѣ покаянія, плакалъ и умолялъ входящихъ въ храмъ, чтобы они простили его и снова приняли въ общеніе. По истеченіи нѣкотораго времени кающимся позволяли присутствовать въ церкви при чтеніи св. писанія и во время проповѣди. Но во время торжественныхъ моленій, предшествующихъ таинству причащенія, кающійся долженъ былъ выходить. Кающіеся, стоящіе на этой ступени покаянія, назывались „слушающими“. Въ церкви они обыкновенно занимали мѣсто вмѣстѣ съ оглашенными, только что начавшими получать оглашеніе. Пробывъ нѣкоторое время на степени слушающихъ, кающіеся получали позволеніе присутствовать при молитвахъ, но преклонивъ колѣна; отсюда они назывались „колѣнопреклоненными“, „припадающими“. Послѣ этого времени испытанія дозволялось уже имъ присутствовать въ церкви во время причащенія, но они все еще не имѣли права приступать къ причащенію. Наконецъ наступалъ день торжественнаго примиренія падшихъ съ церковію—restitutio in pacem. Это принятіе падшихъ въ церковь совершалось съ особенными обрядами: надъ ними читалась разрѣшительная молитва и вѣрующіе давали имъ цѣлованіе міра. Такія формы покаянія очевидно не во всѣхъ христіанскихъ общинахъ были одинаковы. Но во всякомъ случаѣ, церковное покаяніе было очень строго.

Въ силу идеи о единствѣ церкви, отдѣльныя христіанскія общины старались жить въ самомъ близкомъ общеніи другъ съ другомъ. Было два средства для такого общенія: а) церковныя общины пересылали другъ къ другу посланія черезъ довѣренныхъ лицъ, б) представители общинъ съѣзжались иногда въ одно мѣсто и составляли соборы. Въ половинѣ III-го вѣка такіе соборы стали обычными.

Праздники. Катакомбы и храмы[1]).

Праздникъ воскресенія, посвященный воспоминанію о возстаніи Господа, проводился, какъ день радости; уже въ раннее время въ этотъ день

---

[1]) Иродіона *Вѣтринскаго Памятникъ* древней христ. церкви или христіанскія древности съ описаніемъ: таинствъ, богослуженія, храмовъ, празд-

считали нужнымъ освободить себя отъ ежедневныхъ работъ: differentes etiam negotia, ne quem diabolo locum demus (*Tert.* de orat. c. 23). Кромѣ воскресенія особенно священны были для христіанъ среда и пятница: эти дни посвящались воспоминанію о страданіяхъ Іисуса Христа и назывались днями подвиговъ (dies stationum). Изъ годовыхъ праздниковъ нарочитые были: праздникъ пасхи и праздникъ пятидесятницы,—день воспоминанія объ изліяніи святаго Духа. Все время отъ пасхи до пятидесятницы было въ сущности однимъ большимъ празднествомъ и представляло собою замѣчательный контрастъ съ предшествовавшимъ пасхѣ временемъ сорокадневнаго поста. Въ этоже время торжествовался праздникъ вознесенія (ἡ ἑορτὴ τῆς ἀναλήψεως τοῦ Κυρίου). Напротивъ того воспоминанію рожденія Спасителя не было посвящено особаго праздника. Нашъ праздникъ Рождества Христова впервые установленъ былъ въ IV-мъ вѣкѣ. Гностики, въ частности послѣдовали Василида, 6-го января праздновали ежегодно крещеніе Господа на Іорданѣ, какъ день богоявленія. Праздникъ этотъ (ἡ ἐπιφάνεια) конечно не позднѣе того же времени т. е. II вѣка, имѣлъ мѣсто и въ православной церкви. Весьма рано также учреждены были торжества въ память мучениковъ. Праздновали обыкновенно день ихъ смерти, какъ день рожденія для вѣчной жизни. Въ эти дни хри-

---

никовъ, постовъ, іерархіи, разныхъ соборныхъ постановленій и всѣхъ обрядовъ и обычаевъ, бывшихъ въ древней христ. церкви Пять томовъ. Спб. 1829—45. Какъ первенствующіе христіаяе проводили день воскресный *В. Чт.* II. Idem. *Рук. с. паст.* 1873. Четыредесятница и Пасха у древнихъ христіанъ. *Странникъ* 1863. idem. *Рук. с паст.* 1868 и 1875. Павлова. Дреніе христ. праздники въ честь мучениковъ. *Странникъ.* 1860 № 7. Какъ постились христіане первыхъ вѣковъ *Рук. с. п.* 1865. А Фонъ-Фрикенъ. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христ. искуства М. 1872. Троицкаго. Римскія катакомбы *Хр Чт.* 1854. idem. *Пр. Об.* 1860 № 5. idem. *Дух. Вѣстн.* 1804. idem. *Дух. Бес.* 1865. idem. *Странникъ* 1874. Подземный Римъ. *Чт. Об Люб. Дух. Пр.* 1874. Герца Слѣды христіанства въ Помпеѣ *Пр. Об.* 1874 Какъ строились христ. храмы въ древнія времена *В. Чт.* XXVIII. *Странникъ* 1872. О древней христ. архитектурѣ. *Пр. Об.* 1874 П. А. Лашкарева. Религіозная монументальность. *Труды К. Д. Ак.* 1866. О символическихъ знакахъ на христ. памятникахъ *Пр. Соб.* 1869 Миѳологическіе сюжеты на христ. памятникахъ *Пр. Соб.* 1862.

стіане собирались на гробы мучениковъ и читали исторію ихъ жизни; отсюда слово legenda—(что должно было предлагаться для чтенія). Не имѣя еще особыхъ зданій для богослуженія, церковь имѣла уже свои кладбища или, какъ она ихъ называла, *усыпальницы—κοιμητήρια*, dormitoria,—потому что смерть, по мнѣнію христіанъ, есть сонъ. Особенно извѣстны римскія катакомбы, о которыхъ такъ говорилъ блаженный Іеронимъ: dum essem Romae puer et liberalibus studiis erudirer, solebam cum caeteris ejusdem aetatis et propositi diebus dominicis sepulchra apostolorum et martyrum circumire: crebro que cryptas ingredi, quae in terrarum profunda defossae, ex utraque parte ingredientium per parietes habent corpora sepulturarum et ita obscura sunt omnia, ut propemodum illud propheticum compleatur: *descendant ad infernum viventes* et caet. Впервые въ III-мъ вѣкѣ явились особыя церковныя зданія. Устройство этихъ храмовъ было сходно съ храмомъ іудейскимъ:—выступъ храма, гдѣ священнодѣйствовали клирики, замѣнялъ собою святая святыхъ, корабль храма, гдѣ молились вѣрующіе, замѣнялъ собою святилище и притворъ соотвѣтствовалъ прежнему двору іудейскаго храма. Въ первое время христіанамъ ставили въ упрекъ, что у нихъ нѣтъ алтарей; теперь были устроены алтари въ церкви или, лучше сказать, престолы для таинства евхаристіи. Кромѣ того въ храмѣ поставлялся аналой для чтенія священнаго писанія и каѳедра для проповѣдника. Что касается до начатковъ христіанскаго искусства, то впервые мы находимъ много рельефныхъ изображеній христіанскихъ на сосудахъ, на печатяхъ, на лампадахъ и тому подобныхъ предметахъ домашняго употребленія. Кромѣ креста на этихъ предметахъ изображались часто: агнецъ, якорь, голубь, пальма, левъ, олень, ластовица, лавры, корабль, но преимущественно рыба, потому что Христосъ сказалъ Петру и Андрею: *ποίησω ὑμας ἁλιεῖς ἀνθρώπων*, (Мѳ. IV, 19) и потому что въ греческомъ названіи рыба *ἰχθύς*—заключались начальныя буквы имени Спасителя *Ἰησοῦς Χριστὸς Υἱὸς Θεοῦ Σωτήρ*. Часто также изображалась монограмма имени Іисуса Христа.

Совершеніе таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ [1]).

Теперь скажемъ о томъ, какъ совершались таинства и другіе богослужебные обряды. Изъ новозавѣтныхъ писаній видно, что кре-

[1]) Ѳ. Смирновъ. Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ

щеніе въ первое время совершалось на открытыхъ мѣстахъ на рѣкахъ или на озерахъ и исключительно чрезъ погруженіе. Позднѣе устроены были для этого особыя крещальни (*βαπτιστήρια*). Крещающійся сходилъ въ водоемъ по многимъ ступенямъ и всѣмъ тѣломъ погружался въ воду. Это было лучшимъ подобіемъ спогребенія Христу и возстанія изъ гроба съ новыми силами души. Обливаніе первоначально совершалось только надъ больными, которые изъявили желаніе креститься уже во время предсмертной болѣзни, когда нельзя было крестить ихъ чрезъ погруженіе. Замѣтимъ при этомъ, что многіе отлагали крещеніе до послѣднихъ дней жизни подъ вліяніемъ той мысли, что грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, не такъ легко могутъ быть отпущены, какъ грѣхи, омытые св. крещеніемъ. Относительно крещенія дѣтей были различныя мнѣнія: особенно сильно возставалъ противъ крещенія дѣтей Тертулліанъ. Къ концу III вѣка крещеніе дѣтей вошло во всеобщій обычай; но даже въ исторіи IV-го вѣка мы встрѣчаемъ много примѣровъ того, что крещеніе отлагалось до позднѣйшаго возраста и даже до часа смерти. Рано мы встрѣчаемъ при крещеніи воспріемниковъ, которые при крещеніи дѣтей считались необходимыми. При крещеніи, также какъ и теперь, давалось новое имя. Крещаемый оставлялъ свое прежнее языческое имя и принималъ новое, чтобы тѣмъ яснѣе обозначить то всецѣлое обновленіе, какое надъ нимъ совершилось. Точно также очень рано вошло въ обычай давать крещеннымъ другую одежду, и притомъ бѣлую для обозначенія того, что они отложили ветхаго человѣка и облеклись въ

до IV вѣка.—Егоже. Происхожденіе и литургическій характеръ таинствъ. Чинъ оглашенія въ древней церкви *Хр. Чтеніе.* 1849. Какъ совершалась вечеря у христіанъ при апостолахъ и послѣ апостоловъ *Хр. Чт.* 1830. Е. Ловягина. Собраніе древнихъ литургій въ русск. переводѣ *Хр. Чт.* 1877. Катанскаго. Очерки исторіи литургіи правосл. церкви. *Хр. Чт.* 1888. Дмитревскаго. Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію Москва. 1803. (Имѣло 8 изданій). Агапы или вечери любви. *В. Чт.* XI. idem. *Пр. Об.* 1870 idem. *Духъ христіанина* 1864/5 idem. *Рук. с. Паст* 1872. Пр Филарета. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ греч. церкви Отзывъ въ *Пр. О.* 1861. Сходство обрядовъ и постановленій правосл. церкви съ обрядами и постановленіями церкви ветхозавѣтной. *Странникъ* 1870. *Пѣвницкаго.* Проповѣдь въ первенствующей церкви. *Труды К. Д. Ак.* 1875. idem. *Рук. с. паст.* 1864 и 1673. Древніе погребальные обряды христіанъ *Душепол. Чт.* 1870. idem. *Рук. с. паст.* 1872.

поваго, созданнаго по подобію Божію въ правдѣ и преподобіи истины. Евхаристію въ первое время совершали ежедневно, а потомъ каждый воскресный день; она составляла главную сущность христіанскаго богослуженія. Въ первое время за евхаристіею слѣдовали вечери любви —*агапы*, но вслѣдствіе злоупотребленій ихъ стали устранивать въ другое время и потомъ мало по малу, хотя и не скоро, агапы совершенно выпили изъ церковнаго употребленія. Совершеніе евхаристіи было въ высшей степени просто; для нея употреблялся обыкновенный хлѣбъ и вино, смѣшанное съ водою. Это смѣшеніе вина съ водою основывалось, конечно, на евангельскомъ разсказѣ о смерти Спасителя. Строгая гностическая секта енкратитовъ—(воздержныхъ) употребляла для евхаристіи только воду, но церковь строго осуждала подобное отступленіе. Во время евхаристіи въ молитвахъ поминали умершихъ и это послужило основою для возникновенія обычая служить заупокойныя литургіи. При совершеніи евхаристіи могли присутствовать только крещенные, но оглашенные и отлученные не имѣли права быть. Больные получали св. дары на дому чрезъ діаконовъ.

Богослуженіе состояло изъ пѣнія, молитвы, чтенія священнаго писанія и проповѣди. Уже ап. Павелъ увѣщеваетъ вѣрующихъ вразумлять себя самихъ *ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς* (Колос. III, 16). Если апостолъ подъ этими выраженіями разумѣлъ различнаго рода пѣснопѣнія, то должно полагать, что подъ *псалмами* онъ разумѣлъ псалмы ветхозавѣтные, а подъ *гимнами и пѣснями духовными*—пѣснопѣнія, составленныя уже христіанами. Въ сирійской церкви, гдѣ св. Игнатій Антіохійскій впервые ввелъ антифонное пѣніе, извѣстны намъ, какъ первые составители гимновъ: гностикъ Вардесанъ и сынъ его Гармоній. Они естественно пользовались могущественнымъ путемъ пѣснопѣнія, чтобы распространять свои лжеученія. Церковь должна была выступить съ тѣмъ же оружіемъ, должна была противопоставить еретическимъ пѣснопѣніямъ пѣснопѣнія православныя,—и Ефремъ Сиринъ, жившій уже въ IV вѣкѣ, какъ извѣстно, составилъ много подобныхъ пѣснопѣній. Въ александрійской церкви составленіемъ гимновъ занимался Климентъ Александрійскій. Нельзя думать, чтобы эти пѣснопѣнія употреблялись только въ церкви; очень можетъ быть, что ихъ пѣли и внѣ церкви, особенно во время трапезъ любви. Но что, по крайней мѣрѣ, къ концу нашего періода при церковныхъ собраніяхъ употреб-

лялись другія пѣснопѣнія, кромѣ ветхозавѣтныхъ псалмовъ, это мы можемъ видѣть изъ исторіи Павла Самосатскаго, который возсталъ противъ употребленія христіанскихъ гимновъ. Молитва стояла въ самой ближайшей связи съ пѣніемъ,—и очень вѣроятно, что молитвы въ первенствующей церкви читались на распѣвъ.

Молитва Господня „Отче нашъ“ почиталась особенно священною: ее могли произносить только вѣрующіе, ее старались скрыть отъ язычниковъ. Кромѣ употребленія при ежедневномъ богослуженіи многіе произносили ее трижды въ день. Молились или стоя, или въ колѣнопреклоненномъ положеніи. Стоя молились въ воскресенья и отъ пасхи до пятидесятницы,—во дни радости. Въ колѣнопреклоненномъ положеніи молились больше тогда, когда приносили покаяніе. Иногда при этомъ совершенно простирались на землѣ, по примѣру моленія Іисуса Христа, въ саду геѳсиманскомъ падшаго на лице Свое. Древніе греки и римляне молились, поднявъ вверхъ руки, какъ бы желая получить даръ свыше; тотъ же обычай перешелъ и къ христіанамъ. Но кромѣ того христіане часто молились распростерши руки въ видѣ креста, чтобы такимъ образомъ изобразить страданія Господа. Молились не только въ церкви, но и дома,—и многіе ревностные христіане, по обычаю іудеевъ, молились трижды въ день: въ третій, въ шестой и девятый часы т. е. по нашему счисленію въ 9, въ 12 и въ 4 часа. Впослѣдствіи стали молиться еще трижды: въ 1 часъ утра т. е. въ 6 часовъ утра, въ послѣдній часъ дня т. е. въ 6 часовъ вечера и часъ перваго пѣнія пѣтуха т. е. около 3 часовъ утра. Имѣли обычай молиться также при всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и предпріятіяхъ. „Вѣрующему неприлично, по мнѣнію Тертулліана“, садиться за столъ или идти къ омовенію, не помолившись предъ этимъ, потому что питаніе и удовлетвореніе духа должно предшествовать питанію и удовлетворенію тѣла“. Другіе учители, какъ напр. Оригенъ, не такъ считали нужнымъ узаконять время для молитвы: выборъ времени они предоставляли расположенію самого молящагося, но считали потребность молитвы присущею всякому и требовали, чтобы христіане развивали въ себѣ эту потребность. *Прежде, чѣмъ поднимать руки къ небу*, говоритъ Оригенъ, *нужно вознестись туда душею, и прежде, чѣмъ возводить глаза къ небу, должно всю свою мысль устремить къ божественному.* Всѣ общественныя собранія христіанъ, даже собранія для чтенія св. писанія и изученія божественнаго слова

начинались молитвою. Чрезъ эту общественную молитву, главнымъ образомъ, укрѣплялся духъ христіанскаго общенія. Publica est nobis, говоритъ Кипріанъ, et communis oratio: et quando oramus non pro uno, sed pro toto populo oramus; quia totus populus unum sumus. Креститься при молитвѣ, т. е. возлагать на себѣ знаменіе креста рукою, вошло также въ обычай въ древнія времена церкви. Ad omnem progressum atque promotum, ad omnem aditum et exitum, ad vestitum, ad calciatum, ad lawacra, ad mensas, ad lumina, ad cubilia, ad sedilia, quocumque nos conversatio exercet, frontem crucis signaculo terimus *(De corona)*. Кромѣ пѣнія и молитвы въ составъ древне-христіанскаго богослуженія входили: чтеніе священнаго писанія и проповѣдь. Обычай прочитывать при общихъ собраніяхъ отдѣлъ изъ библіи перешелъ въ христіанскую церковь изъ синагоги. Іудеи читали при своихъ собраніяхъ отдѣлы изъ закона и пророковъ. Въ христіанской церкви къ этому присоединено было чтеніе евангелія и посланій и образовались такъ называемые *περικόπαι* (зачала). По поводу прочитаннаго, пресвитеръ или епископъ говорилъ бесѣду. Кажется, въ особыхъ случаяхъ дозволялось проповѣдывать даже лицамъ не имѣвшихъ посвященія, какъ мы знаемъ это объ Оригенѣ. Бесѣды сначала были очень просты; онѣ заключали въ себѣ краткое изъясненіе священнаго писанія и краткое практическое увѣщаніе. Эти бесѣды назывались *ὁμιλίαι*. Но мало по малу вошло въ обычай составлять краснорѣчивыя рѣчи: припомнимъ Павла Самосатскаго, любителя рукоплесканій.

Браки христіанъ въ гражданскомъ отношеніи язычниками не признавались. Это не мѣшало давать брачному союзу религіозное освященіе. До насъ дошли извѣстія отъ половины и конца II-го вѣка, о томъ, что брачные союзы христіанъ благословлялись епископомъ или пресвитеромъ. Но подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ совершалось таинство брака, мы не имѣемъ. Относительно погребенія мертвыхъ мы знаемъ только, что христіане предпочитали погребать тѣла умершихъ, а не сожигать ихъ, какъ то было въ обычаѣ у древнихъ. Погребеніе тѣлъ было подобно зарыванію сѣмени, которое бросается въ землю, чтобы созрѣть ко дню жатвы. Точно также погребеніе тѣлъ въ землѣ соотвѣтствовало понятію христіанъ о смерти, какъ о снѣ. Они клали тѣло въ холодное лоно земли, какъ въ тихую опочивальню, гдѣ уста-

лыя кости должны покоиться дотолѣ, пока не начнется великое утро, когда звукъ ангельской трубы пронесется надъ гробами. Уже во второмъ вѣкѣ духовные лица читали молитвы надъ покойниками. Обычай язычниковъ оплакивать покойниковъ былъ отмѣненъ христіанами, но христіане провожали своихъ покойниковъ до могилы и пѣли надъ ними гимны, держа въ рукахъ свѣтильники, какъ символъ воскресенія.

Нравственное состояніе древнихъ христіанъ и домашній ихъ бытъ [1]).

Какъ догматика древней церкви не богата была точными и законченными формулами, такъ и нравоученіе не отличалось обиліемъ правилъ и предписаній на всѣ частные случаи жизни. Общій духъ христіанской нравственности проникалъ собою всѣ частныя и случайныя положенія жизни христіанина,—и такимъ опредѣляющимъ началомъ былъ, по апостолу, не законъ, а плодъ духовный. *Ὁ δὲ καρπὸς τοῦ πνεύματός ἐστιν ἀγάπη, χαρὰ, εἰρήνη, μακροθυμία, χρηστότης, ἀγαθωσύνη, πίστις, πραότης, ἐγκράτεια· κατὰ τῶν τοιούτων οὐκ ἔστι νόμος* (Гал. V, 22, 23). Вопреки суровому аскетизму монтанистовъ и разпущенной свободѣ большинства гностиковъ, истинный христіанинъ первыхъ вѣковъ могъ сказать съ апостоломъ: *πάντα μοι ἔξεστι, ἀλλ' οὐ πάντα συμφέρει* (1 Кор. VI, 12). *Οἶδα δὲ ταπεινοῦσθαι, οἶδα καὶ περισσεύειν. ἐν παντὶ καὶ ἐν πᾶσι μεμύημαι καὶ χορταζεσθαι καὶ πεινᾶν, καὶ περισσεύειν καὶ ὑστερεῖσθαι. πάντα ἰσχύω ἐν τῷ ἐνδυναμοῦντί με Χρίστῳ* (Фил. IV, 12, 13). Посланіе къ Діогнету (II вѣка) рисуетъ намъ слѣдующую свѣтлую картину нравственной жизни христіанъ. *Χριστιάνοι οὔτε γῇ, οὔτε φωνῇ, οὔτε ἔθεσι διακεκριμένοι τῶν λοιπῶν εἰσὶν*

---

[1]) О нравахъ первенствующихъ христіанъ. *Хр. Чт.* 1824. Idem. *В. Чт.* XXII. Idem. *Душепол. Чт.* 1862. Скворцева. О посланіи къ Діогнету. *Труды к. д. ак.* 1873. Домашняя жизнь первенствующихъ христіанъ. *Пр. Соб.* 1860 и 1864. Внѣшнее положеніе церкви въ обществѣ въ первые три вѣка. *Хр. Чт.* 1859. Никольскаго. Отношеніе христ. общества къ римскому правительству и народу въ первые три вѣка. *Труды к. д. а.* 1864. Idem. *Дух. Бес.* Д. Г. Левитскаго. О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ

ἀνθρώπων.... Κατοικοῦντες δὲ πόλεις ἑλληνίδας τε καὶ βαρβάρους, ὡς ἕκαστος ἐκληρώθη, ἐν τοῖς ἐγχωρίοις ἔθεσιν ἀκολουθοῦντες ἐν τε ἐσθῆτι καὶ διαίτῃ καὶ τῷ λοιπῷ βίῳ, θαυμαστὴν καὶ ὁμολογουμένως παράδοξον ἐνδείκνυνται τὴν καινότητα τῆς ἑαυτῶν πολιτείας.—Πατρίδας οἰκοῦσιν ἰδίας, ἀλλ' ὡς πάροικοι. μετέχουσι πάντων, ὡς πολῖται, καὶ πανθ' ὑπομένουσιν, ὡς ξένοι. πᾶσα ξένη πατρὶς ἐστὶν αὐτῶν. καὶ πᾶσα πατρὶς ξένη γαμοῦσιν ὡς πάντες. τεκνογονοῦσιν, ἀλλ' οὐ ῥίπτουσι τὰ γεννώμενα. ἐν σαρκὶ τυγχάνουσιν, ἀλλ' οὐ κατὰ σάρκα ζῶσιν. ἐπὶ γῆς διατρίβουσιν, ἀλλ' ἐν οὐρανῷ πολιτεύονται. Πείθονται τοῖς ὡρισμένοις νόμοις, καὶ τοῖς ἰδίοις βίοις νικῶσι τοὺς νόμους. Ἀγαπῶσι πάντας καὶ ὑπὸ πάντων διώκονται. ἀγνοοῦνται καὶ κατακρίνονται: θανατοῦνται καὶ ζωοποιοῦνται. πτωχεύουσι καὶ πλουτίζουσι πολλούς. πάντων ὑστεροῦνται καὶ ἐν πᾶσι περισσεύουσιν. ...λοιδοροῦνται καὶ εὐλογοῦσιν... Ἁπλῶς δὲ εἰπεῖν, ὅπερ ἐστὶν ἐν σώματι ψυχή, τοῦτ' εἰσὶν ἐν κόσμῳ χριστιανοί. Ἐσπάρται κατὰ πάντων τῶν τοῦ σώματος μέλων ἡ ψυχή, καὶ χριστιανοὶ κατὰ τὰς τοῦ κόσμου πόλεις.—Οἰκεῖ μὲν ἐν τῷ σώματι ψυχή, οὐκ ἔστι δὲ ἐκ τοῦ σώματος. καὶ χριστιανοὶ ἐν κόσμῳ

отношеніи къ язычникамъ. М. 1842. Молитва за царей въ древнси христ. церкви. *Д. Бес.* 1866. Женщина у евреевъ и въ христіанствѣ. *В. Чт.* XXXII Перемѣны, произведенныя христіанствомъ въ положеніи женщины. Ibid. XXIII. А. Лебедева. Вліяніе христіанской вѣры на семейныя отношенія и общественный бытъ. *Душ. Чт.* 1873. Исторія христіанской попечительности о больныхъ *Дух. Бес.* 1861. Подвиги благотворительности и любви въ древней церкви. *В. Чт.* VII. Благотворительность въ первые вѣка христіанства *Пр. Об.* 1869. Попеченіе древней церкви о бѣдныхъ и нуждающихся Ibid. 1863. О домашней жизни и благотворительности древнихъ христіанъ *Странникъ.* 1862. Церковное имущество и благотворительность въ первые три вѣка. *Дух. Бес.* 1863. О вліяніи христіанства на языческое общество въ первые три вѣка. *Приб. къ тв. св. оо.* 1861 О дѣвственникахъ христіанскихъ до монашества. Ibid. 1843. Даръ языковъ *Дух. Бес.* 1867. О дарахъ св. Духа въ первенствующей церкви *Дух. Вѣст.* 1853. О чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ. *В. Чт.* XVIII. О дарѣ пророчества. Ibid XXVI.

οἰκοῦσιν, οὐκ εἰσί δε ἐκ τοῦ κόσμου. Ἄόρατος ἡ ψυχὴ ἐν ὁρατῷ φρουρεῖται τῷ σώματι. καὶ χριστιανοὶ γινωσκονται μένοντες ἐν τῷ κόσμῳ, ἀόρατος δὲ αὐτῶν θεοσεβεία μένει. Μισει τὴν ψυχὴν ἡ σὰρξ, καὶ πολεμεῖ, μηδέν ἀδικουμένη, διότι ταῖς ἡδοναῖς κωλύεται χρῆσθαι. μισεῖ καὶ χριστιανοὺς ὁ κόσμος, μηδέν ἀδικούμενος, ὅτι ταῖς ἡδοναῖς ἀνιτάσσονται. Ἡ ψυχὴ τὴν μισοῦσαν ἀγαπᾷ σάρκα, καὶ τὰ μέλη· καὶ χριστιανοὶ τοὺς μισοῦντας ἀγαπῶσιν. Ἐγκέκλεισται μέν ἡ ψυχὴ σώματι, συνέχει δὲ αὐτὴ τὸ σῶμα. καὶ χριστιανοὶ κατέχονται μεν ὡς ἐν φρουρᾷ τῷ κόσμῳ, αὐτοὶ δὲ συνέχουσι τὸν κόσμον. Ἀθάνατος ἡ ψυχὴ ἐν θνητῷ σκηνώματι κατοικεῖ. καὶ χρηστιανοὶ παροικοῦσιν ἐν φθαρτοῖς, τὴν ἐν οὐρανοῖς ἀφθάρσιαν προσδεχόμενοι. Εἰς τοσαύτην αὐτοὺς τάξιν ἔθετο ὁ Θεὸς, ἣν οὐ θέμιτον αὐτοις παραιτήσασθαι.

Конечно не всѣ христіане первыхъ трехъ вѣковъ подходили подъ вышеуказанную характеристику; были прискорбныя исключенія, но общій уровень нравственности древнихъ христіанъ несомнѣнно былъ весьма высокъ. Не смотря на эту высоту нравственности или—лучше сказать—именно благодаря ей, христіанство было несовмѣстимо съ цивилизаціею и со всѣми порядками греко-римскаго міра. Здѣсь христіанина на каждомъ шагу ждали самыя тяжелыя коллизіи.

Начнемъ хоть съ вопроса о *воинской службѣ*. Нѣкоторые христіане еще находили возможнымъ мириться съ воинскою службою, ссылаясь на ветхозавѣтные примѣры, на Іоанна Крестителя, который далъ постановленіе воинамъ, какъ имъ жить, но не повелевалъ имъ оставлять военнаго званія,—на Корнилія сотника, который и послѣ своего обращенія не переставалъ быть сотникомъ. Но болѣе строгіе христіане,—отрицая вышеуказанные примѣры, какъ заимствованные изъ до-христіанскаго быта,—рѣшительно высказывались противъ всякаго человѣкоубійства, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершалось,—высказывались и противъ смертной казни по судебному приговору.

Перейдемъ къ вопросу *объ искусствѣ*. Стремленіе къ красотѣ формы, такъ широко развившееся въ греческомъ мірѣ, должно было въ глазахъ христіанина утратить всякую прелесть. Все, что отзывалось сколько нибудь обоготвореніемъ твари, служило для христіанъ предметомъ отвращенія. Мы уже знаемъ, какъ Тертулліанъ высказывался противъ зрѣлищъ, назы-

вая театръ sacrarium Veneris, consistorium impudiciae. Не удивительно, что христіане гнушались травлею дикихъ звѣрей въ амфитеатрѣ—этимъ жестокимъ увеселеніемъ, жертвами котораго нерѣдко бывали христіане же. Но даже серьезной трагедіи, которая повидимому столь богата моральными элементами, не могли выносить первенствующіе христіане, потому что содержаніе ея было заимствовано изъ древней миѳологіи. Для насъ въ настоящее время миѳологическіе сюжеты до такой степени далеки и чужды, что мы можемъ находить въ нихъ только историческій или художественный интересъ. Но не то было съ первенствующими христіанами: посѣщеніе театра было для нихъ въ нѣкоторой степени равносильно участію въ идолослуженіи, въ дѣлахъ діавола и тьмы. Тертулліанъ, доказывая вредъ зрѣлищъ, приводитъ примѣръ женщины, которую за посѣщеніе театра мучилъ злой духъ и на вопросъ заклинателя, какъ онъ смѣлъ войти въ христіанку, отвѣчалъ: *et justissime quidem feci, in meo eam invenі.* Любопытна исторія объ актерѣ Генезіѣ. Искусный комикъ, онъ долженъ былъ во время присутствія Діоклетіана въ Римѣ представить сцену, изображая собою человѣка, лежащаго на смертномъ одрѣ и требующаго крещенія. Другой актеръ изображалъ собою священника, а третій—заклинателя. Но случилось нѣчто странное и неожиданное. При этомъ лицедѣйствѣ Генезій не въ шутку, а въ правду сдѣлался христіаниномъ. Вотъ какъ говорятъ объ этомъ акты мученическіе: Quadam die, cum vellet Diocletiano Imp. *ludum exhibere de mysteriis Christianae observantiae,* utpote saevissimo tyranno, cui Christiani exosi erant, et hujus rei gratia spectante imperatore et omni populo, in medio theatri quasi aegrotus decumbens se posceret baptizari, mimum in haec verba proposuit: *Eia nostri, gravem me sentio, levem me fieri volo.* Illi responderunt. *Quomodo te levem facimus, si gravis es? Numquid nos fabri sumus, et ad runcinam te missuri sumus?* Haec verba exhibuerunt populo risum. Genesius iterum: *Vesani, Christianus desidero mori.*—„*Quare?* inquiunt. Quibus Genesius: *ut in illa die veluti fugitivus in Deo inveniar.* Evocato autem presbytero et exorcista, repente, Deo inspirante, credidit. Nam illi juxta lectum ipsius cum resedissent, dicunt ei: *Quid ad nos misisti, filiole?* Genesius jam non simulate ac ficte, sed ex puro corde respondit: *Quia accipere cupio gratiam Christi, per quam renatus liberer a ruina iniquitatum mearum* Cumque sacramentorum mysteria complessent, et indutus vestibus albis esset; veluti per ludum a militibus raptus. et ad

similitudinem SS. Martyrum, de Christi discutiendus nomine, Imperatori fuisset exhibitus, stans in editiori loco, ita concionatus est: *Audi, Imperator, et omnis exercitus, sapientes et populi hujus urbis. Ego quotiescumque christianum vel nominatum audivi, exhorrui, et in confessione permanentibus insultavi. Ego etiam parentes meos et affines, causa nominis christiani exsecratus sum, et in tanta derisione habui christianos, ut mysteria eorum diligenti examinatione perquirerem, ut ex eorum sanctificatione ludum vobis exhibere vellem. At ubi me aqua nudum tetigit, et interrogatus, credere me respondi, vidi super me manum caelitus venientem et angelos radiantes super me stetisse, qui omnia peccata, quae ab infantia feci, recitaverunt de libro, quae mox in ipsa aqua laverunt, in qua in conspectu vestro perfusus sum, et mihi candidiorem nive postmodum ostenderunt. Nunc igitur, Imperator, et vos omnes populi, qui de his mysteriis risistis, mecum credite verum Dominum esse Christum, hunc esse lumen, hunc esse veritem, hunc esse pietatem, et per ipsum vos ad indulgentiam posse pertingere.* Само собою разумѣется, что послѣ этого исповѣданія вѣры новый христіанинъ былъ замученъ.

Не только искусство, но и *наука* въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ языческомъ мірѣ, не мирилась съ христіанствомъ. Мы знаемъ уже взаимно противоположныя сужденія Тертулліана и александрійскихъ богослововъ объ отношеніи философіи къ христіанству. Отвергалась христіанами и *астрономія*, стоявшая въ связи съ языческою астрологіею, потому что христіанинъ не хотѣлъ читать своей судьбы въ звѣздахъ и ожидать себѣ помощи отъ божествъ, имена которыхъ носили планеты. Мы теперь равнодушно произносимъ имена Юпитера, Сатурна, Венеры, Марса, Меркурія, но вспомнимъ, что тогда эти имена были дѣйствительно имена владыкъ небесныхъ и мы поймемъ, что астрономія могла казаться христіанамъ не иначе, какъ наукою демоническою.

Еще болѣе тяжкія коллизіи ожидали христіанъ въ *домашней* жизни,—особенно въ *бракѣ*, въ которомъ супруги принадлежали къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ. Уже а. Павелъ въ 1-мъ посланіи къ коринѳянамъ предъусмотрѣлъ этотъ случай и повелѣлъ женѣ христіанкѣ не оставлять мужа язычника,—*ἡγίασται γὰρ ὁ ἀνὴρ ὁ ἄπιστος ἐν τῇ γυναικί... τί γὰρ οἶδας, γύναι, εἰ τὸν ἄνδρα σώσεις;* (VII, 14—16). И а. Петръ въ своемъ 1-мъ посланіи увѣщеваетъ женъ повино-

ваться своимъ мужьямъ, *ἵνα καὶ εἴ τινες ἀπειθοῦσι τῷ λόγῳ διὰ τῆς τῶν γυναικῶν ἀναστροφῆς ἄνευ λόγου κερδηθήσονται* (III, 1). Но иное дѣло было продолжать сожительство съ язычникомъ, иное дѣло—вновь заключать бракъ съ язычникомъ или язычницей. Но бывали и такіе случаи, впрочемъ осуждаемые и даже возбраняемые церковію напр. на соборѣ 305 въ Эльвирѣ въ Испаніи. И дѣйствительно положеніе христіанки въ языческой семьѣ было очень тяжело. Еще невѣстѣ каково было ей выполнять римскіе брачные обряды, насквозь пропитанные язычествомъ! Выйдши замужъ, она не могла—можно сказать—ступить шагу безъ того, чтобы не натолкнуться на предметы своего религіознаго отвращенія. Подходя къ домашнему очагу, она видѣла изображенія пенатовъ и не могла высказать своихъ чувствъ по отношенію къ нимъ, чтобы не подвергнуться непріятностямъ. Какъ могла она за обѣдомъ участвовать въ возліяніяхъ въ честь боговъ? Въ особенности не ловки были ея отношенія къ языческимъ рабынямъ, которыя слѣдили за всѣми ея шагами и готовы были оказывать ей неповиновеніе, какъ богоотступницѣ. И однако подобные смѣшанные браки кажется были нерѣдки, и можетъ быть удавались иногда и счастливые браки, хотя ни въ какомъ случаѣ нельзя было обойтись безъ затрудненій и непріятностей, особенно по вопросу о воспитаніи дѣтей.

Дѣти, какъ извѣстно, сдавались большею частію на руки рабовъ. Иногда и это служило къ распространенію христіанства. Люди низшаго сословія, оскорбленные, униженные и забитые въ обществѣ и даже рабы, раньше начали принимать христіанство, чѣмъ люди образованные и высокопоставленные. Эти рабы и домочадцы, уже принявшіе христіанство, часто оказывали тихое и незамѣтное вліяніе на своихъ господъ, особенно чрезъ дѣтей. Уже Цельсъ въ своемъ сочиненіи противъ христіанства говоритъ объ этомъ такъ: „есть въ разныхъ домахъ шерстобиты, башмачники, ткачи, самые грубые и темные люди въ мірѣ, которые не смѣютъ рта раскрыть въ присутствіи своего управляющаго или разумнаго господина, но становятся очень разговорчивы и болтаютъ о чудесахъ, когда остаются только съ дѣтьми или съ женщинами, которыя не умнѣе ихъ. Говорятъ: *вы должны намъ больше вѣрить, чѣмъ своимъ родителямъ и учителямъ... Они люди ослѣпленные и помѣшанные; мы одни знаемъ, какъ нужно учить и поступать; если послушаетесь насъ, будете счастливы со всѣмъ своимъ потомствомъ.* Но если во время этой бесѣды зайдетъ разумный человѣкъ,—

кто нибудь изъ учителей или самъ отецъ,—то болѣе робкіе изъ рабовъ пугаются и умолкаютъ, а отчаянные шепчутъ дѣтямъ на ухо, что они не въ состояніи сказать дѣтямъ ничего добраго и полезнаго, пока здѣсь находится отецъ или учитель. И за тѣмъ заманиваютъ дѣтей въ дѣвичью или мастерскую, чтобы тамъ проповѣдывать свою премудрость и обольщать ихъ". Такъ говоритъ Цельсъ, конечно во враждебномъ для христіанъ духѣ, но мы ясно видимъ отсюда, какими путями, не смотря на всю бдительность языческихъ господъ, христіанскія идеи проникали въ домъ и падали въ воспріимчивыя дѣтскія души.

Что касается до рабовъ, то не удивительно, что они охотно принимали христіанство. Религія, призывающая къ себѣ труждающихся и обремененныхъ, возвѣщающая рабамъ, что они свободны предъ Богомъ и искуплены Господомъ,—должна была скоро найти доступъ въ среду приниженнаго большинства обитателей римской имперіи. Упрекаютъ христіанство за то, что оно не уничтожило рабства. Но какъ же это могло случиться? Христіане не имѣли вліянія на законодательство имперіи, а призывать рабовъ къ возстанію противъ господъ было не въ духѣ христіанства. Но нужно только прочитать увѣщанія апостола къ рабамъ и къ господамъ, чтобы видѣть, что, не смотря на всю неизмѣнность внѣшнихъ отношеній, внутренняя жизнь пошла совершенно иначе. Рабамъ внушалось повиноваться ради Господа,—господамъ напоминалось, что и они имѣютъ Господа на небесахъ. И эти увѣщанія не были пустымъ звукомъ для первенствующихъ христіанъ. Если они признавали другъ друга братьями во Христѣ, считали долгомъ любить другъ друга и приступали къ одной общей трапезѣ, то суровый законъ рабства долженъ былъ уступить мѣсто другимъ отношеніямъ:—господинъ христіанинъ считалъ христіанина раба *οὐκέτι ὡς δοῦλον, ἀλλ' ὑπὲρ δοῦλον, ἀδελφὸν ἀγαπητόν* (Фил. 16), особенно въ виду общей опасности отъ гоненій за исповѣданіе имени Христова.

Для женщины въ христіанствѣ открылось широкое поприще доброй дѣятельности. Nec templa circumitis, nec spectacula postulatis, nec festos dies gentilium nostis,—говоритъ Тертулліанъ, обращаясь къ женщинамъ, (de cultu feminarum c. II); vobis autem nulla procedendi causa non tetrica. Aut imbecillus aliquis ex fratribus visitatur, aut sacrificium offertur, aut Dei sermo administatur. Можно сказать, что сама добродѣтель, въ языческомъ мірѣ носившая мужской характеръ бодрости

и смѣлости и именовавшаяся virtus, въ христіанствѣ проникласъ женственнымъ элементомъ скромности, кротости и терпѣливости.

Особенно изумляла языческій міръ взаимная любовь христіанъ. „Видите, какъ они любятъ другъ друга!“ говорили язычники. Особенно трогательные примѣры этой любви являлись во время преслѣдованій, когда темницы были буквально осаждаемы христіанами, жаждавшими видѣть узниковъ, чтобы утѣшить ихъ духовно и тѣлесно. Но нельзя думать, чтобы эта братская любовь носила характеръ исключительности, напротивъ она расширялась до всеобщей любви, ибо христіанамъ заповѣдывалось творить добро *πρὸς πάντας, μάλιστα δὲ πρὸς τοὺς οἰκείους τῆς πίστεως* (Гал. VI, 10). Христіане подавали милостыню бѣднымъ язычникамъ. Во время язвы свирѣпствовавшей въ Карѳагенѣ въ 251 г. христіане, по увѣщанію св. Кипріана, погребали покинутые трупы язычниковъ.

Въ заключеніе нужно упомянуть объ отличавшемъ первенствующую церковь дарѣ языковъ, чудесъ и пророчества. Вѣра въ даръ чудесо была такъ распространена въ первые вѣка, что Тертулліанъ могъ обращаться къ язычникамъ въ слѣдующимъ вызовомъ: Edatur hic aliquis sub tribunalibus vestris, quem daemone agi constet: iussus a quolibet christiano loqui, spiritus ille tam se daemonem confitebitur de vero, quam alibi deum de falso... nisi se daemones confessi fuerint, christiano mentiri non audentes, ibidem illius christiani procacissimi sanguinem fundite. (Apolog. 23). Объ этихъ чудесныхъ дарованіяхъ, равно какъ и о самомъ явленіи и распространеніи христіанской вѣры въ мірѣ, можно сказать словами псалма: *παρὰ Κυρίου ἐγενετο αὕτη καὶ ἐστὶ θαυμαστὴ ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν* (Пс. CXVIII, 23).

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ ПО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ВѢКОВЪ.

Списокъ рукописныхъ сочиненій на ученыя степени, хранящихся въ библіотекѣ кіевской д. академіи.

Мерцалова. О великомъ синедріонѣ.

Сильвестрова. Опытъ изъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ 2 и 3 главы апокалипсиса.

Горбатовскаго. Жизнь св. апостола Петра.

Ермоленка. О десятомъ гоненіи на христіанъ при Діоклитіанѣ.

Чепилевскаго. Ученіе св. отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ о св. Троицѣ.

Ракитина. Вѣроученіе, извлеченное изъ писаній мужей апостольскихъ.

Дашкевича. Опытъ изъясненія посланія св. апостола Павла къ Титу.

Сафонова. О гоненіи на христіанъ при Декіѣ Траянѣ.

Лебедева Іоны. Почему древніе христіане въ нравственномъ отношеніи превосходили христіанъ послѣдующихъ вѣковъ?

Іерод. Иннокентія Новгородова. О публичномъ покаяніи въ древней хр. церкви.

Брюховскаго. Объ антіохійскихъ соборахъ на Павла Самосатскаго.

Крыжановскаго. О гоненіи на христіанъ при Септиміѣ Северѣ.

Гр. Павловича. Какіе пункты ученія о лицѣ Іисуса Христа были колеблены еретиками?

Дранишына. О причинахъ, по коимъ іудеи не приняли евангельское ученія.

Доброхотова. Объ общественномъ покаяніи въ древней церкви.

В. Исаева. О вліяніи христ. вѣры на гражданскія общества.

...? О времени учрежденія епископскаго чина и объ отличіи его отъ пресвитерскаго.

Воскобойникова. О несчастной судьбѣ гонителей церкви Божіей.

Іер. Митрофана. Св. муч. Іустинъ философъ.

Іер. Пантелеимона. Въ какомъ смыслѣ должно разумѣть заклинанія при крещеніи.

Геннера. Мнѣнія Іустина, Таціана и Θеофана о безсмертіи души.

Дзябловскаго. Объ отношеніи ученія, преподаннаго Іисусомъ Христомъ, къ ученію апостольскому.

Гр. Левицкаго. О перепискѣ Іисуса Христа съ Авгаремъ.

...? О судьбѣ церкви карѳагенской.

Іером. Меѳодія. О христ. исповѣдничествѣ.

...? Объ александрійскомъ огласительномъ училищѣ.

Лазаренка. Судьбы іудеевъ послѣ Рождества Христова.

Д. Лебедева Историко-критическій обзоръ лжеученій противъ христіанской нравственности.

Шумилорскаго. О празднованіи воскреснаго дня.

П. Орлова. Св. Діонисій, александрійскій епископъ.

В. Шумова. О содержаніи и значеніи апологій христіанскихъ, писанныхъ въ первые три вѣка по Рождествѣ Христовомъ противъ нападеній язычества на христіанство.

П. Александрова. О причинахъ, по которымъ іудеи не увѣровали въ Іисуса Христа.

И. Лашкарева. Судьбы древней африканской церкви.

П. Никольскаго. Историческій обзоръ ученій народовъ и философовъ о безсмертіи души и будущей жизни.

Л. Авдіева. Исторія христіанства въ Персіи.

Я. Стефанова. Участіе клира и народа въ дѣлахъ управленія церковію въ первые три вѣка христіанства.

Як. Архангельскаго. Филонъ александрійскій.

Я. Павловскаго. О правѣ убѣжища въ древней христіан. церкви.

П. Паховскаго. Сочиненіе св. Иринея ліонскаго противъ ересей.

...? Объ отношеніи платонической философіи къ христіанскому богословію.

Ильи Орлова. Сочиненіе Оригена противъ Цельса.

Нифонта Мусея. Ученіе о св. Троицѣ въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.

...? О характерѣ и направленіи христіан. богословія въ александрійской школѣ при Климентѣ и Оригенѣ.

Р. Бариловича. Обряды погребенія въ древней христіан. церкви и церковно-гражданскіе законы о кладбищахъ.

...? Исторія догмата о церкви до 1 вселенскаго собора.

А. Иванова. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа отъ начала ея до 2-й пасхи, изложенная по евангеліямъ.

П. Чернышевскаго. Христіане сирійскіе или св. Ѳомы въ Индіи. (См. *Труды к. д. ак.* 1861. № 12).

Н. Поповича. О сущности и характерѣ проповѣдей апостольскихъ.

Г. Пясецкаго. О состояніи церковной іерархіи въ первый вѣкъ христіанства.

В. Леонтовича. О средствахъ содержанія духовенства въ древней церкви до IV в. включительно.

Н. Терсинскаго. О страданіяхъ и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа.

Ст. Картовича. О ходатайственномъ служеніи Господа нашего Іисуса Христа.

А. Покровскаго. Каталогъ новозавѣтныхъ книгъ, изд. Муратоpіемъ.

Гр. Сольскаго. Слѣды употребленія новозавѣтныхъ книгъ у св. Іустина мученика.

В. Трусковскаго. О Климентѣ, пресвитерѣ александрійскомъ.

Н. Чистякова. Св. мученики.

М. Любинскаго. Исторія постепеннаго упадка язычества въ римской имперіи въ борьбѣ съ христіанствомъ.

П. Гомелло. Ученіе о пастырскомъ служеніи въ писаніяхъ новозавѣтныхъ.

П. Вишневскаго. Историческое обозрѣніе перваго гоненія на христіанъ, бывшаго при Неронѣ.

Ѳ. Смирнова. Ученіе первенствующей церкви о лицѣ Іисуса Христа.

І. Андріевскаго. Религіозная философія евреевъ (каббала).

И. Команецкаго. Историческое обозрѣніе законодательства карѳагенской церкви до 1-й четверти V вѣка.

Ст. Гришковскаго. Религіозныя воззрѣнія Іосифа Флавія на исторію еврейскаго народа.

Г. Введенскаго. Св. Ириней Ліонскій, какъ богословъ-догматистъ

М. Златоверховникова. Ученіе Іисуса Христа о Себѣ, какъ о Мессіи и Сынѣ Божіемъ. (Напеч. въ *Черниг. е. извѣстіяхъ*).

Н. Бѣлявскаго. Правила св. апостоловъ, какъ каноническій памятникъ христіанства.

А. Стиховича. Памятники церковнаго законодательства первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.

Л. Случевскаго. Памятники церковнаго законодательства первыхъ 3-хъ вѣковъ христіанства.

Е. Модзалевскаго. Греческій языкъ священнаго писанія въ переводѣ LXX и въ книгахъ новаго завѣта.

П. Тріпольскаго. О правилахъ апостольскихъ.

П. Алфеева. Обращеніе апостола Павла.

В. Розанова. Сборники церковныхъ законовъ въ первые три вѣка христіанства.

А. Годнеева. О соціальномъ значеніи христіанства.

Ѳ. Либеровскаго. Церковная каноника въ первые три вѣка христіанства.

П. Виноградова. Св. апостолъ Павелъ, какъ обличитель іудейства.

Николая Смирнова. Мѣста богослуженія древнихъ христіанъ до временъ Константина Великаго.

Н. Веселиновича. О судахъ и наказаніяхъ у древнихъ евреевъ.

Григоревскаго. Историческое изложеніе ученія о служеніи Іисуса Христа, какъ искупителя.

М. Казанскій. Іисусъ Христосъ по сказанію трехъ первыхъ евангелистовъ.

С. Баланеско. Аскеты въ древней іудейской церкви.

К. Стояновскаго. Сличеніе исторической части посланія къ галатамъ съ Дѣяніями апостольскими.

Михаила Тарасевича. Взаимное отношеніе трехъ первыхъ евангелій.

М. Романовскаго. Нагорная проповѣдь.

Ф. Прокоповича. Нравственное ученіе въ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ.

Алексѣя Неткова. Историч. изложеніе догмата о св. Троицѣ въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства.

Ивана Лебедева. О посланіи ап. Павла къ евреямъ.

Алексѣя Спасскаго. О второмъ посланіи ап. Павла къ коринѳянамъ.

Ѳеодора Рождественскаго. О послѣдней полной редакціи сборника апостольскихъ правилъ.

Зарницынъ. Время совершенія пасхальной вечери Іисусомъ Христомъ по сказаніямъ евангельскимъ.

Пав. Никольскаго. Путешествіе ап. Павла въ Іерусалимъ.

Алексѣя Суворова. Надгробная рѣчь въ древней христіан. церкви и ея отношеніе къ языческимъ рѣчамъ.

Елпидифора Бѣлявскаго. Имп. Маркъ Аврелій и его отношеніе къ христіанству.

Ѳеодора Щуровскаго. Помѣстный лаодикійскій соборъ.

Ивана Тяжелова. Характеристическія особенности языка евангелія и посланія св. Іоанна Богослова.

Владиміръ Ливотовъ. Годъ обращенія апост. Павла въ христіанство.

Павла Согина. Древне-еврейскія монеты.

Петра Пылаева. Первый томъ талмуда (о благословеніяхъ).

Михаила Стаховскаго. О посланіи ап. Іуды.

Мих. Бѣляева. Суббота по Мишнѣ.

Павла Щербины. О второмъ посланіи ап. Петра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе - - - - - - - - - - - - - - - - - 1—2

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Историческая почва для христіанства: міръ языческій. 3—15

О религіозно-нравственномъ значеніи политеизма - - - - - - 3
Религія и нравственность грековъ - - - - - - - - - - - 5
Религія и нравственность римлянъ до Августа - - - - - - - 6
Отношеніе философіи къ народнымъ вѣрованіямъ - - - - - - 7
Поворотъ въ религіозномъ настроеніи Рима при императорахъ - 9
Лучи божественнаго свѣта въ царствѣ языческой тьмы - - - - 12

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Іудейство - - - - - - - 16—28

Іудейская ѳеократія - - - - - - - - - - - - - - - - 16
Іудеи послѣ плѣна. Гиллель - - - - - - - - - - - - - 17
Фарисеи, саддукеи и ессеи - - - - - - - - - - - - - 18
Нравственное состояніе палестинскихъ іудеевъ во время Христа - 19
Отношеніе язычниковъ къ іудеямъ - - - - - - - - - - - 21
Самаряне - 22
Іудеи въ разсѣяніи. Переводъ семидесяти. Филонъ. Прозелиты - - 23

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Евангельскія сказанія о Христѣ Спасителѣ - 29—38

Міръ во время Рождества Христова. Годъ и день рожденія - - 29

Іоаннъ Креститель - - - - - - - - - - - - - - - - - 31
Евангелія каноническія - - - - - - - - - - - - - - - - 32
Основаніе церкви Христомъ Спасителемъ - - - - - - - - - 34

чтеніе четвертое.

Свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ и апостолахъ, находящіяся внѣ библіи - - - - - - - - 39—55

Свидѣтельства о Христѣ Свѣтонія, Тацита и Іосифа Флавія - - 39
Апокрифическія сказанія о дѣтствѣ Христа; акты Пилата и евангеліе Никодима - - - - - - - - - - - - - - - - - 42
Переписка съ Авгаремъ. Образъ Спасителя- - - - - - - - - 44
Апостолы и преданія о нихъ - - - - - - - - - - - - - - 47

чтеніе пятое.

Первенствующая церковь и апостолъ Павелъ - - 56—72

Первая христіанская пятидесятница. Общеніе имуществъ - - - 56
Устройство первенствующей церкви - - - - - - - - - - - 57
Первыя гоненія. Начало обращенія язычниковъ - - - - - - - 58
Апостолъ Павелъ - - - - - - - - - - - - - - - - - - 60

чтеніе шестое.

Вѣкъ апостоловъ по ихъ писаніямъ и разрушеніе Іерусалима - 73—89

Состояніе церковныхъ общинъ по посланіямъ ап. Павла - - - 73
Посланіе къ евреямъ - - - - - - - - - - - - - - - - - 78
Соборныя посланія - - - - - - - - - - - - - - - - - - 79
Семь церквей апокалипсическихъ - - - - - - - - - - - - - 80
Предѣлы распространенія христіанства въ первые три вѣка - - 81
Гоненіе на христіанъ при Неронѣ - - - - - - - - - - - - 84
Разрушеніе Іерусалима - - - - - - - - - - - - - - - - 85

чтеніе седьмое.

Судьбы христіанъ въ Римской имперіи по разрушеніи Іерусалима 90—105

(70—138).

Положеніе христіанъ при Домиціанѣ и Нервѣ. Конецъ вѣка апостольскаго - - - - - - - - - - - - - - - - - 90
Мужи апостольскіе и въ частности св. Климентъ - - - - - - 92
Судьбы христіанства при Траянѣ. Переписка его съ Плиніемъ. Мученичество св. Игнатія. Его посланія - - - - - - - - 93
Судьбы христіанства при Адріанѣ. Смерть Симеона - - - - - 101
Судьбы іудеевъ при Адріанѣ. Варъ-Кохба - - - - - - - - - 103

чтеніе осьмое.

Ереси въ христіанствѣ - - - - 105—190

Два еретическія направленія - - - - - - - - - - - - - - 106
Евіониты или іудействующіе христіане - - - - - - - - - - 107
Гностики. Общій характеръ гностицизма. Системы Василида, Валентина, Офитовъ, Маркіона - - - - - - - - - - - - 109

чтеніе девятое.

Судьбы христіанъ при Антонинѣ Піѣ и Маркѣ Аврелiѣ - - 120—132

(138—203).

Положеніе христіанъ при Антонинѣ Піѣ. Мнимый указъ Антонина въ пользу христіанъ - - - - - - - - - - - - - - - 120
Маркъ Аврелій и его отношеніе къ христіанству - - - - - - 123
Мученіе св. Поликарпа е. Смирнскаго - - - - - - - - - - 125
Legio fulminatrix. Мученики въ Галліи - - - - - - - - - - 129

чтеніе десятое.

Христіанская апологетика - - - 133—146

Начало христіанской апологетики - - - - - - - - - - 133

Іустинъ философъ и его сочиненія - - - , - - - - - - - 13
Литературные противники христіанства: Цельсъ и Лукіанъ - - 143

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Борьба церкви съ ересями во второмъ вѣкѣ - - 147—157

Св. Ириней и его сочиненіе противъ ересей - - - - - - - - 147
Споръ о времени празднованія пасхи - - - - - - - - 150
Монтанисты - - - - - - - - - - - - - - - - - - 153
Патрипассіане и монархіане - - - - - - - - - - - - - 156

ЧТЕНІЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Внѣшнія судьбы христіанъ въ III вѣкѣ - - 158—171

(203—2[illegible].

Гоненіе на христіанъ при Септиміѣ Северѣ. Мученіе Перпетуи и Фелицитаты - - - - - - - - - - - - - - - - - - 158
Состояніе христіанъ при преемникахъ Септимія Севера до Декія 163
Гоненіе при Декіѣ, при Галлѣ и Валеріанѣ - - - - - - - - 167

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Александрійская школа и ея учители - - 172—184

Общее замѣчаніе о внутренней исторіи церкви въ III вѣкѣ - - 172
Александрійская школа - - - - - - - - - - - - - - - 173
Климентъ Александрійскій - - - - - - - - - - - - - - 166
Оригенъ - 181

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Оригенъ и Тертулліанъ - - - - 185—

Богословствованіе Оригена - - - - - - - - - - - - - - 185
Тертулліанъ и его догматическія и практическія воззрѣнія - - 191

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Св. Кипріанъ карѳагенскій и его время - - 198—210

Характеристика св. Кипріана и начало его служенія церкви - - 198
Вопросъ о падшихъ и новаціанскій расколъ - - - - - - - - 200
Споръ по вопросу о крещеніи еретиковъ - - - - - - - - - 203
Мученическая кончина св. Кипріана - - - - - - - - - - 205
Сочиненія св. Кипріана и особенно его ученіе о церкви - - - 208

ЧТЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Судьбы христіанства во второй половинѣ III вѣка 211—222

(270—303)

Христіанская церковь при Авреліанѣ. Ереси Павла Самосатскаго и Савеллія - - - - - - - - - - - - - - - - - - - 211
Состояніе христіанъ въ первые годы правленія Діоклитіанова - 214
Манесъ и манихеи - - - - - - - - - - - - - - - - - 217

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Послѣднія гоненія на христіанъ и общій взглядъ на эпоху гоненій - - - - - - - - 223—237

(303—313).

Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ и его соправителяхъ - - 223
Общій взглядъ на эпоху гоненій - - - - - - - - - - - - 227
Литературная борьба противъ христіанства. Порфирій - - - - 233

ЧТЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Догматика, обрядовая и нравственная жизнь христіанъ въ первые вѣка - - - - - - - - 238—257

Общій взглядъ на догматическія воззрѣнія первенствующихъ христіанъ - 238
Клиръ въ первенствующей церкви - - - - - - - - - - - 239

Церковное покаяніе. Общеніе церквей - - - - - - - - - - 241
Праздники. Катакомбы и храмы - - - - - - - - - - - - 242
Совершеніе таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ- - - - - - 244
Нравственное состояніе древнихъ христіанъ и домашній ихъ бытъ 250

Дополненіе къ библіографіи по церковной исторіи первыхъ трехъ вѣковъ- 258—261

